

КУЗБАСС

Орган Кемеровского горкома ВКП(б) и городского
Совета депутатов трудящихся, Новосибирской обла-

№ 129 (4697) 2 АВГУСТА 1941 г. Суббота. Цена 15

В ПАМЯТИ СЕРДЦА ЭХО ВОЙНЫ...

Сборник архивных документов

1941-1945

Кемерово 2020

Архивное управление Кузбасса
Государственное казенное учреждение
«Государственный архив Кузбасса»

В памяти сердца ЭХО ВОЙНЫ

**Сборник
документальных материалов**

Кемерово
2020

УДК 94.084(571.17)+355.48"1941/1945"
ББК 63.3(2)622(2Р-4Кем)
В11

Ответственный редактор

Турбаба О. В.

Редакционная коллегия:

Добрыдин С. Н., Сапурина Л. И.

Составители:

Агеева Н. Л., Адаменко А. М., Болбеко Т. В., Васютина Н. Н.,
Владимирова И. С., Данилова Ю. Н., Измайлова С. В., Москвина Е. А.,
Сборщик С. С., Юматова Н. А.

В памяти сердца эхо войны: Сборник документаль-
В11 ных материалов / Отв. ред. Турбаба О. В. – Кемерово,
2020. - 352 с., ил. – 500 экз.

В данный сборник включены воспоминания участников Великой
Отечественной войны и тружеников тыла, хранящиеся в государ-
ственном казенном учреждении «Государственный архив Кузбасса».
Издание предназначено для широкого круга читателей.

УДК 94.084(571.17)+355.48»1941/1945»
ББК 63.3(2)622(2Р-4Кем)

ISBN 978-5-904430-60-3

© Архивное управление Кузбасса
© Государственное казенное учреждение
«Государственный архив Кузбасса»

75 лет прошло после окончания Великой Отечественной войны. Эта война, самая страшная и кровопролитная в истории, была трагедией и суровым испытанием для советского народа, отразилась на судьбах миллионов людей, оставила неизгладимый след в жизни каждой семьи.

Быстро летит время... Давно отгремели канонады и заросла травой изрытая окопами земля. Сегодня мы живем под мирным небом, строим города, воспитываем детей. И мы должны помнить уроки войны, чтобы не допустить ее повторения. Мы обязаны донести до будущих поколений, какой ценой была завоевана Победа. И сейчас, пока живы творцы военной истории — наши ветераны, это особенно важно!

Несмотря на большое количество сохранившихся документальных материалов, в изучении событий Великой Отечественной войны остается немало вопросов. Все чаще предпринимаются попытки переписать историю, преуменьшить роль Советской Армии, подвергнуть сомнению итоги войны и другие факты, еще совсем недавно казавшиеся очевидными.

Что мы сегодня знаем о войне? Насколько можем быть объективны в ее понимании?

Изданный государственным архивом Кузбасса сборник «В памяти сердца эхо войны» знакомит нас с бесценными историческими источниками — воспоминаниями, написанными о войне нашими земляками — ветеранами.

Воспоминания — это бесстрастная фиксация прошлого, исповедь, раздумья... Именно они помогают нам прочувствовать свою сопричастность мужественному, самоотверженному, удивительному советскому народу, победившему фашизм, несут дух, отпечаток той героической эпохи, когда вся страна жила в едином порыве: «Все для фронта, все для Победы».

Собранные в сборнике документальные материалы переносят нас в те суровые годы, эмоционально и образно рассказывая о ежедневном подвиге наших земляков.

Начав читать, невозможно оторваться. За каждой строкой — глубоко личные чувства, боль и душевные переживания авторов, ставших свидетелями и невольными участниками трагических страниц истории нашей страны.

И пронзительная правда о войне.

*С уважением,
Губернатор
Кемеровской области — Кузбасса*

С. Е. Цивилев

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	8
ФРОНТ	
№ 1. Из воспоминаний Аболончикова Н., бойца 22-й стрелковой дивизии. [1971—1978 гг.]	12
№ 2. Из воспоминаний Антроповой Зои Аркадьевны, шофера 237-й стрелковой дивизии 691-го артиллерийского полка. 1985 г.	29
№ 3. Из воспоминаний Апонькина Ф. Я., артиллериста 693-го стрелкового полка. 17 сентября 1960 г.	35
№ 4. Из воспоминаний Бакаушина Евгения Александровича, старшего сержанта 1248-го стрелкового полка 376-й Кузбасско-Псковской Краснознаменной стрелковой дивизии. 26 августа 1981 г.	39
№ 5. Воспоминания Бакиной Софьи Степановны о боевых действиях 7-го зенитно-пулеметного полка. 20 апреля 1970 г.	40
№ 6. Из воспоминаний Бахтеевой (Новожиловой) Екатерины Ильиничны о боевых действиях 7-го Краснознаменного зенитно-пулеметного полка. 26 апреля 1970 г.	43
№ 7. Из воспоминаний Борщевского Андрея Павловича, ветерана 660-го отдельного саперного батальона 376-й Кузбасско-Псковской Краснознаменной стрелковой дивизии. [1964—1985 гг.]	53
№ 8. Из воспоминаний Воробьевой Крелии Ивановны об участии в Великой Отечественной войне. 24 февраля 1965 г.	57
№ 9. Из воспоминаний Гапоненко Антона Демидовича, ветерана 376-й Кузбасско-Псковской Краснознаменной стрелковой дивизии. 24 октября 1978 г.	59
№ 10. Из воспоминаний Головатова Тихона Ивановича об участии в партизанском движении в Великой Отечественной войне. 6 января 1961 г.	64
№ 11. Из воспоминаний Голубева Ивана Константиновича, ветерана 376-й стрелковой дивизии, бывшего дивизионного разведчика. [1964—1985 гг.]	101
№ 12. Воспоминания Гребенюк Анны Ивановны, ветерана 315-й Мелитопольской Краснознаменной стрелковой дивизии 362-го стрелкового полка, сандружинницы. 25 марта 1976 г.	103
№ 13. Из воспоминаний Гукасова Сурена Джавадовича, бывшего начальника артиллерии 1250-го стрелкового полка 376-й стрелковой дивизии, командира дивизиона 943-го артиллерийского полка. 23—24 мая 1983 г.	105
№ 14. Из воспоминаний Гуменного Николая Марковича, командира полка 22-й стрелковой дивизии. 2 сентября 1965 г.	108
№ 15. Из воспоминаний Доценко Василия Даниловича, командира полка 376-й стрелковой дивизии. 15 октября 1965 г.	109
№ 16. Из воспоминаний Егерман-Бобровой Валентины Николаевны, радистки 831-го отдельного батальона связи 376-й Кузбасско- Псковской Краснознаменной дивизии. 5 февраля 1980 г. — апрель 1985 г.	112

№ 17. Из воспоминаний Ивановой-Полторадневой Веры Ильиничны о действиях 847-го стрелкового полка. 20 декабря 1965 г.	115
№ 18. Из воспоминаний Квасовой (Самец) Ольги Александровны, чертежницы 7-го зенитно-пулеметного полка. 27 марта 1970 г.	119
№ 19. Из воспоминаний Керта Георгия Мартыновича, рядового 1252-го стрелкового полка 376-й Псковской Краснознаменной дивизии. 12 октября 1984 г. — 29 апреля 1987 г.	122
№ 20. Из воспоминаний Козаченко Алексея Константиновича, Героя Советского Союза, ветерана 237-й Пирятинской Краснознаменной орденов Суворова II степени и Богдана Хмельницкого II степени стрелковой дивизии. Февраль 1976 г.	129
№ 21. Из воспоминаний Козьмина Михаила Александровича, командира отделения 195-й Новомосковской Краснознаменной стрелковой дивизии. Декабрь 1969 г. — февраль 1970 г.	138
№ 22. Из воспоминаний Коноваловой А. В. о действиях 847-го стрелкового полка. 27 февраля 1966 г.	140
№ 23. Из воспоминаний Мурашкинцева Семена Ефимовича о действиях партизанского отряда Лазо. 21 ноября 1969 г.	142
№ 24. Из воспоминаний Павловой Марии Федоровны, младшего командира 303-й стрелковой дивизии. [1978—1979 гг.]	145
№ 25. Из воспоминаний Полухиной-Сягло В. Е. о действиях 847-го стрелкового полка. 4 июля 1969 г.	147
№ 26. Из воспоминаний Ручайского Леонида Самуиловича, командира взвода управления 1-й батареи 943-го артиллерийского полка 376-й стрелковой дивизии. 26 сентября 1981 г.	153
№ 27. Из воспоминаний Семенова Ивана Куприяновича, участника боевых операций на Карельском, Ленинградском и Украинском фронтах. 1994—1995 гг.	158
№ 28. Из воспоминаний Смирнова Александра Петровича, младшего лейтенанта, техника-оружейника 366-й стрелковой дивизии. 28 апреля 1981 г.	173
№ 29. Воспоминания Сюсюкаловой-Ершовой П., бойца батальона связи 376-й Кузбасско-Псковской Краснознаменной стрелковой дивизии. [1964—1985 гг.]	178
№ 30. Из воспоминаний Тереховой-Татауровой А., старшины медслужбы 303-й стрелковой дивизии о действиях 847-го стрелкового полка. 4 июля 1969 г., 19 ноября 1982 г.	181
№ 31. Из воспоминаний Удовиченко Виталия Сергеевича, ветерана 376-й Кузбасско-Псковской Краснознаменной стрелковой дивизии. 15 декабря 1985 г.	189
№ 32. Из воспоминаний Фельдмана Самуила Исааковича, бывшего командира батальона 1250-го стрелкового полка. [1981—1982 гг.]	225
№ 33. Из воспоминаний Черевой Раисы Ивановны, медсестры 309-го медсанбата. [1994—1995 гг.]	229
№ 34. Воспоминания Чечельницкого Александра Константиновича, адъютанта 660-го отдельного саперного батальона, капитана. [1976—1993 гг.]	238
№ 35. Из воспоминаний Шаровьева Игнатия Андреевича, политрука 150-й стрелковой дивизии добровольцев-сибиряков. 5 января 1967 г. . .	241

№ 36. Из воспоминаний Щербаковой Александры Васильевны, разведчицы. 15 мая 1965 г.	251
--	-----

ТЫЛ

№ 1. Из воспоминаний Багмута Дмитрия Андрияновича, главного инженера завода «Кузбассэлектромотор», г. Кемерово. 15 сентября 1964 г.	254
№ 2. Воспоминания партийных работников Балабанова Семена Тимофеевича и Груздева Олега Васильевича «О работе Кемеровского рудника в довоенные, военные и послевоенные годы». 20 декабря 1984 г.	257
№ 3. Из воспоминаний Бардига Зинаиды Марковны, старшего инженера Кемеровского коксохимического завода. 8 декабря 1966 г.	263
№ 4. Воспоминания Бер Зои Ивановны, в годы войны проживавшей в колхозе «Майский». 2014 г.	265
№ 5. Воспоминания Березиной Сильвии Васильевны, в годы войны проживавшей в г. Кемерово. 17 марта 2014 г.	266
№ 6. Воспоминания Богатенко Дины Павловны, в годы войны проживавшей в г. Кемерово. 2014 г.	269
№ 7. Воспоминания Васильева Якова Ильича, в годы войны проживавшего в Чебулинском районе. 27 февраля 2014 г.	271
№ 8. Из воспоминаний Васькиной Марии Ивановны, в годы войны проживавшей в г. Кемерово. 2014 г.	272
№ 9. Из воспоминаний Гусевой Клавдии Сергеевны, в годы войны проживавшей на территории Кемеровской области. 28 января 2010 г.	275
№ 10. Из воспоминаний Евдоковой Александры Александровны, в годы войны проживавшей в г. Кемерово. 2014 г.	277
№ 11. Из воспоминаний Елисеева Юрия Ивановича, в годы войны проживавшего в г. Кемерово. 2014 г.	278
№ 12. Из воспоминаний Ильченко Веры Николаевны о работе на заводе «Прогресс». [1985 г.]	280
№ 13. Воспоминания Конева Николая Даниловича о работе в отделе рабочего снабжения Тайдонского леспромхоза Крапивинского района. п. Металлплощадка. 25 декабря 1984 г.	286
№ 14. Воспоминания Коптевой Марии Тимофеевны, в годы войны проживавшей в г. Кемерово. 2014 г.	293
№ 15. Из воспоминаний Корзуновой Валентины Ивановны, в годы войны проживавшей в г. Прокопьевске. 7 марта 2014 г.	294
№ 16. Из воспоминаний Лапшиной М. М. о работе эвакуированных в г. Кемерово предприятий в годы войны. Июль 1966 г.	296
№ 17. Из воспоминаний Никитина К. о массово-политической работе Прокопьевского горкома партии в годы войны. 3 апреля 1970 г.	300
№ 18. Из воспоминаний Новоселова Петра Васильевича, секретаря Орджоникидзевского и Куйбышевского райкомов ВКП (б) г. Новокузнецка. 1970 г.	303
№ 19. Воспоминания Сапего, в годы войны проживавшей в г. Кемерово. 2014 г.	307

№ 20. Из воспоминаний Семичастного В., бывшего первого секретаря Центрального райкома ВЛКСМ г. Кемерово. 9 марта 1960 г.	310
№ 21. Воспоминания Созинова Геннадия Алексеевича, в годы войны проживавшего в г. Кемерово. 2014 г.	312
№ 22. Воспоминания Тюренковой Раисы Васильевны, в годы войны проживавшей в Кемеровском районе. 2014 г.	313
№ 23. Из воспоминаний Филатовой Анны Николаевны, в годы войны проживавшей в г. Мариинске. 2014 г.	314

КУЗБАСС — ФРОНТУ

ВАЛОВАЯ ПРОДУКЦИЯ КРУПНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ	318
СРЕДНЕГОДОВОЕ ЧИСЛО РАБОЧИХ ВСЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ	319
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.	320
СРЕДНЕГОДОВОЕ ЧИСЛО РАБОЧИХ КРУПНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ	321
ВАЛОВАЯ ПРОДУКЦИЯ МЕЛКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ	322
СРЕДНЕГОДОВОЕ ЧИСЛО РАБОЧИХ МЕЛКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ	322
ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ПРОДУКЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В НАТУРАЛЬНОМ ВЫРАЖЕНИИ	323
МОЩНОСТЬ ЭЛЕКТРОГЕНЕРАТОРОВ И ПРОИЗВОДСТВО ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ . . .	324
СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО	325
ЧИСЛЕННОСТЬ СКОТА ПО ВСЕМ КАТЕГОРИЯМ ХОЗЯЙСТВ	326
ЧИСЛЕННОСТЬ СКОТА В КОЛХОЗАХ	326
ПОСЕВНАЯ ПЛОЩАДЬ ПО ВСЕМ КАТЕГОРИЯМ ХОЗЯЙСТВ	327
ВАЛОВЫЙ УРОЖАЙ И УРОЖАЙНОСТЬ ПО ВСЕМ КАТЕГОРИЯМ ХОЗЯЙСТВ. . . .	328
ВАЛОВЫЙ УРОЖАЙ И УРОЖАЙНОСТЬ В КОЛХОЗАХ	329
ТРАНСПОРТ	330
ГРУЗООБОРОТ ВНУТРЕННИХ ВОДНЫХ ПУТЕЙ.	330
ТОВАРООБОРОТ.	331
ТРУД	331
КУЛЬТУРНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО — ШКОЛЫ	332
ВУЗЫ, ТЕХНИКУМЫ И ДРУГИЕ СРЕДНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ	333
КЛУБЫ и БИБЛИОТЕКИ	333
ДЕТСКИЕ САДЫ	333
ЗДРАВООХРАНЕНИЕ	334
САЛЮТ ТРУДОВОГО КУЗБАССА	335
ПОСЛЕСЛОВИЕ	345
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	348
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ	350

ПРЕДИСЛОВИЕ

Издание сборника архивных документов «В памяти сердца эхо войны» продиктовано необходимостью взглянуть на уходящие все дальше от нас события Великой Отечественной войны глазами самих ветеранов, оставивших для нас свои воспоминания.

Лучшими словами о необходимости опубликования воспоминаний стали слова Ивана Куприяновича Семенова, ветерана Великой Отечественной войны, которые он написал в 1994—1995 гг.: «Я опять потерял покой. Делаю ли что дома, проснусь ли ночью, всегда думаю — надо вспоминать, писать. Мысли уносят в далекий 1945 год. Перебираю в памяти далекие события. Уточняю месяцы, годы. Вспоминаю места, где пришлось что-то пережить, видеть. Перед глазами встают как живые те молодые люди, с которыми рядом жил, служил, работал.

Взялся за карандаш. На бумаге появились первые слова. Скорей, скорей надо записать пришедшую на память фамилию чью-то, дату, место. То мучительно вспоминаю что-то хорошо знакомое. Не вспомню. Пишу о другом. И то, что долго и мучительно вспоминал и не вспомнил, неожиданно вдруг вспомнилось. Делаю запись.

Так в мыслях чередой проходят годы. Мучительно вспоминаю, пишу. Живу на свете уж восьмой десяток лет. Надо успеть записать все, что вспомню и не наврать. Быть может, какой-нибудь внук, правнук, прапраправнук прочтет мои записки и заинтересуется.

— Надо же, — скажет, — жили как плохо и тяжело предки. Но и тогда дружили, любили, были любимыми. Были обуреваемы несбыточными мечтами. Работали, учились, радовались. Им грезились хорошая жизнь [...].

Остался одним из последних сверстников, однополчан. Если не напишу о пережитом, не расскажу о нашей жизни, потом не узнают о нас, о нашем времени, о наших делах.

С Богом! Хоть и не верю в него. Пришлось к слову. Сейчас на это мода»¹.

¹ ГКУ ГАК. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 10. Л. 1-2.

Сборник «В памяти сердца эхо войны» относится к изданиям научно-популярного типа и предназначен для распространения исторических знаний и популяризации исторических документов среди широкого круга читателей. По виду издания он является тематическим, включает воспоминания, посвященные событиям в тылу и на фронтах в годы Великой Отечественной войны.

Сборник состоит из архивных документов государственного казенного учреждения «Государственный архив Кузбасса», отражающих аспекты военных действий и жизни в тылу в 1941—1945 гг., из следующих фондов: П-483 «Партийный архив Кемеровского обкома КПСС»; Р-1334 «Фонд-коллекция воспоминаний, собранных по акции «Память»; Р-1404 фонд личного происхождения «Семенов Иван Куприянович — участник Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.»; Р-1483 фонд личного происхождения «Верховцева Зинаида Прокофьевна — преподаватель, кандидат исторических наук, писатель, общественный деятель, почетный гражданин Кемеровской области», автор Всекузбасской книги памяти, многих книг и более полусотни научных, научно-популярных статей, созданных на основе огромного количества архивных документов.

Всего в данный сборник включено 59 документов. Абсолютное большинство материалов публикуется впервые. Тексты воспоминаний сопровождаются имеющимися в фондах ГКУ «Государственный архив Кузбасса» фотографиями авторов воспоминаний, а также электронными образами фрагментов рукописных воспоминаний.

Сборник состоит из двух разделов.

Первый раздел «Фронт» представлен воспоминаниями непосредственных участников Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

Во второй раздел «Тыл» включены воспоминания тружеников тыла о работе на предприятиях Кузбасса, а также школьников периода Великой Отечественной войны, описывающие условия жизни в городе и деревне.

Внутри разделов сборника воспоминания располагаются в алфавитном порядке фамилий авторов, объединены по тематическому признаку и имеют сплошную нумерацию.

Тексты документов печатаются с сохранением стилистических особенностей, но в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации. Погрешности текста, не имеющие смыс-

лового значения (пропуски, орфографические ошибки, опечатки и т. п.), исправлены в тексте без оговорок. Пропущенные в тексте документов и восстановленные составителями слова или части слов заключены в квадратные скобки. Основная масса сокращений и сокращенных слов раскрыта в списке сокращений.

В извлечениях представлены документы, которые наряду с необходимыми сведениями содержат повторяющуюся или не относящуюся к теме сборника информацию. Если документ публикуется в извлечении, это обязательно оговаривается в заголовке предложением «из», опущенные части текста документа отмечаются отточием в квадратных скобках — [...].

Текст каждого документа снабжен редакционным заголовком, включающим следующие данные: порядковый номер документа, разновидность, фамилию автора, краткое содержание, дату документа. В некоторых случаях использованы авторские заголовки.

Зачеркнутые слова в тексте не воспроизводятся, а приводятся в текстуальном примечании с указанием «Далее зачеркнуто».

Приписки, сделанные автором или другим лицом на документе, даются как продолжение текста документа вне зависимости от их местоположения в авторском тексте. Их местоположение в документе и авторство оговариваются в примечаниях.

Каждый документ сопровождается легендой, содержащей контрольно-справочные сведения о документе, поисковые данные (шифр), подлинность, способ воспроизведения, ссылки на предшествующие публикации документа.

Сборник документов снабжен следующим научно-справочным аппаратом: предисловием, примечаниями, комментариями, списком сокращений, перечнем публикуемых в сборнике документов, библиографическим указателем.

ФРОНТ

**№ 1. Из воспоминаний Аболончикова Н., бойца
22-й стрелковой дивизии. [1971—1978 гг.].**

На основании патриотизма

Идет второй год войны. Многие наши товарищи из турбинного цеха Кемеровской ГРЭС давно сражаются в осажденном Ленинграде, на берегах Волги. [...]

На меня, как мне кажется, многие смотрят с затаенным упреком. Да, пожалуй, они по-своему правы. У меня бронь. Но счастлив ли я, что живу и работаю в такие дни под чистым сибирским небом? Каждое утро я слушаю безрадостные сообщения информбюро и испытываю большое угрызение совести. [...]

В народе пошел разговор, что Государственный комитет обороны СССР удовлетворил просьбу Новосибирского обкома партии об образовании дивизии добровольцев-сибиряков, и эта дивизия уже формируется.

Все, сказал я себе, иду. На другой день вышел на работу с легким сердцем, рапорт лежал у меня в нагрудном кармане, и мне теперь оставалось только передать его в партийный комитет.

Когда я услышал, что на электростанцию прибыли представители городского комитета партии, я немедленно с рапортом обратился к ним.

— Что, уже рапорт? — недоверчиво посмотрел на меня представитель горкома. — А вы хорошо подумали?

— Да, — ответил я.

— Еще подумайте, ведь не к теще на блины едете, а на войну, где калечат и убивают.

— Знаю, — ответил я. — Война без убитых не бывает, и на войне всех не убивают.

Представитель копался в моих документах, увидел вклеенную в военном билете бронь, где говорилось, что она до конца войны.

— У Вас бронь.

— Но ведь она бумажная и ее нетрудно снять. Значительно труднее снять и повернуть обратно ту бронь, которая черной тучей нависла над моей Родиной.

— Понятно, товарищ Аболончиков.

— Спасибо.

— Ждите приказа.

Когда от Комитета труда и обороны пришло разрешение удовлетворить просьбу, организовать дивизию добровольцев-сибиряков и послать ее на один из трудных участков фронта, бессильные скептики еще жили. Они шептались один другому на ухо, потешая свой собственный живот. Разве-де возможно организовать дивизию добровольцев. Это же много штыков, можно сравнить с небольшим городом. В конце концов, можно найти отдельных героев, но не дивизию героев — продолжали роптать скептики. Но они просчитались. Дивизия была организована в самый короткий срок.

Нескончаемым потоком с рапортами шли добровольцы. На сборном пункте была произведена сортировка, кого куда.

Общее построение, перекличка. Одни налево, другие направо. Из общего числа добровольцев половина была отправлена домой. Это были шахтеры, химики, металлурги, энергетики, которые также

*Аболончиков Н. (2-й справа) в кругу своей семьи и с ветеранами
22-й сибирской дивизии на встрече ветеранов в Кемеровском горсаду.
1971 г. ГКУ ГАК, ф. Р-1483, оп. 1, д. 1, л. 31.*

были нужны в тылу, ковать победу, как и на переднем крае, в смертельной схватке с озверелым фашизмом.

Многие из тех, кому надлежало вернуться к своим станкам, печам, забоям, турбинам, ошибочно почувствовали себя оскорбленными недоверием и начали пытаться тайными тропами переходить из строя отправленных домой в строй, который идет на фронт. [...]

Энтузиасты

На сборном пункте я встретил большую группу людей — это были энтузиасты Кемеровской ГРЭС. Они были веселы и счастливы, настроение оптимистическое. Многих из них я и сейчас помню. Это были Филипп Бураков, Василий Желтов, Михаил Антонов, Николай Орлов, Гавриил Кальнюк, Алексей Горбунов. Ни у одного из них нельзя было заметить каплю разочарований. Наоборот, они пели, плясали, шутили, хотя нас ждали тяжелые будни боевой подготовки. Два месяца по четкому расписанию: подъем в 5:00, отбой в 23:00. День на учебном плацу, ночь в палатке. Солдаты шутили нараспев о своей судьбе:

*Ох, шинель моя, шинель,
Ты одеяло, подушка и постель.*

А между тем у нас еще и шинелей не было. Спать ложились не раздеваясь, в обнимку с неразлучной подругой-винтовкой, зато экономили время на подъем. Нам не требовалось надевать гимнастерку, брюки, все было надето несколько дней назад. Не нужно было мотать обмотки, т. к. у нас их не было. На учение и с ученья ходили с песней, выражавшей наши мысли и чувства.

*Взяв винтовку, идут добровольцы,
Смельчаков создавая полки,
Коммунисты идут, комсомольцы,
Беспартийные большевики.
По Сибири, по таежной шири
Прокатился наш клич боевой.
Мощь сибирская, сила богатырская,
Поднялась на решительный бой.*

С этой песней мы и начали свой боевой путь. Она родилась вместе с добровольческой дивизией на слова сибиряка — поэта Смердова, музыка композитора Блантера.

С этой песней сибиряки-добровольцы пронесли гвардейское знамя по лесам и болотам Калининской, Смоленской областей и Белоруссии, через минированное поле, колючую проволоку Лубанской низменности Латвийской ССР. Прошли с боями и вышли к берегам Рижского залива.

Новосибирск нас провожал торжественно. Под марш оркестра плавно тронулся поезд и также плавно набирал скорость. Поезд шел красиво. Его вел знаменитый машинист локомотива Новосибирского депо Герой Социалистического Труда товарищ Лунин.[...]

Мы гадаем

На восьмые сутки после отбытия из Юргинских лагерей мы прибыли в подмосковные Кузнецкие лагеря. А что же будет дальше? Где же тот трудный участок, который должна оборонять сибирская добровольческая? Так мы гадали, когда были в пути, так гадали, находясь под Москвой. А через восемь дней опять в путь. От станции Люберцы поезд взял курс на север. [...]

Видим — станция Сележарово, о которой я лично в жизни ничего не знал и не видел. Дальше пойдем пешком. Ночи темные, хоть глаз коли. Под ногами зыбкая почва болот. В лесу дорога — сплошной бревенчатый настил. Чуть оступись — по пояс в грязи. Лошади измучены до того, что на крутых подъемах и спусках приходилось плечами поднимать повозку или удерживать ее, чтобы повозка не задавила лошадь. Путь по болотам и бревенчатым настилам был нелегким, он тянулся 250 км и преодолевался в темные осенние дождливые ночи. В этом трудном пути сибиряки оставались бодрыми. Коммунист Павел Лаврененко находил время выпустить боевой листок. Через несколько дней тяжелого перехода пришли в деревушку Алферово. Здесь дневной привал, а ночью выходим на рубеж обороны. Фашистские стервятники делают свое черное дело. В воздухе сотни «Юнкерсов», «Мессершмиттов». «Фокке-Вульф» корректируют огонь по нашим частям. Вековой лес стонет от беспрерывного огня вражеской артиллерии и бомбежек с воздуха. [...]

Здесь наша мечта об обороне Ленинграда, Сталинграда и других участков, где создавались трудные условия боя, была рассеяна [...].

Позже нам стало известно, что мы будем оборонять старинный небольшой городок на Смоленщине — это Белый, и что перед нами

стоит 197-я немецкая пехотная дивизия СС «Великая Германия». С ней-то и будем мы иметь дело.

Мы — связисты

Мы, связисты, в атаку не ходим. Наша задача — обеспечить бесперебойную связь штаба дивизии с передовыми частями, с тылами и флангами. [...]

Деревня Раменка. Здесь расположен штаб дивизии. Командир взвода лейтенант Панченко приказал: «Сегодня, как видите, затишье. К чему это? Гадать не будем, но нужно дать возможность менее опытным связистам набираться опыта, а поэтому доверим им управлять связью, а вы, старички, возьмите карабины и становитесь на посты». Я в это время дежурил у телефона начальника штаба Панишева. Там меня сменил молодой солдат Лебедев. Я пошел¹ охранять телефонную станцию.

Во второй половине дня в воздухе появилось множество вражеских самолетов-бомбардировщиков в сопровождении истребителей, обрушили массу огненного металла на деревню Раменка, где располагался штаб дивизии. После этой бомбежки во взводе осталось восемь человек. Здесь погиб молодой связист Лебедев. Это он вместо меня принял дежурство у телефона начальника штаба дивизии, а вместо него стоял я на посту. [...]

Идет вторая декада ноября 1942 года. В эти дни дороги совсем непроходимы. Подвоз продовольствия и боеприпасов прекратился. Мы чувствуем себя на необитаемом острове. В октябре мы имели как подспорье, перекапывая картофельное поле, случайно оставшуюся картошку, сейчас этой возможности лишены. Делим один сухарь на 4—5 человек. А какая-либо павшая или убитая лошадь — это божий дар для взвода.

Вот, наконец, первые крепкие морозы, зазвенела под ногами земля, покрылись мерзлой коркой болота. По ночам лес гудел моторами, на полях появились «Катюши». По всем приметам скоро перейдем в наступление. По вечерам в блиндаже только и разговору об этом. Враг силен. [...]

Утром 25 ноября 1942 года пробил час наступления. Нас разбудила артиллерийская канонада. Это началась артиллерийская подго-

¹ Вписано синими чернилами.

товка к наступлению. В первую очередь я вспомнил брата Мишу. Где-то на этих днях сравнялось ему 18 лет. [...]

А я в блиндаже под большим числом бревенчатого наката работаю на коммутаторе, временами выхожу из блиндажа на повреждение связи или устанавливаю новую телефонную точку. А воздух наполнен гулом вражеских самолетов и клубами дыма от разрывов зенитных снарядов. Бои длятся половину декады ноября и начало декабря 1942 года. [...]

В боях под городом Белым мы возмужали, приобрели опыт.

У многих связистов на гимнастерке засияли ордена и медали «За боевые заслуги». Особенно отличились радисты. [...]

Я продолжаю беспокоиться за брата Мишу, что с ним?

Не знаю. Даже в отделе кадров и там ничего не дали вразумительного. Только после того, как встретил бывшего командира учебного батальона майора Алтухова, я напал на след Миши, но тут же и потерял. Майор объяснил мне, что Миша весь учебный период был в первой роте учебного батальона, а первая рота была целиком отправлена в хозяйство подполковника Торосова — это Новосибирский полк. [...]

Огонь Гитлера и Геббельса

Все надежды о том, что мой брат жив, пропали. И я начал поиск, при каких обстоятельствах он погиб. Если только он погиб. Но вдруг, а это было, когда мы готовились к генеральному наступлению, дислоцировались в это время в районе г. Гжатска, я получаю письмо от Миши из г. Кемерово, что долгое время лежал в госпитале, после чего был списан из армии и отправлен домой.

При встрече после войны он рассказал мне следующее.

— В наступление я пошел командиром отделения, а из окружения выходил командиром роты, и то не вышел и роту не вывел. Я едва успел подумать, что все — я убит, но через несколько дней оказался в глубоком тылу в госпитале. У меня здорово болела голова и левая нога. Я спросил, что со мной? Улыбающаяся девушка в белом халате ответила, что я нахожусь в безопасном месте, и теперь, наверное, представится возможность поточнее установить мою личность, т. е. кто я, и с полной подробностью. После того как я пришел в сознание, начал вспоминать, что происходило, когда мы

были в окружении. Мы вели оборонительные бои по всему кольцу окружения. Усиленный бой вели в восточной части кольца, с тем чтобы ослабить его кромку и разорвать, а затем дать возможность выхода из окружения подразделениям пехоты и частям танкового корпуса. Прорываться на восток нам помогали с «большой земли». Я находился недалеко от того места, где стальное кольцо должно лопнуть, и вел бой, прикрывая левый фланг от возможности сужения кольца в восточной части. Немцы нас били двумя огнями. Один огонь мы называли огнем Гитлера. Это когда по всему кольцу окружения на наши головы лилось море огня и металла из всех видов оружия.

Второй огонь — это огонь Геббельса, когда включались мощные радиодинамики. Лились наигранно красивые слова, призывали сдаться в плен. При этом обещали золотые горы. После чего проигрывали грампластинки русских песен. Часто повторяли «Катюшу» и «Напрасно старушка ждет сына домой».

Огонь из всего вида оружия — это безжалостное отношение к осажденным. А призыв к сдаче и проигрывание наших пластинок — это была прямая насмешка, так понимали сибиряки-добровольцы и продолжали пробиваться на восток. Находясь в тяжелом положении, когда мороз вступил в свои права, без еды и со скудным запасом боеприпасов, стояли насмерть, но не сдавались. Когда пропаганда Геббельса не давала успеха, повторялось то же.

Шквальный огонь раскаленного металла безжалостно лился на головы добровольцев-сибиряков.

За Зою

В декабре 1942 года добровольческая дивизия сибиряков громила полки 197-й дивизии СС «Великая Германия». Перед Кемеровским полком стоял 232-й пехотный полк, входящий в состав 197-й дивизии. Командовал этим полком подполковник фон Рюдрер.

Нам было известно, по приказу фон Рюдрера была казнена московская комсомолка Зоя Космодемьянская. Комсомольцы поклялись отомстить за Зою. Под этим девизом начался бой с 232-м пехотным полком.

Трудно и нам, связистам. Связь часто нарушается. Её рвут наши танки и артиллерия противника. Кроме того, были признаки, что

на линиях связи свирепствует диверсия. Диверсанты работали очень просто. Вырезает несколько метров провода, замаскируется и ждет, когда придет связист на устранение повреждения, диверсант убивает связиста и ждет следующего. Ввиду этого было приказано на линию выходить вдвоем.

Была темная ночь. Я дежурил на наблюдательном пункте заместителя командующего армией генерал-майора Попова, с ним были командующий артиллерией армии полковник Плегянский и начальник разведки армии подполковник Калинин. Они наблюдали за ходом боя, давали необходимые указания командиру корпуса, командирам дивизий и полков. В ночное время разгорелся бой. Связь непрерывно рвалась то с одним полком, то с другим. В самый разгар боя я пошел на повреждение в сторону Кемеровского полка, прихватив с собой метров 25—30 провода. Со мной был молодой связист, недавно прибывший на фронт с пополнением. Шли мы медленно по глубокому снегу, мелкому кустарнику. Я искал повреждение, а второй наблюдал вокруг, сколько мог видеть сквозь толщу темноты. Я нашел повреждение и на устранение его израсходовал примерно 15—20 метров провода. Но связи с полком не было. А когда нашел второе повреждение, оставшегося провода не хватило 1 метра для соединения повреждения.

Я подсоединил аппарат, проверил связь в сторону полка и в сторону наблюдательного пункта — все хорошо. Но соединить концы не имею возможности, не хватает провода. Тогда беру один конец в одну руку, а другой в другую, прижал плечом телефонную трубку к уху, услышал, связь с полком есть. А для того, чтобы поговорить с кем-либо, нужно нажать клапан на телефонной трубке, но у меня заняты руки, а чтобы высвободить руку — это значит прервать связь. Мне кажется, что этот разговор, который я слышу, прервать невозможно даже на несколько секунд, я подождал минуты две-три, по проводу шли приказы, один другого важнее.

Из полка докладывали обстановку, просили помощи, давали координаты, куда дать артиллерийский огонь. Тогда я попросил своего напарника сходить на наблюдательный пункт и взять там несколько метров провода, чтобы соединить капитально. Возвращаться нужно было километра 2—3 туда и обратно, т. е. 5—6 км. И только белый силуэт напарника скрылся в темноте, я почувство-

вал, что сделал ошибку, не разъяснил ему, каким образом поддерживается связь с полком и НП. Мне нужно было пролежать на снегу не менее полутора часов и через себя обеспечивать связь с полком.

Так оно случилось, что моя оплошность удвоила мои страдания. Я лежу на снегу, фашисты усиливают обстрел, наш передний край освещают ракетами. Каждая выпущенная ракета дает столько света, что мне кажется, меня видят не только с наблюдательного пункта, а даже с Марса. Я насквозь продрог, с минуты на минуту жду провод, и когда напарник вернулся с пустыми руками, я еще раз себя проклял за свою ошибку.

Ему там сказали, что Аболончиков проявил какую-то находчивость и вышел из положения. Связь с полком есть.

Провод тратить без надобности нет смысла, т. к. его и так мало. А голоса он не подает потому, что линия все время занята хозяином сверху.

Иди ему навстречу и помогай возвратиться. Вот тут я и объяснил ему свою находчивость и послал его обратно за проводом, а сам продолжал лежать на мягком снегу, держать концы проводов в оконечивших руках. Более трех часов, под огнем, освещенный ракетами противника, я лежал на снежной перине, удерживал связь с комсомольцами, мстителями за Зою. 232-й полк был разгромлен, 3-часовой отдых на снежном матраце сказался, я заболел, но из строя не вышел. По возможности нес боевую службу. [...]

После короткого отдыха бросок на Великолукский плацдарм.

Январь 1943 г. Машин нет. Лошадей не хватает. Связисты тащат свое имущество на салазках, сооруженных из лат. Тяжело, но первый марш из Селижарово под Белый был куда сложнее и труднее, да и то выдержали.

Город Великие Луки. Вместо домов и промышленных сооружений одни развалины. В центре города, на возвышенности, в каменных подвалах, как медведь в берлоге, сидел фашистский гарнизон. Гитлеровское командование прилагало все силы, чтобы удержать Великие Луки. Посылало бронированные части к осажденным. Наша задача — сломить фашистский таран и отбросить от города, а осажденных убедить добровольно сдаться, избежать излишнего кровопролития. Не пойдут на это — будут уничтожены.

На открытых степных сопках разгорелись кровопролитные бои, солдаты на горьком опыте под Белым научились воевать, а командиры, кроме того, научились по закону военного искусства управлять подразделениями, они еще и научились по-отечески заботиться о солдате, о своем подчиненном.

Наверное, поэтому батальон связи в боях за Великие Луки не потерял ни одного человека. Полученный под Белым опыт многому научил.

Великие Луки позади. Мы идем на новый участок боев.

Кругом сплошные луга и болота, дорога напоминает ту, по которой мы шли под Белым. Но у нас есть опыт, и мы значительно легче преодолеваем препятствия марша. Новый участок боевых действий — это Локня. Он по-своему является сложным, здесь леса и болота.

65 километров от станции Великополье. Весной 1943 года сюда прибыла делегация сибиряков. Земляки привезли письма от матерей, жен, братьев и сестер, подарки, мешочки с махоркой, конфеты, пряники, теплые носки и варежки, два или три вагона сибирских пельменей. Повеяло Сибирью. Прибавилось силы и бодрости, сейчас не страшно было взять вещмешок и по болотам 65 км до станции Великополье, чтобы перенести один снаряд небольшого калибра. [...]

Служил со мной Степан Османский, смелый и веселый связист. Где-то под Локней он попал в плен.

А вышло вот так. В разгар боя оборвалась связь. Османский побежал на линию. Увлечшись ремонтом линии, он не заметил, как подошли два гитлеровца:

— «Хенде хох» — руки вверх.

Немцы смотрели на Степана с самодовольной улыбкой. Что может быть лучше «языка», чем связист. И что он может сделать один против двоих, да еще когда у него автомат за плечами, а на груди висит катушка с проводом, на боку телефонный аппарат. Фашисты, когда совершают подвиг, думают о железном кресте. «Язык»-то подходящий, ведь связист. Но комсомолец-сибиряк не растерялся. В одно мгновение он выхватил из кармана горсть махорки и в глаза немцам. Не ожидая такой «прикурки», немцы растерялись.

Тем временем Степан сорвал с плеч автомат и дал очередь.

— Подумали ли фашисты о железном кресте, я не знаю, — шутил Степан. — А вот о деревянном березовом кресте обязательно подумали.

Фашисты присели и подняли руки. Степан быстро откусил конец провода, привязал немцев друг к другу и как бы на поводке привел их в штаб дивизии. Из штаба их отправили в санпункт промывать глаза.

Достоинство следует вспомнить наших девушек-связистов. Они с лихвой отдают свои силы и энергию как для службы, так и для быта. Они достойны были звания родных сестер. Бывало, вернешься с боевого задания усталый, промокший до костей, они встречают тебя как родного. Прозяб? Садись ближе к печурке. Хочешь кушать? Пожалуйста. Девичья теплота быстро согревала и снимала усталость, восстанавливала боеспособность.

Ася Шестакова и в бою не отставала от бывалых и обстрелянных солдат. Всегда её видели за коммутатором или телеграфным аппаратом. Ася всегда рвалась туда, где труднее и опаснее, но девушек не пускали на передний край, считали, что это могли быть бессмысленные потери. Ася всегда требовала от командира взвода, чтобы её ставили в строй наравне с ребятами.

— Я приехала воевать и должна быть там, где труднее и опаснее, а не сидеть в блиндаже, как таракан в щели, и повторять вот эти неизменные слова: вызываю, соединяю, занято, говорите и т. д.

— Ладно, ступай, — не выдерживал командир взвода. Ася петть не умела, а в это время пела. Она была полна гордости, что становилась в строй и шла на сложные и опасные боевые операции по обеспечению связи наблюдательных пунктов дивизии и полков.

Стойкость сибиряков-добровольцев, их бесстрашие особенно проявились на Смоленщине в боях за высоту 233,3.

Этот бугорок земли возле станции Павлиново казался совершенно недоступным. Вся высота в дотах и дзотах была опоясана глубокими противотанковыми рвами, опутана колючей проволокой, подступы к высоте густо заминированы. На высоте были сосредоточены пушки, минометы, пулеметы. Огонь был настолько велик, что даже траву косил под гребенку.

Гвардейцы 22-й дивизии дрались, не жалея живота. На пятые сутки бой достиг самого наивысшего напряжения.

Преодолев предполье, штурмовой танкирный батальон под командованием майора Белоконов наконец-то зацепился за высоту. Связисты Андрей Каргополов и Николай Головин находятся рядом с майором Белоконов, а я сижу на наблюдательном пункте командира дивизии, работаю на коммутаторе. Связь непрерывно рвется. Временами выскакиваю из блиндажа на устранение повреждений связи наблюдательного пункта, вместо меня остается за коммутатором командир взвода старший лейтенант Панченко.

Штурмовики то и дело просят артогня, то на северный, то на южный склоны высоты, но важнее всего передать команды командира дивизии полковника Панишева на высоту.

От этого зависит успех боя. Связисты трудятся с нечеловеческим усилием и все время под огнем. Идет на повреждение, возвращается раненый или совсем не возвращается. Да и я уже 36 часов не отрываю телефонную трубку от уха.

Слышу голос Николая Головина: «Перенести огонь на западные склоны высоты». А через некоторое время Головин сообщает, что высота наша. «Высота наша», — подтверждает с контрольного пункта Андрей Каргополов.

Вдруг блиндаж качнулся и поплыл. Когда я пришел в себя, мне казалось, что из какой-то темноты ко мне приближается знакомое лицо. Это была Вера Ющенко. Она приводила меня в чувство, со мной был обморок.

Штаб переводят на высоту. Производится обработка пленных как контрразведчиками, так и разведчиками. Большинство пленных вели себя нагло и цинично, а один пленный на вопросы отвечал, что он не понимает, наш переводчик в совершенстве владел языками: немецким, английским, французским и итальянским. Ни одного этого языка этот подлец-нацист не понимал, он даже не понимал, когда у него спрашивали, какой он нации. И только понял тогда, когда командир дивизии дал приказ, куда его определить. Об этом ему сообщили на немецком языке.

Были и такие, которые представлялись «овцами» и отдавали себя на милость победителям.

Высота 233,3 — это был копей-город из бетона и железа. Он был меблирован мягкими стульями, круглыми столами, койками с танкирными сетками, завален всякими безделушками, губными

гармошками, шторами, тряпками, посылками, которые не успели послать в Германию своим фрау.

На высоту мы пришли с одним связистом — это был Павел Бутков. Он воевал на Мамаевом кургане, после освобождения Мамаева кургана был ранен и отправлен в госпиталь, а из госпиталя он попал к нам.

Вот что он определил, что сама высота не похожа на Мамаев курган, но бои чуть ли не похлеще, чем на Мамаевом кургане.

Преследуя врага, гвардейцы из нашей дивизии штурмом овладели городом Ельня. Это районный центр на Смоленщине, с XII века славится изготовлением прочного кирпича и вкусного сыра. Сейчас он выглядел безжизненно. Малочисленные заводские трубы не дымили, жилые дома превращены в руины. Здесь ворота на запад открыты.

Немыслимо без своей части

Два раза я выбывал в госпиталь по болезни и всякий раз всеми правдами и неправдами возвращался в свою роту и свой взвод. Последний раз я с маршевой ротой был направлен куда и сам не знаю, но только не в свою дивизию.

Идем медленно. Нас обгоняют машины с боеприпасами и продовольствием. Навстречу тянутся колонны пленных, проносятся санитарные машины с ранеными.

Хочется попасть в 30-й батальон связи 22-й дивизии. Но как? Документов нет, а командир маршевой роты и слушать меня не хочет. Раскатанная дорога тянется бесконечной лентой. Много ответвлений от большой дороги. Надвигаются вечерние сумерки. С неба падает пушистый снежок, перед нами вырастает огромный сарай с пробитой крышей и с бесформенными дырами в стенах. Это тоже, очевидно, пробойны от снарядов из гаубиц прямой наводкой навывлет с другого бока.

Раздалась команда: «В этом сарае будем ночевать». Можете представить, какой здесь будет ночлег в зимнее время в сарае, изрешеченном войной, где не было даже соломы. Но утро все равно пришло, и опять в путь.

Смотрю на указателе дороги надпись и стрелка — медсанбат-33. Так я и напал на след своей дивизии. Что делать? Э, была не была,

рискну. Говорю своему товарищу по госпиталю, если будут меня искать, то пусть ищут в 22-й гвардейской дивизии добровольцев-сибиряков. Прихожу к командиру роты капитану Панченко, докладываю:

— Сбежал из маршевой роты, документов не имею.

— Хорошо, — ответил командир роты, — сейчас доложу командиру дивизии.

Берет телефонную трубку и вызывает командира дивизии. Докладывает, что сержант Аболончиков сбежал с маршевой роты, для того чтобы продолжать службу в своей дивизии, я не против того, чтобы оставить его у себя, только на каком основании я его зачислю на довольствие. Не придумаю. Комдив выслушал командира роты и повторил: сбежал из маршевой роты, желает продолжать службу в своей дивизии. Зачислите его в штат, поставьте на все виды довольствия, поставьте на свою должность на основании патриотизма к своей добровольческой дивизии. [...]

В гостях у зенитчиков

Где-то под Локней я связался по телефону с зенитчиками и был приглашен в гости.

Приближаясь к расположению батареи, а она в это время вела огонь по самолетам противника, я видел, как один «Юнкерс», охваченный пламенем, устремился на запад и скрылся где-то за опушкой леса. Я зашел в блиндаж взвода управления, поздоровался с товарищами, среди них были мои друзья с Кемеровской ГРЭС Гавриил Кальнюк, Михаил Антонов, Николай Орлов. Они очень горевали. Оказывается, что печаль их была в том, что артиллеристы-зенитчики выпустили много снарядов в большую гущу самолетов и ни одного самолета не сбили.

«Как ни одного, — возразил я. — Когда шел к вам, я видел своими глазами, как немецкий «Юнкерс», охваченный пламенем, вот в этом направлении скрылся за опушкой леса». Я вывел ребят из блиндажа и показал направление, куда скрылся «Юнкерс». Надо доложить командиру батареи и уточнить, забеспокоились ребята. Через несколько минут было известно, самолет противника действительно был сбит и упал, охваченный пламенем, едва перева-

лив нейтральную зону. Настроение зенитчиков переменялось, ибо каждый сбитый самолет приближал победу.

Зенитчики угостили меня вкусной фронтовой кашей, а перед кашей — боевые 100 граммов. Каша и 100 граммов — теплое гостеприимство в условиях фронтового блиндажа и их радость за сбитый «Юнкерс» — приподняли мне настроение.

Я отблагодарил за теплый прием и пошел в расположение своей роты.

Через некоторое время зенитчики ушли от нас.

Из зенитных батарей, приданных соединениям Советской Армии, был сформирован зенитный полк. В состав этого полка вошла и наша батарея. Под названием «батарея сибиряков-добровольцев». [...]

Помогла цыганка

После предварительной подготовки наша дивизия шла в наступление. Напуганные грозным началом наступления немцы бежали на запад так, что за ними трудно было угнаться. Они спешили удрать. Приготовленные для отправки в Германию вещи остались на месте упакованными. На них нанесены адреса получателей и фамилии, кто забрал вещи.

Проходя через село, я столкнулся с таким фактом. Ко мне подошла миловидная со смуглым лицом, черными навывкат глазами молодая цыганка. Пред собою в шали, перевязанной через шею, держала ребёнка. Он активно сосал грудь матери.

— Добрый советский воин, дай я тебе погадаю, — сказала цыганка, а сама берет мою руку, смотрит на мои ордена и медали и продолжает. — Ты не простой воин, заслуженный, это я вижу по твоим наградам, сейчас тебе трудно, но тебя ждет счастливая жизнь и здоровье, ты останешься жив и здоров.

— Вы всем так говорите, что война кончится, и останетесь живы, здоровы, — шутя, добавил я.

— Да, да, а иначе платить не будут за ваше гадание. — Кто-то добавил со стороны.

— Я не знаю, что я скажу другому, а Вам говорю именно это, — а сама понимающе всматривается в мою ладонь, пальцами водит по линиям жизни, а ребенок по-детски умными глазами смотрит мне в лицо и опять прислоняется к груди матери, продолжает чмо-

кать губами. Мать все пристальнее всматривается в ладонь и водит пальцами по линиям, продолжает гадать. — Сейчас вы пойдете на край села, вас там ждут четыре человека. Они собирались уйти с хозяевами в сторону заката солнца, но они не ушли, не удалось.

Приготовленные две повозки со скарбом стоят в стайке, тщательно замаскированные. На одной из повозок лежит опасный груз, у повозки стоят на привязи две лошади, одна из них вороная, другая рыжая. Будьте осторожны, добрым словом ВАС встречать не собираются. Дальше Вы пойдете. За селом Вы увидите старика-гармониста. Он мудрец, игрой встречает Советскую Армию и разговаривает со всем миром.

Будьте осторожны. Вас ждет счастливая послевоенная жизнь.

Я понял, цыганка сообщила, что на конце села сидят предатели — четыре человека, что у них имеется два воза груза, один из них с оружием. А за селом старик — мудрец с вмонтированной в баяне рацией, держал связь с отступающими немцами. Информировал их об обстановке на данном участке.

Все это она рассказала на цыганско-гольческом жаргоне.

А через полчаса вся эта предательская группа была обезврежена и получила по заслугам. Над старостой этого села состоялся полевой суд; тут же в селе приговор был приведен в исполнение.

Рыжая кобыла досталась нам на пополнение батальона связи.

Два траурных периода

Бывают ли командиры лучше нашего комдива полковника Понешева? Об этом мало было нам известно, но мы узнали, что полковника Понешева от нас переводят, он будет командовать 8-й Панфиловской дивизией. Мы сидели в блиндаже телефонной станции и думали, а как к нам будет относиться новый комдив, будет ли он так любить связистов, как любил Понешев. Когда все было готово к отъезду, полковник позвонил нам. Нет. Он не забыл нас. Он попрощался с нами. В это время он был особенно добрым.

— До свиданья, дорогие друзья, — сказал он. — У меня о вас сложилось самое наилучшее впечатление. Вы верно служите Родине. Вы были точными исполнителями моих приказов.

[...] Однажды, дежуря на коммутаторе, я услышал печальную весть из 8-й Панфиловской дивизии, что полковник Понешев по-

гиб. Об этом сообщали его боевому другу, начальнику политотдела полковнику Ширяеву. В блиндаже телефонной станции воцарилась тишина. В этой тишине чувствовался траур по человеку, который был так близок душой и сердцем к нам, связистам. Все встали, память любимого командира почли минутой молчания. А на подступах к берегам Балтийского моря в районе хутора Музыкас погиб вместе со своим другом — адъютантом — командир Новосибирского полка подполковник Аникин. За этот хутор он дрался как командир полка и боец, который с автоматом наперевес, с криком «ура» шел в атаку. [...]

Конец войны

С боями взяли Ригу. Двигались по Прибалтике, штаб дивизии обосновался на небольшой лесной поляне. С утра 9 мая стояла подозрительная тишина. Не гудят самолеты, не слышно выстрелов артиллерии, ни винтовочной, ни автоматной стрельбы не было. Прекратились разрывы снарядов и мин. Тишина создавала что-то приятное и в то же время подозрительное.

С непривычки становилось жутко.

На протяжении 4-х лет подряд жил рядом со смертью, а часто сама смерть смотрела в глаза. Если бы такой прибор был, каким можно было измерить расстояние от вчерашнего шума до сегодняшней тишины, думаю, что это получилось бы большое расстояние.

Народ распрямылся, вышел из блиндажей и траншей, ходит в полный рост. Стало казаться, что на войне народа стало больше, чем несколько минут назад. И можно подумать, что дивизия получила пополнение.

И вдруг получаем приказ. Подать связь на большую поляну.

— Зачем? — спрашиваем майора Бориса Афонина.

— Об этом узнаете в 15, по радио. Передадут важное правительственное сообщение.

Это был конец войны. Очень трудно описать тот период перехода от привычного шума моторов авиации, артиллерийских канонад, трескотни автоматных очередей к такой тишине, которая по телу проходит приятной дрожью.

ГКУ ГАК, ф. Р-1483, оп. 1, д. 1, л. 1—29. Подлинник. Машинопись.

**№ 2. Из воспоминаний Антроповой Зои Аркадьевны,
шофера 237-й стрелковой дивизии
691-го артиллерийского полка. 1985 г.**

Помню густой лес, и называли это место Дубляны. Стояли мы на отдыхе. Полк ожидал пополнение. Но, вероятно, не один наш полк, а вся дивизия. Рядовому составу совершенно неизвестно было о планах командования. Мы знали свой дивизион или батарею, санчасть, своих товарищей. Житье наше было горем и счастьем. Одним словом, боевая семья. Все заняты, дел по горло. Шла напряженная подготовка к новым боевым действиям. Пилили лес, строили землянки, чистили и ремонтировали орудия, мыли и занимались профилактикой автомашин. Один красноармеец обнаружил пчел у небольшого дубка. Подошел, а там отверстие в 20 см от земли. Пчелы то туда, то сюда из своего домика, вероятно, на ночлег готовились. Красноармеец позвал товарищей, потолковали и после своего совещания определили, что в этом дубе есть мед. Быстро принесли пилу и начали пилить. Сколько невероятно трудного времени тянулось с повалом дерева, а чтобы пчелы прекратили суету, закрыли дупло плащпалаткой. Когда дубок упал, пчелы разлетелись. У солдат не было предела восхищения от такой находки. Как по сигналу ракеты, дубок был уже облеплен толпой. С грохотом артиллеристы выкатили свои снаряжения на позицию улья. Представьте на одну минуту такую картину: кто ложкой, кто кружкой, кто соты вынимает и тут же с таким яростным наслаждением облизывает. В то же время пчелы наседали на своих разорителей. От них только пилотками отмахивались. Руки то и дело вверх гуляли, да и словечки выпускали громкие из своих уст. Но самое главное, никто ни на кого не обращал внимания, ведь меда всем хотелось. Когда наелись меда, как говорится от пуза, стали обращать внимание друг на друга. Артподготовкой раздался смех, как на вечере юмора гремел хохот. Кто кривой, кто косой, кто с флюсом, а иного вообще не узнать. Совершенно не чувствовали боли во время такой схватки с пчелами. Зато полное ведро меда набрали. Поздно вечером заметили, как на верхушке соседнего дерева пчелы в клубок свернулись, и кто-то с сожалением сказал: «Да они погибнут!»

Наступила ночь, но о сне не могло быть речи, лечились кто как мог. Этот случай многие наши помнят. Очевидцем я была этой картины по случаю моего поста у бочек с бензином. Мне тоже кусок соты дали, и я была с раздутым носом и глазом не очень.

А наутро объявили, что новый командир полка прибывает, а нашего на повышение командующим артиллерии дивизии назначили.

Во второй половине дня кто-то крикнул: «Едет!» Я в то время мыла машину и одета была не по форме. У гимнастерки расстегнут ворот, ремень через плечо, как португеза, и без пилотки. Подъехали молодой красивый командир в сопровождении замполита и начальника штаба. Командир спрашивает: «Кто это?» А я вытянулась, руку под козырек, была, конечно, моя большая оплошность в тот момент, я же без головного убора, и докладываю: «Красноармеец Антропова на мытье машины». Он смотрел на меня и сказал: «Да,

Представьте на одну минутку, такую картину.

Жто ложкой, кто грункой, кто сойи вынимает и тут же с такими яростными наслаждениями облизывает. В тоже время пгелы наседали на своих разорителей. От них только пилотками отмахивались. Руки тогда вверх гудели, да и словески выпускали громкие из своих уст. Но самое главное никто ни на кого не обращал внимания, ведь меда всем хотелось. Тогда населись мы, как говорится - от пуза, стали обращать внимание друг на друга. Артподготовка раздался смех, как на берегу юмора грелся хохот. Жто кривой, кто косой,

крепкая дисциплина и красивая девушка. Откуда Вы родом?». Я сказала, что из Томска. По его лицу плыла радостная, счастливая улыбка, и говорит: «А я окончил ваше Томское артучилище в начале, вернее, в мае 1941 года». Так произошла моя встреча и знакомство с Тоболовым Григорием Михайловичем.

А впереди — Карпаты, и все дороги вели к перевалу. Были сильно укрепленные позиции противника, который занимал высоты, тропы ущелий, минные поля кругом. Все время стоял туман и шли непрерывные дожди. И казалось, что эти горы недоступны. Приходилось продвигаться такими узкими тропами, видно, порой, только затуманенное небо, и как будто нет ничего живого за этими злыми горами. Условия для прохода машин, орудий почти невозможные. Продвижение шло в сложнейших условиях. Дороги разбиты, размыты. Немцы то и дело открывали минометный огонь, а пулеметные очереди беспрерывно цокали. Гитлеровцы все время бросали на нас новые живые силы, зловещие контратаки, технику. Они думали сломить здесь, в Карпатах, русский дух, что Красной Армии не преодолеть этих высот, их рубежей, а мы высоту за высотой, где в обход, а где и напролом, отвоевывали. Причем такой дорогой ценой. Сколько погибло наших ребят, сколько раненых, сколько выведено из строя орудий, машин. Мне запомнилось то, что в Карпатах наша артиллерия вела бои в открытых долинах. Подчас орудие выкатывали на прямую наводку. Орудия на себе тащили под «раз-два, взяли». Снаряды на плечах подтаскивали, мужчины по два, а мы, девочки, по одному, вес у снаряда приличный, ноги скользят, то и смотри — вниз полетишь, тогда уже косточек не собрать. Сапоги разорвались, пальцы торчат. У меня на одной ноге было только голенище, подошва отлетела, кровь сочилась из ног, и куда в то время исчезла девичья нежность, вместо нее суровое лицо в солдатской шинели.

[...] Бывало, выпадало время при наступлении ночи, в каком-нибудь домишке или избушке, где и печи невозможно разжечь, потому что они топились по-черному, заходил солдат, сваливаясь с ног, и спал мертвецким сном. Нельзя, бывало, войти в ту избу, пар стоял, как в бане, а от смрадного воздуха сейчас бы упал в обморок. Промокшие до нитки, не снимая сапог, не раздеваясь, спали, так сказать, навалом, прижимаясь друг к другу, и этим немного согревались и чуть-чуть просыхали. Я старалась свой ночлег устраивать

под повозкой, дрожишь в полузабытом сне, а солома, которую принесешь, не очень-то согревала. Сейчас я удивляюсь, почему в то время не было больных?

А сколько было сил в организации командиров, политработников. На их плечах лежала огромная работа, как боевая, так и политическая. Малейший привал или затишье боев — и тут же читка боевых листков, газет «Сталинский удар». Обсуждение хороших, смелых, удачных боевых действий той или иной батареи или в целом дивизиона. У нас был комсорг полка ст. лейтенант Саша Александров, так он успевал не только поговорить с целым расчетом батареи, даже с каждым комсомольцем. Сколько нужно было подготовить материала, сколько энергии было в этом человеке. Всегда подтянут, всегда в настроении, всегда веселый. Говорил: «Дорогие мои ребята и девчата, комсомолец — это смелость, храбрость. Вы должны быть примером для всех бойцов, всегда быть впереди!»

В Карпатах, на одной из дорог, саперы вели разминирование, обозначив проход флажками. По этой узкой дороге, нужно проехать. Командир полка Тоболов Г. М. приказал продвижение и быструю подброску боеприпасов. Ст. лейтенант Уколов кричал: «Вперед! Вперед!»

Мужчины-шоферы что-то заколебались. Тогда я вскочила на крыло первой машины, крикнула своей подруге Наде Ивановой: «Садись за руль!» Пошла машина, а сама стала Наде кричать: «Вправо руля, влево руля! Вправо руля, влево руля!» И так мы проехали эту страшную дорогу. Быстро подвезли боеприпасы. Конечно, трудно было шоферу вести машину почти ювелирно, вслепую по этой дороге, а нашу сообразительность никто и не заметил. Позднее разобрались. Но в то время мы уже были не шоферами, а санинструкторами. Девочек война научила раны перевязывать. Военный врач капитан Зинаида Георгиевна Кожакова рассказывала и показывала, как нужно умело и быстро оказывать помощь раненому. А у меня за плечами двухгодичное медучилище. Но в дивизию, вернее в 691-й артполк, прибыли как шоферы. Было нас трое: Надя Иванова, Валя (Артемова) Бабий и я. Вот три шофера-девочки в полку, да и во всей дивизии. На фронте не знали — то ли шофер, то ли санинструктор. А через некоторое время нас медалью «За отвагу» наградили.

[...] Через 34 года встретились с командиром полка — генерал в отставке Григорий Михайлович Тоболов прибыл в 12 ночи

на встречу. Так мы впятером: Григорий Михайлович Тоболов, комбат Григорий Иванович Хромушин, Валентина Прокофьевна (Артемова) Бабий, Надежда Антоновна Иванова и я. Все мы сидели до пяти утра, усталости не было и сна тоже. Вспоминали Карпаты, вспоминали товарищей, которые сложили свои головы здесь, в Карпатах. Григорий Михайлович вспомнил, как в одном бою, Григорий Иванович Хромушин оставил одно орудие у немцев. Тоболов приказал, чтобы орудие за ночь было в расположении батареи, орудие было к утру на месте. Я вспоминала, какие кровопролитные шли бои за высоту «Плаш». У нас там был смертельно ранен лейтенант связи, только что прибывший в наш полк перед Карпатами. Когда крикнули меня, я подбежала, лежал полумертвый человек. У него осколком мины отрезаны были все ребра правой стороны, видно, как чуть-чуть поднимается легкое при вдохе. Перевязывая его, я плакала, мои крупные слезы катились ему на грудь, а его устремленный взгляд был уже мертвым. На этой высоте мы его похоронили. На дощечке написали: «Лейтенант связи — погиб смертью храбрых». Фамилии его не знали. Таких могил в Карпатах много.

Вспоминали Одер, апрельские дни. Помню, на рассвете я была направлена в район НП на дежурство. Шоссейный мост был взорван. Саперы пробрасывали переправу метров 300—400 от моста. Шла я не одна, с поваром командира полка. В это время фашисты открыли артогонь. Снаряды со свистом падали, то перелетая, то не долетая до нас.

Я и Семен, фамилию его забыла, почти полдороги катились катком, перекасти поле с боку на бок. Он с термосом, у меня сумка полная с бинтами. Головы поднять нельзя. Мы как на ладони были у фашистов, а они особенно открыли огонь, где саперы вели работу. Много ребят погибло. У меня и Семена была одна мысль: живыми дойти до НП. Когда прибыли на место, то описать, на кого мы были похожи, очень трудно — просто комок грязи. На НП были командиры и разведчики всех полков, в том числе командир дивизии. Подошел к нам комбат Стефанцов и сказал: «Ну и в карусель же вы попали! Страшно было?» Семен молчал, он же мужчина, а я ответила: «До смерти!» И каким-то нечеловеческим голосом крикнула: «У меня 22 апреля день рождения, я хочу жить! Жить хочу!»

[...] Последние дни войны. Начало мая. В одном большом доме, где наши разведчики-артиллеристы вели наблюдение через сте-

реотрубу, я тоже смотрела в нее. Отлично было видно, как фашисты выбегали из домов, бежали, что-то руками показывали в небо. Одновременно высоко в небе показалась наша авиация, шли бомбить гада. И вдруг слышу надрывный голос, кричал офицер летного полка: «Вовка, Вовка! Что ты делаешь? Как ты зашел? Ты же нашу пехоту бьешь!» Ужасно было больно в душе. Были такие серьезные ошибки, все было на фронте. А потом привели пленного офицера — «языка». Ох, сколько было ненависти и зла у меня. Так бы подошла и дала по морде ему за все, за всех живых и мертвых, да нельзя. Вскоре пришел наш офицер-переводчик. Сам из себя высокий, быстрые умные глаза, молодой, лет 25, фамилию не знаю, к моему сожалению. Разведчики говорили между собой про пленных, и было у них большое горе, погиб товарищ в этой операции. Пленный сидел на чурбане, а нашему офицеру стул дали.

Дороги фронта нас бросали в Польшу, Венгрию, Чехословакию. И наконец-то победа! Помню этот день. Мы шли маршем, была дана команда на привал. День жаркий, солдаты усталые, грязные, пыльные. Кто сидел, а кто лежал на обочине дороги. И вдруг скачет верховой с криками: «Победа, Победа!»

Настал долгожданный, счастливый час. Описать чувства тех дорогих для меня людей, с которыми пережила все ужасы, тяготы войны, с которыми прошла дорогами смерти, страха и счастья, я просто не могу, это надо все пережить. Это надо все своим сердцем прочувствовать, до глубины души, тогда только можно понять, оценить счастливый час, каждого солдата, каждого командира, как он воспринимал его в этот миг. Выражение лица, движения, все целовались, объятия со всех сторон, кричали, из автоматов в воздух салютовали, и только было слышно: «Победа! Победа!»

Ко мне подошел Волошин, ему за 50 лет было. Обнял меня и, плача, говорил: «Доченька, мы победили фашиста! Мы живы! Мы счастливы! Мы придем домой!»

Да, действительно, каждый солдат, каждый командир отдал свои неоценимые силы для нашей Победы. И это мог сделать солдат — человек советской страны. Но для нас война дорогами смерти шла почти еще неделю. Война кончилась, а боевые друзья гибли. И как наши сердца тогда могли все это пережить. [...]

ГКУ ГАК, ф. Р-1483, оп. 1, д. 2, л. 11—19. Подлинник. Рукопись.

**№ 3. Из воспоминаний Апонькина Ф. Я., артиллериста
693-го стрелкового полка. 17 сентября 1960 г.**

[. . .] В феврале 1940 года я был призван в ряды Советской Армии на действительную службу.

Служил солдатом-наводчиком полковой артиллерии 693-го стрелкового полка в городе Татарске.

[...] Как только была объявлена война, моментально стали готовиться к отправке на фронт.

Вот уже 2 июля нас эшелоном отправили на фронт через Москву.

Из Москвы направили в Смоленскую область на Западный фронт в распоряжение командующего фронтом маршала Тимошенко. Прибыв на прифронтовую полосу (на берег р. Днепр), наш 74-й корпус занял оборону второго эшелона на подступе к Москве с задачей, чтобы держать оборону и не давать противнику прорваться на этом направлении фронта под г. Смоленск, в районе г. Ярцева шли сильные бои. Столкновение с противником ожидали день за днем.

27 июля по приказу командования полка и сверху для отражения атаки крупных воздушных десантов противника в районе г. Ярцево, на помощь другим воинским частям, из нашего полка выделены и отправлены на передовую линию фронта 3-й батальон, а на поддержку его артиллерийским огнем — наш 3-й огневой взвод батареи, в котором я служил.

Попрощавшись с боевыми товарищами, где были шорцы — Апа-наев Я. В., Чульжанов Г. В., Уртегешев и др., отправились и с ходу в тот же день вступили в бой. Все время вели огонь прямой наводкой с открытой ОП. Сами ужасно подвергались обстрелу противника. Провоевал четыре дня, был ранен в голову. Отправлен и лечился в эвак. госпитале № 3823 в г. Иваново.

За это короткое время я понял, что такое война, это было первым боевым крещением и уроком.

После излечения был в Гороховетском лагере Горьковской области, в маршевой батарее. Тут был агитатором, политгрупповодом, комсоргом и за командира орудия, отличником боевой и политической подготовки.

6 ноября 1941 года по приказу командира 25-го запасного артполка мне было присвоено звание ефрейтора.

31 декабря из этой части меня направили в г. Солнечногорск Калининской области, где формировался новый 410-й гаубичный артполк, дивизию не помню, входил в состав 41-й армии Калининского фронта. В этом полку с января по март 1942 года учился в полковой школе и выпущен досрочно со званием сержанта.

21 марта направлен на передовую линию в тот же полк командиром орудия¹ 76-мм дивизионной пушки (ЗиС) в 3-ю батарею. ОП батареи была под г. Велижа, потом перевели под г. Белое, где долгое время стояли в активной обороне. Тут наш орудийный расчет по ведению огня в полку отличился. Об этом было написано в дивизионной газете², и сфотографирован для истории полка. Здесь я стал кандидатом в члены КПСС. Как отличившегося сержанта меня направили учиться на прифронтовые курсы младших лейтенантов, где проучился пять месяцев и получил звание «младший лейтенант».

На курсах теоретически подготовился. Предо мною была задача — учить и воспитывать своих подчиненных в деле победы над врагом.

По окончании курсов, в январе 1943 г., возвратился в свою 41-ю армию, приступил к обязанностям командира взвода батареи в отдельном арт. дивизионе 91-й сталинской добровольческой бригады сибиряков. Это было под г. Белое³.

В конце апреля нас отвели в тыл в районе г. Гжатск на отдых и на переформирование. Здесь из нескольких отдельных бригад сформирован 19-й стрелковый корпус добровольцев-сибиряков. В состав корпуса входили 56-я, 62-я, 72-я стрелковые дивизии, наша была 56-я, куда входил 189-й артполк, где я служил. 19-й⁴ стрелковый корпус входил в состав 10-й гвардейской армии. По приказу командующего армией нам присвоено звание «гвардейский» и мне⁵ «лейтенант».

После формирования мы в бою действовали в составе 10-й гвардейской армии. Наша армия была прорывная: где следовало проры-

¹ Далее зачеркнуто: в 3-ю батарею.

² Далее зачеркнуто: а при.

³ Далее зачеркнуто: через несколько время.

⁴ Далее зачеркнуто: корпус.

⁵ Далее зачеркнуто: лично.

вать оборону противника, там была наша армия. Даже противник знал, что где 10-я армия, там будет прорыв фронта.

В декабре нас перебросили в Калининскую область, она уже была освобождена полностью, линия фронта прошла по прибалтийским республикам, образовались новые фронты — 1-й, 2-й, 3-й Прибалтийские. Наша 10-я армия действовала на 2-м Прибалтийском фронте. Командующим был (ныне) маршал Советского Союза А. И. Еременко. В процессе боев приходилось мне выполнять многие ответственные боевые задачи на передовой линии, за что командованием 10-й гв. армии за образцовое выполнение заданий командования на фронте в борьбе с немецкими захватчиками и проявление при этом доблести и мужества я награжден медалью «За отвагу».

На одном боевом участке при исполнении обязанностей командира батареи в сложной обстановке я был ранен и вышел из строя.

Направлен в медсанбат, затем в эвакогоспиталь № 2478 в г. Кувышиново.

После излечения из госпиталя направлен в распоряжение штаба 1-го Прибалтийского фронта, а из штаба 1-го Прибалтийского фронта переведен на 2-й Прибалтийский фронт и добрался до своего 189-го артполка. Сколько было радости при встрече с боевыми друзьями, чувствовал себя, как в родной семье. Тут назначен командиром взвода управления 1-й батареи, где оказался командир батареи ст. лейтенант Морозов — опытный, быстро ориентировался в любой сложной обстановке. Благодаря его смекалке в корректировке арт. огня, мы вышли из тяжелой обстановки боя, чуть не попав в окружение¹. Бои шли в Латвии, скоро должна освободиться² Прибалтика. Настроение всего личного состава батареи было бодрое и веселое — скоро с территории Советского Союза будут изгнаны немецкие оккупанты. Все имели желание идти только вперед, бить врага.

В Латвии, севернее г. Мадона, на хуторе Мотект, от обстрела противника я был ранен в ногу. Отправлен в медсанбат, а оттуда в эвакогоспиталь № 1247 г. Муром Владимирской области. Пролежал более четырех месяцев. Лечился и ежедневно слушал радостные со-

¹ Далее зачеркнуто: Мы с ним проходили по Латвии.

² Далее зачеркнуто: Латв.

общения Совинформбюро, что наши войска успешно продвигаются вперед, освобождая от немецких оккупантов территории Советского Союза, изгоняют с территории западно-европейских государств.

В этом госпитале подшефные организации мне поднесли подарок — отрез серого сукна для шинели. Это еще раз показывает заботу советского народа о воинах Советской Армии и воодушевляет на новые подвиги для скорейшей победы над врагом.

После выздоровления выписан в распоряжение отдела кадров артиллерии Московского военного округа. Из Москвы направлен в резерв МВО, опять в Гороховецкий лагерь. [...] Там было скучно, потому что я уже привык к фронтовой жизни, думал как можно быстрее попасть на фронт. Тогда у командования [...] попросился, чтобы меня перевели в маршевую батарею. Моя просьба была удовлетворена, направлен в отдел кадров артиллерии лагеря, отсюда получил назначение в 989-й Печенгинский Краснознаменный гаубичный полк командиром огневого взвода в 59-ю маршевую батарею.

24 февраля наши маршевые батареи¹ отправили на фронт через территорию Польши в Германию в распоряжение штаба 1-го Украинского фронта, командующим которого был (ныне) маршал Советского Союза Конев.

По прибытии на фронт нас определили в состав 292-го артполка 128-й стрелковой дивизии 118-го стрелкового корпуса 21-й армии. Мы были в 3-м дивизионе 9-й батареи. Заняли боевой рубеж и вступили в бой. Чувствовали скорую победу.

7 мая я² с командира огневого взвода был назначен командиром взвода управления батареи. В эту же ночь наш полк готовился к наступлению. 8 мая утром мы потеряли противника, который стоял против нас. Разведка доложила, что их нет. Стали преследовать противника. Потом узнали, что немцы отходят. 9 мая сообщено, что немцы капитулировали, война окончена. При этом сколько было радости у воинов, одни обнимаются, другие — целуются. [...]

ГКУ ГАК, ф. П-483, оп. 1, д. 130, л. 2об.–8. Подлинник. Рукопись.

¹ Вписано над строкой.

² Далее зачеркнуто: был.

**№ 4. Из воспоминаний Бакаушина Евгения
Александровича, старшего сержанта
1248-го стрелкового полка 376-й Кузбасско-
Псковской Краснознаменной стрелковой дивизии.
26 августа 1981 г.**

В ночь с 24 на 25 декабря 1944 года 1248-й с. п. атаковал один населенный пункт в районе Тукумской группировки фашистских войск. В это время я был командиром отделения стрелков и хорошо помню свою первую ночную атаку. Она была проведена без артподготовки. В темноте мы ворвались в окопы противника и там засели. Когда рассвело, увидели, что наши два взвода заняли примерно метров 120—150 фашистской траншеи, а большая ее часть осталась у врага. Два других наших взвода остались слева или далеко позади. С самого раннего утра началась длинная и кучная артиллерийско-минометная стрельба. [...]

[...] Взрывы гранат противника приближались, и немцы стали теснить нас из занятой части траншеи, но вдруг раздались залпы нашей артиллерии и «Катюш», заставив врага прилечь к земле. В это время я направил огонь своего автомата вдоль траншеи и приказал пулеметчику установить ручной пулемет, который беспрерывно вел огонь вдоль траншеи, не давая фашистам возможности подняться. Но тут и из соседних окопов начали подползать вражеские солдаты. Огнем из своего автомата я пригвоздил примерно 15—20 солдат противника, меня поддерживали бойцы. Разгорелась стрельба, и тут пуля ударила меня в руку. Товарищи перевязали рану, и, несмотря на продолжающееся кровотечение, я продолжал командовать взводами. И только когда наша артиллерия основательно прижала вражеские позиции, я решился уйти в медсанбат. Пройдя несколько десятков метров по ложине, я увидел, что за мной следом оставили траншеи почти все солдаты во главе с командиром второго взвода.

Я вынужден был организовать атаку, и мы заняли вторично оставленную позицию. После этого я ушел в медсанбат. Очутившись в госпитале города Риги, я узнал, что на НП полка был командир дивизии, и что я награжден орденом Славы III степени за этот бой. [...]

ГКУ ГАК, ф. Р-1483, оп. 1, д. 3, л. 2—3. Подлинник. Рукопись.

**№ 5. *Воспоминания Бакиной Софьи Степановны
о боевых действиях 7-го зенитно-пулеметного
полка. 20 апреля 1970 г.***

В 1941 г. я, окончив школу-семилетку, была направлена на работу в Елыкаевскую семилетнюю школу. И вот война. Мы, несколько девчат, написали заявления, чтоб послали на фронт. 27 мая 1942 года большая группа нас, девушек-сибирячек, комсомолок, добровольно ушла в действующую армию. Из Кемерово мы уходили человек 120. В эту же ночь нас отправили. По дороге на Новосибирск и в Новосибирске к нашему эшелону еще присоединили вагоны. Таким образом, целый эшелон одних девчонок 18—22 лет. Сначала мы и не знали, куда едем. Уже позднее, по дороге, нас стали готовить на случай бомбежки. Узнали и то, что едем в сторону Харькова. В дороге были дни 8—9. Привезли нас на ст. Купянск, это недалеко от Харькова. Там нас расформировали по подразделениям. Нас, кузбассовцев, много попало в 7-й зенитно-пулеметный полк. Здесь нам определили наши военные специальности пулеметчиц и связистов. Мне на долю выпала связь. Направили нас для обучения на ст. Валуйки. Здесь мы, не знавшие, что такое война, необученные, получили первое боевое крещение — бомбежку. Стояли от передовой на разных расстояниях и в основном «нашими» были бомбежки. Учились мы своим новым специальностям недолго, приняли присягу, и мы — солдаты. Нас направили в батальоны, роты, а мужчин отправили на передовую, мы заменили их. Остался только командный состав. 1942 год был еще очень трудный для нас. Немецкая армия имела перевес в военной технике и продвигалась вглубь нашей Родины. Пришлось отходить, отходили и мы вместе со всеми частями. Нам, зенитчикам, в основном пришлось оборонять железнодорожные (узловые) станции, железнодорожные мосты и важные коммуникации, снабжавшие фронт.

Первый налет пришлось отражать в Лисках, железнодорожный мост через р. Дон. Здесь были наши первые подвиги, здесь были наши первые жертвы. Первая сбила самолет в этом бою наша Зоя Прохода из Белово (ныне живет в Закарпатье). Были мы на обороне жел.-дор. станций: Грязи, Таловая, Хреновое, Бобров, Поворино, Борисоглебск, Балашов, Новохоперск, Алексеевка, Валуйки, Нежин,

После освобождения Киева наш полк за-

низил оборону на переправах через реку Днепр. Сначала сапёрами был навешен канатный мост, а после где-то в течение недели был построен мост на деревянных сваях. Это стала основная магистраль снабжающая фронт. Так как этот мост был построен ниже над водой, то зимой 1943 г. началось строительство другого моста выше, но тоже на деревянных сваях. Днём и ночью велись работы на строительстве моста, днём и ночью наши самолёты бомбили, стараясь помешать. Наши девушки стояли на обороне этого моста

Бахмаг, Конотоп, Дарница и многих других. Прослужив некоторое время, некоторым из нас было присвоено воинское звание мл. сержанта, и назначили нас командирами пулеметных расчетов, отделений связи. Меня назначили командиром отделения управления связи батальона. В отделении нас девушек было семеро. Обеспечивали связью роты, взводы. Связь на войне — глаза и уши командира. Вот нам и пришлось быть ими. Тот, кто был на войне, знает, что значит навести линию или восстановить ее во время бомбежки или

обстрела. В 1942 году, когда началось наступление наших войск под Москвой, а потом в Сталинграде, стали продвигаться и мы вместе с наступающими частями.

После освобождения Киева наш полк занял оборону на переправах через реку Днепр. Сначала саперами был наведен понтонный мост, а после, где-то в течение полумесяца, был построен железно-дорожный мост на деревянных сваях. Он стал основной магистралью, снабжающей фронт. Так как этот мост был построен низко над водой, то зимой 1943 г. началось строительство другого моста, выше, но тоже на деревянных сваях. Днем и ночью велись работы на строительстве моста, днем и ночью немецкие самолеты бомбили, стараясь помешать. Наши девчата стояли на обороне этого моста и всей стройки. В течение зимы был построен мост, а немного подальше и автогужевой, где пришлось занять оборону еще одному нашему батальону. На мостах для наших пулеметов по обе стороны были построены площадки. И вот, стоя на ветру, под дождем, снегом и бомбами, приходилось вести оборону нашим девчатам. И вот, когда они (польские солдаты — прим. сост.) проезжали уже после боя этот мост, то увидели у пулеметов наших девчат, были восхищены ими. Особенно был сильный массированный налет в апреле 1944 года. Было около 300 самолето-налетов на мосты и жел.-дор. станцию Дарница. Бой длился несколько часов. Во время этого налета погибли наши подружки — это Катя Кохотова, Аня Проскурина и Груня Гнездилова. Бомба попала прямо к ним в вышку и разорвалась под ней. В этом бою была ранена Катя Колокольцова — наша кемеровчанка. Отличились во время налета Зоя Фурман — связистка, была награждена орденом Отечественной войны III ст.; Катя Компан[е]ец, Клара Сухоруких — орденами Красной Звезды. Было много награждено медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». 19 июня 1944 г. наш полк Указом Президиума Верховного Совета СССР был награжден орденом Красного Знамени.

К концу войны мы имели на боевом счету полка 59 сбитых вражеских самолетов. Значит, и мы, девчонки, что-то могли сделать для защиты Родины. Значит, не зря мы пришли в армию.

ГКУ ГАК, ф. П-483, оп. 1, д. 376, л. 1-4об. Подлинник. Рукопись.

**№ 6. Из воспоминаний Бахтеевой (Новожиловой)
Екатерины Ильиничны о боевых действиях 7-го
Краснознаменного зенитно-пулеметного полка.
26 апреля 1970 г.**

В апреле 1942 г. ЦК ВЛКСМ обратился с призывом: «Комсомольцы, на фронт!». На призыв горячо откликнулись комсомольцы Кузбасса. 27 мая 1942 года уходил эшелон молодых добровольцев — девушек и женщин, сформированный на Кузнецкой земле. Среди них были и мои фронтовые подруги, с которыми прошел и мой фронтовой путь в 7-м Краснознаменном зенитно-пулеметном полку.

Мои подруги познали горечь и боль отступления из-под Купянска на Харьковщине, Валук, Алексеевки, где впервые пришлось близко встретиться с врагом, бить по самолетам противника.

4 июля 1942 года, вечером, за городом Алексеевка были выброшены парашютисты, стороной прошли группами вражеские самолеты и несколько из них прошли над Алексеевкой. По самолетам вели огонь из пулеметов, самолеты быстро набрали высоту, улетая на восток. В этом первом для нас бою участвовали: Нина Миронова, Полина Тулина, Катя Компан[и]ец, Тася Карницкая (сейчас Голева), Вера Иванова из г. Кемерово [...], Клава Бороздун из Новосибирской области, Саша Аврова из Прокопьевска и другие девушки, которых сейчас уже не могу припомнить. Нас тогда было по одной девушке в расчете.

5 июля 1942 года, в воскресенье, была такая тишина, словно все вымерло, на станции было очень мало железнодорожных составов, я пошла за завтраком для расчета на кухню, там узнала, что мы должны срочно менять огневые позиции, выехать за город, и когда мы выезжали по верхней дороге, были хорошо видны в бинокль идущие в стороне танки и мотопехота — это в город входили фашисты.

За городом нас остановили бойцы заградотряда, спросили, что так поздно выехали из города, ведь по пятам идет враг, захотели попасть в лапы к немцу? «А теперь, — сказали они, — мы остаемся задержать врага». [...]

Были тогда нашими командирами младшие сержанты Мостовой, Пономаренко, ефрейтор Чурляев, сержанты Сила, Румянцев (в роте было девять зенитно-пулеметных расчетов), командир роты ст. лей-

тенант Пискарев, замполит-политрук Корнеев, командиры взводов лейтенанты Слащев, Морозов и старшина Ищенко. Старшиной роты был сержант Ефремов, остальных командиров припомнить не могу, пусть простят те, кого память за долгие годы не смогла сохранить.

Был получен приказ прикрывать отступающую кавалерийскую часть у села Матрена Гезовая, это в 12 км от г. Алексеевка.

Вскоре по прибытии нашего подразделения налетели фашистские самолеты, начался бой.

Все смешалось: вой и гул самолетов, разрывы бомб, стоны и крики раненых, ржание перепуганных лошадей, треск пулеметов и нещадно палящее зноем солнце. А со всех сторон шли звеньями вражеские самолеты. Бой был неравным (ведь нас было всего девять расчетов), зенитная артиллерия на марше огня не ведет, из пулеметов на высоте, да и на большой дистанции, не достанешь. [...]

Но вот патроны кончились, и мы больше ничем не могли помочь. Кавалеристы на нас смотрели с надеждой. Вот и первый суровый бой, помните ли вы его, мои дорогие подруги — 5 июля 1942 года на окраине села у Матрены Гезовой? А наш путь лежал пока на восток, к Дону. Под покровом ночи без света медленно шли наши машины, на другой день в небольшой березовой роще ждали машину с боеприпасами, под вечер получили патроны, быстро стали набивать патронами ленты, и на душе стало как-то легче.

Страшная картина отступления: идут солдаты и люди с узлами и детьми, горят подожженные созревающие поля хлеба. У села Ольховатка в степи вновь налетели самолеты, расстреливали людей из пулеметов, бомбили дорогу и степь, по которой шли люди.

Наши зенитчики вели огонь, один из стервятников — «Мессершмитт», удаляясь, пустил черный шлейф дыма, все обрадовались, что хоть одному разбойнику дали по его заслугам. Вели тогда огонь ефрейтор Чурляев, ефрейтор Медведев — наводчик и Николай, фамилии не могу вспомнить — это наводчик из расчета мл. сержанта Пономаренко.

По полю подбирали раненых на свои машины. У нас было 3 солдата тяжело ранены, которых мы должны были довести до эвакуационного пункта в Ольховатскую школу. Когда мы выехали из Ольховатки, с горы было видно, как на окраине села в разных концах загорелись несколько хат — это пришли фашисты.

8 июля 1942 года мы были в городе Богучар. Город этот, скорее, похож на большое, красивое, в вишневых садах село. В основном здесь были размещены воинские части, местных жителей было очень мало, видимо, все местное население эвакуировано за Дон, и те, кто нам встречался из горожан, были усталые, с печалью и тревогой в глазах, в основном были женщины и старики. Да и как было не тревожиться, ведь они понимали, что скоро придут немцы, и что будет с родным городом, что будет с ними?

К полудню налетели самолеты, их было мало, но дел гнусных натворили много, загорелись хаты, а в центре разрушили почти всю церковь, школу. Все эти¹ ужасные картины, смерть, плач, стоны раненых до глубины души волновали всех, кто это видел, и, в первую очередь, солдат. Ведь мы понимали хорошо, что должны за все эти злодеяния сурово наказать врага. [...]

А еще мне запомнилась переправа на Дону в станице Казанской: по мосту шли люди, машины, тянули орудия артиллеристы. Была вроде бы установлена очередность переправы через Дон по мосту. Наша очередь была далеко, и мы расположились недалеко на крутом берегу Дона у переправы, но, видимо, был получен приказ, чтобы занять оборону на противоположном берегу, нас пропустили без очереди, и мы заняли оборону.

Это были дни тяжелого отступления и бессонные ночи, люди были усталыми, ничего не хотелось, кроме холодной воды. Мы стояли недалеко от Дона. Как нам хотелось искупаться, снять всю усталость! Получили разрешение у командира взвода лейтенанта Морозова просто подойти и умыться у Дона. Это было блаженное чувство: прохладная, нежная, бодрящая вода моментально, как рукой сняла усталость, — но не успели мы закончить умывание, как налетели самолеты на переправу, и мы втроем: Таня Борозенцева — повар, Лиза Борисова — связист и я, — бросились бежать к пулеметам, начала бить наша зенитная артиллерия, занявшая оборону тоже на берегу Дона. Когда мы прибежали к пулеметам, из которых вел огонь наводчик ефрейтор Медведев, дал он всего несколько коротких очередей, стрелять было нельзя, самолеты шли высоко, из пулеметов по ним не достанешь. Засыпали всю переправу бомбами. Да и не все ли равно им было, куда их сыпать, так как

¹ Далее зачеркнуто: печальные.

людей было очень много вокруг по всему полю, у моста и в станице Казанской. Им удалось в одном месте разбомбить мост — на глазах взлетели на воздух и ушли под воду три машины с девушками, а сколько их погибло — никто не знает.

Саперы начали чинить мост, а люди, кто мог плавать, кинулись в Дон. Кто сказал, что Дон тихий и спокойный? Он тогда был словно в гневе, кружил в своих водоворотах обессиленных людей. Мост часа через два был готов, и вновь пошли по мосту машины, солдаты, гражданское население.

За время отступления наша часть как-то растворилась в общем потоке отступающих. Затем был дан приказ выехать из станицы Казанской, на берегу остались одни солдаты из части заградотряда.

Так наш путь пролег до Поворино — крупного железнодорожного узла, где мы стояли в железнодорожном парке, заставленном железнодорожными составами. В одну из ночей был сильный налет самолетов на железнодорожный парк, были сброшены осветительные бомбы, и все вокруг осветилось — словно взошло солнце. Бомбили с большой высоты, и по приближающемуся вою и гулу самолетов вели заградительный огонь, а кругом рвались бомбы.

В Поворино мы простояли всего несколько дней и выехали на станцию Панфилово Сталинградской области. Остановились на окраине станции, а два взвода нашей роты были направлены на оборону аэродрома.

1 августа 1942 года был сильный налет на станцию Панфилово, налетело 200 фашистских самолетов: «Мессершмиттов» и «Хенкелей», — разбомбили всю станцию. Наш взвод был переведен на аэродром, а на оборону станции были поставлены зенитчики другой части.

Из Панфилова ехали через Михайловку до станции Раковка (или Раково, — не помню). Это была последняя железнодорожная станция — дальше пути не было. Наше подразделение стояло на обороне аэродрома. Днем и ночью следили «за воздухом», смотрели вслед нашим истребителям, которые улетали на прикрытие наших бомбардировщиков, штурмовиков, да и сами они часто навязывали бой фашистам.

Самолеты так близко подруливали к нашим установкам, что казалось, вот-вот столкнут их. Летчики были такие простые парни,

они часто рассказывали о проведенных воздушных боях — ведь у нас были одинаковые визирные прицелы. Иногда смеялись вместе над своими промахами. В октябре месяце ночи стали темными и холодными, а кругом выжженные поля и пылающее заревом небо. Земля стонала — шли бои под Клецкой.

Запомнился мне на всю жизнь наш простой концерт 7 ноября 1942 года. Незабываемое чувство испытывала я при исполнении песен Катюшей Белокуровой (теперь Овчинниковой). [...] А Катя Компан[и]ец читала стихи о сталеваре Иване Гаруне, у которого сын, летчик Иван Гарун, погиб в воздушном бою, и девушка-учительница пришла к его матери, не стесняясь своей любви, кинулась в объятья матери любимого, и две русские женщины, крепко прижавшись, поняли друг друга — их объединило горе. Отец успокаивал по-мужски женщин, обещая, что придет время, и он зальет горло немцам раскаленным металлом. А Катя Щекина лихо, заразительно отплясывала «Калинку». В заключение концерта была экскурсия. Замполит Иван Иванович Денисов, уроженец Ленинграда, сказал: «Я командир и приказываю всем закрыть глаза. Вот и хорошо. Представьте, мы идем по Невскому. Вам нравится, и это красиво. Вам хочется на Мойку? Пойдемте, поклонимся дому, где жил Пушкин. А меня тянет в Петропавловскую крепость. Сколько там загублено светлых жизней! Там почти вся семья Ульяновых перебыла. Я любил всегда бывать в Царском Селе. А теперь представьте, что война кончилась, и я уже пожилой, и у меня внучата, и идут четыре строгие Катюши на высоких каблуках, такие важные. Это Катя Щекина — она врач, Катя Компан[и]ец обязательно оперная певица, Катя Белокурова — железнодорожница, а Катя Новожилова, не удивляйтесь, — поэт. Первой здороваюсь с Катей Белокуровой, как с самой старшей, и благодарю ее за то, что она привезла девочек в Ленинград». Сколько бы длилось наше путешествие-мечта, никто не знает, если бы не команда «воздух»!

[...] Наша рота так далеко находилась от части, что к нам редко приезжали старшие командиры. 7 ноября был начальник штаба Шишкин, была короткая боевая информация, из которой узнали, что за время отступления нашей части зенитчики сбили 19 самолетов противника. Вели огонь по пехоте противника. Одна из рот участвовала в боях под Россошью. 19 ноября 1942 года аэродром

был переведен в другое место, а мы выехали по направлению к Ново-Анненкову. Видимо, там укрупнился аэродром, так как здесь уже стояла одна из рот нашей части другого батальона.

В один из зимних дней капитан Рожкова, знавшая ранее о прилете Жукова, Рокоссовского, рассказала о них, но говорить с ними нам не пришлось, видели их только издали. Долго смотрели вслед улетающему самолету и в душе желали спокойной дороги.

При переезде из Ново-Анненкова в Лиски наш расчет был оставлен на обороне КП части. На всю жизнь запомнилось мое второе рождение. Это было в марте 1943 года. Мы только что подъехали к штабу полка, не успели еще открыть огневых позиций, как из-за дома вылетел на бреющем полете «Мессершмитт-110», по которому мы успели открыть огонь в хвост. Вышел комиссар полка майор Грибенюк, указал нам место, где будут огневые позиции. На дворе в это время уже потемнело, мы в душе поругали придирчивого комиссара, но приказ есть приказ, и мы отъехали на указанное место. Еще не был заглушен мотор машины, как тот же «мессер» на бреющем полете сбросил бомбу в то место, где только что стоял наш расчет. [...]

К тому времени наш расчет был полностью женским. Как в душе мы благодарили придирчивого комиссара! И потом через всю мою жизнь комиссар Грибенюк пройдет красной нитью, звали мы его «вездесущим комиссаром». В нем сочетались и строгость командира, и добрая душа отца, справедливого учителя и наставника. Был он просто нашей душой. Все знали, что где-то далеко, на Полтавщине, остались у него престарелые родители и 3-летний сын. Умел он пошутить, поддержать в нужную минуту человека, глубоко скрывал свое горе.

Мы жили в то время со штабными девчатами — связистками-телефонистками полка. Во время налета они уходили в укрытие, а мы вели огонь по самолетам. Чувствовалась с их стороны забота, они старались нас опекать, казались старше нас, хотя были наши ровесницы. Особенно запомнились Леля Самец, Катя Васюкова, Катя Медведева, Машенька Морозова, Зина Красовская, Вера Гребенникова, Аня Павленко, Таня Суццевская, Аня Щеглова и другие.

Вспоминается мне такой случай: под Ново-Хоперском КП части находился на высокой и крутой горе, по склону которой рос сосно-

вый бор. Под горой проходила железная дорога. Снег, метель кругом, а дверь в нашей землянке закрывалась с одной стороны одеялом, а с другой — плащ-палаткой. Сами валили сосны и разделявали их на дрова для топки. На гору тянули из последних сил. И вот один раз, когда уже казалось, что сосна на месте, осталось только чуть-чуть, она оборвалась и покатилась под гору. Сержант-связист Аня Павленко сказала, что уже ночь, пилить ничего не видно, засмеялась заразительным смехом и сказала: «Сегодня будем спать с любовью. Слышите ли вы нас, наши потомки! Здесь стояли зенитчицы-девчонки из 7-го полка. Вы будете объясняться в любви у этих сосен, а мы благодарны им (соснам) за тепло, что они дают нам. Мы тоже все любим, но молчим. Скажем, если будем живы. И кто придумал, что парень должен первым объясняться?»

Мы разрешили Ане первой объясниться парню, которого полюбит.

Все думают, что на войне думают о войне. На самом деле думают о том, что подсказывает война.

В марте 1943 года был сильный налет на железнодорожный мост в Лисках, он был понтонный. При этом налете была убита Таня Жинкова из Прокопьевска, легко ранена Катя Щукина, убит шофер Алексей Попков с Урала. Похоронили их в одной могиле. Таня лежала, прикрыв глаза, ее белокурые волнистые¹ волосы спадали на лоб. Казалось, она спит спокойным сном, ни о чем больше не думая.

Накрыли их плащ-палаткой, холм вырос без лопаты, землю бросали руками молча. У многих были глаза влажными от слез. Здесь же была и Катя Щукина с перебинтованной ногой. Прощальную речь сказала она: «Далеко ты, Танюша, приехала, чтобы остаться в Донской степи. Как из песни казачка из пулемета строча. Поверь нашей совести и слову — мы отомстим за тебя, это так и будет. Спи спокойно!»

В июле месяце фашистов выбили из Воронежа. Красивый старинный город был весь разрушен — родина поэтов Кольцова и Никитина. От Воронежа пришел и наш час идти вперед.

Фашисты также быстро отступали, как и наступали. Наш путь пролег к Курску. Недалеко от Курска, у одного села за рекой (название не припомню), сошлись две силы, поле все усеяно подбитыми танками, самоходными орудиями и просто орудиями. Все вокруг об-

¹ Вписано над строкой чернилами.

горело. Не знаю, почему, но мы назвали это место «мертвым полем». Не помню точно, 3 или 5 августа на Курск налетело 500 самолетов, и от Курска остались одни руины и камни.

Наши машины прошли окраинами Курска, по центру невозможно было проехать — все было завалено. Наш путь лежал на запад, на Конотоп, Бахмач, Нежин. Не помню, кто-то из девчат сказал: «Вот было бы время сходить в Нежинский университет, посмотреть, где учился великий Гоголь». Да времени так и не нашлось, хотя мы стояли в Нежине в железнодорожном парке. Здесь впервые зенитчики нашего полка сбили свой самолет. Погода была пасмурная, облачность низкая, моросил мелкий дождь. Самолет возвращался с боевого задания. Мотор был поврежден, и звук исходил из него непохожий на наш самолет. На первые очереди пулеметов самолет не ответил сигналами: «Я свой». Тогда открыли перекрестный огонь со всех сторон, и самолет был сбит. Двое пилотов были убиты сразу, а один еще был жив, который позже сказал: «Мы такое задание выполнили, прошли через такой огневой заслон, а свои сбили!» [...]

Охраняемый железнодорожный парк был очень насыщен зенитными средствами. Чтобы подойти к нему, нужно было обладать большим опытом и умением пилота. Однако в один из октябрьских вечеров, когда был туман, фашистский самолет подошел с подветренной стороны так, что звука не было слышно, спланировал над железнодорожными составами, на бреющем полете сбросил большую бомбу, которая попала в состав цистерн с горючим. Цистерны начали рваться, пламя охватило другие железнодорожные составы, начали рваться боеприпасы в вагонах. Здесь же был и эшелон с ранеными. В расчете было оставлено столько человек, чтобы могли вести огонь, а остальных отправили на борьбу с огнем, на помощь раненым.

Моим подругам и мне пришлось выносить раненых — это были Катя Белокурова, Мария Ершова, Наташа Кшуманева, Таня Печенина, Валя Миронова и другие.

В одном вагоне были тяжело раненые пожилой хирург и молоденькая девушка-военфельдшер, которая просила спасти хирурга: «Вынесите его, он так нужен людям. Это чудесный доктор, а я этого ничего не могу». А хирург просил спасти молоденькую девушку: «Я свое отжил, а она-то что видела, только страх. Так уж выпол-

няйте мой приказ, я старше ее по званию». Положив на плащ-палатку, мы начали выносить их обоих. Нести было трудно ползком под вагонами. Проползли мы несколько железнодорожных путей, хирург остановил нас, сказал, что он все равно умирает. Так в ту ночь не стало военврача и молоденькой девушки-военфельдшера.

Почти всю ночь горели составы, рвались снаряды, а на рассвете на машинах увозили в братские могилы всех погибших за ночь.

Когда все закончилось, то мы увидели, что с нами был наш полковой комиссар Грибенюк. Он был усталый, измазан мазутом, весь прокопчен, но все равно подтянут, аккуратен. Побывал в каждом расчете, не ругал, что пропустили самолет, а просто разъяснял последствия этого случая.

[...] Помню, по дороге на Киев был короткий привал. Замполит капитан Ионов коротко ознакомил нас с положением на фронтах и на нашем участке. Газеты мы получали с опозданием, а знать все хотелось. На этом привале принимали в партию Валю Миронову и других девушек. Валя очень волновалась [...].

По дороге на Киев мы заехали в село Вельшаны или Вельшанка. Села-то, по существу, не было, а были руины да торчащие вверх печные трубы. У въезда в село, у дороги, под могучим дубом лежали с петлями на шее истерзанные фашистами трое мужчин, две женщины, старушка и мальчик 10—12 лет. А рядом на дубе висела наскоро написанная на фанере табличка: «Воин, видел? Отомсти за них врагу!». Каждый из нас в сердце для себя клялся отомстить и добить фашистов на их проклятой земле. Солдаты из другой части рыли могилы для захоронения повешенных, а мы поехали дальше на Киев.

Вечером с 5 на 6 ноября 1943 года мы приехали в Дарницу — пригород Киева. Моросил мелкий осенний дождь. Все расчеты были наготове. А где-то вдалеке доносились глухие выстрелы артиллерии.

Утром, в предрассветном тумане выступили силуэты великого города Киева, расположенного на высоком берегу Днепра. Командиры рот получили приказ о направлении подразделений по огневым позициям. Наш взвод срочно выехал на оборону понтонного моста через реку Десну, и 6 ноября под вечер мы были уже на Десне.

Установили свои орудия и наскоро рыли землянки. А по мосту все шли и шли наши танки и артиллеристы. Приветливо махали нам руками, указывая путь на запад. [...] С правого берега Десны

вели огонь по самолетам наши зенитчики. Стреляла Катя Белорукова — наводчик. И одному из «мессеров», видно, хорошо досталось, он накренился и стал удаляться.

9 ноября 1943 года наш взвод вернулся в Киев и занял огневую позицию около разрушенного железнодорожного моста через реку Днепр. Саперы сооружали временный понтонный мост, по которому медленно пошли эшелоны на фронт и с фронта.

Почти вся наша часть заняла оборону железнодорожного моста и, как мы называли, «деревянного моста» — это для автотранспорта и пешеходов. Как тот, так и другой мосты строили саперы.

[...] В моей памяти встает никогда незабываемая картина апрельских боев 1944 года на обороне железнодорожного моста через Днепр.

Фашисты, видимо, поставили задачу: во что бы то ни стало разбомбить железнодорожный мост через Днепр. В то время железнодорожный мост был важным стратегическим объектом. Через мост шли днем и ночью эшелоны на 1-й и 2-й Украинские фронты. С 4 по 10 апреля налеты стервятников начинались с наступлением темноты, а стихал гул их моторов на рассвете.

Целыми ночами зенитчики вели заградительный огонь, казалось, вся земля около моста дышит огнем, не допуская самолеты к цели. В эти дни, выполняя свои боевые задачи, погибли от вражеской бомбы Паша Проскурина, Гнездилова и Кокотова — сибирячки. За выполнение боевых заданий по обороне железнодорожного моста было очень много девушек награждено орденами и медалями. Помню, вручал нам правительственную награду наш командир части подполковник Чистяков С. И. А было это в мае 1944 г. [...] Первой получила орден Красной Звезды Катя Компан[и]ец — старший сержант, командир расчета. За ней — тоже старший сержант, командир расчета Филимонов. Медалью «За отвагу» награждена Маша Базыкина — сержант, командир расчета. Медалью «За боевые заслуги» награждены сержант, командир расчета Катя Щекина, я и другие. После вручения награды подполковник пригласил на обед. Время как раз было обеденное. За обедом выпили по 100 граммов фронтовых, и началась простая душевная беседа. [...]

ГКУ ГАК, ф. П-483, оп. 1, д. 370, л. 1—12. Подлинник. Машинопись.

№ 7. Из воспоминаний Борщевского Андрея Павловича, ветерана 660-го отдельного саперного батальона 376-й Кузбасско-Псковской Краснознаменной стрелковой дивизии. [1964—1985 гг.]

О первых военных трудных днях 1941 года 660-го отд. инженерно-саперного батальона /на правах полка/.

Батальон формировался в городе Топки Кемеровской области. Первая группа офицеров из штаба 376-го соединения прибыла в город Топки в начале сентября 1941 года в составе 6 человек: начальник штаба инженер-лейтенант Чечельницкий, комиссар-политрук Калининченко, зам. начальника по тылу старший лейтенант-инженер Лебедев Виктор, начальник снабжения техн.-интендант 2-го ранга Борщевский А. П., нач. фин. т [ехн.] -инт [ендант] 2 ранга Вишняков, писарь штаба рядовой Пелюченко. /Имен и отчеств не помню/.

К 1 октября формирование было закончено. 10 ноября батальон в составе 376-го соединения отправился на фронт, на Волховское направление и выгрузился на ст. Большой Двор, южнее ст. Войбоково. На подступах к городу Тихвину железная дорога не работала. Здесь впервые мы услышали артканонаду и бомбежку. Дальше следовали пешим маршем, не хватало транспорта, технику и материальное снабжение везли на лошадях, нам и другим полкам помогали колхозники и рабочие совхозов, в основном старики, женщины и подростки. Неоднократно мы подвергались авианалетам — в городе Тихвине шли бои, гремела канонада, части дивизии обошли Тихвин, тем самым ускорили его освобождение.

26 декабря 1942 года 660-й саперный батальон с другими полками занял исходные рубежи у ст. Любань, сдерживая натиск во много раз превосходящего противника. Мы подвергались налетам авиации с опознавательными знаками фашистов: германских, финских, итальянских и др. стран. 20 февраля 1942 года в саперный батальон приехал на машине 1-й ком. 376-й дивизии полковник т. Угорич, отдал распоряжение: всем службам тыла соедин [ения], 660-му батальону и др. полкам до поворота речки занять исходные позиции, так как противник 10—20/II-42 г. круглосуточно переходил в контратаку, хотел любой ценой потопить 376-е соединение в реке Волхове, но мы устояли, не отступила дивизия. В этом бою

саперный батальон понес большие потери, выполняя сложную задачу — минирование полей и устройство других препятствий для противника, в этом бою погиб и командир 660-го бат [альона] лейтенант-инженер Тропинин и похоронен на берегу Волхова, восточнее рабочего домика.

В феврале 1942 г. была окружена 2-я ударная армия в районе Мясного Бора, 23/III-42 г. 376-е соединение прорвало кольцо окружения и соединилось со 2-й ударной армией, держали коридор 500—800 метров. Очень трудно было держать этот коридор, так как там было топкое болото, все ходили и сидели до колен в воде. Началось таяние снега, все речки и болота наполнились водой со снегом, весь коридор простреливался автоматным-пулеметным огнем. Особенно большие потери понес в этом коридоре 1250-й стрелковый полк, здесь погиб и командир полка, майор, который был призван из запаса, фамилию его знали немногие /я фамилию не знаю/. Я был в это время командиром взвода. Здесь же проявил отвагу 660-й саперный батальон — строили узкоколейную дорогу по вышеуказанному коридору с помощью пехоты 1250-го стр. полка. Несмотря на сильный автоматный огонь — простреливался этот коридор днем и ночью — рубили подручный лес, чащу, укладывали на топкое болото, а затем рельсы узкоколейного малого габарита, и шахтерские вагонетки доставляли боеприпасы, продовольствие, одежду и медикаменты, а на обратном пути вывозили раненых, детей, женщин и стариков из осажденного района Ольховки. Из этого района многие не вышли — потонули в речках и болотах. В этом бою я был контужен и совсем беспомощным был отправлен в госпиталь в Селищенские казармы. После лечения я был направлен в 113-е Эстонское соединение 103-го стр. полка командиром взвода и роты. Эта дивизия параллельно с 376-й освобождала Прибалтийские республики, а войну закончили в районе Тукумса. [...]

После освобождения городов Прибалтики — Риги, Салдуса, Валка и многих других населенных пунктов — и на подходе к древнему замку Сан-Илус встретили сильное сопротивление противника, шли бои ожесточенные, в которых примерно неделю подряд участвовали все рода войск. Наша дивизия прибыла с марша для замены усталых частей, получила пополнение на марше. Я был командиром взвода. Не было времени хотя бы немного познакомиться

*Борщевский Андрей Павлович. 1941 г.
ГКУ ГАК, ф. Р-1483, оп. 1, д. 4, л. 4.*

с личным составом, вверенным под мое командование, пришлось объяснить им немного — самое главное, и пошли в бой. На рассвете заняли исходные позиции на глазах у противника, так как у него было больше преимуществ — он на большой высоте в траншее, а мы под горой и без траншеи. Последовал сигнал, все пошли

в атаку, ведя автоматный усиленный огонь, но пришлось залечь, и потом атака вновь повторилась без успехов. Тогда разделились на три группы. Дело было уже к вечеру. Первая группа — заслон слева, вторая принимает огонь на себя, это значит твердо стоять до конца, третья пошла в обход справа. И когда мы открыли внезапный автоматный огонь, противник не ожидал и в панике бросил траншеи на высоте, а мы тем временем все три группы соединились в траншее. Много товарищей было убито, все были мало обучены, в бою многие участвовали впервые. Заняв траншею, мы сразу же приготовились к контратаке. Через некоторое время противник перешел в контратаку, у нас было очень мало патронов. «Впустую не стрелять», — была моя команда. Когда цели противника были совсем близко и начали бросать гранаты, нам пришлось открыть огонь из всего оружия, но противник повторил с большой силой атаку. После третьей атаки мы оказались в невыгодном положении: противник слева потеснил наш соседний батальон до двух км. Справа не было связи с нашими частями. Тогда мой взвод начал менять позиции задним ходом, положение было с угрозой окружения нас, в таком замешательстве моей команды «ни шагу назад» не было. Только я подал свой голос, как обращение к своим солдатам, что я отсюда никуда не пойду, и кто комсомольцы — вернитесь к своим окопам. Вижу — они остановились, посмотрели друг на друга, и хотя их осталось очень мало — все вернулись на огневые позиции и еще отбили две атаки. Слева тоже положение восстановилось, а на рассвете нас заменили новые части. Я только узнал, что все эти солдаты были комсомольцами, а осталось их всего пять человек да я шестой.

Утром мы пошли в указанное расположение. Всю ночь, пока мы отбивали атаки противника, шел сентябрьский дождь, все мы были очень грязные и промокшие.

Мне, конечно, было очень трудно, многое пережил, пока дошел до расположения сбора, еще труднее было отчитываться за большие потери в бою. Нас встретил командир соединения полковник Шкель и командир полка полковник Ковзун. Не доходя до них, я хотел доложить обо всем, но командир полка сказал: «Все знаю», — обнял нас всех. Все мы были награждены.

ГКУ ГАК, ф. Р-1483, оп. 1, д. 4, л. 2—4. Подлинник. Машинопись.

**№ 8. *Из воспоминаний Воробьевой Крелии Ивановны
об участии в Великой Отечественной войне.
24 февраля 1965 г.***

[...] На фронте в первом бою я была в роте противотанковых ружей. Рота моя подошла к местности, которую немцы сильно обстреливали из миномета. Это пространство называли «квадрат смерти». Надо было его пройти, чтобы вступить в бой с врагом. Мы шли зигзагами, ползли и перебежали. Как раз в этом «квадрате смерти» мне пришлось перевязывать двух бойцов. Разрывы мин не давали возможности действовать. Первая очередь меня оглушила, а от второй загорелся мешок на спине у раненого, которого я перевязывала. Нам предстояла гибель, если мешок взорвется. Я быстро обрезала ремни мешка, отбросила его в сторону.

Только я начала перевязывать второго бойца — еще раз ранили первого. Пришлось мне тащить товарищей на себе. К нам на помощь послали двух бойцов, но они не доползли, были убиты. Потом, когда раненых эвакуировали на лошади, мне надо было вернуться по этому же месту обратно в роту. Меня уже не ждали, не верили, что я жива. Я чувствовала страшную усталость, но поднялась и пошла. Свистели пули, несколько раз приходилось ложиться на землю. Но вот я уже у окопов, бойцы меня схватили, втащили в окоп. И тут только я заметила, что у меня руки в крови, шинель разорвана. Я поняла, что немецкая пуля «обожгла» мне плечо.

Тогда я получила первую благодарность, которая обязывала меня на новые боевые дела.

Помню второй бой, когда надо было освободить один населенный пункт. Немцы стреляли по нашей линии так, что не поднять было головы. Послали разведку. Потом видим — командир наш поднимается во весь рост и идет вперед. Он ничего не говорит, молча идет, но бойцы поняли. Несмотря на бешеный огонь врага, мы поднялись и пошли в атаку.

[...] Было много раненых, пришлось перевязывать. Немец решил отойти, оставил населенный пункт. Это была груда развалин. Мы увидели трупы наших советских женщин, трупы погибших детей. Какая жажда мщения охватила нас! Немец предпринял новую атаку. Вышло так: на одной стороне деревни наша рота, на другой

стороне автоматчики, а дорогу посредине обстреливают пулеметы противника. Вдруг мы слышим, командир роты автоматчиков ранен, нужна помощь. Наш командир приказал мне трогаться, потому что не было никакой возможности перейти дорогу под ураганным огнем. Но я не смогла удержаться, устоять на месте. Только командир отвернулся, я, сама не знаю как, очутилась на другой стороне. Не понимаю, как меня не убило. Я вбежала в первый дом. Там лежал раненый немец. Он хотел выстрелить в меня, но я опередила его, убила прикладом. Во второй комнате лежал наш командир автоматчиков. Тяжело раненый, он умер на моих руках. Это был боевой друг всех бойцов, и его не стало. Когда отбили вторую атаку врага, мы на грудях развалин собрали комсомольское собрание. Комсомольцы клялись отомстить врагу за смерть своего командира, уничтожить 20 немецких офицеров.

Такие комсомольские собрания мы проводили после каждого боя. На одном собрании мы сообщили комсомольцам, что один молодой боец перед смертью написал кровью на своем комсомольском билете: «Умираю, товарищи, а как хочется жить, бороться, уничтожать врага...».

Яростной схваткой с врагом ответили комсомольцы на гибель товарища.

Однажды шел бой. Крикнули, что есть раненые. Я сняла все лишнее обмундирование, одела маскировочный халат и поползла. Пробираясь приходилось осторожно: противник вел перекрестный огонь. Я доползла до раненых, и здесь меня саму ранили.

Прощаясь с товарищами, я обещала, что обязательно вернусь.

ГКУ ГАК, ф. П-483, оп. 1, д. 174, л. 3—5. Подлинник. Машинопись.

**№ 9. Из воспоминаний Гапоненко Антона
Демидовича, ветерана 376-й Кузбасско-Псковской
Краснознаменной стрелковой дивизии.
24 октября 1978 г.**

[. . .] В начале июня 1941 г. меня как зав. делопроизводством Кемеровского пехотного училища командировали в наркомат обороны для оформления приказа о присвоении воинского звания и назначении по частям Красной Армии выпускников училища.

16 июня 1941 г. зам. наркома маршал С. М. Буденный подписал данный приказ. Я выехал в Кемерово для дальнейшего прохождения службы. Помню, как по местному времени в 5 часов утра (московское — 1 час ночи) прибыл домой, а в 7 утра связной Олейник громким стуком в дверь поднял по тревоге и объявил о нападении фашистской Германии на нашу Родину.

В училище продолжалась подготовка курсантов ко второму выпуску и набор нового контингента курсантов. Одновременно велась подготовка к оформлению боевых частей по мобилизации военного времени.

В начале августа для формирования дивизии прибыли в училище назначенный командиром 376-й с. д. подполковник Угорич Д. И., начальник штаба Исаков и начальник снабжения дивизии капитан Кармалев (бывший зам. председателя Омского горисполкома), а также другие командиры и политработники. 15—20 августа началось интенсивное формирование дивизии по всему Кузбассу.

1248-й стрелковый полк, батальон связи и штаб дивизии размещались в Кемерово на территории пехотного училища. 1250-й с. п. формировался в г. Прокопьевске, 1252-й с. п. — в г. Сталинске, 943-й артполк — в г. Ленинске-Кузнецком, 660-й отдельный саперный батальон — в г. Топки.

Одновременно с формированием частей велась интенсивная подготовка личного состава. Пехотное училище откомандировало часть кадровых офицеров в дивизию: капитана Осипова Д. П., назначенного начальником оперативного отдела дивизии, майора Грушкевича Т. Н. — командиром 1250-го с. п., меня назначили начальником административно-хозяйственной части батальона связи дивизии, в которой пробыл несколько дней. Пополнение личного

состава проводилось военкоматами. Незначительную часть боевой техники, боеприпасов и снаряжения выдали базы СибВО. Обмундирован личный состав дивизии был по летней форме одежды.

В начале ноября 1941 г. дивизия в основном закончила комплектование и боевую подготовку. [...]

Дивизию передислоцировали в распоряжение 59-й резервной армии Волховского фронта.

12 ноября 1941 г. на марше в эшелоне меня назначили начальником обозно-вещевой службы дивизии. Ввиду того что дивизия была недоукомплектована снаряжением, мне было приказано опередить эшелоны в г. Омске с баз СибВО обеспечить проходящие поезда с войсками всем снаряжением. Но ввиду отсутствия ресурсов полностью обеспечить проходящие эшелоны не удалось.

К концу ноября 1941 г. дивизия расквартировалась в Череповецком районе в сторону Тихвина по ж/д Ленинград — Череповец. [...]

Ноябрь-декабрь 1941 г. были с лютыми морозами в Ленинградской области минус 40—45°, фашисты стремились соединиться с белофиннами и замкнуть кольцо блокады. Воины Волховского и Ленинградского фронтов ценой героической стойкости и больших потерь при недостаточной обеспеченности боевой техникой, снаряжением, боеприпасами и транспортом противостояли превосходящим силам фашистов, выбив их из Тихвина и отогнав за Волхов.

В это время дивизию срочно передислоцировали на ст. Большой Двор под Тихвином.

Фашисты, заметив прибытие эшелонов, бомбили как им хотелось, так как не было заградительного зенитного огня и авиационного прикрытия.

29 декабря 1941 г. командир дивизии Угорич Д. И. ночью созвал совещание командиров полков, батальонов, начальников служб дивизии и командиров приданных частей, на котором отдал приказ полкам и частям вступить в бой с фашистскими войсками в полосе Пертечно — Водосье с развитием наступления на Чудово. Все нанесли на боевую карту полосу наступления и развития боя.

При господствующей авиации фашистов, полном отсутствии автотранспорта, в тяжелых климатических условиях 40—45° мороза приходилось обеспечивать передовые части дивизии всеми видами снаряжения для ведения боя.

Несмотря на некомплектность всего вооружения и снаряжения, воины-сибиряки оттеснили превосходящие силы фашистов к Чудово-3.

31 декабря 1941 г. мне нужно было проверить обеспечение рот на переднем крае. Я вышел к правому берегу реки Волхов и устью реки Оскуй без связного, на этом ледяном плесе меня обнаружили два фашистских «Мессершмитта» и начали обстреливать из пулеметов, пока перебежал на левый берег в лес, они 3 раза развернулись и обстреляли.

20 марта 1942 г. приказом генерала Мерецкова К. А. дивизия срочно была перевезена на ст. Лесной Бор Новгородской области для сдерживания фашистов, стремившихся замкнуть кольцо окружения 2-й ударной армии. Фашисты стремились закрыть выход на участки 300—800 м, и отборными войсками вели жесточайший огонь по нашей дивизии. В весенней распутице и бездорожье под сильным ураганным огнем противника я с шофером Торбазовым П. А. ночью с 25 на 26.03.1942 г. повезли боеприпасы и снаряжение в горловину, где было много разбитой техники и много трупов. Лежа на крыле машины в темноте тихим голосом я подавал команду, куда ехать, а Торбазов П. А. своим чутьем определял движение колес и работу двигателя.

Доставив все, разгрузились. В это время фашисты осветили ракетой эту местность и, обнаружив нас, стали сильным пулеметно-минометным огнем обстреливать, но нам удалось из-под этого интенсивного огня выскочить невредимыми метров на 300—500, погрузить раненых и доставить их в санбат.

9 ноября 1942 г. меня тяжело ранило, и я выбыл из строя до мая 1943 г. В октябре 1943 г. дивизия сформировала лыжный батальон. Командиром батальона был назначен капитан Богаткин, зам. по политчасти — капитан Волков, зам. по строевой — капитан Осипов и зам. по тылу — я. Формирование и боевая подготовка лыжников велась до января 1944 г.

24 января 1944 г. дивизия, находясь под Красным Бором в районе Колпино, перешла в решительное наступление на Павловск-Пушкин и далее на Ново-Лисино. В это время лыжному батальону была поставлена задача: выйти в тыл фашистам и перерезать дорогу между ст. Ново-Лисино и дер. Поги.

Батальон сосредоточился в лесу у перекрестка железной дороги Ленинград — Вырица и Гатчина — Новолисино.

Ночью, дату точно не помню, вышли в тыл в заданное место, фашисты ст. Новолисино удерживали всеми средствами огня, т. к. у них там была база боевой техники и снаряжения.

Перерезав дорогу, батальон открыл бой в тылу фашистов, которые в панике, бросая все, стали отступать лесом в направлении Лисино — Корпус — Вырица.

Наши полки освободили Новолисино и пошли в наступление на д. Поги. К утру фашисты организовали оборону д. Поги и сильным огнем прижали нас к земле. Часов в 7—8 утра командир лыжного батальона майор Доронин Н. потребовал от меня пополнить боеприпасы и питание.

В это время подъехала кухня с горячей пищей, я погрузил боеприпасы на кухню и вместе с ездovým, под прикрытием кустарников, пустил во весь галоп лошадей под сильным огнем противника, доставил на передний край лыжникам боеприпасы и горячую пищу.

Фашистские пулеметчики укрылись в разбитом каменном здании д. Поги и не давали лыжникам поднять головы, а расстояние до пулемета было 70—100 м.

Возвращаясь назад, я увидел укрывшийся в снегу расчет 45-мм орудия 1250-го с. п. Приказал командиру орудия стрелять по разбитому зданию в д. Поги, командир дал команду «огонь» и вторым снарядом разбил пулеметную точку фашиста.

Командир батальона поднял лыжников на штурм и освободил деревню Поги.

В Волосовском районе между д. Старо-Мозгирино и Москвой батальон попал в окружение.

Для его освобождения генерал Поляков приказал мне собрать отряд 30—40 человек и ночью перейти линию обороны немцев и доставить боеприпасы.

В этой операции отличились старшина Загайшин и ст. сержант Поросков, которые без шума сняли фашистскую охрану и дали возможность отряду зайти в тыл к немцам. В тылу немцев нам встретился партизан (фамилию не помню), который оказал большую помощь в соединении с батальоном.

В конце февраля 1944 г. под Псковом в Середкинских лесах я с группой лыжников и связным Кучером обнаружил в землянке женщину с двумя детишками 3—5 лет, прятавшуюся от отступающих фашистов. Они, измученные голодом, холодом и побоями, прижались к матери и смотрели на нас испуганными глазами. У меня в кармане нашлось два кусочка сахара и один сухарик, которые я отдал им, и сразу же детские глазенки подобрели. Этот случай я всю жизнь вспоминаю со слезами.

Последний бой лыжный батальон провел в ночь с 7 на 8 марта 1944 г. у Ваулинских высот, где фашисты в деревне (название не помню) расстреляли всю роту лыжников, они были захоронены в лесу возле ж. д. Гдов — Псков. На этом боевой путь лыжного батальона окончился. Меня откомандировали в 304-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк для прохождения дальнейшей службы. Войну закончили разгромом Курляндской группировки фашистов.

ГКУ ГАК. ф. Р-1483, оп. 1, д. 5, л. 1—6. Подлинник. Машинопись.

**№ 10. Из воспоминаний Головатова Тихона Ивановича
об участии в партизанском движении в Великой
Отечественной войне. 6 января 1961 г.**

Шел 1942 год. [...] Советской Белоруссии пришлось одной из первых принять на себя удар немецких войск, опьяненных легкими победами над государствами буржуазной Европы, отравленной ядом фашизма.

В оккупированных областях осталась масса местных жителей, которых невозможно было своевременно эвакуировать. Местные жители, способные носить оружие, разбежались по лесам, скрываясь от фашистских варваров. Центральный Комитет партии обратился с письмом к бывшим партизанам Гражданской войны с призывом оказать содействие в организации партизанского движения, используя опыт Гражданской войны в тылу врага. Новосибирский обком партии пригласил бывших партизан Гражданской войны, многие бывшие партизаны изъявили свое желание принять личное участие в партизанском движении на белорусской земле.

Анжеро-Судженский горком партии направил добровольцев — бывших партизан Гражданской войны: Головатова Тихона Ивановича, Королева Григория Николаевича, Зиновьева Григория Филипповича, Шинкаренко Павла Федоровича, Мельникова Михаила Степановича, Алфимова Модеста Антоновича, Великосельского Петра Ивановича /беспартийного/, Павлова Максима Власовича /беспартийного/ и других. Однако во время беседы с секретарем Новосибирского обкома партии т. Аслановым такие, как Великосельский, Павлов и другие заявили, что их на это дело не поманивает и отказались от поездки в тыл врага. Остальных направили в лагерь, где проходили спецобучение прибывшими инструкторами из московской спецшколы № 2. Перед отправкой в Москву секретарь обкома партии провел беседу с партизанами и, предупредив, если кто «играет в трусики», то скажите, и мы вас отпустим, а там, в тылу врага, трусы не нужны. На следующий день члены партии Мельников Михаил Степанович и Алфимов Модест Антонович заявили, что они не могут быть полезными в тылу врага и подали заявления, чтобы их освободили. Задерживать их не стали и отпустили, а мы, оставшиеся, уехали в Москву, где в спецшколе еще дополнительно

нам прочитали несколько лекций, и после экзамена мы получили назначения, кто командиром, а кто комиссаром отрядов.

Я получил назначение в Белоруссию командиром партизанского отряда, Королев комиссаром моего отряда, Шинкаренко командиром спецгруппы, а Зиновьев на Украину — комиссаром партизанского отряда.

Вся Новосибирская группа получила назначения и районы действия.

Накануне праздника октября мы выехали из Москвы на Калинино. Погрузились в товарные вагоны, в которых не было отопительных очагов, в сапогах мороз свои права предъявлял. Ночью прибыли в разрушенный город, в развалинах просидели до рассвета, но костров разводить нельзя, так как фашистские воздушные «пираты» и в ночное время посещали этот район. К несчастью дул холодный ветер, все промерзли и, не спавши, кое-как дождались рассвета. Нашли уполномоченного, который показал полуразрушенный дом, где нам пришлось отдохнуть несколько часов, но фашистские пираты на бреющем полете кружились над руинами города и, сбросив десяток бомб на развалины города, ушли на свою базу. Нам ожидать здесь было нечего, и по руинам удалось выбраться за город, добрались до леса, но фашисты вновь появились над лесом, видимо, здесь, в городе был фашистский передатчик, который указывал направление уходящих партизан. Пять фашистских самолетов опустили груз, нас не задел, группа отбомбилась, и вслед появилась вторая, начала делать заход. Командир бригады Гребенкин дал приказ немедленно перебежать на то место, где сброшены бомбы, партизаны быстро пробирались по завалам леса, только что свалившегося от бомбежки, вторая группа фашистских «пиратов» обработала и вторую часть леса. Небо затянуло мглой, видимость плохая, это дало нам возможность быстрее покинуть данный район, прошли чистое поле, а потом начинались камыши и мелколесье, но уже стемнело, пробираясь в ночной темноте, старались, как можно скорее удалиться дальше.

Прошли десятки километров по болотам и лесам, добрались до линии фронта, где шли днем и ночью ожесточенные бои на земле и в воздухе. Казалось, что переход линии фронта был невозможен, и вот между Невилем и Великими Луками с помощью фронто-

вой разведки нашли место, где оказался фронтовой разрыв порядка до ста метров, и это мы считали возможным для перехода линии фронта в тыл врага, но тыловое вражеское охранение нам неизвестно. Утренний туман опустился завесой, командир бригадной разведки Петр Истомин, возвратившийся из разведки, сказал, что дальше отсиживаться в этом болоте невозможно, так как с рассветом фашисты могут обнаружить нас и откроют огонь. Командир бригады Гребенкин приказал бесшумно пробираться вперед. Партизаны потянулись змейкой по извилистой тропе, проделанной разведчиками. Теперь всем думалось, что туман — это хорошая завеса от вражеского глаза. Все партизаны отдавали себе отчет, с какими опасностями должны встретиться, и были готовы ко всяким неожиданностям. Истомин передает приказ: «Поторопитесь, товарищи!» Как же поторопишься? Когда локти все подрали и животы протерли до крови!

Гребенкин приказал установить пулеметы и минометы для прикрытия. Партизаны с большой осторожностью перешли линию фронта без единого выстрела. Впереди встретили линию железной дороги, которая на карте не обозначена, построена во время боевых действий. В конце шпал линии железной дороги протянута сигнальная проволока. Партизаны проходили, переступая через фашистскую сигнальную проволоку. Переход сопровождался боевым охранением. Последними проходила группа латышей, они перетаскивали станковый пулемет, и кто-то имел неосторожность задеть сигнальную проволоку. Это всполошило фашистов, они открыли ураганный огонь по всему фронту, партизанам пришлось залечь в кустарниках и камышах. Постепенно отползали дальше от фронта в тыл врага. Стрельба постепенно затихла. Но вскоре по времянке покатился фашистский бронепоезд. Партизаны залегли, поезд прошел дальше, и в противоположную сторону прозвучало несколько оружейных выстрелов. Встретили еще одно препятствие — большак — временная дорога, но здесь с еще большей осторожностью прошли. Наступил ясный день. На чистое поле выходить нельзя, так как фашистские наблюдатели могут обнаружить и тогда начнут бомбить. Продолжали свой путь по болоту, которое становилось все более топким, уже несколько человек начинало засасывать. Партизаны замедлили продвижение, пока разведчики не исследуют

местность. Прошли несколько километров, время клонило к вечеру, а путь прервался непроходимым болотом. По звуку орудийных выстрелов и пулеметной стрельбы, чуть доходивших до нашего слуха от линии фронта, казалось, ушли далеко, но разводить огонь было опасно. Партизаны начали срезать лозу и готовить маты-дорожки. К рассвету было заготовлено несколько десятков таких дорожек, и по одному с облегченным грузом проходили по плетеной дорожке. Так целый день выбирались из болота. Вышли на чистое место все мокрые, но тут ветер сковал ноги, ускорили шаг, голодные, а некоторые товарищи совсем ослабли, их освободили от груза и поддерживали более крепкие товарищи. Разведчики далеко ушли вперед. Было уже темно, когда разведчики сигналом карманного фонаря показали, что путь свободен. Партизаны повеселели и прибавили шаг, вошли в село Рудня, свободное от фашистов. Партизаны достали пару лошадей, на которых разведчики охраняли окраину села, выставили наблюдателей, которые попеременно несли дежурство. Крестьяне готовили пищу для партизан. Однако крестьяне были удивлены тем, что не так далеко фронт, и вдруг появились партизаны.

Рано утром мы собрались в поход. Погода была тихая, морозная, однако люди чувствовали себя лучше, чем вчера. Крестьяне несли подарки: хлеб, сало, мясо, табак, соль и белое полотно, нарезанное лентами для бинтов, а кто-то приносил красный материал. «Берите, братики! — говорили крестьяне и крестьянки. — А, може, пригодится».

Провожая нас, крестьяне говорили: «Нашествие фашистских захватчиков не подорвало веры нашего народа в силы Червонной армии, в победу Советского Союза».

Только мы выступили из села, разведчики донесли, что из соседнего села Малая Рудня выехали полицейские в количестве до 50 человек, вооруженные автоматами и двумя ручными пулеметами на 18 лошадях. Все полицейские — белорусские предатели, поступившие на службу к фашистам. Партизаны-разведчики установили месторасположение полицейских, выехавших на заготовку дров. Полицейские расположились в сосновом бору, срезали сосны. Мы окружили их с трех сторон и открыли огонь. Полицейские, захваченные врасплох, растерялись и пытались укрыться в лесу, но тут

партизаны поливали по ним из автоматов. Через несколько минут полицейский отряд был уничтожен. На месте взято 16 лошадей в запряжке, два ручных пулемета, 25 автоматов немецкого производства и несколько винтовок.

После уничтожения полицейского отряда мы заехали в село, откуда выехали полицейские, оказалось, что они здесь стояли как гарнизон на главной дороге вблизи реки. Здесь конфисковали полицейский запас продовольствия, скот, изъяли запас боеприпасов.

Крестьянский сход просил нас остаться в селе и обещал всех партизан содержать. Крестьянам предложили организовать самооборону, а мы оставаться здесь не можем, так как имеем задания от правительства. Проехали несколько десятков километров, остановились в селе Малахино, где захватили полицейского, только что обвенчавшегося с девушкой. В доме полицейского, по природе своей кулака, собрались гости. Как зашли партизаны в дом, полицейский схватил автомат, но партизаны быстро обезоружили прохвоста и в другой комнате повесили. Продукты питания и скот полицейского конфисковали. В этом же селе крестьяне принесли партизанам два автомата, несколько сот патронов, один ротный миномет, несколько мин и метров двадцать бикфордова шнура.

Проехали два-три десятка километров лесной дорогой, здесь нам начали встречаться белорусские партизаны. Местные партизаны окружили нас и засыпали вопросами, они были крайне удивлены нашим появлением, тем более из Сибири, в то время как немцы кричали во все горло, что Москва ими занята, что там они наводят «новый порядок». После длительной беседы с партизанами мы поехали дальше по заданному маршруту. Миловидские леса тянулись на сотни километров, здесь уже не пахло фашистами, так как они боялись лесов и их обитателей.

Прибыли в большое колхозное село Миловиды. Командование партизанским движением определило всем прибывшим сибирякам-командирам районы действия, из которых каждый командир мог вербовать в свой отряд людей данного района, а из другого района — не имел права. Местные жители, скрывавшиеся в лесу, узнав о прибытии сибиряков, рано утром заполнили двор, где я находился со своим штабом. Полная хата набилась лесовиками. Здесь я и комиссар Королев провели беседу, рассказали о жизни Москвы

и о патриотизме всего советского народа. После беседы настроили рацию, поймали передачу Москвы. Люди слушали, радовались и плакали, прослушав последние известия. Бывший колхозник Медюта говорит: «За время оккупации люди нашего края, кроме страха, от фашистов ничего не видели и только пользовались неправдивыми слухами, якобы фашисты наводят «новый порядок» в Москве. При такой жизни у немцев можно одичать, фашистские палачи, когда врываются в село, они охотятся за курами, гусями, скотом, за молодыми женщинами. А потом вылавливают мужчин и расстреливают, это называется «новый фашистский порядок». Медюта сказал: «Вот около сорока человек, все бывшие солдаты, побывавшие на финском фронте, и еще таких товарищей сотни скитаются по лесам, никто из них не желают повиноваться фашистам, не желают быть рабами у чужеземцев». Шум, заговорили все мужики. «Правда, правда!» — говорит Митька.

После длительной беседы присутствующие дали согласие вступить в отряд. Я провел с ними инструктивную беседу, как нужно вести разведку, диверсии, на что главным образом обращать внимание, бой в населенном пункте, в лесу и заболоченных местах, тактика и выход из боя и др. На следующий день вновь вступившие в отряд дали партизанскую присягу, текст которой был:

«Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды партизанского отряда, принимаю присягу и торжественно клянусь: быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным партизаном, строго хранить партизанскую тайну, беспрекословно выполнять приказы командиров.

Я клянусь добросовестно изучать партизанскую тактику, не проявлять мародерства и вежливо обращаться с населением оккупированных населенных пунктов и до последнего дыхания быть преданным своему народу, своей Советской родине и Рабоче-Крестьянскому правительству.

Я всегда готов по приказу партизанского командования вступить в бой с врагами нашей Родины — Союза Советских Социалистических Республик, и как воин рабоче-крестьянской партизанской армии я клянусь защищать мужественно, умело, с достоинством и честно, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами.

Если же по злому умыслу я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся».

Следуют подписи давших присягу.

Я получил приказ занять деревню Возново Дриссенского района, это примерно около 50 км от села Миловицы. По пути следования через населенные пункты Микулино, Веснено, Медведево и др. на Дриссенском большаке мы захватили трех полицейских, они оказались жителями этого района, изменниками Родины. И партизаны узнали их и рассказали, как они грабили население, издевались над крестьянами. Изменников Родины, ушедших на службу к фашистам, расстреляли. В деревне Веснено стоял небольшой фашистский гарнизон, человек сорок, который мы разоружили. При захвате гарнизона в других хатах человек до двадцати попытались сопротивляться. Во время боя вся группа была уничтожена, а захваченных врасплох расстреляли. Здесь захватили оружие, боеприпасы, запас продовольствия. На следующий день поздно вечером заняли деревню Возново, здесь мы расположились гарнизоном. На рассвете прибыл партизанский отряд им. Папанина под командованием командира отряда Фирсова, они заняли деревни Аниськово и Фульбарково, в двух-трех километрах от д. Возново. До латвийской границы 5—7 километров, вдоль границы стояли фашистские гарнизоны, расположенные на хуторах, один от другого не более двух-трех километров. А в Бигосово, это бывшая погранично-таможенная станция, стоял фашистский гарнизон силою до двух полков. Из Бигосово часто выезжали фашисты в местечко Россица и другие населенные пункты и грабили местных жителей. Чтобы пресечь грабительские действия фашистов, наших сил было недостаточно, но нужно было перехитрить фашистов.

Я приказал партизанам за ночь свезти все орудия, брошенные при отступлении армии, за ночь собрали более сорока орудий разного калибра, но все они попорчены, только одни стволы. Установили грозную батарею, замаскировав казенную часть, и выставили охрану, чтобы никого к ним не допускать. Фашисты, узнав, что у нас большое количество орудий, начали засылать своих агентов, но им не удавалось уточнить количество нашей батареи. Даже самолеты на бреющем полете пролетали, видимо, фотографировали наш по-

лигон. Наши разведчики установили хорошую связь с бигосовским бургомистром Нетецким, его три брата находились у меня в отряде, это и послужило хорошей связью. Нетецкий аккуратно доносил нам различные очень важные сведения.

За несколько дней проведен ряд бесед в окрестных деревнях, из деревень к нам ежедневно десятками приходили крестьяне-колхозники, солдаты и офицеры власовской армии, скрывавшиеся в лесах и поселках от фашистов и власовских предателей. Явившихся принимали в отряд, а среди явившихся в штаб один оказался анжерским шахтером — Николай Михайлович Кузовкин. В армии был пулеметчиком, так его и зачислили в пулеметное подразделение.

Формирование отряда проходило успешно, однако такой наплыв людей не могли обеспечить оружием. Пришлось отдельные подразделения оставлять в резерве для прохождения военной подготовки, а при появлении оружия переводить их в действующие подразделения.

Полковник бигосовского гарнизона решил проверить боеспособность своих солдат и офицеров, а также проверить партизанские силы. Он выслал в местечко Россица отряд в 60 человек. Появившихся фашистов мы окружили. Когда начался бой, им на помощь шла рота солдат, но она попала в нашу засаду. Партизаны открыли огонь, фашистов рассеяли, и они панически бежали, теряя раненых и убитых. Такие попытки происходили неоднократно, но с каждым разом фашисты несли большие потери, а полицейская рота была полностью уничтожена.

Из донесения Нетецкого нам стало известно, что полковник гарнизона запросил командование усилить гарнизон, а часть гарнизона, как небоеспособных, заменить более надежными и боеспособными. С имеющимся личным составом борьба с партизанами невозможна. Партизаны — это не просто мужики-повстанцы, это специальные войска, переброшенные Москвой, которые много лет обучались в московской специальной школе.

Густо насажденные фашистские гарнизоны вдоль границы Латвии затрудняли проникновение партизан в Латвию. Мы решили пробить ворота. Силами двух отрядов сначала освободили местечко Россица, а затем Сарию и ряд других населенных пунктов. В дальнейшем не занимали их, а только контролировали и продвинулись

дальше за границу. В Латвии напали на Ворзавский фашистский гарнизон, но он оказался сильно укреплен. По укреплению били из орудия, но только пыль шла, дзоты разрушить не могли. Тогда решили ударить по менее укрепленному гарнизону. Разбили слабенький гарнизон, и все строение во время боя сгорело. Это место позволяло партизанам беспрепятственно проходить вглубь Латвии. Возвращаясь из латвийской операции, разведка донесла, что в Россицу проник фашистский отряд, силы противника не установлены.

Мой заместитель Сапожников с полуротой партизан устроили засаду на перекрестке дорог Сария — Россица, а с другими подразделениями я пошел в наступление, начали мы выбивать фашистов из местечка. Вражеские солдаты начали группами отступать к костелу, но к этому времени подоспел отряд Папанина и ударил по фашистам. Так фашисты попали под перекрестный огонь. Бигосовское подкрепление попало на засаду и тоже было рассеяно.

Мы заметили, что фашистские солдаты немецкого происхождения проявляют трусость, уклоняются от боя с партизанами, тогда мы открыто проходили вглубь Латвии, в район Асунской волости, которая состоит из хуторной системы. Богатые хуторяне ненавидели Советскую власть, а особенно партизан. Когда появляются партизаны, хуторяне, дежурящие на чердаках, подают сигнал, и с хутора на хутор передается и начинается по всей Латвии стрельба. Мы, изучив их систему охранения, бесшумно из беззвучной винтовки, как косачей, снимали постовых, тогда можно было проходить от хутора к хутору, снимать всех дежурных. И так партизаны подходили к намеченной точке и наносили сокрушительный удар по врагу.

В связи с усилившимися партизанскими действиями фашисты под страхом смерти запретили местному населению общаться с другими населенными пунктами и установили таблички с надписью: «Партизанская зона. Проезд и проход запрещается». Это запрещение уже подсказывало, что фашисты начали бояться партизан.

Фашистское командование прислало специальный батальон головорезов, начались ожесточенные бои, фашистские каратели несли большие потери, к ним подходили все новые и новые подкрепления, но и к нам на помощь подходили партизанские отряды из других бригад и общим фронтом отражали вражеские атаки. В одном бою за населенный пункт д. Калюты захватили в плен

раненого фашистского унтер-офицера, у которого нашли письмо, заготовленное для отправки своим родным, но не успел отправить. В письме пишет: «...Мы прошли несколько западных государств, и нигде мы не встречали такого сопротивления, как в этой Белоруссии. Здесь народ не желает покориться героической немецкой армии, которая несет счастье для всего немецкого народа! Когда заходишь в белорусскую деревню, то в домах никого нет, ни старого, ни малого. Все жители сбежали в лес, а когда мы входим в лес, чтобы выловить бежавших, то из леса начинают стрелять из винтовок и пулеметов, открывают настоящую войну. Нам приходится быстро выходить из леса, но не всем выпадает счастье выйти живыми, многие погибают в этих чащобах, а те, которые возвратились живыми, то из них большинство раненые. Несмотря на приказ командования, чтобы раненых и убитых не оставлять на месте сражения, мы вынуждены оставлять их, так как у противных русян стреляет каждое дерево. Я уже в другом батальоне, а прежний батальон, с которым я был переброшен с запада, почти все солдаты и офицеры истреблены партизанами. И если они так будут и дальше сопротивляться, то не думаю, чтобы отсюда можно было выбраться живым...».

Так был разочарован немецкий «герой», не рад, что согласился служить в карательной экспедиции. Он думал, что и по русской земле безнаказанно будет проходить, как на западе.

Фашисты почувствовали силу сопротивления белорусских партизан, они узнали, что партизаны проводят массово-разъяснительную работу среди населения, это вызвало у фашистов большую тревогу. Фашисты начали разбрасывать листовки, призывающие партизан и крестьян добровольно переходить на их сторону, что всем добровольно явившимся будет помилование и предоставлено по желанию место жительства, будет дан земельный участок. Но советские честные люди не пошли на фашистские лакомые приманки.

Немецкие захватчики, видя непокорность белорусского народа, предприняли меры массового истребления населения: врываясь в населенные пункты, расстреливали мирное население, подвергали жестоким пыткам, сжигали села. Вот что рассказывает Егор Иванович Мороз: «В деревне Кахановичи Освеского района появились фашисты, начали жестоко расправляться с местными жителями,

не разбираясь ни с возрастом, ни с полом, согнали людей на площадь, где установили эшафот. Люди были окружены автоматчиками, и выставлены пулеметы. Всех крестьян разложили в несколько рядов и всех перепороли плетьюми и тут же многих повесили. Скот, хлеб, имущество — все было ограблено и вывезено, деревню запалили. Так безжалостно расправлялись с мирным населением немецкие варвары».

Крестьяне и дети-подростки местечка Россица Дриссенского района рассказывают: «Еще не было партизанского движения, как вдруг в местечко ворвались фашистские палачи и начали собирать евреев, собрали свыше 600 человек, им приказано было раздеться до белья, а вещи связать. Евреи выполнили приказ, а потом их погнали на окраину местечка, где была подготовлена большая яма, яму готовили тоже обреченные. Партиями пригоняли евреев и загоняли — сбрасывали в яму живых взрослых и детей. Когда всех сбросили в яму, полицейские начали закапывать живых людей, стон и рев. Но разве эти изверги понимали, что это бесчеловечно? Живых людей покрыли сырой землей, земля шевелилась, и доносился глухой стон, но недолго слышен был человеческий стон, он скоро притих, и земля перестала колыхаться».

Так действовали фашистские изверги с первых дней вступления на советскую землю. Поэтому жители оккупированных районов сразу же убедились в фашистской жестокости, и большая масса колхозников оказалась в лесу, а потом они вооружались против фашистских захватчиков.

Мы заняли пустующее село Сардыки, многие жители этого села сбежали в лес или присоединились к партизанам, остальные члены семей — старики, женщины и дети были уничтожены фашистами. Однако один бывший кулак сохранился в этом селе. Мы не могли подумать, что этот человек может донести фашистам. Кулак незаметно исчез и вскоре возвратился, так как гарнизон стоял недалеко — не более трех километров. Я спрашиваю: «Куда ходил?». Он смело ответил: «Сейчас узнаете, куда ходил, а лучше всего складывайте оружие или же вас немцы перестреляют». Он думал, что здесь не более десятка партизан, при появлении фашистов партизаны подымут руки вверх. Кулаку связали руки, но в это время подошли фашистские солдаты — не менее взвода. Партизаны открыли огонь

по врагам, фашисты от неожиданности не приняли боя и попытались отступить. Появилась вторая группа фашистов, завязался бой, фашисты залегли, но наши минометы накрывали их, полетели партизанские гранаты. Бой недолго длился, две фашистские группы до 50 человек были полностью истреблены, в том числе захватили 15 пленных. На окраине деревни, в леске стояло 16 лошадей в упряжке и трое полицейских, из них два бывших кулака и один вор, перед вторжением фашистов освобожденный из тюрьмы. Партизанский суд приговорил: изменников Родины к повешению, а фашистских солдат, как пришельцев на чужую землю и как грабителей, к расстрелу. Приговор привели в исполнение на месте.

По окончании операции нам нужно было возвращаться обратно, но путь наш лежал ближе к фашистскому гарнизону, и на перекрестке дорог нас могут встретить вражеские солдаты. Другого пути нет, и решили проскочить два километра, а там уже будем на большаке, где можно развернуться. Разведчики донесли, что впереди нас появились фашисты, об этом мы и раньше думали, что фашисты отрежут нам дорогу. Головная группа партизан дала несколько очередей из пулеметов по фашистам, а сами на большой скорости погнали лошадей по дороге на Колбовщину, это в 6 километрах от бигосовского гарнизона. Партизанская группа приняла на себя вражеский огонь, тем отвлекла врага от основной группы. Фашисты бросились в погоню за партизанами, а мы выскочили на большак и с тылу преследовали врага. Разделив партизан на две группы, выслал нарочного в штаб с приказанием направить партизанское подразделение в сторону деревни Нижнехомино, я с другой группой направился обходным путем. Сократив путь, вышли навстречу фашистам около деревни Верхнее Хомино. Головная группа партизан начала строчить по врагу, на помощь им подоспела диверсионная группа, она тоже вступила в бой, фашисты оказались замкнуты в кольцо, единственный им был открыт путь по дороге в д. Возново, откуда вышла группа партизан, но вражеский командир хорошо знал, что в Возново базируется партизанский отряд. Вражеские солдаты с боем начали отходить к деревне Зулово. Этот маневр им не удался, тут фашистов зажали и полностью ликвидировали.

Бургомистр Нетецкий доносит: «За время 2 и 3 декабря партизанами убито и ранено фашистских солдат и офицеров до двухсот

человек. Командование гарнизона сильно обеспокоено потерей большого количества солдат и офицеров. Гарнизон был напряжен в ожидании нападения партизан. Их сильно беспокоили партизанские орудия, которые могли с каждым часом обрушиться на гарнизон. Начальник гарнизона отдал приказ об усилении патрулирования в расположении гарнизона и на железнодорожном полотне. По железной дороге солдаты патрулировали от столба до столба, ходили с автоматами, но это их не спасало, так как диверсионные группы подходили на близкое расстояние и из беззвучной винтовки снимали патрулей, это их особенно удивляло, нет выстрела, а солдат падает замертво».

На отдыхе в д. Возново партизаны беседовали друг с другом и хвалили свои родные края, сибиряки хвалили Сибирь, а кубанцы и белорусы свои, но тут разговор прервал сигнал трубача к выходу по тревоге. Партизаны поспешно выскакивали из домов, строились каждый в своем подразделении.

Комиссар Королев объявил, что будем вести наступление на Колбовщину, куда ворвались фашисты и грабят население. Разъяснил партизанам задачу, и разошлись по повозкам. Отряд в пути, разведчики донесли, что фашистов в селе около роты. Я приказал оставить лошадей в лесу недалеко от села, а сами пошли пешком. Половину села мы заняли без боя, а другая половина занята вражескими солдатами. В окна полетели гранаты, фашисты всполошились. Выскакивали на улицу раздетые, даже забыли свои автоматы, тут вражеских солдат встречали пулеметным огнем. Бой длился около часа, часть фашистов была перебита и ранена, несколько человек скрылись. Подобрали трофейное оружие, собрали пленных и отвели за село. Покончив с пленными, пошли к месту стоянки лошадей. Отъехали более километра и вдруг навстречу нам из-за поворота в лесу выскочили несколько подвод с фашистами. Я отдал приказ открыть огонь по фашистам, полетели гранаты, застрочили автоматы, группа вражеских солдат была частью истреблена, а часть укрылась в лесу. На подходе была вторая фашистская группа, которая, услышав автоматные очереди и разрывы гранат, повернула лошадей и, не принимая боя, усакала обратно в свое логово.

25 декабря в партизанскую зону проникли два небольших карательных отряда, состоящих из латышских добровольцев. Мы окру-

жили грабителей, начался бой, на помощь выступил отряд Папанина. Латыши оказались смелее немцев, они стойко стояли, никакой паники, смело действовали, несколько раз порывались в атаку, но с каждым разом истребительный огонь приземлял вражеских солдат. Силы их уменьшались, они поняли, что перевес на нашей стороне, и с боем начали отступать. Преследуя врага, мы проскочили до 50 километров вглубь Латвии. Вражеские солдаты в беспорядке бежали по дорогам, теряя убитых и раненых. На обратном пути партизаны обнаружили у латышских хуторян свою и знакомых односельчан мебель и коров. Я отдал приказ собрать все, что было награблено фашистскими мародерами. В том числе конфисковали у кулаков скот и хлеб. Собрали скота до 50 голов, пригнали на свою базу, крестьяне, как и всегда, встречали нас и поздравляли со счастливым возвращением и боевыми успехами. Тут многие крестьяне и крестьянки опознали своих животных. Я приказал раздать скот и имущество их прежним владельцам.

Разведчики донесли, что на латышской мельнице фашисты несколько дней мелют награбленное у крестьян зерно, обоз состоит из 50 лошадей, охрана — один взвод солдат из числа фронтовиков и один офицер. Боеспособность солдат незавидная, так как это все обозники нестроевые.

Мельница не особенно далеко от фашистских гарнизонов. Для захвата обоза больших сил не требуется, одно препятствие — рядом гарнизоны, а обойти их негде. Мы посоветовались с соседним отрядом и решили захватить обоз, а при надобности разбить те гарнизоны, которые осмелятся преградить нам путь. Наступила темная ночь, отряды зашли на территорию Латвии. Бесшумно прошли между двух гарнизонов. Выставили против них засады, на перекрестках дорог тоже выставили засады. Все подходы к мельнице и хутору были надежно обеспечены засадами. Бесшумно сняли часовых, вошли в дом, оружие стояло у стены, а фашисты вповалку спали на полу. Офицер в отдельной комнате, а хозяева на печи. От шума вошедших партизан офицер проснулся и схватил свой парабеллум, но его предупредила автоматная очередь, фашист замертво упал. Лежащим на полу солдатам я приказал лежать на месте, они попрятали головы под шинели и так лежали, пока партизаны не вынесли оружие, муку и зерно погрузили на подводы. Пленным приказали

до двух часов дня не выходить на улицу. Хозяина Карла взяли с собой. Не доезжая фашистского гарнизона, Карла послали в гарнизон предупредить начальника гарнизона, чтобы он не смел нарушать тишину, а в случае, если сделает хотя бы один выстрел, то он со своим гарнизоном будет уничтожен. Скоро Карл возвратился и доложил, что офицер дал слово — будет сидеть в своем гнезде спокойно. Карла мы отпустили домой. Обоз мирно продвигался вперед, однако фашист не вытерпел и по прикрывающей группе открыл огонь. Я приказал открыть ответный огонь, застрочили наши пулеметы, полетели мины. Фашистское гнездо вспыхнуло, пожаром быстро охватило все строения, крытые соломой. Фашисты начали выскакивать из помещения. Из соседнего гарнизона фашисты начали вести обстрел, но засевшая поблизости группа партизан открыла огонь по гарнизону, здесь тоже возник пожар. Фашисты притихли. Дальше мы не стали терять время, продолжили свой путь. Так два гарнизона понесли большие людские потери.

Обоз наш прибыл на свою базу без потерь. Излишки муки отправили на бригадную базу.

Зерно нужно было молотить, а действующих мельниц в районе не было, крестьяне мололи зерно вручную, но для партизан ручную много не намелешь.

Зима вошла в свои права, стороной теперь ходить и ездить трудно, да и постоянно базироваться в населенном пункте слишком рискованно, так как фашисты могут в одно время бросить большие силы и вышибить нас из населенных пунктов. Значит, нужно готовить базу в безопасном месте, а для этого нужен запас продовольствия, но как его создать, никто не подсказал. Я вспомнил, что в местечке Сария бездействует паровая мельница, но она не особенно далеко от бигосовского гарнизона. Если мельница начнет работать, фашисты могут ее разбить. Но фашисты все же страшатся наших орудий, это может их удержать от нападения. Посоветовавшись с командным составом, все одобрили эту затею, а кто-то из местных партизан знает, у кого припрятан паз. Решили оживить мельницу, а если фашисты разобьют, то шут с ней, все равно она бездействует.

Я приказал командиру подразделения Алексееву занять оборону в деревне Сардыки, а в районе местечка Россица командиру Жуку. Старшине Чернооку организовать круглосуточную работу мельни-

цы и быть главным мельником, пока не закончит молоть зерно, и не только свое, но и крестьянское.

27 декабря 1942 года из высокой мельничной трубы повалил дым. Паровая мельница ожила, мешки заполнялись мукой хорошего помола.

Крестьяне из далеких поселков заметили, что сарьянская мельница работает, дым высоко подымается в небо. Люди приезжали и приходили, узнавали, что действительно мельница работает и можно привозить зерно для помола. Крестьяне повезли зерно. После помола, кто сколько мог, ссыпали в партизанскую хозчасть, таким образом партизанская хозчасть стала копить запас муки. Бургомистр Нетецкий сообщил, что фашисты наблюдают за работой мельницы и удивляются, как это так — партизаны осмелились восстанавливать на оккупированной территории свое хозяйство. Они хотели ударить из орудий по мельнице, но боялись партизанских орудий, которых, как известно, во много раз больше, чем у фашистского гарнизона. Однако, бургомистр уверял, что это восстановили мельницу не партизаны, а крестьяне, и она является общественная. Однако фашистское командование не поверило бургомистру, они послали своих агентов для проверки. Из Бигосово прибыло две подводы с зерном, на возах переодетые полицейские пытались узнать, кому принадлежит мельница, крестьяне отвечали, что мельница кооперативная, вложили свои паи и восстановили мельницу. Полицейские, как и все крестьяне, заняли очередь на помол своего зерна. Хотя «волк и нарядился в овечью шкуру», партизаны узнали их, но, не подавая вида, допустили к помолу. Внесли они гарнцевый сбор и уехали в свое логово.

Бургомистр доносит нам, что полицейские разведчики доложили начальнику гарнизона о работе мельницы, что это мельница восстановлена на кооперативных началах самими крестьянами. Полковник этому поверил, но и партизаны в основном состоят из крестьян! Значит, партизаны готовятся к зимовке. Их нужно ликвидировать, но не знали партизанских сил да еще смущали партизанские орудия, как бы они не обрушились на гарнизон.

За несколько дней работы мельницы хозчасть получила от гарнцевого сбора значительное количество муки. Кроме того, мы организовали мастерские.

Работали: овночесалка, пимокаты катали валенки, кожзавод выпускал кожи и овчины. Швейная мастерская готовила одежду для партизан, сапожная мастерская чинила и шила обувь, оружейная мастерская ремонтировала оружие, минный «завод» разряжал оружейные снаряды, извлекал взрывчатку и готовил мины, столярная мастерская готовила лыжи и нарты, хорошо работали хлебопекарня и кухня.

Партизанская хозяйственная часть развернула работу, как предприятие в мирное время. О чем фашистская агентура своевременно поставила в известность своих хозяев. Подсобное хозяйство партизан беспокоило фашистов. Они пустили в действие свою агентуру, которая под разными предлогами вливалась в ряды партизан, однако новичкам доступа к складам, мастерским, хлебопекарне и к оружейному парку не было. Новички постепенно стали проявлять фашистское лицо, и их начали разоблачать, выявили свыше 60 человек, разоблаченные предатели партизанским судом приговорены к расстрелу. Приговоры приведены в исполнение.

Когда начали действовать партизанские подсобные хозяйства, об этом узнавали крестьяне занимаемого партизанами района действия и выносили решения: передать свои излишки сырья партизанам для переработки, — понесли овчины, шерсть, кожи, полотно, нитки, куделю, швейные машины и др. предметы.

Фашисты предприняли попытки настроить крестьян против партизан, они сбрасывали массу листовок, в которых призывали крестьянское население прекратить неразумную связь и поддержку партизан, утверждали, что партизаны обречены на полное истребление, не в состоянии вести борьбу с хорошо вооруженными германскими войсками, что Красная Армия полностью разбита и отступает на восток, в Москве уже устанавливается «новый германский порядок»...

Фашисты сбрасывали листовки для партизан, призывающие прекратить сопротивление. Перешедшие на сторону фашистов с оружием в руках не будут подвергаться наказанию и будут свободно жить там, где они пожелают.

Крестьянское население было обеспокоено, когда прочитали фашистские листовки, призывающие партизан сложить оружие. Крестьяне обратились к партизанам с письмом такого содержания:

«...Красная армия не была и не будет разбита! Она имеет всемерную поддержку миллионов советских трудящихся масс, а фашисты этой поддержки не имеют и не будут иметь! Фашистским обещаниям верить нельзя.

Мы, крестьяне — пожилые и женщины, много натерпелись от фашистского варварства. Призываем всех партизан усилить борьбу с озверевшими фашистами. Мы всеми силами будем помогать вам и будем биться вместе до последней капли крови! Фашисты имели временные успехи на фронтах, но это еще не победа. Теперь, как стало нам известно, фашисты [создают] специальные добровольческие банды для борьбы с партизанами. Мы общими силами с нашей героической Красной Армией, рано или поздно, но сломаем фашистскую машину и выгоним их с нашей родной земли!

Партизаны, будьте достойными сынами русского народа, берегитесь гнусной пропаганды фашистских варваров!»

Немецко-фашистские захватчики предприняли попытку отрезать партизан от глубины партизанского края с расчетом расчленив на отдельные маломощные партизанские группы, но этого фашисты не достигли. Посылаемые разведки боем пропускались вглубь нашего тыла, тогда мы их окружали и уничтожали. Обратного в фашистское логово ни один из них не возвращался. Это поставило фашистское командование в затруднительное положение. Таких фашистских групп мы уничтожили до десяти.

Один из многих фашистских агентов — бывший солдат Красной Армии Курзин. Этот предатель пытался вступить в партизанский отряд и разведать силы партизан. Во время беседы с Курзиным в углу комнаты находился бывший анжерский шахтер, ныне партизан Кузовкин, который присматривался к Курзину. После беседы я приказал поместить Курзина в дом одного партизанского отделения и строго следить за ним. Кузовкин рассказал, что он служил в одной части вместе с Курзиным, а будучи на передовой линии фронта, Курзин перешел на сторону врага. Не было сомнения, что он заслан к нам, но он во многом сознался и просил помиловать, однако партизанский суд не нашел нужным удовлетворить его просьбу, предатель был приговорен к повешенью как изменник Родины и шпион, приговор приведен в исполнение.

Из донесения разведчицы Ольги Гергель и бургомистра Нетецкого: начальник бигосовского гарнизона полковник недоволен своей разведкой, и в страхе перед партизанами полковник говорит, что в занимаемых районах партизаны обнаглели. «Они слишком смело действуют, даже восстанавливают подсобные предприятия, а наша разведка доносит, что крестьяне переходят к мирной жизни, это — тоже партизаны, но прикрывают себя, партизаны теперь в каждом поселке действуют, а мы бессильны их ликвидировать. Наши офицеры и солдаты гибнут от партизан, мы же до сих пор не знаем партизанских сил и чем они располагают. Доставляют арестованных стариков, женщин и детей как отъявленных партизан, да разве это партизаны? — возмущался полковник. — Партизаны у нас под носом повесили обер-лейтенанта, это значит, что партизаны будут вешать нас в домах. Выпущена нами специальная группа из 75 человек, возвратились только двое. Представлены ими донесения, которым верить нельзя. Железнодорожное движение полностью парализовано, никакая охрана не может предотвратить крушения, поезда летят под откос каждый день. Партизаны скоро провозгласят Советскую власть! По уточненным данным, у партизан на вооружении имеются не только артиллерия, но и такое грозное оружие, как «Катюша». Это подтверждается тем, что партизаны двое суток осаждали ворзовский достаточно сильный и хорошо укрепленный гарнизон. Партизаны обстреливали гарнизон из орудий, а потом из «Катюши», и танкетки врывались, но что-то им помешало, половину крепости разрушили и отступили. Это обстоятельство заставило нас подумать о формировании специальных войск карательной экспедиции, партизанские силы растут, несомненно, за счет Красной Армии. Здесь мы сталкиваемся не с простыми мужиками-повстанцами, а со специалистами, которые много лет обучались в специальных школах».

Фашисты перепугались смелых партизанских действий, не зная партизанских сил, к тому же их разведка давала весьма туманные и разноречивые сведения. Фашисты испугались партизанской «Катюши», которой ни в одном отряде не было. Мы стреляли из орудий, к которым подгоняли самодельные снаряды, при выстреле снаряд летит не так, как заводской, он летит и переворачивается, дает сильное шурчание, а когда падает и ударяется о предмет, разрыва-

ется, тол и тротил сгорают, и земля горит на месте падения. А фашистские наблюдатели посчитали, что партизаны бьют из «Катюши».

Дед Иосиф Михайлович Дашкевич, разведчик моего отряда, дней десять не возвращался из разведки, мы считали, что старик погиб. Но мой разведчик поймал языка, при допросе установили, что дед Иосиф арестован фашистами и содержится в деревне Ардавск. Мы разведали силы противника и пошли в наступление. Вражеские солдаты заняли оборону, начался бой, фашисты не выдержали, часть их была убита, а часть разбежалась по лесу, после боя была лишняя работа вылавливать фашистов в лесу. Здесь появился наш дед Иосиф, он рассказал: «Когда вышел в разведку, дошел до деревни Ардавск, где был задержан, несколько дней непрерывный допрос — без сна и пищи, с побоями и пытками. Потом перерыв в допросе, ровно столько, сколько нужно врачу, чтобы вернуть истерзанному телу чувствительность к боли, сознанию — способность воспринимать окружающее. После — снова допрос». Дед Иосиф знал, что фашисты после тяжких пыток мало кого оставляли в живых, но сознаваться и мысли не было. Лучше умереть, но честно перед своими товарищами. «Я и так пожил достаточно», — рассуждал 76-летний дед Иосиф. Уже почти две недели фашисты издевались над стариком. Дед не только испытывал страх физических страданий, которые вначале, казалось, способны были лишить рассудка, но и даже перестал отчетливо воспринимать происходящее. Чаще всего начиналось с того, что фашистский офицер через русского переводчика предлагал кусок черного хлеба, махорку. После этого начинался допрос. Вдруг фашисты забежали по двору и что-то между собой взволновано лепетали с пеной у рта. Такая суeta подсказывала, что-то случилось. Фашисты собрались, прошло минут двадцать, и деда вывели из хлева, отвели в хозчасть и поручили охранять. А потом колонна фашистов тронулась в поход. Прошли несколько сот метров, как из леса начали стрелять из автоматов и застрочил пулемет. Обозники разбежались по лесу, дед один пополз в кустарник и дальше скрылся в лесу, улегся за деревом, сорвал сочной травы, подкрепил свой желудок, почувствовал в себе силу. Партизаны преследовали разбежавшихся вражеских солдат. Дед из-за дерева наблюдал, как фашисты сломя головы убегали. И вдруг впереди показалась голова фашиста, который, не замечая деда, полз к нему.

Дед узнал того фашистского переводчика и быстрее кошки дед набросился на фашиста, схватил его за горло. В это время подошел партизан Васильев, он крикнул:

— Осторожно, дед, так можно умертвить человека!

Дед, не выпуская фашиста из рук, повернулся назад и узнал партизана Васильева.

— Да разве это человек? Это злодий, две недели над мною издевался! А теперь вот я его и схапал, а ён и язык показал, прохвост такой!

— Да как же он не покажет язык? Ты же его задушил! Полюбуйся на него, — сказал Васильев.

— Я лягонько яго захапав, а ён не стерпев!

Васильев осмотрел мертвого фашиста, а у него сильно передавлено горло.

— Ничего, дедушка, ты его легонько тискнул! Смотри, горло-то, как в тисках, было зажато?! Да ты босый, дед, сними с него сапоги, они еще добрые!

— Не желаю я носить его сапоги, босый похожу, — сказал дед Иосиф.

— Нужно было бы допросить фашиста, а тогда — и в расход.

— Да он может быть отойдет? — неуверенно спросил дед.

— Нет уже, видно, что после твоей ручки, дед, медведь и тот не ожил бы.

Партизаны добились разбежавшихся фашистов, собрали оружие и устроили привал. Тут дед Иосиф и Васильев рассказали мне все произошедшее. Ночь была тихая, даже деревья не колыхались, партизаны отдыхали. Разведка донесла, что из Бигосово или Дриссы фашисты отважились на ночную атаку, чего они никогда не делали. Пришлось поднять отряд, расставить партизан в разных местах в засаду. Фашисты считали, что партизаны будут ночевать там, где происходил бой. Вражеские солдаты, ничего не подозревая, так как партизаны костров не жгли, приблизились к партизанам, засевшим в засадах, партизаны открыли огонь по фашистам. Вражеские солдаты, захваченные врасплох, обратились в бегство. Комиссар Королев с группой партизан отрезал отступление фашистам, вражеская группа оказалась в кольце партизан. Дед Иосиф еще до наступления фашистов достал винтовку и, как молодой, бежал за фашистами,

бил их по головам, колол штыком. Пулеметчик Лащенко прекратил пулеметный огонь и смотрел вдаль. Кузовкин спросил: «Что случилось, ай пулемет заело?».

«Да ничего не случилось, смотри, как впереди наш дед размахивает винтовкой, как Соловей-разбойник дубом. Боюсь не подрезать бы его». Комсомолец Юрка, легкий на ходу и проворный малый, быстро добежал к деду и приказал ему вернуться обратно. Все притихло, но позади, как из болота, вылезли человек двадцать полицейских. Первым заметил комиссар Королев и приказал пулеметчику Васильеву открыть огонь по врагам.

Мой заместитель Сапожников с группой партизан зашел в обход. Группа полицейских за несколько минут была уничтожена.

К полудню следующего дня в деревне Сардыки оказался фашистский небольшой отряд. Наша разведка натолкнулась на фашистов, и завязался бой. Я поднял отряд на помощь своим разведчикам, а в это время вражеская группа получила подкрепление, здесь бой продолжался более двух часов, фашисты не устояли, оставляя на месте боя раненых и убитых, поспешно отступили.

По оперативным данным нам стало известно, что в Бигосово прибыли отряды полицейских, сформированные из русских предателей, и батальон власовцев. Мы решили написать письма в виде листовки следующего содержания:

«К вам, жандармам и полицейским — изменникам своей Родины! Вспомните и оглянитесь назад, на те бурные дни, когда народы царской России подняли меч против царского самодержавия, которое триста лет держало трудящихся России в железных оковах. Народы бывшей царской России находились на положении рабов.

Не стерпел народ старой России, разбил цепи царского самодержавия, где не стало панов, господ и их слуг — жандармско-полицейских палачей. Вы же — русские, ваши отцы и братья проливали кровь за освобождение трудящихся от векового рабства, и они этого добились. А вам надлежало бы защищать завоевание своих отцов и братьев, но вы продали свой народ, пошли в рабство к врагам человечества, помогать немецким варварам истреблять славянский народ, восстанавливать капиталистический строй, поработить свой народ и себя.

Если бы не вы, никогда бы немецкие фашисты не зашли бы в наши села, в наши леса. Вы им показываете дорогу, а они вашими руками расстреливают и сжигают мирных жителей деревень. Вы помогаете проливать невинную кровь своих братьев и отцов. Многие из вас знают, что ваши семьи расстреляны, и хозяйство разграблено фашистскими варварами. Вот, например: из села Дубровы — много ушло в немецкую полицию на службу фашизму, а когда фашистские варвары захватили село, в селе, кроме полицейских семей, никого не осталось. Эти около тридцати семей вышли навстречу к завоевателям с иконами, хлебом и солью, стали на колени перед фашистскими варварами. А как фашистские варвары посмотрели на семьи своих сослуживцев? Безусловно, вам известно, что старики, женщины и дети фашистами расстреляны, а село разграблено и сожжено. Как же реагируют полицейские? У которых погибли отцы, матери, жены и дети от кровожадных фашистских разбойников, которым вы прислуживаете? Неужели у вас, бывших русских людей, выбили сознание ваши новые хозяева? Неужели к вашим мозгам не дошли слезы, пролитые скитающимися без крова в лесах стариками и детьми? Вероятно, фашисты сделали вам прививку, что вы потеряли человеческое сознание и превратились в опасных зверей. Фашистско-капиталистическое правительство использовало вас, как слепых котят. Дали вам неограниченные анархические права расправляться со своими сородичами. Но помните, что это временное явление, фашисты ликвидируют вас так же, как и ваши семьи, как бы вы не вошли им в доверие, а все же вы предатели, и вам придет бесславный конец.

Русский народ не раз подвергался нашествию иностранцев, но всякий раз враги были изгнаны с нашей священной земли! Такая же участь постигнет вас и ваших временных хозяев. Так знайте, предатели, что наш народ не был и не будет побежден! Прольется много крови, мы понесем большие жертвы, но не допустим, чтобы вражеская нога топтала нашу землю!

Предлагаем вам подумать, пока не поздно — возвращайтесь к своему народу. Вам будет все прощено, при условии искупления своей вины в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

Прочитай и передай другому.

Пропуском вам может служить: «Желаю встретить Папашу и Гришу».

Штаб партизанского отряда.

Январь 1943 года».

Другая листовка к власовцам, к бывшим солдатам и офицерам Советской Армии, такого содержания:

«Как могло случиться, что вы, солдаты русской земли, воспитанные в советских условиях, где вам была предоставлена полная свобода, где нет капиталистов и разных господ, перед которыми нужно было склонять свои головы, быть послушными рабами, вы послушали предателя генерала Власова и нарушили присягу, данную своему государству, своему народу. Теперь вы с оружием в руках идете против своих отцов и братьев, защищаете мировую буржуазию. С вашей помощью немецкие фашисты пытаются поработить советский народ и надеть на него прежние цепи, подчинить трудящихся господам капиталистам и помещикам, восстановить прежнее рабство, а вас, как участников завоевания, но происхождением из славян, арийцы уничтожат, как сорную траву на ниве.

Запомните раз и навсегда, что немецкое правительство относится к вам, как к изменникам, рано или поздно они вас уничтожат.

Вы попали в немецко-фашистское рабство, а как вырваться из этого рабства, еще не подумали? Мы знаем, что вам тяжело исполнять приказы чужеземцев, которые стремятся вашими руками и жизнью истребить ваших отцов, матерей, братьев, сестер и близких вам товарищей. Вас обманули, и вы теперь рады бы возвратиться на свою Родину, но перед вами стоит страх за совершенное преступление перед Родиной и своим народом.

Вам теперь страшно сказать своему народу правду, что вас ожидает суровое наказание, как изменников Родины.

Однако вам известно, что русский народ не имеет звериного сердца, что правительство и советские законы учитывают ошибки каждого гражданина. Если вы для искупления своей вины обратите доверенное вам оружие против врагов человечества, то вам ваша вина будет прощена, и вы останетесь прежними достойными советскими гражданами.

Пока не поздно, одумайтесь, не теряйте время — это в ваших интересах, переходите к нам и вместе с нами будете уничтожать не советских граждан, а немецко-фашистских извергов.

Пропуском может служить: «Желаю встретить Папашу и Гришу».

Штаб партизанского отряда.

Февраль 1943 года».

Результаты этих писем были положительными, многие полицейские и бывшие власовской армии солдаты и офицеры с оружием в руках переходили на нашу сторону. И сражались с немецко-фашистскими захватчиками.

На обращения немецко-фашистского командования к населению, находящемуся в партизанской зоне, ни одно крестьянское семейство не выехало за пределы партизанской зоны, как фашистами было указано, за 15 километров от партизанской зоны.

Способные носить оружие крестьяне-колхозники вступали в партизанские отряды, а свои семьи отправляли вглубь партизанского тыла, а многие ушли в леса подальше от проезжих дорог.

Поступили тревожные донесения: фашисты подготовили армию головорезов из кулачества и уголовного элемента Латвии. Войска карательной экспедиции расставлены в шести направлениях и ожидают приказа командования. По оперативным данным установлено, что фашисты должны выступить 15 февраля и в месячный срок ликвидировать партизанский край. Не было сомнения, что фашисты основательно подготовились к этой операции.

В связи с создавшейся неблагоприятной обстановкой, что фашисты не сегодня так завтра могут выступить большой лавиной, и в силу необходимости мы вынуждены будем держать фронт, а для того чтобы держать фронт, наших сил явно недостаточно, да и партизаны не приспособлены для фронтовой войны. Однако обстановка заставляла нас готовиться и к нежелательной фронтовой войне.

Командование партизанских соединений решило объединить все партизанские бригады и отряды под общее командование и держать круговую оборону.

Накануне вражеского наступления мы предложили крестьянам, во избежание лишних человеческих жертв, эвакуироваться в более безопасное место, так как во время боя фашисты будут бомбить

населенные пункты. Начнутся пожары, тогда мало кому посчастливится выйти живыми.

Мы с комиссаром Королевым провели ряд бесед с коммунистами, комсомольцами, а затем со всеми остальными, осведомили партизан о большом вражеском наступлении, которое ожидаем с часу на час. Партизанам дана установка: если враг попытается навязать нам фронтową войну, на момент их наступления мы примем фронтową удар, но при удобном случае будем прорываться в их тыл, будем нарушать их план действия. Оторвавшиеся партизанские подразделения могут самостоятельно действовать и выходить из окружения с боем или уходить в лес, заманивая вражеских солдат в болото, и отрезать им путь возвращения. Партизаны дали торжественное обещание биться до последнего вздоха, но не сдаваться.

Атмосфера сгушалась с каждым днем, фашисты расставляли своих карателей на исходные пункты. Однако за последние дни установилось затишье. Такое затишье бывает только перед бурей.

Фашистские разведывательные группы наталкивались на партизанских разведчиков, но от боя уклонялись, видимо, такой приказ фашистского командования.

Я отдал приказ все излишки продуктов питания, фураж перебазировать в более безопасное место, больных и раненых партизан также отправить дальше от предстоящих боевых операций. Одновременно отдал приказ об усилении дозоров и обеспечении разведкой исходных пунктов предполагаемого фашистского наступления.

Партизаны и командиры отряда не падали духом, чувствовали себя бодро и были настроены встретить врага во всеоружии.

Комиссар Королев никогда так часто не появлялся в партизанских подразделениях, как за последнее время. Он в своих беседах напоминал товарищам о дисциплине, о неразрывной спаянности партизан, во время боевых операций оказывать друг другу помощь, не оставлять раненых и убитых на месте боя. Партизаны шутили, рассказывали о различных приключениях и мирной жизни. Все это поддерживало их боевой дух.

На окраине партизанской зоны стали появляться вражеские отряды, в отдельных местах силою до полурот, но активных действий не предпринимали. Они, заметив движение партизан, уклонялись от партизанского преследования, а на другом участке, в районе

деревни Калюты, фашистская группа силою до двух рот проникла вглубь партизанской зоны. Тут вражеские солдаты были окружены партизанами моего отряда и отряда Папанина, но фашисты не приняли бой и начали отступать. Однако попали на партизан, отрезавших им путь к отступлению, завязался бой, здесь вражеские солдаты частью прорвались, а не менее полуроты было истреблено. Подобные маневры явно подсказывали, что фашисты проверяют боеспособность партизан. Несколько дней фашисты методически изучали партизан.

Поздно вечером возвратилась разведчица Ольга Игнатьевна Гергель. Она доложила: фашистское командование с часу на час ожидает приказ о наступлении на партизан, что фашисты сосредоточили карательные войска в шести направлениях, наступление должно быть одновременно на всех направлениях. Из достоверных источников — силы фашистских наземных войск до 60000 человек, масса военной техники с приданием самолетов.

Еще позднее возвратилась разведчица Мария Медюта, она доложила: не позднее 7—9 часов утра 16 февраля фашисты должны выступить по всем шести направлениям с таким расчетом, чтобы зажать всех партизан в тесное кольцо и покончить с партизанским краем.

Я выслал донесение в штаб партизанского командования и просил закрепить фланги другими партизанскими отрядами, так как фашисты готовят лобовой удар нашему отряду и замкнут с флангов.

В пять часов утра партизаны были на своих боевых рубежах, зорко следили за продвижением вражеских солдат.

В районе местечка Россица фашисты обстреляли наших разведчиков. Попали под обстрел разведчики отряда Папанина. Со стороны Латвии, в районе поселков Калюты и Фульбарково, фашистские колонны продвигались вглубь партизанской зоны силою до двух батальонов. Командир отряда Ситников доносит, что в районе деревни Колбовщина партизаны вступили в бой с вражескими солдатами. Бригадная разведка сообщила, что из Бигосово продвигаются фашистские колонны силою до полка. В воздухе появились фашистские самолеты, они начали сбрасывать на населенные пункты зажигательные бомбы. Пожар начал распространяться во многих населенных пунктах. Зарево пожара — на несколько десятков ки-

лометров. Это было началом большого фашистского наступления на партизанский край.

В связи с наступлением вражеских головорезов, развернувшихся широким фронтом, я отдал приказ всем подразделениям вступить в бой с фашистскими захватчиками.

В 8 часов 30 минут 16 февраля 1943 года все партизаны вступили в бой. Мне пришлось развернуть свой отряд и приданные мне роты других партизанских бригад широким фронтом в населенных пунктах: Колбовщина, Обухово, Зулово, Хомино, Сария, Россица, Ракшино, Калюты, Фульбарково. В последних двух населенных пунктах поддерживал отряд Папанина.

Фашисты одновременно выступили в других районах — Себеж, Освейский, Россонский, где партизанские отряды других бригад вступили в бой с врагами.

Летали самолеты, бомбили наши оборонительные пункты, бой с наземными войсками длился целый день, фашисты много раз бросались в атаку, но всякий раз вражеские атаки были отбиты. К вечеру фашисты отступили на исходные позиции, за день битвы фашисты потеряли много убитыми и ранеными, сбит один самолет, подбиты два танка. За рекой Сарьянка вражеские войска расположились лагерем.

Всю ночь мы били из батальонных минометов и двух орудий по фашистскому лагерю. Утром фашисты в наступление не пошли, ветер повернул в нашу сторону, дым душил, не было чем дышать и только спасались тем, что был снег, снегом освежали дыхание. Пожар перебросился и на занимаемые нами села. Пользуясь моментом, что фашисты не пошли в наступление, местами партизаны с боем отступали до села Медведево и села Весенно, а отряд Папанина занял поселок Бурсуки.

Здесь мы укрепились. Наше оперативное командование дало указание, чтобы ни шагу не отступать, а если фашисты прорвутся, то всем партизанским бригадам создать для них неблагоприятную обстановку. Наземные вражеские войска ежедневно бросаются в атаку по несколько раз, от сильного истребительного партизанского огня вражеские солдаты замертво падали, набито горы их солдат, но, видимо, пьяных посылают, они перелезают через трупы своих солдат и бросаются в атаку. Мы, подпустив фашистов на са-

мое близкое расстояние, поливали их пулеметным и минометным огнем, фашисты захлебывались в этой психической атаке, и часть уцелевших панически обращалась в бегство.

19 февраля фашистские воздушные «пираты» рано утром начали бомбить нашу оборону, снижались на бреющий полет и строчили из пулеметов, а у нас не было бронепатронов, фашистские «пираты» безнаказанно кружились над нами и поливали из пулеметов, только одного «пирата» из противотанкового ружья подбил партизан Солтун.

20 февраля вражеские войска с 9 часов утра пошли в наступление, в этот день фашисты вновь предприняли несколько психических атак, но все атаки были с успехом отбиты. И в этот день фашисты потеряли сотни своих солдат и офицеров, и в других населенных пунктах партизаны стойко отражали фашистские атаки.

Чтобы отвлечь вражеское внимание от основной цели, я направил специальные группы диверсантов в тыл врага, нападали на тыловое вражеское охранение, минировали проселочные дороги, вызывали вражеский огонь на себя. Фашистское командование всполошилось тем, что прошли значительное расстояние, прочесали все леса, как будто весь путь очищен от партизан, но партизаны оказались в тылу и наносят большой урон солдатам, взрывается автомашина на большаке. Наступление фашисты приостановили, только происходили отдельные перестрелки. Фашисты пошли по своему тылу и начали прочесывать все подозрительные места, но наши партизаны умело маневрировали, так что фашисты не могли уточнить место нахождения партизан. Тогда вылетела эскадрилья самолетов, и сплошняком бомбили леса, перелески и камышовые заросли, звено самолетов бомбит, другое вслед простреливает из пулеметов, таким образом фашисты считали, что тыл их вполне свободен от партизан, но вдруг на железной дороге между Бигосово и Дриссой полетели под откос воинские эшелоны с техникой и войсками.

Фашистские самолеты и танки, освободившиеся от операций в своем тылу, приступили к боевым действиям по основной операции — ликвидации партизанских сил. Возобновились жестокие сражения, враг с воздуха и на земле подвергает наши позиции усиленному огню, бьет по передовой линии обороны, обстреливает наш

тыл. Положение у нас с каждым часом ухудшалось, боеприпасы на исходе, приданные отряды из других бригад, отстреляв запас патронов, начали отходить в тыл и готовились в случае отступления основных партизанских сил задержать врага в рукопашном бою. Мой отряд окончательно обессилел без сна и отдыха, израсходовав боеприпасы, и я вынужден был отдать приказ отступить. На 13-е сутки отошли до деревни Дубровики, где заняли оборону, враг ведет наступление с флангов, берет нас в подковку. Чтобы приостановить вражеское наступление, я приказал использовать противотанковые ружья, бить по живой силе врага. Вражеские солдаты дальше не пошли, остановились на ночлег. Зная, что фашисты могут отрезать нам единственный путь отхода через мост, я приказал разобрать крайний дом этой деревни и соорудить мост, через который будем с боем отступать. Рано утром вражеские войска возобновили наступление, и, как мы предполагали, враг сосредоточил огонь на переправе и под прикрытием пулеметного огня продвинул свои войска, отрезав мост через реку Сарьянка, с воздуха начали нас бомбить самолеты, установлены крупнокалиберные пулеметы, которые бьют на большое расстояние. Мы отступили за реку и заняли село Стрелки, которое расположено вдоль этой реки. Левее нас стоял сильный партизанский отряд Каладжана. Я связался с ним, и совместными действиями не дали врагу форсировать реку. Каладжановские два орудия наносили большое поражение вражеским войскам, враг пытался перескочить через реку, но наши минометы и орудия наносили поражение. Фашистские самолеты вывели из строя оба орудия, у минометов не стало мин. Каладжановские подразделения, расстреляв запас патронов, начали отступать, левый фланг открыт, враг врывается в наш тыл, мои пулеметчики, отстреляв последние патроны, закопали станковые пулеметы в землю. Каладжан и я отдали приказ отступать к селу Микулино. Началось отступление, люди редкой цепью раскинулись по полям, воздушные фашистские «пираты» преследовали отступающих партизан. Но вскоре надвинулся густой туман, это избавило нас от преследования фашистских пиратов. Дошли мы до села Микулино, где стояла наша хозяйственная часть, здесь старшина Черноок накормил партизан, а на следующий день рано утром отправились в деревню Макуты, во время пути следования фашистские самолеты

обнаружили продвижение партизан и начали бомбить и стрелять из пулеметов, нам пришлось уйти вглубь леса. Фашисты потеряли наш след, но напали на обоз и 12 лошадей убили, двоих партизан ранили. Прибыли мы в Макуты, здесь отдохнули пару дней, в это время наши самолеты подбросили нам боеприпасы. Мы, уже с боеприпасами, вышли из Макут в село Ерохи. Другие партизанские бригады также укрылись в лесах. Фашисты вошли в лесную местность, что нежелательно было. В Ерохах мы заняли широкую линию обороны, через несколько дней по приказу Штрахова справа и слева отряды других бригад были сняты для укрепления в других районах.

Я вынужден был занимать широкий фронт обороны, но здесь нам помогло обширное болото, через которое фашистам трудно было пройти, все попытки прорваться на нашу сторону через болото на узком перешейке не удались, враг нес большие потери. На пару дней фашисты приостановили наступление, нам видно было, как вдоль большака, где расположены вражеские солдаты, фашисты устанавливали орудия, многоствольные минометы. Начали пристрелку, снаряды ложились рядом с нашими окопами, другие падали вдоль опушки леса, корректировщики подымались в воздух и корректировали нашу оборону. Сначала мы думали, летят наши самолеты. По радиции нам ответили, что наших самолетов в тылу нет, тогда мы подбили один самолет, он оказался нашим и с нашими опознавательными знаками, летчик — фашист.

Вся фашистская подготовка подсказывала, что начнут обрабатывать нашу оборону, и мы не останемся в живых. Посылаю комиссара Королева в штаб бригады, объяснить обстановку и получить приказ на оставление села Ерохи, но комиссар возвратился, не получив разрешения. Вторично выехал, но и тоже безрезультатно. Однако комиссар бригады Кузнецов, которому я объяснил, что за ненужную гибель партизан ответственность будут нести они, а я отказываюсь отсиживаться здесь, так как с часу на час нас накроют фашисты, не мог решить вопрос об оставлении данной обороны.

Я приказал своим партизанам немедленно отступить до перекрестка дорог на Ардавски и Микулино, так как эти дороги ведут к проселочной дороге на Ерохи и Миловиды, а на перекрестке, если нас отрежут, кругом непроходимые болота, и мы могли попасть

в руки фашистам или утонуть в болоте. Остановились на перекрестке дорог. Послал разведку в обе стороны. В это время по Ерохам обрушился град фашистских снарядов, через несколько минут фашисты уничтожили село и наши окопы разбили до основания, много выпущено снарядов по опушке леса, лес, как подкошенный, повалило. Я хотел показать эту картину комиссару Кузнецову, но его уже не было, он без проводника ускакал на лошади в свой штаб. Разведчики донесли, что Ардавск и Микулино заняты фашистами. Единственный путь — это продвигаться на Миловицы через Макуты.

Отдал приказ в боевом порядке отходить на Миловицы, прошли до деревни Макуты, навстречу нам разведчик-комсомолец Юрка Варламов. Он доложил, что в миловидских лесах появились фашисты, второго разведчика — секретаря комсомольской организации, фашисты убили, возможно, что Миловицы уже заняты фашистами. Другого пути у нас не было, так как кругом непроходимые болота, а проселочные дороги заняты фашистами. Мы на нескольких лошадях, запряженных в санки с пулеметами впереди, на большой рыси ворвались в село, тут мы заметили человек сорок фашистов, ударили по вражеским солдатам из пулеметов, не останавливаясь, чтобы в конце села проскочить мост и занять его. Заняли мост, вслед за нами проходили наши партизаны, но фашисты уже не трогали их. Но вдруг застрочили автоматы и пулеметы, фашисты отрезали более двадцати человек партизан во главе с моим заместителем Сапожниковым. Они сначала вступили в бой, но силы противника все увеличивались, я подал сигнал ракетой, чтобы с боем отступали к реке. Сапожников понял, что сигнал касается его, и с боем начал отступать через болото. Вплавь и всякими способами они с большим трудом пробрались до реки, фашисты хотя и не могли быстро пройти через болота, но они накрывали из минометов и пулеметов. Партизаны вплавь перебрались на другой берег реки. Для прикрытия на берегу оставались Сапожников, Васильев и Терресон, когда все перебрались на другой берег, Сапожников бросился в реку, а Васильев и Терресон, заметив приближение фашистов, открыли по ним огонь из ручных пулеметов, но фашистская пулеметная очередь сразила отважных партизан.

Нам нужно было ближайшим путем пройти в местечко Ровное Поле через село Моторино, но разведчики донесли, что село занял фашистский полк. Я решил вести отряд лесной дорогой, хотя это будет значительно дальше. Прошли с полкилометра, как впереди нас появились фашисты. Начался бой, три наших пулемета один за другим вышли из строя, положение ухудшилось, я вынужден был приказать отступить лесом без дороги и троп, между селом Моторино и лесной дорогой на Ровное Поле. Отступающие прикрывались автоматчиками. Когда мы отошли на два-три километра, я проверил у партизан количество боеприпасов, оказалось у каждого бойца по одному-два патрона и одна граната. В это время разведчики донесли, что по просеке из села Моторино продвигается фашистская полурота. Я отдал приказ замаскироваться, первая линия дает залп, а вторая бросается с финками в атаку на врага. Через непродолжительное время подошли фашисты на близкое расстояние, по ним дали залп, взрывается одна граната, другие бросаются с криком «ура», и начинают колоть вражеских солдат финками и отбирать у них автоматы с патронами и их же оружием добивать остальных фашистов. Так фашистская полурота была уничтожена в рукопашном бою.

Уходя с места боя, свои следы заматали для того, чтобы в случае преследования не могли нас быстро обнаружить. На другой день, поздно вечером, мы добрались до местечка Ровное Поле. Командир бригады уже отрадировал, что отряд Головатова попал в окружение, и Головатов погиб вместе с отрядом. Когда я явился, то комбриг был удивлен и вынужден был тут же отрадировать, что отряд вместе с командиром вышел из окружения, потеряв убитыми двух партизан.

Ровное Поле — это было единственное местечко, где собрались все наши партизаны, дальше отступать было некуда, к счастью, наши самолеты подбросили боеприпасы, запасные стволы к пулеметам, пулеметные ленты и диски. На следующий день все партизанские бригады лавиной пошли на Миловиды, отрезали все пути отхода, ударили по вражеским солдатам, враг панически обратился в бегство и пытался скрыться от партизан в лесу, но тут из-за каждого дерева строчили автоматы и ручные пулеметы. Фашисты бросились спасаться в болоте, но тут такие болота, которые помогали

партизанам, фашисты тонули, болото засасывало тех, кто попадал в него. В миловидских лесах и болотах истребили фашистов не менее пятнадцати тысяч человек. Если партизан гнали в эти леса почти месяц, то фашистов выгнали за четыре дня, и все бригады возвратились на прежние места, но там уже оставаться не было смысла, так как все населенные пункты, вместе с теми, кто не успел скрыться в лесу, сожгли фашистские варвары. Мы возвратились в Калининскую область, ближе к фронту, где еще сохранились деревни не сожженные и частично остались жители этих деревень.

После разгрома в миловидских лесах вражеской группировки, фашисты, видимо, не решились послать резервы, но в их газете «За родину» опубликовали, что за время проведенной операции по ликвидации партизанского края, уничтожено партизан более сорока тысяч, теперь не существует партизанского края. Однако по нашим подсчетам, за время боев в течение двух месяцев убито и ранено во всех партизанских бригадах всего 34 человека, а фашистов уничтожили партизаны свыше двадцати тысяч человек.

Фашисты опубликовали солидную цифру, назвали партизанами, однако, не так это. Фашисты действительно убили и сожгли мирное население, стариков, женщин и детей, возможно, более сорока тысяч, считая их партизанами.

По заданию командования в ночь на 31 марта 1943 года около сорока партизанских отрядов под общим командованием Штрахова разбили пять фашистских гарнизонов, взорвали два железнодорожных моста через Западную Двину и один мост на большаке, сожгли станцию Нащекино, во время боя сгорели дома, в которых размещались фашистские гарнизоны. Я со своим отрядом наступал на гарнизон, находившийся при станции Нащекино, в этом бою я потерял начальника штаба Семена Диденко, пулеметчика Евгения Лашенка, легко ранен пулеметчик Кузовкин, гранатометчик Солтун ранен в грудь.

После разгрома пяти гарнизонов фашистская газета «За родину» писала: «В ночь на 31 марта десант Красной Армии, переброшенный на самолетах через линию фронта, внезапно напал на пять гарнизонов и разбил их. Бой происходил под прикрытием русских самолетов. После разгрома гарнизонов и уничтожения мостов, красный десант русских войск на самолетах улетели на свою сторону».

Писать о партизанах, видимо, было невыгодно, так как раньше писали, что партизаны уже все уничтожены.

А вот еще одна заметка относится к 1942 году. Фашисты писали: «...Красные партизаны — это двуногое зверье, остервенело, головорезно-отважное, преступное, ненавидящее все, что только не советско-жидовская власть, коей они преданы с фанатизмом янычар.

Таких партизан не надо гнать в бой наганом политрука или заградительным пулеметом. Они сами ищут боя, и каждый из них сам политрук». Эта статья ясно говорила, что фашисты боятся партизан, как отважных, жаждущих боя.

За время небольшой передышки партизан, фашисты считали, что теперь в основном партизанская база ликвидирована, населенные пункты сожжены, партизаны побиты, теперь можно свободно разгуливать по белорусской земле. Фашистские полиция выехали в те места, где сожжены деревни, видимо, по заданию своего начальства собрать металл среди руин. Фашистские полиция прибыли в бывшее село Стрелки, где собирали утиль. Мы захватили фашистских варваров, несколько полицейских расстреляли, а троим связали крепко руки так, чтобы другие зубами не развязали, подвесили им горелые ведра и с барабанным боем отправили их в свое логово, одновременно предупредили их: если они еще раз попадут к нам, то будут повешены.

Проехали дальше в бывшее село Медведево, где расставлен наш «секрет». Королев тихо напевал свою любимую песенку «Уходили комсомольцы на гражданскую войну...». Потом он говорит: «Мы пережили тяжелые дни фашистских атак, в холоде, голоде. Теперь настало лето, будет легче вести борьбу с фашистами, однако нам нужно быть готовыми к более жестоким схваткам, а запас у нас боеприпасов слабый. Регулярные войска Красной Армии в ближайшее время, по всей видимости, должны нанести решительный удар по фашистам, вражеская армия будет откатываться на запад, тогда нас фашисты крепко прижмут, а под нашей защитой большое количество мирных жителей, их нужно спасать. Хорошо было бы несколько тысяч переправить на «большую землю», это нас могло бы облегчить, но ворота для перехода линии фронта закрыты». Мы за разговором не заметили, как подошли к охранению. Партизаны хорошо замаскировались, мы опустились в замаскированный

обвалившийся погреб, здесь установлен пулемет, партизаны грызут грыжину /брюкву/, и мы с ними покушали, так как со вчерашнего дня кроме воды в желудке ничего не было, тут мы закусили, грыжина понравилась. Ждали передвижения карательного отряда, но появились полицейские численностью до одного взвода, идут прямо на нас. Командиром засады был Аркадий Гергель. Аркадий шепчет: «Только что прошло две бури, смотри, папаша, надвигается третья». Пулеметчик Андрей Хахиль приподнял вверх голову, посмотрел: «Нет, братики, тучи разгоняет, будет хорошая погода». «Да ты не туда смотришь! — подтолкнул его Аркадий. — Вон они уже близко, бери их на мушку, только поближе подпусти и тогда будем выпускать фашистский дух!»

Полицейские не думали, что в этой пустыне могут появиться партизаны, полицейские приблизились к засаде, раздались оглушительные взрывы гранат, и застрочили пулеметы. [...] За несколько минут группа полицейских была уничтожена.

Фашистское командование вновь было обеспокоено потерей полицейских, диверсии на железной дороге возобновились. Фашисты направили власовцев, батальон предателей был частично уничтожен, а часть рассеяна. Однако фашистское командование вновь направило карательные отряды из латышских добровольцев. Фашисты мелкими группами пошли, чтобы окружить партизан и прикончить их раз и навсегда. Я со своим отрядом остановился у «святого» озера, где провели праздник Первое мая. На митинге партизаны дали клятву быть верными своему народу, партии и правительству, драться до полного изгнания немецко-фашистских захватчиков. [...] Вражеские силы во много раз превышали наши, к тому же у нас кончились боеприпасы, дальнейшее сопротивление было невозможно. Я отдал приказ отступить в глубину леса. Для прикрытия отступления подошла танкетка из котовского отряда и открыла огонь по фашистам. Вражеские солдаты, увидев партизанскую танкетку, панически начали разбегаться по лесу. Вдруг танкетка вышла из строя, остановилась, исправлению не поддается. Танкист заложил взрыватели в заранее подготовленные мины, сам быстро удалился в лес. Фашисты заметили, что танкист бросил танкетку и скрылся в лесу, вражеские солдаты набросились на танкетку, попытались открыть люк, в это время раздался оглушитель-

ный взрыв, танкетка взорвалась на много частей, группа вражеских солдат взлетела в воздух.

Чтобы скрыть следы отступления, мы прошли лесом, пересекая болотистое место, и вышли в район Себежа. Городок Себеж отделяется обширным озером. В Себеже стоял сильный вражеский гарнизон, нападение на него было бесполезно, так как наших сил было недостаточно. Я расположил свой отряд на опушке леса вблизи озера Себеж, группа партизан заняла Ленинградское шоссе и дорогу в приозерный городок, где сосредоточено полицейских до двухсот человек. Наши разведчики переезжают на другой берег озера, пробираются в городок и обследуют месторасположение гарнизона, другие пробираются в полицейский городок. Фашисты тоже не дремали, они засылали своих разведчиков к нам, вражеские разведчики под видом мирных крестьян настойчиво требовали, чтобы их пропустили через место, занятое партизанами, но их не пропускали, и им не удалось уточнить наши силы.

Задержанные вражеские разведчики рассказали: бургомистр города посылает разведать партизанские силы. Сообщают, что фашисты, перепуганные появлением партизан, загнали солдат в свои укрепления и с часу на час ожидают нападения партизан. [...]

Пользуясь моментом замешательства в гарнизоне, мы атаковали полицейский городок. Полицейские, увидев движение партизан, начали бежать из городка, кто к лодкам, но их уничтожали партизаны, нескольких полицейских захватили в плен живьем. У полицейских произвели изъятие муки, зерна и скота. Снарядили обоз, вышли из городка, сошли с большака, свернули в лес, расчищая препятствия для проезда, так под прикрытием высоких сосен продвигались вглубь леса. В воздухе появились вражеские самолеты, они проходили над большаком, кружились над лесом, но партизан не обнаружили. Начало темнеть, вражеские самолеты ушли на свою базу. При наступлении темноты мы вышли на большак и спокойно продвигались, пришли на бывшую усадьбу помещика и расположились на отдых. На следующий день мы заняли деревню Горелики, это уже было близко к фронту. В прифронтовой полосе совершали налеты на тыловое вражеское охранение. [...]

ГКУ ГАК, ф. П-483, оп. 1, д. 3, л. 166—198. Подлинник. Машинопись.

**№ 11. Из воспоминаний Голубева Ивана
Константиновича, ветерана 376-й стрелковой
дивизии, бывшего дивизионного разведчика.
[1964—1985 гг.]**

[. . .] Когда наша дивизия стояла в обороне у торфяных разработок, нам была поставлена задача взять «языка», нами был выбран объект для операции — две немецких землянки. После наблюдения нам было дано разрешение действовать. Группа из 6 человек, старшим группы назначен Константин Газлеев, он и Романов были на захвате языка. Гриша и Вася, фамилии их я не знаю, прикрывали правую сторону и должны были уничтожить землянку, Костя Чикалев и я прикрывали левую сторону и должны были уничтожить вторую землянку. Действовать все должны одновременно. Условный сигнал для броска к землянкам по команде «Хальт». Подползли вплотную к землянкам, часовой, стоявший на посту, медленно прохаживался от землянки к землянке. Когда часовой появился между землянками, вот тут-то и была дана команда «Хальт». Все поднялись и быстро бросились, каждый знал, кому что делать. Когда я прыгнул за земляной забор и с другой стороны прыгнул Чикалев, немцы, видимо, услышали шум. Все в землянках всполошились. Открывается дверь, там горела лампа, один из немцев выбросил горячий самовар. Я в это время дал очередь из автомата, и куча немцев была ошелоmlена. Почти в тот момент была Костей брошена граната, и в землянке стала полная тишина. Следом за группой захвата они перебросились за земляной забор, и мы с Костей из землянки взяли пулемет и тоже стали отходить. Когда тащили пулемет, очень загремела пулеметная лента, и поднялся шум. Немцы с других постов начали пускать ракеты и открыли стрельбу, хотя они еще не знали, в чем дело. С другой землянкой ребята сделали то же самое. Вася заскочил в землянку, захватил трофей с собой. Говорит, пять автоматов взял, а три выбросил подальше от землянки. И два кителя висят у двери, тоже взял, а немцы валялись на полу убитые. Группа захвата Газлеева и Романова немца, стоящего на посту, так ударили по голове гранатой, что тот отказался жить, был доставлен теплым трупом. Задачу не выполнили, так как немец нам сказать ничего не мог. Но, однако, за эту операцию мы все же были представлены

к награде. Газлеев и Романов получили по ордену Красной Звезды, а мы четверо — медали «За отвагу». Своими действиями мы были довольны и знали, что десяток или, может быть, больше немцев отвоевали на нашем фронте. И вот очень хочется отметить работу разведки. Мы тоже приближали нашу победу, как могли.

ГКУ ГАК, ф. Р-1483, оп. 1, д. 6, л. 2-2об. Подлинник. Машинопись.

**№ 12. *Воспоминания Гребенюк Анны Ивановны,
ветерана 315-й Мелитопольской Краснознаменной
стрелковой дивизии 362-го стрелкового полка,
сандружинницы. 25 марта 1976 г.***

В годы Великой Отечественной войны плечом к плечу с мужчинами шли на фронт и мы — девушки и женщины. Я молодой девушкой 19 лет окончила курсы сандружинниц на меланжевом комбинате в 1942 году. После окончания курсов подала заявление и ушла добровольцем на фронт. Меня при формировании зачислили в 315-ю Мелитопольскую Краснознаменную стрелковую дивизию 362-го стрелкового полка 8-й стрелковой роты.

Помню августовский день 1942 года. Сталинградская битва останется в памяти людской как проверка мужества, стойкости и героизма воинов Советской Армии и всего советского народа.

Мы, сандружинницы, всегда были рядом: выносили из пекла сражений раненых, подносили боеприпасы, оружие, а в трудную минуту брали в руки оружие и отражали атаки вместе с бойцами. Особенно мне запомнилось 28 августа 1942 года под Сталинградом, станция Котлубань. Враг наступал, шел жестокий и жаркий бой. Наша 8-я стрелковая рота заняла оборонный рубеж и начала окапываться. Фашисты не прекращали огонь. В этот день немцы трижды атаковали нашу роту, но мы выдержали. В этом бою было много раненых солдат. Приходилось под огнем перевязывать и выносить раненых с поля боя в укрытия. Недалеко находился небольшой овраг. Туда мы и выносили раненых на плащ-палатках. В этот день я, Гребенюк Аня, и Владимирова Аня вынесли с поля боя 54 раненых. Кругом горела пшеница и трава. От жары и дыма кружилась голова. Раненые просили пить, воды не было. Метров за триста находился колодец. Эта местность вся простреливалась немцами. Я дважды ползком добиралась до колодца, привязывала бинтами 4 фляжки и доставала воду. Пить раненым доставалось только по глотку, а некоторым мазали только губы. Дождавшись ночи, отправили всех раненых в полковую санроту к врачу Нине Николаевне Сорокиной.

Помню январь 1943 года. В направлении Нижне-Чирсна. Враг, наступая, пытался зажать нас в кольцо, но мы стояли насмерть. Наша 8-я стрелковая рота была отрезана от своих. Бой был жар-

кий, мне пришлось в этом бою перевязывать раненых, подтаскивать патроны и не раз брать в руки автомат и защищать раненых. В этом бою я перевязала 30 раненых. Но мы с боем прорвались к своим. При выходе из окружения меня ранило в правую ногу. Солдаты вынесли меня с поля боя и доставили в санроту. После излечения я снова пошла на фронт.

После излечения меня направили в 33-ю гвардейскую стрелковую дивизию, в роту ПТР. 1943 год, месяц июль. На реке Молочной шел ожесточенный бой. Не хватало медикаментов, перевязочных материалов, чтобы помочь всем раненым. Приходилось выходить из положения, рвать рубашки раненых и перевязывать.

А иногда и помочь ласковым словом. Солдаты прозвали меня «ястребком». Войну я закончила в 1945 году в Кенигсберге.

ГКУ ГАК, ф. Р-1483, оп. 1, д. 7, л. 4—6. Подлинник. Рукопись.

*Гребенюк Анна Ивановна,
362-й стрелковый полк.
ГКУ ГАК, ф. Р-1483, оп. 1, д. 7, л. 2.*

№ 13. Из воспоминаний Гукасова Сурена Джавадовича, бывшего начальника артиллерии 1250-го стрелкового полка 376-й стрелковой дивизии, командира дивизиона 943-го артиллерийского полка. 23—24 мая 1983 г.

В декабре 1942 года 1250-й стрелковый полк занимал участок обороны по речке Назия южнее Ладожского озера, где гитлеровцам удалось приостановить наше наступление. Природные условия были здесь трудные. Болотистая почва не позволяла выкапывать окопы, их заменяли насыпные площадки. А вместо траншей приходилось делать земляные заборы.

На фронте стояла необычная тишина, но, зная коварство противника, мы соблюдали постоянную бдительность и активно изу-

*Дом отдыха Дзинтари
1-й ударной армии 2-го
Прибалтийского фронта.
Ручайский Л. С. — слева,
в центре — Токарев,
справа — Гукасов С. Д.,
г. Юрмала, Латвия. 15.12.1944 г.
ГКУ ГАК, ф. Р-1483, оп. 1, д. 15, л.7.*

чали его оборону. Накануне нового 1943 года командир полка собрал командный состав и рассказал о предстоящем наступлении, задачах полка, дивизии, Ленинградского и Волховского фронтов. Мы стали готовиться к наступлению. В ночь с 11 на 12 января мы провели последнюю подготовку. В сумерках артиллеристы батареи 76-мм пушек ст. лейтенанта Семерика и батареи 45-мм пушек ст. лейтенанта Надымова выкатили орудия на прямую наводку. Всю ночь продолжали оборудование огневых позиций и подвозку снарядов. Выпавший снег замаскировал наши новые позиции, и к рассвету 12 января мы были готовы к наступлению. В 9.30 по сигналу, которым была длинная очередь «Катюш», артиллерия фронта начала огневую обработку первой

Восполнялись ^{Взрывом из} ^{красногвардейских} ^{вспомогательных} ^{125 мм} ^{артиллерии} ^{1250 еп 376 ед}
бывшего наголовника
Туканова Срена Динавазовича
о прорыве блокады г. Ленинграда
В декабре 1942г 1250 стрелковый полк занимал
угающей обороны по реке Невы южнее
Ладомского озера, где и ^{перевали} ^{удалось}
приослабляется наши наступление.
Природные условия были здесь трудные.
Большинство не было не позволяла ~~не позволяла~~
откапываться окопы, и заменили навозные
посадки. А в своей траншее приоткрытой
делали земляные заборы.
На фронте отсюда всеобщая паника,
но знала повзрослеть противника мы соблюдали
посильную бдительность и активно изгнали
его оборону.
Наконец нового 1943 года командир
полка собрал командный состав и рассказал
о предстоящем наступлении, задачах полка,
дивизии, Ленинградского и Волховского фрон-
тов. Мои слова возбудили к наступлению
В ночь с 11 на 12 января мои противники
последнюю атаку.
В сумерках артиллерией батареи 75 мм пушек
от лейтенанта Селерика и батареи 45 мм пушек
от лейтенанта Назимова выскочили орудия
на прямую наводку. Все поле пролетели
оборудованные огневые позиции и подвозку снарядов
вытеснивший снег замаскировал наши потные
позиции и к рассвету дня 12 января мои были
готовы к наступлению.
В 9:30 по сигналу, который была длинная огорода
наши артиллерия фронта начала огневую
обработку первой линии обороны противника.
В 11:30 взвилась зеленая ракета, артиллеристы
перенесли огонь на вторую линию обороны и

линии обороны противника. В 11.30 взвилась зеленая ракета, артиллеристы перенесли огонь на вторую линию обороны, солдаты 1250-го с. п. короткими перебежками устремились к окопам немцев. Но вот на правом фланге полка из дота застрочил неподавленный пулемет, мешая продвижению нашей пехоты. Наводчик Сорокин несколькими снарядами из 76-мм пушки уничтожил пулемет, наступление возобновилось, и наши стрелки ворвались в траншеи немцев, а артиллеристы начали перекачивать пушки вслед за наступающей пехотой. Наступление было настолько неожиданным, и немцы были так ошеломлены, что в первый день не смогли оказать организованного сопротивления. Но на второй день они предприняли ряд атак при поддержке танков и авиации. Наши пушки встречали их мощным огнем, и каждый раз они с большими потерями откатывались назад. [...]

После семидневных боев 18 января 1943 года наши войска прорвали блокаду Ленинграда, и впервые по южному берегу Ладожского озера пошли в многострадальный Ленинград автомашины с продовольствием и другими грузами. Наш 1250-й с. п. и 376-я с. д. внесли свой посильный вклад в эту знаменательную победу над врагом.

ГКУ ГАК, ф. Р-1483, оп. 1, д. 8, л. 5-5об. Подлинник. Рукопись.

**№ 14. Из воспоминаний Гуменного Николая Марковича,
командира полка 22-й стрелковой дивизии.
2 сентября 1965 г.**

[...] Хорошо помню прорыв нашей части под г. Белый в районе Б. Клемятино и М. Клемятино. Случай этот был описан военным корреспондентом в армейской газете. Стремясь ликвидировать наш прорыв, гитлеровцы сконцентрировали много живой силы и техники на сравнительно узком участке и ценой огромных потерь вынудили наши стрелковые полки перейти к обороне в захваченных у противника траншеях. В многочасовом бою фашисты потеряли 48 танков, 10 бронемашин и несколько сот солдат и офицеров, но так и не смогли достичь успеха. Ночью они подтянули резервы, соорудили нечто вроде баррикады из подбитых нами танков и бронемашин примерно в 50—60 м от наших позиций. Рано утром фашисты просочились по флангам выдвинувшихся вперед 2-го и 3-го стрелковых полков, пытаясь окружить их и уничтожить.

Положение оказалось критическим. Командир 2-го с. п. т. Деревянков и командир 3-го с. п. т. Тарасов связались со мной, вызывая огонь почти на себя, ибо противник был так близко, что слышал наших связистов, дающих мне целеуказание и просивших: «Гуменный, Гуменный! Дай огонька, дай огонька, побольше!». Фашисты, уверенные в своей неуязвимости кричали: «А, русиш-трусишь, у Гуменного огонька просишь!». Однако фашисты жестко просчитались, они недоучли мастерства наших артиллеристов. 9 артполков, находившихся в этот момент под моей командой, обрушили всю мощь своего огня на головы немецких оккупантов. В течение 45 мин. огневой вал, встав в непосредственной близости от наших траншей, смешал с землей фашистские укрепления, живую силу и технику. Ободренные такой поддержкой артиллеристов, сибирские стрелки поднялись во весь рост и с возгласом: «За Родину, за Сталина!» — бросились в атаку. В результате этого боя наши части продвинулись вперед на 22 км, освободив от фашистской нечисти 15 нас [еленных] пунктов и райцентр Шатровщина. [...]

ГКУ ГАК, ф. Р-1483, оп. 1, д. 9, л. 11—12. Подлинник. Машинопись.

**№ 15. Из воспоминаний Доценко Василия Даниловича,
командира полка 376-й стрелковой дивизии.
15 октября 1965 г.**

[. . .] В декабре 1941 года полк, которым командовал я, первым из 376-й стрелковой дивизии вступил в бой с немецкими захватчиками. Позиция наша расположилась у устья реки Оскуя, впадающей в Волхов. Схватка началась в совершенно невыгодных для нас условиях: фашисты атаковали полк с воздуха, в налете участвовало более 70 самолетов.

И вот в этой исключительно сложной обстановке требовалось провести быстрый и внезапный бросок через Волхов. Во время переправы солдаты проявили образцы мужества и героизма. Удар был настолько неожиданным для фашистов, что они не могли оказать никакого сопротивления. Гитлеровцы в панике удирали в лес, теряя снаряжение, бросая оружие.

День был ветреный, многие бойцы, передвигаясь по льду реки, поморозили лица, руки. К счастью, серьезных случаев обморожения не было, и солдаты быстро вернулись в строй.

Продолжая наступление в лесисто-болотистой местности в направлении станции Чудово, полк встретил на своем пути сильно укрепленный район врага на левом берегу реки Пертечная. Гитлеровцы держали в своих руках дорогу, идущую из Чудова на Вишеру. Совместно с соседним полком дивизии мы с ходу атаковали противника и захватили этот важный в стратегическом отношении пункт. Немцы предприняли три контратаки, но были отброшены. Через день — снова контратака. И опять она была отбита нами.

В ночь на 8 января полк получил противотанковые ружья. В то время для нас это было новинкой. По устройству ружье не так-то и сложное, но, чтобы научиться владеть им, от солдата требуются определенные навыки, хорошая физическая закалка. Вот почему командованию батальонов было предложено вручить ружья тем бойцам, которые изъявляют на это желание. Прошло два часа¹, а добровольцев не оказалось. Вместе с комиссаром полка А. С. Вакулой торопимся узнать, в чем дело. Но прежде чем отправиться в подразделения, я решил наскоро побриться. День был на диво хорош. Ясный,

¹ Написано над зачеркнутым: день.

тихий. Но не успела бритва прикоснуться к моей бороде, как на позициях раздалась беспорядочная стрельба. Выскакиваю из блиндажа. Вижу метрах в шестистах¹ от себя немецкий танк. За ним бегут автоматчики, стреляют по нашим. Танк развернулся и пошел прямо на штаб полка. Увидев не подалеку от себя сержанта, приказываю:

— Берите противотанковое ружье, отражайте атаку.

Сержант не стал мешкать, прицелился и с первого выстрела поразил фашистский танк. Немцы повернули назад.

Востриков, так звали сержанта, сделался героем дня. Его пример воодушевил многих бойцов. К вечеру в штаб полка поступило от солдат более 100 заявлений с просьбой: «Назначьте нас бронбойщиками».

Командование полка представило т. Вострикова к награждению орденом Красного Знамени, назначило его начальником курсов по подготовке стрелков из противотанковых ружей. Позднее Востриков стал командиром взвода. В последний раз я видел его в апреле 1944 года в районе Волчьей Ямы, что примерно в 40 километрах от Пскова. Дальнейшая судьба его мне неизвестна.

Или еще один эпизод. В полку было более восьмисот лошадей. Мы не знали, что с ними делать: отсутствовал фураж.

Да и присматривать было некому. Поэтому пришлось принять такое решение: лошадей отправить в глубокий тыл, а весной воз-

*Доценко Василий Данилович.
ГКУ ГАК, ф. Р-1483, оп. 1, д.10, л. 14.*

¹ Написано над зачеркнутым: сорока.

вратить в полк. Ответственным за это был назначен начальник ветслужбы полка. Он в точности выполнил приказ.

Помнится и такое. В феврале 1942 года полк стоял в обороне у деревни Пертечная. Я пошел проверить огневые позиции артиллеристов и минометчиков. И вот что увидел в одном минометном расчете. Миномет стоял на огневой позиции до блеска начищенный. Ствол был накрыт белоснежным платком, мины аккуратно сложены в отдельный нише. Я спросил солдата, кто научил его так бережно хранить оружие и имущество. Он ответил: «Военная присяга».

Этот солдат являлся новатором. Он сделал свой миномет «кочующим». Это значит, что он вел стрельбу с разных позиций. Такой метод ведения огня во многом способствовал успеху боя. Я любил своих солдат и офицеров за их преданность советской Родине, за мужество и отвагу. Пусть наша молодежь учится на боевых традициях старших братьев, перенимает их стойкость, проявленную в нелегкой борьбе с фашизмом.

ГКУ ГАК, ф. Р-1483, оп. 1, д. 10, л. 7—9. Подлинник. Машинопись.

**№ 16. Из воспоминаний Егерман-Бобровой Валентины Николаевны, радистки 831-го отдельного батальона связи 376-й Кузбасско-Псковской Краснознаменной дивизии.
5 февраля 1980 г. — апрель 1985 г.**

Нас было 11 девчонок: Саша Кустовская-Михайлова, Валя Боброва-Егерман, Мария Патылщина-Исакова, Оля Волкова-Тренина, Липа Попова-Кондратенко, Тася Елгина-Потехина, Тоня Серкова, Лиза Михеева, Аня Ковряжкина, Катя Крутова, Саша Ячменева.

5 ноября 1941 г. после окончания курсов радистов в г. Новосибирске мы, все 11 девушек, прибыли в г. Кемерово, где в то время формировалась 376-я Кузбасская стрелковая дивизия.

11 ноября наш эшелон отправился на запад. С этого времени и начались наши испытания. Ехали мы в товарных вагонах, обогреваясь небольшими печками-буржуйками.

В 20 числах ноября мы прибыли в прифронтовую зону, на ст. Шексна. К линии фронта шли маршем. Это были самые трудные дни и ночи. Стоял сильный мороз, мела метель, мы шли, ежедневно преодолевая по 25—30 км, слипались глаза, ноги отказывались идти. Шли только ночью, а днем, чтобы не угодить под бомбежку, останавливались на привалы в небольших деревнях, которые попадались на нашем пути. Нас размещали по избам, и мы замертво валились на пол, бросая под голову вещмешки.

Часто привалы устраивались в лесу. Мы разгребали снег, ломали еловые ветви и на них спали, обогреваясь кострами.

Однажды на одном из таких привалов повалил мокрый снег, наши шинели намокли, а к вечеру температура понизилась, и шинели покрылись корочкой льда и стали очень тяжелыми.

Так мы шли несколько суток, и чем ближе продвигались к фронту, тем сильнее была слышна оружейная канонада. Прямо с марша дивизия вступила в бой за деревню Пехово. Немецкие самолеты с воем сирены бомбили и обстреливали КП дивизии. Работа на радиостанции требовала от нас, еще совсем неопытных радистов, собранности, надежного и четкого выполнения заданий.

В школе радиоспециалистов нас научили принимать текст на слух и передавать азбуку Морзе на ключе. Но мы еще не работа-

Немецкие самолеты своими sirens бомбили и обстреливали КП дивизии.

Работа на радиостанции требовала от нас еще совсем неопытных радистов собранности, надежного и четкого выполнения заданий.

В школе радиостанционистов нас научили принимать текст на слух и передавать азбуку морзе на ключе. Но мы еще не работали самостоятельно в боевой обстановке. Поэтому сначала во время самостоятельных дежурств мы иногда терялись.

А нужно было среди десятков радиостанций работающих на одной и той же волне услышать и понять ту единственную, отстроиться от помех, принять или передать радиogramму в короткий срок.

Работали при любой бомбежке, обстрелах, в смерти comrades.

Воспринимали грохот взрывов как помехи.

ли самостоятельно в боевой обстановке. Поэтому сначала во время самостоятельных дежурств мы иногда терялись.

А нужно было среди десятков радиостанций, работающих на одной и той же волне, услышать и поймать ту единственную, отстроиться от помех, принять или передать радиogramму в короткий срок. Работали при любой бомбежке, обстрелах, о смерти и не думали. Воспринимали грохот взрывов как помехи. Героических эпизодов не было. Будничное дежурство военного времени, иногда сутками. Знали, что от каждой радиogramмы зависит жизнь тысячи наших товарищей. И малейшая ошибка, ничтожная неточность, опоздание на секунду могут сорвать успех операции наших.

Между дежурствами валились спать, чтобы голова была ясной. Так мы работали четыре долгих военных года. Копали землянки, стояли на посту, одним словом, несли тяжелую армейскую службу наравне с мужчинами. Порой непосильную. Погибали радисты. [...]

Нам всем хотелось отомстить за наших товарищей. Мы, девушки, рвались на передовую, в разведку, но посылали только ребят.

День Победы 9 мая 1945 г. мы встречали в Латвии. [...]

ГКУ ГАК, ф. Р-1483, оп. 1, д. 11, л. 3—5. Подлинник. Рукопись.

№ 17. Из воспоминаний Ивановой-Полторацкой Веры Ильиничны о действиях 847-го стрелкового полка. 20 декабря 1965 г.

[...] Пошла на фронт добровольно через райком комсомола. [...] Формировалась наша 303-я дивизия в вашем городе Гурьевске. Зачислили меня в санроту 847-го стрелкового полка. Здесь нас обучали. Заниматься приходилось много. В мае месяце наша дивизия погрузилась в эшелон, и мы поехали.

Разгрузились, не доезжая километров 50—60 до Воронежа, и пошли пешком занимать оборону к городу Воронежу. И когда стал наш полк подходить к городу, немец встретил нас снарядами, пулями. Немцу было выгоднее тем, что засел в домах, на чердаках, на улицах. И нашей дивизии пришлось занять оборону.

Но наша санрота не успела подойти и развернуться, как навстречу шли раненые, и была команда быстро развернуться для приема раненых.

Здесь мы стояли долго, не давая немцу прорваться дальше вглубь нашей страны.

[...] Мы стояли в воронежском лесу, назывался «Роща сердце». Когда мы шли лесом к городу Воронежу, был хороший лес. Лес! Какая дивная природа. По-моему, каждый живущий на земле человек должен любить лес, природу, но этот немец, я не найду слов выразить, что сделал там в течение 3—4 месяцев нашей обороны. Не было ни одного деревца, чтоб не задела пуля, осколок, каждое деревцо умирало стоя, и вот в этом-то лесу были люди, защищая каждый метр леса, не пропуская немца дальше вглубь нашей Родины. И эти воины-сибиряки были из 303-й стрелковой дивизии.

После мы пошли левее Воронежа и заняли оборону на новом месте.

Здесь я была в 3-м батальоне санинструктором. Заняли оборону ночью, а утром, где-то в 5 часов, пошли в наступление. Но здесь наш батальон прошел только 3—4 километра, потому что поля были заминированы. Ко второй атаке батальон готовился трое суток, мы ждали приказа. После пошли в бой. К нашему батальону присоединились четыре танка Т-34, из них два танка не прошли метров 200—300 — взорвались, из люка вылез один танкист, помогая

другому, одежда на них горела, и они упали на землю. Я побежала к ним, мне кричали вернуться, потому что поля были кое-где заминированы, но я не послушала и побежала к ним на помощь. Одного танкиста я спасла, но он был очень обгоревший, неузнаваемый. Когда его товарищ погиб, танкист потерял сознание, я его оттащила метров 10—15 от горевшего танка, перевязала, и, когда он пришел в сознание, с санитаром Васей Переверзевым отправили в санроту полка. Жив ли этот танкист? А со второго танка не удалось спасти ни одного танкиста, потому что люк в танке не открывался, танк горел весь.

И наша дивизия пошла вперед на Курское направление.

Я хочу описать интересную встречу с немцем в погребе. Дело было так. Утром, как стало светло, я стала ходить смотреть место для приема раненых. В это время я временно замещала фельдшера в батальоне, было у меня два санитара — Вася Переверзев и дядя Ваня Шатров. И вот иду и слышу — раздается стон, смотрю кругом — никого нигде не видать. Остановилась, слушаю, все повторяется. Иду ближе. Конечно, домов-то поблизости нет, остались печи да развалины. Смотрю — погреб. Ну, я туда спустилась, гляжу: немец лежит. Но что было со мной, долго или нет я на него смотрела. Опомнилась, когда услышала русский голос: «Сестричка. Он же неживой. Помогите нам, не оставляйте нас здесь». Тут я еще больше перепугалась — наверное, немец говорит по-русски. И подумала, умру, и наши не узнают. Ну, думаю, могилку нашла в погребе, готовенькая. Но пришлось подходить. Когда присмотрелась, гляжу — наши лежат двое в солдатской одежде и в очень тяжелом состоянии. Один ранен в живот, другой — в обе ноги. Я крикнула своим санитарам, мы их вытащили, перевязали. А сколько было благодарности, какие были ласковые их глаза, что мы их спасли из готовой могилы и отправили в санроту полка.

А что же получилось? Когда был бой до нашей обороны с той частью, которую мы сменили, немец сам залез в погреб и там скончался, а когда та часть стала брать деревню, то наши бойцы, будучи ранены, тоже спустились в погреб, сохраняя себя от обстрела, и ослабев, пролежав несколько часов, не смогли оттуда подняться. Вот такая была встреча.

Наш полк шел через Абоьянь на Ржев, шли вдоль линии. С левой стороны лес, с правой — линия железной дороги, а за линией, где-то километра три дальше, — деревня, не помню название. Заметили немцев, которые шли к линии, переезду. Командир полка остановил и приказал всем быстро в лес, и назначает для разведки боем к переезду из нашего батальона 5-ю роту, а так как там не было санинструктора — посылают меня. Когда мы добрались к переезду и залегли в снег, лежали с полчаса и ждали, и вот увидели колонну, впереди шло что-то неузнаваемое: на головах — шапки, шали, закутанные в тряпки, а за их спинами сидели на санях господ немцы в маскировочных халатах. Когда стали подходить близко к переезду, наш командир роты дал приказ подняться и вступить в бой. Передняя колонна сразу подняла руки и сдалась. Оказалось, что это мадьяры, а немцы повернули лошадей и поехали в деревню. Наша рота стала преследовать. Когда мы добежали до деревни, то немцы успели занять оборону в домах. Здесь нам пришлось трудновато, завязался бой. Командир роты разъединил на две группы людей, чтобы идти по обеим сторонам улицы. Я осталась по правой. В одном доме я перевязала семь бойцов, во втором — четырех бойцов, когда выбежала на улицу, то услышала крик около следующего дома. Перепрыгнула плетень и увидела раненого бойца. Он лежал на снегу возле кучки соломы. Наклонилась к нему и стала перевязывать, и в это время меня ранило в грудь и в правую руку. Но за мной бежал наш боец, он вперед убил немца в окне, который стрелял из окна в нас обоих, а потом стал перевязывать нас. Вскоре подошел наш полк, нас всех раненых перевязали в санроте и отправили в полевой госпиталь. По излечении я снова прибыла в свой полк.

Были на Курской дуге, стояли в обороне. Вызывает меня командир батальона и говорит: «Сейчас понесут ужин бойцам на нейтральную зону, возьми санитарную сумку, пойдешь с ними, там окажешь медицинскую помощь».

И вот мы пошли. Два бойца и я. Прошли траншеи своей обороны. Кругом тихо, порой только освещает ракета да летят трассирующие пули. Пришлось идти и ползти. И вдруг очень близко осветила ракета, и мы заметили недалеко немца. Когда ракета угасла, мои бойцы ставят около меня термосы с супом и говорят тихо: «Лежи». И смеются: «Карауль суп-то, чтоб немец не поел, а мы на охоту».

И сами поползли. Пришлось караулить минут 30—40. Оглядываюсь на все четыре стороны и думаю: до своих бежать далековато, вот попала, ночь и дорожку не найду. Слышу — ползут. Свои или немец? Но когда ближе стали подползать, то услышала свое имя. Но охота была не впустую, взяли языка. Один боец взял термосы с супом и пошел к бойцам, а нам пришлось тащить этого немца до своего переднего края.

Вскоре у меня открылось ранение на руке, и отправили в госпиталь в г. Белгород. Это около Старого Оскола.

Когда прибыла в госпиталь, нас оказалось только двое из девушек раненых, так как в полевом госпитале мест не было, госпиталь располагался в школе. Врач нас двоих устроил на частной квартире недалеко от госпиталя, по центральной улице. На перевязку и кушать ходили в госпиталь. У меня болела рука, а у моей подруги касательное ранение правого виска, так что мы могли ходить.

И вот как-то ночью в четвертом часу я проснулась и долго не могла уснуть. В нашем садике стояли две зенитки. Слышу — стали бить, и так часто. Я встала, одела на босую ногу сапоги и вышла на улицу. Увидела, что из госпиталя все, кто может, убегают, кто как смог. Когда я подбежала и спрашиваю — один боец шагал на костылях и кричит мне: «Беги быстрее — немец!». Я быстро вернулась в дом. Кричу: «Зина, быстрее подымайся», — а она спокойненько спит. Быстро вскочила, надела сапоги, юбку, а гимнастерки надевали на ходу, выбежали из дома и побежали, как и все, к мосту. Только перебежали мост, показались два немецких самолета, стали бомбить окраину, где был мост. Но не знаю, остался он целый или нет. И наш путь был 45 километров до ст. Корочи. А что было с нашими ногами! Пришлось ножницами перерезать мозоли, потому что бежали в одних сапогах без портянок, марш был хорош. Немцам сдаваться нельзя. [...]

ГКУ ГАК, ф. П-483, оп. 1, д. 315, л. 20—24. Подлинник. Машинопись.

**№ 18. Из воспоминаний Квасовой (Самец) Ольги
Александровны, чертежницы 7-го зенитно-
пулеметного полка. 27 марта 1970 г.**

[...] Начало войны для меня совпало с окончанием экзаменационной сессии за III курс Сибирского металлургического института. Сдали экзамены, организовали санитарную дружину, обучались санитарному делу и дежурили в госпитале, помогая ухаживать за ранеными бойцами. Раненых в Новокузнецк (Сталинск) в то время поступало уже много. И вот тогда-то и родилось желание заменить тяжело раненых бойцов на фронте.

В сентябре 1941 г. нормально начались занятия в институте. Ходила на занятия и я. Мысли об уходе на фронт не покидали меня ни на минуту.

После занятий в институте, ходила в военкомат и просила отправить на фронт. Дважды писала заявление в ГК ВЛКСМ с такой же

Начало Войны для меня совпало с окончанием экзаменационной сессии за III курс Сибирского металлургического института. Сдали экзамены, организовали санитарную дружину, обучались санитарному делу и дежурили в госпитале, помогая ухаживать за ранеными бойцами. Раненых в Новокузнецк (Сталинск) в то время поступало уже много. И вот тогда-то и родилось желание заменить тяжело раненых бойцов на фронте.

В сентябре 1941 г. нормально начались занятия в институте. Ходила на занятия и я. Мысли об уходе на фронт не покидали меня ни на минуту.

¹⁰⁰ходила в военкомат ⁻²⁻ и просила отправить на фронт. Дважды писала заявление в ГК ВЛКСМ с такой же просьбой. Везде ответ был один: старшекурсниц не берет, что вы будете скоро специалистами - металлургами, которые также очень нужны стране.

Желание уйти на фронт возматало с каждым днем. Я не могла смириться с мыслью: „как можно сидеть спокойно на лекциях, когда там идет война - быть нам или не быть.“ Я ходила в военкомат почти каждый день, помогала им оформлять документы на мобилизованных, которых было очень много. И на конец - то мечта сбылась.

27-го мая 1942 года мы поехали на фронт. Привезли нас в Купянск (под Харьков) в расположение штаба 4-й дивизии ПВО. Построили нас на какой-то площади. Спросили: „кто умеет водить машины?“ Несколько человек вышло из строя. Затем спросили: „кто умеет пилить на пилующих машинках?“ Тоже несколько человек вышло. Затем попросили выйти из строя тех, кто имеет высшее и не законченное выс-

просьбой. Везде ответ был один: старшекурсниц не берем, вы будете скоро специалистами-металлургами, которые также очень нужны стране.

Желание уйти на фронт возрастало с каждым днем. Я не могла смириться с мыслью: «Как можно сидеть спокойно на лекциях, когда там идет война — быть нам или не быть». Я ходила в военкомат почти каждый день, помогала им оформлять документы на мобилизованных, которых было очень много. И наконец-то мечта сбылась.

27-го мая 1942 года мы поехали на фронт. Привезли нас в Купянск (под Харьков) в распоряжение штаба 4-й дивизии ПВО. Построили нас на какой-то площади. Спросили: «Кто умеет водить машины?» Несколько человек вышли из строя. Затем спросили: «Кто умеет печатать на пишущих машинках?» Тоже несколько человек вышли. Затем попросили выйти из строя тех, кто имеет высшее и незаконченное высшее образование. Я вышла из строя. Нас оказалось пять человек из полутора тысяч. Привели нас в какой-то дом и предложили всем написать свои автобиографии. Я была комсомолка, отец мой — член партии, биография безукоризненная. Ну, думаю, буду разведчиком. А все вышло наоборот. Учитывая мою грамотность и чертежный почерк, командование дивизией решило взять меня чертежником. Я долго отказывалась, но меня убедили, что и эта работа очень нужная для фронта.

С этого дня я до конца войны днем, а зачастую и ночью, чертила, вернее, наносила на карты схемы боевого порядка частей 4-й дивизии ПВО, а затем подразделений 7-го Краснознаменного зенитно-пулеметного полка. Сначала отступление, а затем быстрое наступление наших войск заставляло по несколько раз в сутки менять дислокацию частей и подразделений по фронту, а, следовательно, и на карте.

Путь полка — это и мой путь. Никогда не изгладятся из памяти дни обороны железнодорожных мостов и переправ через реки Дон и Днепр, когда немецкая авиация, с целью разрушить мосты и переправы, производила только за одну ночь по 1100 самолето-полетов, и каждый самолет сбрасывал свой смертельный груз на эти объекты. При этом немало погибло наших боевых товарищей, девушек-сибирячек.

ГКУ ГАК, ф. П-483, оп. 1, д. 367, л. 1-2об. Подлинник. Рукопись.

№ 19. Из воспоминаний Керта Георгия Мартыновича, рядового 1252-го стрелкового полка 376-й Псковской Краснознаменной дивизии. 12 октября 1984 г. — 29 апреля 1987 г.

[...] Было это уже в южной Эстонии поздним летом 1944 года. Стабильной линии фронта не было, с боями мы продвигались вперед и вперед. Командир 45-миллиметровой батареи, его ординарец и девушка-санинструктор пошли выбирать позицию для орудий и наткнулись на немецкую засаду. Фашисты зверски замучили их, вырезав напоследок звезды на груди. Мы шли по дороге, а они лежали растерзанные на ее обочине. Вот так воспитывала нас немецкая пропаганда. [...]

Был сентябрь 1942 года. После госпиталя в г. Тихвине, как было написано в справке, «красноармеец 12-го армейского инженерного батальона годен к строевой. Выписывается в часть». Ехали мы с другом в сторону Волховского фронта. На фронте знакомство у молодых завязывается быстро: расспросили друг друга, как зовут, откуда родом, чем занимался в мирное время, а вот — уже и друзья, а фронтовая дружба, нигде и никем не учтенная, очень помогала нам и в боевых действиях, и во время отдыха, и доукомплектования в тылу. В это время из-под Мясного Бора возвращалась после тяжелых кровопролитных боев 376-я стрелковая дивизия, которой предстояло участвовать в боях по прорыву блокады Ленинграда. В Жихареве к нам в теплушку пришли представители этой дивизии с предложением служить в ее частях. Предложения были самые разнообразные: пехота, артиллерия, разведка. Мы с другом, как говорится, «записались в разведку». Выдали нам новенькие автоматы ППШ. Помню, как мы гордились этим: ведь такие автоматы выдавали не всем. После тяжелого пешего марша в район северо-западнее Путилова, где дивизия вошла в состав 2-й ударной армии, перед нами поставили задачу — прорвать оборону противника южнее деревни Гонтовая Липка. Утром вышли на исходные рубежи. До этого нам выдали НЗ (неприкосновенный запас). Командир роты с возгласом: «За Родину! За Сталина!» — поднял нас в атаку. [...] Враг открыл ураганный минометный огонь. Наш взвод автоматчиков от этого огня пострадал не сильно, т. к. мы выдвинулись

значительно вперед основных частей и почти сблизились с противником. Пройдя минные заграждения, мы залегли перед дотом. Враг нещадно поливал автоматным и пулеметным огнем. Кроме того, стреляли снайперы — «кукушки». Вот здесь пришлось крепко пожалеть о том, что у меня отсутствовала саперная лопата. Но, видно, сила жизни настолько велика, что я буквально руками вырыл себе укрытие, причем под прицельным огнем врага. Урок с лопатой я хорошо «заучил», и впоследствии мы не жалели труда, чтобы поглубже закопаться. Продвижение вперед было невозможно, да и ряды наших бойцов значительно поредели. Хорошо помню этот вечер 22 сентября. Солнце клонилось к закату, и мне подумалось, что это последний закат солнца в моей жизни. Но страха почему-то не было, было чувство обиды от невыполненного долга. Часто спрашивают, страшно ли было на войне. Я отвечаю: да, было страшно, но этот страх был всегда перед неизвестностью, перед боевым делом, я только усилием воли и чувством собственного достоинства заставлял себя пересиливать его. И, конечно, приказ командира следовало выполнять. Сильнее страха было чувство не оказаться трусом перед лицом своих товарищей. Уже стемнело. Теперь главной заботой было не уснуть. Мелькнула было предательская мысль, закопать комсомольский билет на случай пленения во сне, но тут же устыдился и отбросил ее. Так лежал в полудреме, пока забавный эпизод окончательно не разбудил меня. Лежа, вдруг почувствовал, что кто-то трогает меня за бок снизу. Я вздрогнул и инстинктивно схватился за бок. Это оказалась небольшая мышка, с которой мы встречали рассвет следующего дня. Наутро был получен приказ вернуться на исходные рубежи. Прорыв не удался, но своими действиями мы сковали силы противника.

У солдата в походе все было рационально продумано, ничего лишнего. Все «жизнеобеспечение» с собой: автомат, граната, вещмешок, шинель, плащ-палатка, котелок, ложка. Как мы ухаживали за автоматом, следили, чтобы в диске всегда были патроны. Первая заповедь солдата — автомат всегда при себе, даже если спишь. Помню, попросили меня отнести термос с едой товарищам, находившимся в боевом охранении. То ли поленился взять автомат, то ли посчитал задание минутным делом, но автомат оставил в землянке. А получилась заварушка, хорошо «лимонка» была с собой, да ноги

крепкие, молодые, а так бы не писать мне этих воспоминаний. С тех пор даже на гражданке просыпался от страха, что автомата почему-то нет. И номер автомата 4040, выбитый на его поверхности, всегда очень явственно вырисовывался. Должен сознаться уже теперь, что коробку от противогаза мы выбрасывали. То ли не верили в возможность химической войны, то ли слишком уж тянула эта коробка. Много хлопот доставляли нам обмотки. Это потом мы научились их заматывать «с форсом» не на всю икру ноги, а чуть поверх голеностопного сустава. И держались крепче и смотрелись лучше. К 44-му году мы были уже совсем другими. Даже приветствие командирам отдавали не лодочкой к виску, а лихо, с разжиманием кулака у самого виска. Командиры учили нас везде и всюду опираться на солдатскую смекалку. И это нам очень помогало. Глубокой осенью или зимой во время похода при отсутствии жилья соберемся по трое — наломаем лапника, сверху плащ-палатку, накрываемся двумя. А чтобы крайние не замерзали, чередовались попеременно с лежащими в середине. Вырыть окоп или сделать землянку — привычное дело. Даже такие, казалось бы, мелочи, как, залезая в низкую землянку, не стучай сильно прикладом автомата о землю, иначе затвор опустится и может получиться выстрел. Докучали нам, конечно, артобстрелы и бомбежки. Зато могли отличать не только мину от снаряда, но калибр орудия или миномета. Мина, она при полете торчит, да и хлопок у нее при выстреле слабее, а у снаряда гул позвонче и выстрел громче. Если летят они в сторону от тебя, то все слышно: и выстрел, и полет, и разрыв. А вот если в твою сторону, то перед самым взрывом ни шипенья, ни гула не слышно, но зато взрыв куда громче, да и засыпать может, а то и поцарапать. Отряхнешься, чертыхнешься про себя и подумаешь: «Ну, на этот раз пронесло». Прямые попадания ведь редко бывают. Зато как приятно слушать, когда бьет наша артиллерия, особенно дальнобойная. Снаряды летят над тобой, шелестят, а потом грохот у немцев, земля веером во все стороны, а если угодит снаряд в землянку, так и бревна к небу. Под дальнобойную немцев не пришлось попадать. Правда, вспоминается случай, было это на границе с Эстонией, в какой-то деревне. Прилетел шальной снаряд, ухнул. Солдат рядом с котелком сидел. Смотрим, нет солдата, а на том месте земли навалило кучу преогромную. Сообразили мы, давай быстро откапывать.

Откопали — живой, только глаза какие-то полоумные, да слышит плохо, а так весь целенький, без царапины. Однажды случайно под огонь наших «Катюш» попали, к счастью, только краешком. Не дай Бог, земля горела, не то что кусты и деревья. Долго, наверное, икалось гвардейцам-минометчикам от наших воспоминаний. Хуже, конечно, когда немецкие «ишаки» начнут обстрел. Тут уж держись. Проскрипят раза четыре-пять — успевай только прятаться. Траншея или окоп ходуном ходят. Но наши батареи их быстро засекали. Сейчас уже забываешь эту военную ономастику: «Катюши», «Ванюши», «ишаки», «сорокапятки» и др. А вот насчет «ишака» забавно получилось. Ну, ишак да ишак, а что значит это слово, я не задумывался. А в 1970 году, будучи в санатории в Нальчике, на прогулке вдруг услышал, что проскрипело, как немецкий шестиствольный миномет. Смотрю — осел стоит в кустах. Так вот почему их «ишаками» называли. До войны живых ишаков я сроду не видал, а тем более не знал, что они кричат, как немецкие минометы.

При бомбежках лучше, конечно, только в том смысле, что все видно тебе, когда «мессер» заходит для обстрела или «Юнкерс» для бомбежки. «Мессеры», те пошустрее летят, зато и пролетают мимо быстрее, а «Юнкерсы» брюхатые, те летят медленнее, значит, и ждать их подольше приходится. [...]

Большое значение для солдата имела дисциплина, или, как говорят теперь, «психологический климат». Здесь все было на виду, кто храбр, а кто и не прочь минутку другую полежать в укрытии, кто работяга, а кто и не переломится. Скажу честно одно: трусов и дезертиров у нас не было. Один раз только перед строем дивизии во время перехода расстреляли двух дезертиров. Это было на большой поляне в лесу. Зачитали перед строем приказ, и двум автоматчикам было приказано приговор привести в исполнение. Зрелище было ужасное. Дезертиры упали на четвереньки и с каким-то неестественным воплем поползли к автоматчикам. В таком положении они и были расстреляны. Может быть, где-то и всколыхнулась жалость к ним. Но если соразмерить меру их проступка с той мерой, которую платили солдаты своими жизнями во имя Победы, оставалось ли место для жалости этих двоих?

Были у нас во взводе люди разных возрастов, разных национальностей, разных профессий, с разным образовательным уровнем.

Так уж получилось, что иногда старшина или сержант имели образование ниже, чем солдат. Причем у этого солдата и выправка была хуже, и котелок у него гремел, и одышка больше, чем у других. Однако редко было, чтобы командир показывал свой гонор. И если уж заставлял что-либо делать солдата по нескольку раз, так это для его же пользы, чтобы научился. Помню на переформировании, кажется, в Лисьем Носу у берега Финского залива, шел я на встречу начальнику штаба Петрову. Красивый и храбрый офицер с хорошей выправкой, он три раза скомандовал мне «кругом», пока я не догадался, что поворачивался через правое плечо. Дисциплина цементировала все отношения. И тон этому задавали, прежде всего, коммунисты и комсомольцы. Приказ не обсуждался и выполнялся. Размышляя уже теперь о пройденном во время войны пути, я все больше утверждаюсь в мысли, что командиры и, в частности, начальник штаба 1252-го полка капитан Захаров, заботились о солдатах «со стажем». В этой дивизии я прослужил с 20-го сентября 1942 года до 25-го октября 1944 года, когда получил тяжелое осколочное ранение под г. Тукумсом в Латвии. Срок для рядового очень большой.

Особенно помогала взаимовыручка. Не могу не рассказать об одном эпизоде, который произошел с нами уже в конце лета 1944 года в южной Эстонии. Служил я тогда в химвзводе 1252-го стрелкового полка этой же дивизии. (В июне 1943 года после медсанбата был переведен из разведки 1250-го стрелкового полка). Позади были: прорыв блокады Ленинграда, взятие Пскова, эстонских городов Выру, Ангсла. Немцы, хотя и отступали, тем не менее яростно огрызались, используя любые возможности, чтобы приостановить наше наступление. Ранним утром мы подошли к одной мызе. Это было хорошее крепкое здание с надворными постройками. Во дворе этого хозяйства были две огромные, вкопанные в землю, бетонные бочки, наполненные куриными яйцами. Солдаты, конечно, воспользовались этим: кто в котелок, кто в каску набирали себе продовольствие. Кругом все было тихо и не предвещало ничего необычного. Командир полка дал приказ командиру нашего химвзвода разведать линию обороны противника. Наш комвзвода, лейтенант, для выполнения задания взял меня и еще двух бойцов. Вдоль берега реки мы подошли к мосту, который был взорван немцами при от-

ступлении. По уцелевшим остаткам моста перебрались на другой берег и углубились по дороге в сухой сосновый бор. [...] Внезапно лес кончился. Недалеко от дороги у самой опушки леса стоял небольшой домик, рядом, уже почти в поле, баня и небольшой сарай. Мы постучали в дом, и на крыльцо вышел хозяин дома. Попросили у него попить. День был ясный и жаркий. На наши вопросы — проходили ли немцы и где они — толком он ничего не ответил. Дорога шла в открытую ложину. Тут же у обочины увидели колышки с табличками «Мин нет». Это утвердило нас в мысли, что здесь проходили наши части. Направо впереди горел стог сена, налево, почти у самой дороги, стоял небольшой сарайчик для сена. Как только мы вышли из леса, немцы сделали небольшой минометный налет. Один из бойцов, не выдержав, остался в лесу. Мы втроем продолжали идти вперед по дороге. Внезапно рядом с нами разорвалась мина. Мы инстинктивно пригнулись, и в это время одиночный выстрел из винтовки поразил нашего лейтенанта в грудь. Фашисты всегда охотились больше за командным составом. Он был одет в полевой мундир, а мы — в телогрейках. По всей вероятности, это был немецкий снайпер. Очевидно, они ждали нашего подхода, чтобы захватить нас живыми, и только непредвиденная случайность помешала им сделать это. Мы бросились за сарайчик в канаву, которая шла перпендикулярно дороге. Я сделал автоматную очередь, и мы проползли метров десять по канаве в сторону. У лейтенанта гимнастерка и нижняя рубашка были мокрые от крови. Ранение было сквозное. Кое-как индивидуальным пакетом и остатками рубахи перевязали грудь. Лейтенант был в сознании, хотя чувствовал себя неважно. Провели небольшой совет, подсчитали свои огневые ресурсы: три автомата, две «лимонки» и пистолет. Решили, что я останусь с лейтенантом, а второй боец сообщит в штаб данные о положении. Передовая немцев была в метрах 25 от нас, так как явно слышалась немецкая речь. Товарищ вылез из канавы, поднялся и побежал. В это время раздался одиночный выстрел, и он упал. Мы не могли определить, был ли он ранен или убит, или же упал сам. После небольшого обмена мнениями решили выходить самостоятельно. Вот уже здесь пригодился мне почти двухлетний опыт передвижения по-пластунски. Метров 600—800 тащил я лейтенанта. Впопыхах потерял лимонку, она висела на поясе. Было,

конечно, тяжело, и мы часто отдыхали. Хорошо, что трава была густая и довольно высокая, луг был не скошен. Метров за 15—20 от бани мы остановились, и я начал внимательно осматривать, нет ли кого внутри. В окно бани увидели, что товарищ машет нам руками. Заползли в баню и снова хорошо перевязали лейтенанта, так как повязка давно сбилась, кровь, хоть и не очень сильно, но все же сочилась. В домике у эстонца никого не было видно. Лейтенант обхватил нас за плечи, и мы повели — потащили его по дороге к лесу. Он все более и более грузнел и валился. Кое-как дотащили его до речки и перенесли через нее. Здесь он совсем сник и временами уже терял сознание. Порешали, что товарищ останется с лейтенантом, а я сбегая на мызу за санитарями и доложу начальству об обстановке. В это время картина уже сама начала проясняться. Немцы били из минометов по мызе, хотя и не очень сильно. Я устно доложил начштаба об обстановке и побежал просить лошадь для перевозки раненого. Все мирное население сбилось в подвале главного здания мызы. Ни мои просьбы, ни увещевание о поездке за раненым не возымели никакого действия. Лошадь и телегу же взять они разрешили. Тогда я быстро запряг лошадь в крестьянскую телегу для сена и галопом поехал к мосту. Лейтенант уже лежал без сознания. Мы погрузили его на телегу и быстро поехали к мызе. От моста до мызы местность была открытая и хорошо просматривалась противником. Немцы, видимо, заметили нас и дали залп по нашей телеге. И тут мне пришлось еще раз удивиться. Лейтенант, казалось бы, лежащий без сознания, вдруг пружиняще выпрыгнул из повозки в канаву. Но обстрела больше не было, и мы подъехали к мызе. На наше счастье здесь стояла санитарная машина, куда мы быстро лейтенанта и погрузили. Я пошел сразу в штаб. Начальник штаба дал мне бумагу, и я кратко изложил все основное, что с нами произошло и предполагаемые позиции немцев. Не помню, кто мне налил водки, и я залпом выпил почти стакан. И вот тут со мной произошла разрядка: как-то зазнобило и немного затрясло. Но все быстро прошло. Жаль только, что запамятовал фамилию лейтенанта. В лицо помню очень хорошо, и, наверное, узнал бы сейчас. Черноватый, небольшого роста, очень живой, по национальности украинец или белорус. [...]

ГКУ ГАК, ф. Р-1483, оп. 1, д. 12, л. 6—16. Подлинник. Машинопись.

**№ 20. Из воспоминаний Козаченко Алексея
Константиновича, Героя Советского Союза,
ветерана 237-й Пирятинской Краснознаменной
орденов Суворова II степени и Богдана
Хмельницкого II степени стрелковой дивизии.
Февраль 1976 г.**

[. . .] Это было уже давно, более тридцати лет тому назад. [...] В годы Великой Отечественной войны нежданно моя судьба соприкоснулась с судьбой Вашей дочери Анны: в одном батальоне мы совместно с ней, — и с другими бойцами, разумеется, — уничтожали фашистских гадов, топтавших и осквернявших нашу священную землю. Позвольте поделиться с Вами, уважаемая Акулина Астафьевна, воспоминаниями о Вашей дочери. Эти воспоминания очень дороги для меня и, полагаю, найдут отклик и в Вашем сердце.

Во-первых, преклоняюсь перед Вами за то, что Вы вырастили такую славную дочь. Вашей дочерью можно только гордиться, гордиться ее добротой, ее смелостью, ее любовью к жизни, ее примером можно только восхищаться и нам, и всему молодому поколению, живущему в нашей счастливой свободной стране. Ваша Аня прибыла в наш 835-й стрелковый полк 237-й стрелковой дивизии в апреле или мае 1943 года.

По излечении, прямо из госпиталя я был направлен в этот полк командиром стрелкового батальона. Так что и я был там почти новичком. Полк, испытывавший до этого множество тяжелых боев, необходимо было пополнять солдатами, сержантами, офицерами, имуществом, оружием и боевой техникой. Разумеется, и наш батальон был далеко не в положенном численном составе. Стрелковые роты, например, были менее чем в половинном комплекте. Был я однажды на своем боевом месте, на наблюдательном пункте. Появился рядом со мной заместитель по политической части майор Филиппов: «Товарищ капитан, пополнение прибыло», — с ликованием в лице доложил он. Обрадовался этому и я. Оставив за себя офицера, я вместе с Филипповым отправился за пополнением на окраину села Капустинцы. Действительно, пополнение прибыло, но далеко не в таком количестве, сколько требовалось для замещения людских утрат. Среди рослых разновозрастных парней, было

*Козаченко Алексей Константинович.
Фотография сделана в 1944 г.
ГКУ ГАК, ф. Р-1483, оп. 1, д. 13, л. 20.*

и несколько девушек. В числе их, как я узнал позже, были: Калюжная Анна Ивановна, Щербаченко Мария Захаровна, Дудник Анна Степановна и Кравцова Нина — отчества не помню. Среди солдат были и новобранцы, и выписанные по излечении из госпиталей, и из учебных подразделений, и из различных тыловых воинских команд. Приняв пополнение для батальона, я обратился ко всем стоящим в строю с короткой речью, охарактеризовав и боевые заслуги батальона, и его теперешнее положение, и его боевую задачу в данный момент. А к девушкам обратился особо:

— Не страшно вам?

— Нисколечко, товарищ капитан, — почти хором ответили они. Я им подробнее обрисовал состояние батальона в целом и каждой роты особо и подчеркнул, что только стойкость, смелость и отвага всех солдат сообща решат нашу судьбу на данном ответственном рубеже. И тут же распределили девчат по ротам. Ваша Аня была назначена во взвод связи, обслуживавший штаб батальона. С этого момента начался ее боевой путь. Помню нестерпимо знойный день 22 июня 1943 года. Возле хутора Скляры Полтавской области шел тяжелый бой. Грохотали орудийные залпы, до предела уплотняя стоячий воздух, доносился треск автоматов, взрывающихся снарядов и мин, басистые вздохи рвущихся авиационных бомб. Накаленное небо бороздили и наши, и вражеские самолеты. Доносился их то нарастающий, то замирающий гул моторов. В воздухе тоже, оказывается, не смолкала битва. Командир полка Подопригора, вызвав меня к себе, не столько по-командирски, сколько по-отечески сказал:

— Смотри, сынок, как немцы нагло контратакуют на правом фланге нашего 1-го батальона. Наша атака не удалась... Силенок маловато!

И я увидел, как семь вражеских танков ползли навстречу нашей поднявшейся пехоте.

— Командир этого батальона погиб, — продолжал командир полка, — старший адъютант тяжело ранен. Третья рота вынуждена отступать... Смотри сюда! Вон на пригорке скирда. Беги туда и остави танки. Как можно быстрее! Тебе помогут, сынок. Давай!

Я кинулся выполнять приказ. С горсточкой солдат подбежал к скирде. За нами увязалась Анна Калюжная с радистом Хренниковым. Над головами зловеще шипели снаряды, пахло гарью, но мы

не чувствовали ни всего происходящего вокруг, ни усталости, ни страха. В душе гнездилась твердая уверенность, что успех будет, раз за плечами стоит родной отец — командир полка, который смотрит за нами и обязательно выручит в трудную минуту. Так оно и произошло, через некоторое время «заговорила» наша артиллерия, по густоте и тяжести выстрелов мы уже безошибочно угадывали «голос» своей сподвижницы и спасительницы. Возле скирды, куда мы быстро добрались, стояла покинутая кем-то противотанковая пушка. Она оказалась вполне исправной. На всякий случай я зарядил ее. Неожиданно из ближайших зарослей бурьяна выскочил наш молодой солдат и испуганно закричал:

— Убегайте, танки внизу, сейчас поднимутся сюда. Раздавят!.. — Солдат был испуган до икоты и, казалось, не способен был видеть вокруг себя реальное.

— Сюда! Немедленно сюда! — волевым голосом прикрикнула на него Анна Калюжная. И он, жалкий и запыхавшийся, подбежал к нам. — Эх ты, Аника-воин! — в сердцах бросила она беглецу и шуточно надвинула ему на нос его же пилотку. Все окружающие захохотали. В этот миг показался вражеский танк. Урча, он лез на пригорок, но не прямо на нас, а несколько в сторону. Мы навели орудие и дали выстрел. Но ... мимо, снаряд перелетел. Танк развернулся уже в нашу сторону, мы вновь зарядили орудие и наводили в лоб приближавшейся громаде. Огонь! Железный зверь сначала замер, потом вроде бы осел на месте, будто притаился ниже к земле, и через несколько секунд вспыхнул. Бойцы ликovali. Искры восхищения излучали и глаза молодого солдата, куда делись его недавние растерянность и паническая трусость. Он осмелел, и, что было сил, помогал возле орудия старательно и быстро. Одним, только одним выстрелом, расправились мы со вторым фашистским танком. Такая же участь постигла и третьего железного зверя, но укрощенного только третьим снарядом. После каждого удачного пушечного выстрела солдат с чувством стыда отворачивался от Ани, лицо и уши его горели, как натертые перцем. Видимо, он понял, какую конфузную ситуацию создал сам себе, да еще перед девушкой. Что значит фронтовая неопытность! Из люков горящих танков, как крысы из щелей, выскакивали гитлеровцы и трусливо бежали в сторону, откуда так лихо выезжали несколько минут тому назад. Некото-

рые из них были навечно уложены нашими пулями. Остальные вражеские машины, а их было около шести, повернули обратно. Скрылась и немецкая пехота. Левый фланг батальона, наконец, поднялся в успешную атаку. В этот затишный момент из недалекого конопляника вынесла Анна Калюжная тяжело раненого старшего адъютанта батальона. Для нас этот день закончился освобождением хутора Скляры. Наш батальон захватил 450 пленных гитлеровцев, броневик и три танка. На рассвете вызывают меня в штаб полка. «Видимо, получено какое-нибудь важное сообщение», — подумал я, когда полз от своего КП по влажной и пожухлой траве к ближайшей тыловой тропинке.

Командир полка Подопригора, прежде чем начать серьезный разговор, долго изучающе смотрел мне в глаза. Меня, признаться, мучила такая загадочность, в голову лезла всякая чертовщина, а вдруг я что сделал не так? Но все в душе стало на свое место, когда он начал:

— Так вот, комбат. Вам с батальоном предстоят новые и очень ответственные боевые дела. Слушай..., — и детально объяснил задачу на широко развернутой топографической карте, испещренной синими и красными пометками. — Повторяю, — заключая, сказал он, — операция сложная и трудная. Хорошо подготовьте к ней людей. Кроме храбрости и мужества, от ваших подчиненных потребуются исключительная находчивость, смекалка, умение активно и дерзко действовать в любой обстановке. И не только на земле-матушке, но и на воде-тетушке! — улыбнулся он.

— Задача будет выполнена, — ответил ему я.

И вот на опушке леса, в 18-ти километрах западнее Пирятина, выстроен наш батальон.

На загорелых лицах воинов сосредоточенность и нетерпеливое ожидание. Давненько это было!

Но, как сейчас вижу, на правом фланге строя всегда беспокойного замполита майора Филиппова, за ним стоит один из отважных ветеранов старший сержант Воронцов, далее более молодые ветераны Телешов, Хренников, Виктор Арышев и другие. А рядом — недавно прибывшие в этот спаянный строй харьковчане Анна Калюжная и Ваня Черный.

Многие, стоящие в строю, закалились в битвах на Курско-Белгородской дуге, некоторые — в других местах, на других фронтах.

И все вместе взятые недавно были отблагодарены Главкомом Сталиным как бойцы 237-й стрелковой дивизии, отбившей у врага город Пирятин. Дивизия заслужила благодарность и получила наименование «Пирятинской».

А ныне батальону предстояло осуществить смелую операцию, от успеха которой зависело дальнейшее продвижение наших частей на запад. Нужно было совершить 180-километровый марш-бросок и выйти в район Ржищева, где форсировать Днепр, закрепить на его правом берегу и удерживать захваченный плацдарм до прихода главных сил. Под прикрытием артиллерийского огня, в одну из темных сентябрьских ночей, наш батальон незаметно для вдавленного противника просочился сквозь его оборону и взял направление на Ржищев, что южнее Киева.

Синий Днепр встретил нас тишиной и ... неприступностью. Подступы к нему по левому берегу охранялись немцами. Вскоре нам удалось установить связь с партизанским отрядом имени Щорса. Отряд нас снабдил лодками и оказывал всемерное содействие в подготовке к форсированию реки. При огромной осторожности для высадки на правый берег готовилась первая группа. В этой группе была и Анна Калюжная. Отправили. Враг обнаружил наш десант в двадцати метрах от берега. Все прыгнули в воду и по шею в ней добрались до берега. За первой группой торопливо последовали остальные группы, пока на правом берегу не оказался весь батальон. Сколько мы в темноте сумели захватить прибрежных высот, на стольких же и закрепились, подняв среди ночи солидную суматоху среди немцев. Основная часть поставленной задачи была выполнена, но еще труднее предстояло главнейшее — удержать плацдарм, те клочки земли, в которые вцепился батальон под покровом ночи, оставив позади себя огромную ширь великой реки. Все бойцы знали, что нам предстоит несколько суток держать в своих руках такую землю. [...]

Из своих укрытий мы заметили легковую автомашину и автобус, остановившиеся всего в 30—40 метрах от нас. С шумом из машин вылезли немцы и развернули карты. Перед нами, на расстоянии кинжального огня, весьма заманчивая цель: сорок один гитлеров-

*Козаченко Алексей Константинович.
ГКУ ГАК, ф. Р-1483, оп. 1, д. 13, л. 21.*

ский офицер на рекогносцировке местности. Впервые и я, и мои бойцы видели так близко «непобедимых» фашистских вояк, перевозимых по немецкому радио. Возможно, на этом рубеже они решили навсегда остановить Советскую армию — мы не разбирали их разговоров, — но навсегда остались тут сами. Ни одному из них живым не удалось уйти.

Возможно, в немецких тылах вызвало беспокойство долгое отсутствие «рекогносцировщиков», и вскоре в этом районе начались поиски: 32 солдата прочесывали местность и кого-то звали. Мы такое приблизительно предвидели и хорошо подготовились. Постарались заманить ищущих в ловушку. И эта поисковая группа была нами поголовно перебита. Наконец-то гитлеровцы поняли наше местонахождение. По всей видимости, не знали они одного: какими силами мы располагаем.

18 октября 1943 года они обрушили на нас около полка пехоты. Шесть их озверелых атак мы отбили успешно. В одной из наших контратак на нейтральной полосе оставался наш тяжелораненый пулеметчик. Нужно было его унести, так как немцы вот-вот предпримут очередную атаку.

И к пулеметчику во весь рост ринулась Аня.

— Стой! Вернись! — кричали мы ей.

На минуту она остановилась. И ... упала!

— Эх, убили дивчину, гады! — раздалось вокруг.

Нет! Ползет Аня, ползет... Все ближе и ближе к пулеметчику... А бой идет, бой не прекращается. В сторону раненого пулеметчика и ползущей к нему Ани немцы бросили в атаку около роты пехоты. Идет мучительное сближение, где минуты равны вечности. Двести! Сто пятьдесят! Сто метров!

Нам вперед стрелять нельзя — впереди две дорогие нам жизни. И вдруг по атакующим немцам полоснул пулеметный огонь. Откуда? Нет, не от нас! Немцы падают, некоторые повернулись обратно, некоторые ложатся и окапываются. Я припал к биноклю. Смотрю в сторону пулеметчика и Ани. Белые волосы теребит ветер, то закрывая, то обнажая девичью пилотку. А за пулеметом не пулеметчик, а Аня Калюжная, точно такая же Анка из кинофильма «Чапаев», только с развевающимися по ветру белокурыми локонами. Атака немцев захлебнулась. Ремнем под руки, к нам приближа-

ются ползком две драгоценные жизни: раненый солдат-пулеметчик и уже не пулеметчица, а медицинская сестра Анна Калюжная. Героизм и находчивость девушки наполнили сердца бойцов и гордостью и удесятеренной энергией. [...]

3-го ноября 1943 года Анна Калюжная совершила подвиг — так бы назвал это событие я. Возможно, это и не подвиг, но акт равносильный ему, если он совершен в таких условиях и вошел как вечная сладкая заноза в сердца оставшихся в живых. [...]

Осколком мины смертельно ранена Анна Калюжная. [...]

Она лежала неподалеку от днепровской воды и спекшимися губами шептала:

— Мама! Мама!..

Старшина Мелихов с перебитой рукой и простреленным легким, опустился перед ней на колени:

— Держись насмерть! — проговорил он ей дрогнувшим словно бы чужим голосом. И тут же, взяв автомат и прижимаясь к земле, пополз навстречу атакующим фашистам.

Не имея физических сил, истощенный голодом и бессонницей, непрерывно всматривался в левый берег. Рация уже была брошена без питания. И вот — долгожданные ракеты! Четыре... пять... десять! Десять красных ракет! И только через несколько часов нам стало ясно: это пошли в решительное наступление наши главные силы освободить город Киев. [...]

ГКУ ГАК, ф. Р-1483, оп. 1, д. 13, л. 9—17. Подлинник. Машинопись.

№ 21. Из воспоминаний Козьмина Михаила Александровича, командира отделения 195-й Новомосковской Краснознаменной стрелковой дивизии. Декабрь 1969 г. — февраль 1970 г.

[...] В составе дивизии (тогда она называлась просто 195-я стр [ел-ковская] дивизия), только что сформированной, в качестве командира отделения вычислителей я прибыл на фронт 22 июля 1942 года. В первый же день дивизия выдержала жестокий встречный бой.

Это было под Воронежем. Дивизия выгрузилась из ж/д вагонов за 70 км от Воронежа, дальше ж/д пути были разрушены, и движения не было. 70-километровый марш дивизия совершила за сутки и сразу с марша вступила в бой с наступающим противником. Наступление пр [отивни] ка было сорвано. Дивизия перешла в наступление и, продвинувшись на 3 км, вплотную подошла к северо-восточной окраине города. [...]

Дальнейшему продвижению мешал сильный минометный и пулеметный огонь пр [отивни] ка.

Командующий артиллерией армии вызвал дивизион ракетчиков («Катюши») и приказал подавить огневые точки противника. «Катюши» дали залп из района командного пункта и тут же уехали лесом в другое место, т. к. противник усиленно охотился за ними. [...]

Не прошло и 10 минут после залпа «Катюш», как на командный пункт был обрушен минометный огонь противника. Н [ачальни] к штаба артиллерии армии был смертельно ранен. Едва успели эвакуировать раненого полковника, как над нами появилось около 20 пикирующих бомбардировщиков «Ю-88».

Командный пункт не был обеспечен укрытиями, имелась только одна небольшая, наспех вырытая щель. Не добежав до щели, я лег в кювет на опушке леса лицом вниз. С визгом на нас обрушились бомбы. За бортом кювета, где я лежал, разорвалась бомба, и меня взрывной волной выбросило из кювета, перевернуло в воздухе и спиной придавило к земле. Дымом заволокло все. Стало, как ночью, темно. И тишина — ужасная тишина. Никаких ощущений в теле. Лежу недвижим. В голове мелькнула мысль — конец. Но вот легкий ветерок начинает разгонять дым. Я увидел деревья,

людей. Ничего не слышу. Контужен. Пробую двигаться, не могу. Вижу: из щели мне призывно машет рукой майор-помначштаба, указывая вверх и что-то крича. Но я абсолютно глух. Смотрю наверх, а там самолеты пр [отивни] ка делают второй заход. Кричу, не слыша своего голоса: «Не могу подняться». Майор выскакивает из щели, подбегает ко мне, перетаскивает в щель и прикрывает меня своим телом.

Налет окончен. Мне вызывают смену, а меня отправляют в санбат. [...]

[...] Противник отступал, огрызаясь. 22 сентября вышли на Днепр южнее Днепропетровска и заняли оборону на левом берегу реки. Вскоре нас сменили свежие части, а наша дивизия была переброшена в район Днепродзержинска и начала подготовку к форсированию Днепра.

Во второй декаде октября отдельные части нашего 3-го Украинского фронта осуществили южнее Днепропетровска форсирование Днепра и начали наступление на город. 23—25 октября дивизия форсировала Днепр севернее Днепродзержинска и стремительным броском, с одновременным восстанием рабочих в городе, заставила немцев оставить Днепродзержинск. Удар был так стремителен, что немцы не успели разрушить в городе ни одного здания. Когда мы проходили по городу, то нас провожала непривычная картина. Все цело. Улицы утопают в зелени. Никаких следов войны. Трамваи идут свободно. Пути не разрушены. После картин разрушенных городов и сел, сожженных хат, обугленных скелетов уцелевших печей — целый и невредимый город радовал глаз.

После форсирования Днепра дивизия с упорными боями продвигалась на запад. [...]

ГКУ ГАК, ф. П-483, оп. 1, д. 296, л. 9—11. Подлинник. Рукопись.

**№ 22. Из воспоминаний Коноваловой А. В. о действиях
847-го стрелкового полка. 27 февраля 1966 г.**

[. . .] Началась война! Комсомольцы партиями шли в горкомы, райкомы комсомола, в горвоенкоматы, чтобы пойти добровольцами на защиту нашей Родины. Из г. Белова многих 18-летних комсомольцев, в том числе и меня, зачислили в ряды Советской Армии в 1942 году. Дали обмундирование — гимнастерку, брюки, ботинки, обмотки.

18 июля 1942 г. после тяжелого марша из г. Липецка прибыли на передовые позиции под г. Воронеж. На рассвете вступили в бой. Наши части наступали по открытому полю на город. Как дрались 18—20-летние юноши-комсомольцы, защищая каждую пядь родной земли! В первый же день боя многие погибли и были ранены. Не подумайте, что все не боялись и умели воевать. Нет. В первые дни было страшно. Но слышались стоны раненых и крик: «Сестра, помоги!» — ползли по-пластунски под градом пуль и снарядов, перевязывали лежа, оттаскивали тяжелораненых в укрытия /воронки, овраги/ до темноты, а ночью отправляли в полковую санчасть.

Расскажу вам, как я получила первое боевое крещение. В первый день боя я собрала человек пять тяжелораненых, оставила в укрытии /в воронке/, легкораненые сами уходили в полковую санчасть, а сама пошла искать подводу, чтобы увезти их в санчасть. Время было 7 часов вечера, и до темноты кое-как, под свист пуль и снарядов, добралась до леса, нашла подводу. Ездовой был дядя Ваня /фамилии его не знаю/.

Мы с ним на двуколке по лощине поехали в ботанический сад за ранеными солдатами. Навстречу нам бегут несколько солдат и лейтенант, и летят трассирующие пули. Я не знала, что такое летит красное. У ребят, которые бежали навстречу нам, спросила: «Куда вы бежите?». А они, видимо, в шутку, как я теперь понимаю, говорят: «От немцев убегаем». Ну и мы с дядей Ваней соскочили со своей тачанки, лошадь бросили и тоже бежать. Я запнулась о корень дерева, который вывернуло снарядом, упала, зацепилась маскировочными брюками за корягу, кричу: «Помогите!». Но они убежали. Со страхом выкарабкалась — и бежать. Догнала лейтенанта, бегу следом за ним. Уже пробежали наш штаб полка. Кричу:

«Товарищ лейтенант! Долго мы еще будем бежать?». Он остановился, подождал меня и спросил, куда я бегу. Я говорю: «Отступаю». Он спросил меня, из какого я полка. Я ответила. Он говорит: «Иди к командиру полка и доложи, что ты одна отступала». Я прибежала в штаб полка, меня часовой не пропускает к командиру. Я кричу: «Пусти!». Командир полка услышал шум, велел впустить. Я докладываю: «Товарищ майор! Разрешите доложить. Я самостоятельно отступала». «Как отступала?». «Ехала за ранеными, ребята бегут, пули летят, и я побежала, а потом меня лейтенант послал к вам». Он посмотрел на меня и говорит: «Немцы просто стреляют. Иди отправляй раненых», — а чтобы дойти до передовой, послал со мною солдата.

И так было мое первое крещение. Через небольшой период времени меня ребята взяли с собой в разведку на счастье — взять «языка». Ползем по-пластунски. Темнота хоть в глаз коли. Окоп. Человек. Схватили. Кляп в рот и потащили. Все рады, что задание выполнено. Пришли к своим, а он оказался из соседней 121-й дивизии — узбек. Вот тут-то нам «честь и хвала».

Вот так учились воевать в первые дни. Через пять месяцев меня взяли в дивизионную разведку. Тут уж все прошли испытательный срок. Опыт имели. В ночь на новый 1943 год, 31 декабря, мы отправились в районе села Подгорное за «языком». Прошли нейтральную полосу, минное поле, и нас обнаружили. Навешали ракет, открыли минометный огонь по нашей передовой, пулеметный перекрестный огонь по нейтральной полосе, двух разведчиков ранило. Мороз. Мы перебежками отошли. Доложили начальнику разведотдела дивизии, что немцы обнаружили. Он приказал операцию повторить. Что ж, пошли, только взяли правее, можно сказать, вслепую. С трудностями преодолели минное поле, проволочное заграждение. Схватили часового, немцы обнаружили — рассвет. Мы бежим, впереди волокут немца, задние отстреливаются. От Дона приток, берег крутой, мы поскакали туда, а немцы за нами не пошли, постреляли еще вслед, и мы ушли. К своим передовым позициям пришли — уже было светло. «Язык» был доставлен в штаб. Сведения были получены важные. [...]

ГКУ ГАК, ф. П-483, оп. 1, д. 315, л. 32—34. Подлинник. Машинопись.

**№ 23. *Из воспоминаний Мурашкинцев Семена
Ефимовича о действиях партизанского отряда
Лазо. 21 ноября 1969 г.***

Начало трудных военных лет, 1942 год. И. В. Сталин, обращается с призывом ко всем трудящимся, встать на защиту Родины. Я в то время проживал в г. Тайга, многие ушли на фронт. Мы трое: я, Подгорных Михаил Григорьевич и Макаров Константин, — также последовали этому примеру и через горком комсомола пошли добровольцами в партизаны, были направлены в обком комсомола в г. Новосибирск, откуда были откомандированы в количестве 11 человек в распоряжение ЦК КП Белоруссии.

По прибытии в г. Москву были определены в особо белорусский сбор, где прошли курс учебы и были направлены отрядом в кол-ве 45 человек в немецкий тыл на временно оккупированную противником территорию Белоруссии. Место действия — Витебская область, с присвоенным названием отряда по имени Лазо. Перешли линию фронта южнее Великих Лук 22 км, и первая наша остановка по месту действия была деревня Прошки Городокского района Витебской области, где поблизости по деревням стояла партизанская бригада Райцева. В то время один из отрядов бригады Райцева готовился к наступлению на гарнизон противника, стоявший в деревне Коновалово. Сформировали три боевые группы из 9, 11 и 13 человек, и в каждую из групп были включены по два человека сибиряков из нашего отряда. Я и Морозов были в группе, которая состояла из 9 человек. Наша группа шла разведкой. Когда подошли к гарнизону, к нашей группе присоединилась вторая группа, состоявшая из 11 человек, и двумя группами мы двинулись по направлению в середину деревни, а третья группа пошла по ликвидации дота в конце деревни. Подошли к гарнизону, противник нас заметил, и был дан сигнал ракетой, а также противником был открыт шквальный пулеметно-винтовочный огонь. Не теряя времени, мы бросились вперед и беспрепятственно ворвались в гарнизон, с нами были два жителя из данного гарнизона, которые показывали стоянки немцев и полиции.

В первую очередь нами было ликвидировано караульное помещение, заброшено гранатами, и в течение нескольких минут мы

овладели гарнизоном противника. Это было мое первое боевое крещение. Затем начались походы по заданиям. Задания были разные. Рвали связь, железнодорожное полотно, мосты и прочие.

В зимний период 1942 г. в течение нескольких дней мы трое ходили по утрам обстреливать эшелоны. Я с пулеметом, Макаров с противотанковым ружьем и подросток белорус был всегда в охране. При обстреле эшелона вагоны загорались, и противник растаскивал вагоны. [...]

В декабре 1942 года группой в количестве пяти человек: я, Синицин и другие, — подорвали и спустили воинский эшелон под откос на железной дороге Витебск—Невель, в районе городка у деревни Володарка. Трудно было лежа дожидаться, когда пойдет эшелон, и мы пролежали на снегу вблизи ж/д пути целую ночь и дождались лишь рано утром.

В 1943 году также зимой мы пошли на задание также спустить ж/д эшелон под откос на железной дороге Молодечно—Полоцк вблизи станции Прозорки: я, Слемнев, Кудряцев, Сергеев и Морозов — пять человек. Пролежали на снегу ночь, и ни один эшелон не прошел, вторую ночь не пошли, а на третью ночь пошли и обнаружили, что прошедшей ночью немцы делали засаду на нас в кустах у ж/д пути, где мы были. Но мы убедились, поскольку немцы с вечера засаду не сделали, стало быть не придут, и мы решили ожидать и также дождались на рассвете.

В 1943 году в летний период времени мы группой, получив задание, пойти за Двину, где, по данным, в небольшом лесу находилось от разбитых бригад и отрядов партизан после карательной экспедиции примерно человек 500. Когда проходили Бешенковский район, встретили разведку бригады Алексеевой, которая сообщила, что предатель под фамилией Гринь, сформировав всех в одну группу, хотел сдать немцам, но его своевременно разоблачили и расстреляли, и вся группа ушла.

После чего нашей группой было принято решение произвести в районе Бешенковичи блокировку, и мы начали действовать: каждую ночь расходились по 3-4-5 человек по заданиям в разных направлениях и по утрам собирались, меняя места. И за месячное наше действие в Бешенковском районе немцы признали нас как

отряд в количестве 600 человек и начали готовить карательную экспедицию.

Задания наши были все сложны, и про выполнение одного не совсем удачного задания я расскажу. Получили задание заминировать шоссеиную дорогу, зайти в деревню и взять одного изменника Родины, который служил у немцев. Состав группы: я, Тихонов, Морозов, Слемнев, Донченко и Маслюкова Зина, которая была без оружия.

Старшим группы был Тихонов. Но группу вел я. Когда шли на задание, я обходил некоторые места, подразумевая засады.

Подшли к шоссеиней дороге, заминировали и направились к деревне. Я со Слемневым шел впереди, а за нами, метров через 40, шли один за другим, гуськом, остальные. Не доходя до крайнего в деревне назначенного нами дома метров 30, я заметил: в кустах вишни около дома кто-то есть. Мы залегли и стали наблюдать, но медлить уже нельзя было, и я принял решение, одновременно успокоил Слемнева, так как он в то время был малолеток, наказал ему от меня не отставать и быть наготове в любую секунду, встали и пошли к дому, проходя мимо кустов вишни за второй угол дома. Заняв угол, стали наблюдать за подходящими к нам остальными. Оказалось, что за нами идущие не поняли, в чем дело, и остановились напротив окна. Задача наша была стукнуть в окно три раза, и должна была старушка открыть дверь, пройти и показать нам, где живет изменник. Но Тихонов стал стучать беспорядочно, и в это время из кустов вишни немцы схватили Тихонова за руку, в это же время рядом стоящие схватили Тихонова за другую руку, и началось перетягивание. Я в это время заметил, как к дому стали перебегать еще немцы. Тогда я подскочил к Тихонову, взвел¹ автомат, и немцы отпустили Тихонова и скрылись за углом дома. Я повел группу отходить по опасному месту, как говорится, провел под носом немцев — охранников, и обходным путем ушли благополучно. Оказалось, немцы на нас делали в ту ночь три засады.

ГКУ ГАК, ф. П-483, оп. 1, д. 314, л. 4—10. Подлинник. Рукопись.

¹ Вписано над строкой: затвор.

**№ 24. Из воспоминаний Павловой Марии Федоровны,
младшего командира 303-й стрелковой дивизии.
[1978—1979 гг.]**

Павлова Мария Федоровна, родилась 15 апреля 1921 года в селе Кучум Барзасского района Кемеровской области. В марте 1942 года была призвана в Советскую Армию по моей просьбе и направлена на фронт.

С марта 1942 года по октябрь 1942 года — санитар-санинструктор, рядовой, ефрейтор, мл. сержант, сержант стрелковой роты 3-го и 1-го батальона 849-го стрелкового полка 303-й стрелковой дивизии. 19 июля 1942 года в составе 60-й армии Воронежского фронта вступила в бой под старинным русским городом Воронеж.

Немецкие захватчики непрерывно бомбили наши позиции, и нам, санитарам и медсестрам, работы хватало.

Тяжело на войне. Воды и той не всегда вдоволь, о пище и говорить не приходилось, ждали от ночи до ночи. Много моих товарищей пало в боях.

Девушки-сибирячки в мужестве не уступали солдатам, а скольким раненым спасли жизнь.

За оказанную первую помощь раненым и вынос с поля боя с оружием, за выполнение боевых заданий командования на фронте, борьбе с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество, нас, девушек из 849-го стрелкового полка 303-й с. д. наградили Указом Президиума Верховного Совета СССР от 08.02.1943 г. орденом Ленина:

- старшего сержанта Максимову Анну Ивановну;
- красноармейца Росину Клавдию Петровну;
- красноармейца Красногирову Веру Осиповну из г. Топки Кемеровской области;
- и меня, младшего командира Павлову Марию Федоровну из города Кемерово.

Клава Росина была ранена в грудь, своей рукой она вырвала осколок снаряда, перевязала рану и не ушла с передовой до тех пор, пока ее повторно ранил немецкий снайпер, она героически погибла в августе 1942 года.

А сколько раненым спасла жизнь санинструктор Аня Максимова. Порою она выносила раненых из настоящего пекла. А сама не сумела уберечься, погибла. По данным политотдела дивизии, с 19 июля по 12 сентября 1942 года я вынесла с поля боя 103 человека с оружием, а фактически было намного больше.

8 августа 1942 года за раненым приходилось ползти через поле ржи и пшеницы. Жутко было видеть, как на твоих глазах на поле боя гибнет спелый урожай. Нам пришлось видеть, как со связками гранат бросались под танки. Мы гордились своими земляками, их мужеством, их смелостью, силой воли и хотелось быть такими же, как они. 180 дней стояли насмерть сибиряки под городом Воронеж и не дали врагу продвинуться вперед на Москву. В партию я вступила под городом Воронеж. В своем заявлении о вступлении писала: «Если мне придется при защите Отечества умереть, желаю умереть только коммунистом». Не умереть. А нужно оказать первую помощь, как можно больше спасти раненых и вынести с поля боя. Каждый раненый кричал: «Сестра, сестра...», — и хотел остаться в живых.

С октября 1942 года по март 1943 года — санинструктор, старшина 365-й отдельной мотострелковой разведроты 303-й стрелковой дивизии. При выполнении боевого задания командования в боях в Нижнедевицком районе Воронежской области была награждена медалью «За боевые заслуги». [...]

В марте 1943 года была переведена комсоргом учебного батальона 303-й с. д., через неделю была ранена и выбыла по ранению в боях за Харьковскую область.

С 16 марта по 17 мая 1943 г. находилась на излечении в эвакогоспиталях в городах Балашов, Борисоглебск, затем была в гарнизонном госпитале № 1678 г. Саратова. По выздоровлении вновь была направлена на фронт.

С мая 1943 г. по декабрь 1945 г. — фельдшер артдивизиона, младший лейтенант мед. сл. 91-й тяжелой гаубичной артиллерийской Александрийской Краснознаменной ордена Богдана Хмельницкого II степени бригады разрушения 13-й тяжелой гаубичной артдивизии 1-го и 4-го Украинских фронтов. [...]

8 и 9 мая участвовала в освобождении города Прага. [...]

ГКУ ГАК, ф. Р-1483, оп. 1, д. 14, л. 2—4. Подлинник. Рукопись.

**№ 25. Из воспоминаний Полухиной-Сягло В. Е.
о действиях 847-го стрелкового полка.
4 июля 1969 г.**

Вспоминаю те годы так ясно, как будто это было вчера. 19-летней комсомолкой я окончила курсы медсестер и была зачислена в 847-й с. п. И вот полк погрузился в эшелоны. Заиграл на перроне оркестр. Провожающие нам наперебой кричали, что-то советовали, наказывали... у многих, как и у меня в то время, глаза были на мокром месте. Поехали. Мало-помалу, под мерный стук колес стало забываться грустное прощание со своим городом и родными. Итак, мы едем на фронт: «Дом позади, фронт впереди», — так шутили девчата санроты, занимавшие один из вагонов эшелона.

За долгую дорогу много было спето песен, и грустных, и веселых. Помню, чаще всех мы пели старую солдатскую:

*Черный ворон, черный ворон,
Что ты вьешься надо мной?
Ты добычи не дождешься,
Черный ворон, я не твой.*

Или такую, чисто от девичьего сердца:

*Выйду я в сад погулять,
Время еще не настало,
Стану я милого ждать...*

И не дождались многие девушки своих милых. Сложили они юные головы на полях жестокой войны с германским фашизмом, защищая Родину.

Дивизия разгрузилась из эшелонов в Липецке в середине июля 1942 года. На фронт под Воронеж шли два дня. Дни стояли жаркие. Палило солнце. Дороги покрылись пылью. Всюду неубранные поля спелого урожая. Вечером 18 июля наша санчасть разбила палатки в лесу, недалеко от одинокого домика на Лысой горе.

Мимо все шли и шли батальоны дивизий, шли на передний край. Вместе с ними уходили и мои подруги. Хорошо помню, как со вторым батальоном шли на передовую Надя Маташкова, Вагайцева Аня, Катя Ядченко, Тася Грузанко. С Надей Маташковой я училась на курсах медсестер. Увидела Надя меня, вышла из строя попро-

С тех пор я ее больше не видела. Утром в первом бою она и Катя Ядченко погибли. Рано утром 19 июля дивизия перешла в наступление. В санчасть начали поступать раненные, и так много, что вся поляна на Лысой горе около палатки была похожа на красный мак. Возле носилок склонилась Мария Шамаева. Подхожу к ней. Она мне говорит: «Помоги, пожалуйста, остановить кровь у этого раненого, ни один жгут не помогает». Посмотрела я на раненого, а у него перебиты обе ноги выше колен. Общими усилиями остановили кровотечение. Но от большой потери крови он так ослаб, что не мог говорить, а видно, что сказать что-то хотел, глазами показывает на карман гимнастерки. Отстегнув кланан кармана, я вынула конверт с письмом. Когда вынимала письмо, из него выпала на окровавленную гимнастерку бумажетка, на которой карандашом была обведена детская рисунок как будто ткнувшись к своему родному отцу. Я показала раненому этот рисунок, спросила его, что мне делать с его письмом, но ответа не дождалась

щаться со мной. Ей я наказывала: «Смотри, береги себя, Надюша». А она на ходу крикнула мне: «Спасибо, Валя, постараюсь!»

С тех пор я ее больше не видела. Утром в первом бою она и Катя Ядченко погибли. Рано утром 19 июля дивизия перешла в наступление. В санчасть начали поступать раненные, и так много, что вся поляна на Лысой горе около палатки была похожа на красный мак. Возле носилок склонилась Мария Шамаева. Подхожу к ней. Она мне говорит: «Помоги, пожалуйста, остановить кровь у этого раненого, ни один жгут не помогает». Посмотрела я на раненого, а у него перебиты обе ноги выше колен. Общими усилиями остановили кро-

3
в враг боев и кричит:
- Комдива ранено!
Я хотела бегом в ту сторону, где
скрылись комдив и его товарищи, а мне
навстречу спускаются двое и несут
на руках комдива Остроухова. Я подбе-
жала к нему, он лежал на шинели и
был очень бледен. Его взгляд был направлен
в одну неопределенную точку. Мне тогда
показалось, что он мертв, но познав
пульс, убедилась: жив. При этом адью-
тант сказал мне, что перевязку делать
не нужно, так как они ее сделали сами
на месте ранения. Адьютант Остроухо-
ва спросил меня: „Скоро ли будет ваша
повозка?“ Я ему ответила, что гася
через полтора. Они согласились подождать
и внесли раненого комдива в глубь
врага, в темноту, где меньше солнца.
Около Остроухова мне долго задержа-
ться не пришлось. Оставила его с
адьютантом, а сама занялась другими
ранеными, которые оставались еще
не перевязанными. Закончив перевязку,
немцы стреляли стали несколько меньше.
Использовавшись этим, я из врага

вотечение. Но от большой потери крови он так ослаб, что не мог говорить, а видно, что сказать что-то хочет, глазами показывает на карман гимнастерки. Отстегнув клапан кармана, я вынула конверт с письмом. Когда вынимала письмо, из него выпала на окровавленную гимнастерку бумажечка, на которой карандашом была обведена детская ручонка, как будто тянувшаяся к своему родному отцу. Я показала раненому этот рисунок, спросила его, что мне делать с его письмом, но ответа не дождалась. В этот же день меня, Елену Козлову, Тоню Березину, Шамаеву Марию, Шаламову Шуру направили на передний край оказывать помощь раненым на поле

Полухина-Сягло В. Е. 1967 год.

боя, так как там не хватало медработников. Больше всего мне пришлось быть в овраге, а впереди, на возвышении, недалеко находилась областная больница. Здесь мы оказывали первую помощь раненым, которых выносили с поля боя. Помню, как я спустилась в овраг с раненым и не заметила, с какой стороны подошли ко мне комдив Остроухов Лев Иванович, его адъютант и полковник Федоров Алексей Григорьевич. Они быстро прошли мимо, поднялись к краю оврага, и там все трое остановились, о чем-то споря между собой. Было видно, что комдив Остроухов чем-то взволнован и заметно нервничал. Он взял бинокль у рядом стоящего Федорова, посмотрел и воскликнул: «Ничего не видно, стоит, как стена и заслонило весь го-

род дымом. Давайте перейдем на другую позицию, ближе». Он перепрыгнул край оврага, его спутники последовали за ним и скрылись.

Я занялась своими ранеными, но не прошло и полчаса, как вдруг спускается в овраг боец и кричит: «Комдива ранило!».

Я хотела бежать в ту сторону, где скрылись комдив и его товарищи, а мне навстречу спускаются двое и несут на руках комдива Остроухова. Я подбежала к нему, он лежал на шинели и был очень бледен. Его взгляд был направлен в одну неопределенную точку. Мне тогда показалось, что он мертв, но, пощупав пульс, убедилась: жив. При этом адъютант сказал мне, что перевязку делать не нужно, так как они ее сделали сами на месте ранения. Адъютант Остроухова спросил меня: «Скоро ли будет ваша повозка?». Я ему ответила, что часа через полтора. Они согласились подождать и отнесли

раненого комдива вглубь оврага, в тень, где меньше солнца. Около Остроухова мне долго задерживаться не пришлось. Оставила его с адъютантом, а сама занялась другими ранеными, которые оставались еще неперевязанными. Закончила перевязку. Немцы стрелять стали несколько меньше. Воспользовавшись этим, я из оврага направилась, где перебежкой, а где ползком, по полю в поисках раненых.

А на поле ни одного кустика нет, один только желтый бурьян, а солнце печет невыносимо. Слышу, зовет меня раненый боец: «Сестричка, помоги... пить». Я подползла к нему, а он, бедняга, ранен в живот. Он был крупным рослым мужчиной. Кое-как затянула его на расстеленную на земле плащ-палатку, взялась за два угла, а с места сдвинуть не могу. Тяну, а сама прошу его: «Милый, помогай мне, как можешь, видишь, я не в силах сдвинуть тебя с места». Он стал отталкиваться руками и ногами об землю, и мы тихо тронулись. Потом по склону оврага дотащила раненого до того места, где у меня были расположены остальные бойцы, подготовленные к отправке в санчасть. Здесь боец, раненый в стопу ноги, саперной лопаткой вырыл небольшую ямку, и в ней показалась вода. Когда вода отстоялась, я напоила ею всех раненых и с фляжкой пошла к тому месту, где лежал командир дивизии. Но его там уже не было. Раненые мне объяснили, что комдива бойцы унесли на руках навстречу санитарной повозке.

В это время усилился артиллерийско-минометный обстрел, появились немецкие самолеты и начали бомбить расположение наших частей. Я побежала к раненым бойцам, прижалась к ним и дрожу, они меня утешают: «Не бойся, сестричка, это скоро кончится».

Вот где было страху! Лежишь, а земля под тобой ходуном ходит от разрывов авиабомб.

Самолеты улетели. Стало тише, а работы нам с девушками прибавилось. В овраг стали спускаться раненые: у кого голова окровавлена, у кого рука или нога, а кто и за живот держится. И все просят: «Сестричка, иди скорее туда, на поле, там наших много лежит, а перевязывать некому. А мы здесь сами друг друга как-нибудь перевяжем». И вот я снова ползу по бурьяну. Где ползу, а где перебегаю. Не успели отправить Осетрова, как был убит Иванов Иван Петрович — комиссар 847-го с. п. Прямое попадание снаряда в тело

комиссара, и осталась от него только нога. Страшно было смотреть на изуродованное тело адъютанта и обнажившуюся кость изуродованной ноги комиссара. Много погибло девушек под Воронежем. Хаустова Августа при выносе раненых с поля боя. Гутя была тяжело ранена в полость живота. На второй день она скончалась.

Вагайцева Аня, до войны училась в г. Гурьевске в 10-й школе, комсомолка, санитарка 847-го с. п., в который вступила добровольцем. Погибла при освобождении г. Воронежа. За героизм, проявленный при спасении раненых во время боя, посмертно награждена орденом Красного Знамени.

Сидельникова Нина погибла под Воронежем. Замечательной души человек. В трудную минуту она всегда с товарищем. Веселая, энергичная, живая, подвижная. Вот такой она осталась в моей памяти. Погибла она на поле боя при выносе раненых. Страшная ее была гибель. Оторвало голову снарядом.

Кунинская Мария, Власова Нина — эти девушки остались лежать навечно у северной окраины г. Воронежа.

Туманова Вера. Это было в с. Зорено. Врач 847-го с. п. В одном из боев фашисты прорвались к месту, где оказывалась помощь раненым советским воинам. Расстреляв раненых и медицинский персонал, фашисты жестоко издевались, выкололи глаза, вырезали груди и полуживую, истерзанную облили бензином Туманову и сожгли.

Погибла в/врач Заливайкина Ираида Васильевна.

Шаркова Лиза погибла трагически в селе Ковпоковка. Была тяжело ранена. Мария Шамаева оказала ей соответствующую помощь, но вынести с поля боя Лизу было невозможно. Наши оставляли село. Осталась и Лиза. При появлении фашистов в селе Ковпоковка, Лиза, преодолевая боль, расстреливала из автомата фашистов. Остался в диске один патрон. Это был для Лизы. Так погибла отважная комсомолка.

Чепурной Иван Семенович. Старший лейтенант, командир роты 3-го батальона. В тяжелом бою с немецко-фашистскими захватчиками под г. Харьковом спас знамя полка и вынес его из окружения. [...]

ГКУ ГАК, ф. П-483, оп. 1, д. 315, л. 1-60б. Подлинник. Рукопись.

**№ 26. Из воспоминаний Ручайского Леонида
Самуиловича, командира взвода управления
1-й батареи 943-го артиллерийского полка
376-й стрелковой дивизии. 26 сентября 1981 г.**

[. . .] В марте 1942 года я, после учебы в 1-м Томском артиллерийском училище, в звании младшего лейтенанта прибыл на фронт и был назначен командиром огневого, а вскоре — взвода управления 1-й батареи 943-го а. п. 376-й с. д. Во второй половине 1943 года был переведен во вновь сформированный в дивизии 383-й отдельный истребительный противотанковый артиллерийский дивизион, имевший на вооружении 45-мм орудия.

Первым моим боевым крещением были бои под Мясным Бором. Каждый, кто был на Волховском фронте и участвовал в прорыве кольца окружения 2-й ударной армии, никогда не забудет Мясного Бора. Одно название этого места вызывает в памяти бои огромного напряжения и тяжелых потерь.

В один из дней этих боев батарея всю ночь была занята оборудованием огневой позиции. По пояс в снегу расчищали сектор обстрела, рыли укрытия для снарядов, и, когда в установленное время орудия были готовы к открытию огня, уставшие батарейцы, оставив часовых, расположились на отдых в двух землянках. Прошло немного времени, когда взрывы снарядов прервали сон, и тут же мы слышали стоны людей.

Один из снарядов попал под накат и взорвался внутри одной землянки. В живых остался только один телефонист, сидевший у входа в землянку. Взрывной волной он был выброшен наружу. Эта огневая позиция батареи была отмечена братской могилой многих боевых товарищей.

Не забыть 12 января 1943 года — начало наступления по прорыву блокады Ленинграда.

Я с группой разведчиков и связистов взвода управления находился на переднем крае. Такой мощи артиллерийского и минометного огня, какой был обрушен на противника, не помню за все время пребывания на фронте. Земля содрогалась от разрывов снарядов и мин, воздух был заполнен одним сплошным гулом и грохотом выстрелов и разрывов. Было такое время, когда немцы вообще

*Ручайский Леонид Самуилович. Апрель 1985 г.
ГКУ ГАК, ф. Р-1483, оп. 1, д. 15, л. 54.*

после нашей артиллерийской подготовки не отвечали ни одним орудийным выстрелом и только во второй половине дня стали вести огонь из орудия тяжелого калибра. В этом бою я был легко ранен и несколько дней находился на батарее, а мои разведчики и связисты выбыли из строя навсегда. После прорыва блокады Ленинграда тяжелыми бои были под Синявиным. Не менее упорными они были на подступах к Пскову. Наш 383-й отдельный истребительный противотанковый артиллерийский дивизион, где я командовал батареей, огнем и колесами своих орудий поддерживал стрелковые подразделения дивизии.

Вспоминаю один из боевых эпизодов. Напротив одной из стрелковых рот дивизии активно действовала пулеметная точка немцев. Договорившись с командиром стрелковой роты о взаимодействии, ночью выкатили одно орудие на нейтральную полосу на расстоянии 200 метров от дзота, откуда вел огонь пулемет, оборудовали укрытия для орудия, боеприпасов и отрыли глубокие щели для укрытия расчета.

Рано утром, как только взошло солнце, мы быстро выкатили орудие из капонира и открыли огонь. Вторым снарядом попали прямо в амбразуру дзота. Огневая точка была уничтожена. Также быстро опустили орудие в капонир и укрылись, не оставляя наблюдения за противником. Весь день просидели под огневым воздействием противника. Все обошлось для нас благополучно. Когда стемнело, мы с орудием вернулись к себе на огневую. Этот эпизод был описан в нашей дивизионной газете.

Из таких или подобных боевых действий складывалась боевая работа батареи и всего дивизиона.

В июле 1944 года был освобожден Псков. Многие солдаты и офицеры были награждены орденами и медалями. Был награжден и я орденом Красной Звезды.

В августе этого же года я был принят в партию, и вручение партийного билета совпало с вручением первой боевой награды.

Настроение было хорошее, с каждым днем наши силы росли, мы были снабжены всем необходимым.

Но нельзя было без боли в сердце смотреть на разрушенные и сожженные города и деревни по всей Ленинградской и Псковской областям. Как только мы освобождали какую-либо деревню или го-

род, вскоре появлялись уцелевшие жители этих населенных пунктов, и жизнь возрождалась с утроенной энергией. Наш дивизион принимал активное участие во всех боях, которые вела дивизия в Прибалтике. Здесь мне было присвоено очередное воинское звание «старший лейтенант», и вскоре была вручена вторая боевая награда — орден Отечественной войны II степени. 05.01.1945 года я был тяжело ранен и уже почти до конца войны находился на излечении в госпитале в городе Иваново.

Замечательные люди воевали в дивизионе.

Майор Петр Яковлевич Кондаков командовал дивизионом с первого дня начала его формирования до конца войны. Для меня он был примером храбрости и преданности Родине. Заместителя командира дивизиона по политчасти капитана Махно Максима Терентьевича все любили за чуткость, тактичность и отеческую заботу. Помню капитана Егорова Николая Антоновича — заместителя командира дивизиона по артснабжению. В критические моменты боев он лично обеспечивал доставку боеприпасов к огневым позициям батарей дивизиона. Большим уважением пользовался писарь дивизиона старший сержант Климов /сибиряк из г. Бийска/. [...]

Самым близким фронтовым другом мне был лейтенант Нарциссов Константин Алексеевич — командир огневого взвода батареи. Многие его любили за простоту, веселый характер, за житейскую мудрость и за страстные, принципиальные убеждения коммуниста.

Нарциссов К. А. прибыл на фронт к нам на батарею летом 1944 г. Несмотря на то, что Костя был вдвое старше меня, мы подружились и помогали друг другу. Он оказывал мне помощь в воспитании личного состава, а я делился с ним боевым опытом.

Костя был замечательный рассказчик. Часто целыми ночами увлекательно вспоминал, как он вместе с женой участвовал в художественной самодеятельности, о том, как работал и о своих четверых детях.

По истечении многих лет я понял очень хорошо, как было тяжело Косте воевать, постоянно думая о семье. 29 декабря Костя погиб у орудия. Сердце этого храброго офицера-артиллериста было пробито осколком от разорвавшейся мины.

За храбрость и мужество лейтенант Нарциссов К. А. был награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны I степени и Отечественной войны II степени. [...]

С апреля 1945 года по май 1945 года, после излечения в госпитале, я был инструктором при командире батареи 2-й добровольческой Румынской дивизии, формировавшейся в г. Котовске из военнопленных румын. [...]

У меня годы войны остались в памяти как время круглосуточной напряженной работы.

Частая смена огневых позиций, строительство дорог-лежневок в лесисто-болотистой местности Волховского фронта требовало сверхчеловеческих сил, и они у нас находились каким-то образом. Особенно для меня был 1942 год тяжелым. Перед моими глазами стоит часто такая картина: март, батарея на конной тяге, нечем кормить лошадей, да и сами с постоянным чувством и желанием поесть чего-нибудь горяченького. Лошади не тянут орудия, падают. Чуть не на руках тащишь самих лошадей, не говоря уже об орудиях.

Полюбил я на фронте лопату. Мировая штука — лопата. Думаю, ее можно сравнить с солдатской ложкой. Каждый артиллерист, особенно огневик, не сомневаюсь, полюбил лопату и оценил ее по достоинству. Когда вспоминаешь фронтовое время, всегда на первый план встают бои на Волховском и Ленинградском фронтах по прорыву и снятию блокады Ленинграда.

Город Ленинград и ленинградцы остаются и сейчас самыми дорогими и близкими моему сердцу и памяти.

ГКУ ГАК, ф. Р-1483, оп. 1, д. 15, л. 19—24. Подлинник. Машинопись.

№ 27. Из воспоминаний Семенова Ивана Куприяновича, участника боевых операций на Карельском, Ленинградском и Украинском фронтах. 1994—1995 гг.

[. . .] Каждый раз, когда Федоров ездил за продуктами, привозил письма, газеты, последние новости. На этот раз он привез новость о том, как командир бригады, полковник А. И. Горохов, соревновался в ходьбе на лыжах с военнопленным финном. Об этом рассказал сам Горохов на встрече однополчан в 1976 г.

— Надо было показать всему личному составу бригады, — рассказывал Иван Александрович, — что мы не хуже, чем финны, можем и умеем ходить на лыжах. И вот такой случай подвернулся. В плен был взят финн — отменный лыжник. Вот с ним-то и решил я пойти на лыжах: кто кого обгонит. Финну объявили, что командир бригады ставит условие: если финн при равных условиях сумеет уйти от полковника, он свободен. Его никто не задержит, и он уйдет в Финляндию. Если же не сумеет, то останется в плену со всеми последствиями.

Финна подвели к пирамиде с лыжами. Там были наши новые лыжи: обкатанные, объезженные. И — финские. Он выбрал финские лыжи, подогнал по своей обуви крепления, выбрал лыжные палки. Прошелся немного для пробы. Сказал, что готов в путь. Я ему сказал, что не имею никакого оружия, и дал знак двигаться.

Сначала финн шел вразвалочку, нехотя, потихоньку. Пройдя километров пять, стал прибавлять ходу. Я стал отставать от него. Он, видя это, еще поднажал. Расстояние между нами увеличивалось. Впереди на нашем пути был затяжной подъем с рыхлым снегом и мелким кустарником. Там я его и рассчитывал догнать. У меня была большая сила в руках, которая необходима на подъемах.

Когда я догнал его, то он сразу стих, с виноватой улыбкой повернул лыжи, и мы пошли назад. Я выиграл состязание, — заключил Горохов.

Солдатская молва быстро разнесла весть о победе комбрига. О ней узнали все. Это подняло боевой дух, нашу уверенность. Мы тоже не лыком шиты, кое-что умеем. [...]

[...] До весны еще раз пришлось сходить в тыл противника. Небольшой отряд был сформирован из солдат, сержантов и офицеров нашей роты. Надо было устроить засаду и захватить «языка».

Перед выходом на выполнение этого задания мы две ночи не спали и отрабатывали порядок всей операции. Из разведроты к нам пришел сержант, который и учил нас, как надо все это делать.

Подобрал местность, похожую на ту, в которой предстояло захватывать «языка». Разделил нас на группы захвата и обеспечения. Группу захвата возглавил ст. серж. Федоров.

Люди под его командой должны были напасть на финнов и захватить пленного, а мы, группа обеспечения, помогаем им в захвате и прикрываем их отход.

Две ночи учились тихо сидеть в засаде, все слышать, все предусмотреть. Определили, как и где поставить лыжи и лыжные палки. Чтоб не мешал вещевой мешок на спине, чтоб удобно висел на поясе нож. Под рукой была на случай граната, чтоб не отказало в нужный момент оружие. Группа захвата должна затаиться, как мыши, и ждать удобного момента для решающих действий. Кто-то первым должен выскочить из укрытия, кто-то умело подстраховать и помочь товарищу. Ни кашля, ни громкого разговора, ни стука, ни шороха нельзя допустить в засаде. Надо было отработать все действия по отходу с места захвата пленного: как нейтрализовать, предотвратить сопротивление захваченного в плен.

В общем, много разных неизвестных действий противника в ответ на наше нападение надо было предусмотреть и отработать. Все новые и новые вводные давали нам наш взводный и сержант из разведроты.

Морозец пробирает. Потные рубахи прилипают к остывающему телу. Еще раз мы проигрываем захват «пленного».

— Перекурим, — тихо говорит наш взводный после очередного «захвата языка». Дымим самокрутками из махорки.

Захваченный «язык» сержант Теремов и Федоров, который брал его, сидят рядом на валежине. Оба еще не остыли от недавней борьбы в снегу.

Потирая ушибленное колено, Федоров говорит:

— А ты здорово сопротивлялся. Тебя нелегко будет и в самом деле взять в плен.

*Иван Куприянович Семенов. 1985 г.
ГКУ ГАК, ф. Р-1404, оп. 2, д. 3, л. 1.*

— А ты как бы на моем месте действовал? Натe, берите меня, пожалуйста, я весь ваш. А кукиш с маслом не хотел!? Это тебе помогли. Вдвоем на меня надели. Ваша взяла. А ты попробуй один со мной сладить. Не дамся.

Такие разговоры еще больше распалили нас. И каждый новый заход на захват «языка» оканчивался. Но лейтенант давал всякий раз новые вводные, усложнял обстановку.

Мокрые от снега и собственного пота возвращались мы в теплую землянку. Раздевались, развешивали сушить одежду и еще долго обсуждали свои действия.

Настал день выхода в тыл противника. Все было подготовлено. Проверена подгонка обмундирования, проверены лыжи, обувь, оружие, получены боеприпасы, продукты.

У всех приподнятое настроение. Люди настроены на выполнение боевого задания, уверены в успехе. Рано утром выступили. Нас провожали остающиеся в расположении роты.

До деревни Березово около 60 километров. Туда мы шли налегке. Там, на последнем привале, последний более-менее спокойный привал — отдых. Получили необходимый запас патронов, гранат, противопехотных мин и десятисуточный паек. Вместе с боеприпасами в вещевой мешок складывали сухари, брикеты пшеничной каши, банки с консервами, пачки махорки, соль, баночки с «сухим» спиртом (жми-дави). Там же лежали запасные портянки, рукавицы, котелок, ложка, кружка и другие необходимые предметы. Груз был порядочный. Без осложнений пришли мы к месту засады. Провели разведку. После возвращения разведки вышли на исходное положение для захвата. Сидели не шевелясь. Но до захвата «языка» дело не дошло. Не появились финны, как мы ожидали. Время для контрольного возвращения прошло. Минеры поставили на контрольной лыжне финнов мины, перерезали в нескольких местах телефонные провода противника. Мы возвратились. [...]

[...] На этом месте мы простояли до февраля 1944 года. Несколько памятных событий произошло за эти месяцы. Но надо сделать отступление и рассказать о двух явлениях в нашей жизни.

Когда мы приехали в 1942 году в те места, то были здоровы. Но к весне многие молодые солдаты, да и офицеры стали седе́ть. Седе́ть не так, как седе́ют обычно пожилые люди. На наших головах появ-

лялась седина по всем ее частям. У людей с темными волосами голова выглядела серой. У светловолосых седина менее заметна была.

Что это такое? Как надо бороться с сединой? Медики ответа не давали. Люди, пожившие больше нас на свете, советовали нам брить головы наголо. Начались поиски бритв. У нас к тому времени еще ни усы, ни бороды не росли, и бритв мы не имели. Появились самодельные бритвы. Мы брили волосы на головах, а они вырастали и были седыми.

И еще нас озадачило такое дело. Чуть где поцарапал кожу на руке, как на этом месте появлялся гнойник. Как ни берегись, а царапины появлялись, гноились и болели.

Примерно через полгода у нас исчезла седина в волосах на голове, перестали гноиться ссадины и царапины на коже. Молодые организмы осваивались с карельским климатом, который там очень влажный. А, может быть, и географическая широта имела какое-то значение.

Только мы оправились от седения и гнойных нарывов, как на нас навалилась новая беда. Зудились и кровоточили десны, качались зубы, мышцы теряли эластичность. Стоило надавить пальцем на любую мышцу — на месте было белое пятно. Ямка от пальца расправлялась не сразу. Конечности стали зябнуть. Мы хуже переносили холод. Медики объясняли это болезнью, называемой цинга.

Питались мы сушеными, солеными, консервированными продуктами. Вместо хлеба — сухари. Рыба треска, которая была главным продуктом нашего питания, была крепко соленая. Овощи: картофель, лук, капуста, — сушеные. Сколько не вари, они оставались твердыми. Мясо, которое выдавали, было консервированное. Кашу варили из брикетов. Крупа в них уже была в какой-то мере вареной и соленой. Во всех продуктах, которые я перечислил, витамин С был уменьшен переработкой.

Если седина на нас не повлияла, на наше здоровье, то цинга оказала серьезные изменения в организмах. Мы быстрее уставали, страдали от холода. Появилась вялость, апатия, снижалась боеспособность.

Мучительно искали лекарство от цинги. Медики советовали курить табак. Многие из нас не курили.

— А вы не курите, — говорили нам, — втяните дым в рот, подержите его, окурите десны и выпустите.

Никогда не курившие люди стали свертывать сигарки с махоркой и окуривать десны, а потом научились по-настоящему курить. Так и я, начав окуривать цинготные десны, пристрастился к курению и жег табак до 1959 года.

Табак не помогал. Болезнь развивалась. Десны зудились все сильнее, появился тухлый запах изо рта. Зимой нам ежедневно выдавали по 100 граммов водки. Медики снова советуют: «Омывайте водкой больные десны, возьмите в рот глоток водки, пополощите во рту и выплюньте». Сначала полоскали, выплевывали изо рта водку. Потом стало жалко выплевывать, стали глотать. Ни водка, ни табак не помогли. Цинга все больше и больше поражала наши организмы.

Осенью было много ягод черники и брусники. Нас заставляли их собирать и кушать.

И все же нашли более-менее надежное средство против цинги. Это хвойный настой. В каждой землянке было корыто, вырубленное из куска дерева. Хвойные иголки сосен, пихт, елей мелко рубили топором в корыте. Заваривали их кипятком, давали закиснуть и пили.

Когда в 1943 году весь батальон собрали в одном месте, а личный состав питался в столовой, то там хвойный настой готовили в бачках емкостью 10—12 ведер. Тогда хвойный настой пили кружками. Он лечил от цинги. И в лето мы вступили более здоровыми и окрепшими физически. Нам было по 20—21 году. К этому времени поднакопили кое-какой боевой опыт. Все кратковременные стычки с противником шли на пользу. Довольно сносно ходили на лыжах, научились ориентироваться на местности, овладели своим оружием. Многому, очень многому полезному для войны научились. Получили много автоматического оружия: пистолеты-пулеметы (ППШ), ручные пулеметы, противотанковые ружья. Командиры отделений были вооружены ППШ с тремя дисками по 71 патрону в каждом. Когда шли на выполнение боевой задачи, то получали по 300—400 патронов и несколько ручных гранат.

Почувствовали свою силу.

[...] Там и сям стояли чахлые деревца, которые рубить категорически запретили. Под ними можно было укрыться. Выкопали в снегу

ямы, на лыжи и лыжные палки натянули плащ-палатки. Жилье готово. Рядом в ямах из снега поставили минометы.

Одеты мы были хорошо. Теплое белье, ватные брюки, валенки с теплыми портянками, полушубки, меховые шапки, рукавицы. Но на снегу долго не пролежишь. Костра не из чего зажечь. Рядом располагался хозвзвод. К ним стали ходить на промысел. То доску какую, то ящик из дерева стащат. Костерчик разожгут. Скоро разведали окрестности. Нашли лес сухостойный. Стали его пилить, да на санях возить. Костры жгли да обогревались. Костры приносили немало бед. Мучится, мучится солдат без сна на морозе, а у костра пригреется, да и уснет. Отскочит от полена искра горящая, упадет на одежду и прогорит дыра. А то шуба от жара соберется в кучу. Ходит тогда погорелец в дырявом полушубке или шапке, а то и без рукавиц. Да и самолеты нередко налетали, привлеченные светом костров. Обстреляют или бомбы на нас сбросят. А снег плохая защита от пуль и осколков бомб. То ранит или убьет кого, то лошади хозвзвод лишится.

У всех было представление такое, раз Заполярье, то обязательно вечная мерзлота. Но кто-то стал копать землю. Она под глубоким снегом оказалась талой, мягкой. Весть об этом разнеслась по всему нашему батальону. Мы радовались этому, видно, так же, как древний человек, изобретший колесо. Закипела работа. Лопата не простаивала, из одних рук передавалась в другие. Быстро выкопали котлованы. Привезли сухостоя, перекрыли траншеи, из глины слепили небольшие печурки, плащ-палатками закрыли входы. Получилось жилье. Тепло за ветром. Ожили, слышались веселые возгласы. Много ли надо человеку для счастья.

Жизнь без крыши над головой, без горячей пищи, в постоянной борьбе за существование, без хвойного настоя, снова дала о себе знать цинга. Болели и зудились десны. Мы мерзли. А к цинге добавилась куриная слепота. Люди стали плохо видеть в темноте, которая в полярную ночь была постоянной. Раньше всех ослепли солдаты ленинградского пополнения. Люди, пережившие блокаду, голод, холод, лишения, пришедшие к нам перед отъездом в Заполярье, были слабы физически. У всех было витаминное голодание, а у блокадников оно было еще больше. Один из блокадного Ленин-

града по фамилии Гучков мне запомнился больше других. Он был особенно худ и болезнен.

— Что ты умеешь делать? — спросил его старшина. — Умеешь лошадью управлять?

— Нет, не умею, — отвечал он.

— А на лыжах ходить?

— Чуть-чуть научился.

— Пойдешь в минометный расчет.

Так он попал в наш взвод в отделение Киреева. Назначили его третьим номером. Таскать опорную плиту и дополнительные заряды на мину ставить.

Странную картину представляло наше воинство. Один зрячий за лыжную палку вел за собой одного, а то и двух слепых. Когда человек хорошо ходит на лыжах, он реже падает. А Гучков еле передвигался на лыжах и то и дело падал. Пока он поднимется с помощью товарищей на ноги, да станет на лыжи, колонна стоит и ждет. Упадет он в рыхлый снег вниз головой, сверху давит на него опорная плита, вещевой мешок. Лицо мокрое от снега мерзнет на ветру, руки, продетые в тесемки лыжных палок, не позволяют ему отереть лицо от влаги. Карабин, одетый через шею на ружейный ремень, мешал ему подняться. Когда он поднимался на ноги и немного приходил в себя, разряжался отборной матерщиной, редко кем слышанной.

— В бога, пресвятую богородицу, трех святителей, Христофора Колумба и маленьких мореплавателей... Почему я остался живой в блокаде на эти муки вселенские. Сорок мучеников, архимандрита, пречистую деву Марию, двенадцать апостолов...

— Гучков, прекратите сквернословить, — говорит ему Киреев. — Наряд вне очереди.

— Есть наряд вне очереди, — отвечал он.

— Где же ты, милый, научился так складно беседовать с богом и всем его окружением? — спросил солдат из поморов.

— Где, где, на Лиговке. Ты бы пожил там с мое, может, лучше бы научился.

— На лыжах я научусь ходить, в три господ, Георгия Победоносца, преисподнюю, — про себя потихоньку продолжал выражать свое недовольство Гучков. — Беда, что я ни... не вижу и могу по этой при-

чине послать куда-нибудь штабного чистоплюя. Он же мне не простит мое прегрешение перед уставом да лиговское образование.

Полученное от Киреева взыскание не остановило сквернословия блокадника. При каждом новом падении он выдавал все новые импровизации кабацкой матерщины.

Бригадная медицинская служба лихорадочно искала лекарство против куриной слепоты. Это было настоящее бедствие. Подразделения были небоеспособны. Несколько вражеских автоматчиков могли вывести из строя большое подразделение. Мы не могли выполнять боевые задачи.

Однажды старшина роты принес сосуд, наполненный жидкостью. Это был рыбий жир. Жидкость вылили в котелок. Каждый подходил к нему, черпал своей ложкой и, морщась, глотал. По несколько ложек выпил из нас каждый. Скоро зрение улучшилось.

Скоро мы заняли оборону на горе, которую солдаты почему-то звали «Татьяной». Почти у самой вершины, противоположной от немцев, установили мы свои минометы. Мины приходилось носить, карабкаясь по круче, поминутно соскальзывая. Пока донесешь до верха 5—6 мин, взопреешь. Чуть отдохнешь и вниз — за новой ношей.

Батальонная кухня тоже была внизу. И мы по очереди ходили с котелками за завтраками, обедами, ужинами. Кашу варили из соевой крупы или муки. На второе блюдо давали омлет из яичного порошка, полученного из яиц морской черепахи. Бывало, берешь в две руки восемь котелков — по четыре в каждую, и несешь сразу на восемь человек. Боже упаси упасть и разлить из котелков пищу. Это была бы беда. Оставить голодными солдат было нельзя. Изнемогая от напряжения, карабкались мы по круче.

Когда приходила очередь Гучкова идти на кухню, тут можно было услышать целый «молебен». Он не мог рукой обхватить дужки четырех котелков.

— Ну что ты, в три святителя, присноблаженного, архимандрита Соловецкого, игумена Сергея, попа-расстригу и дочку его... Как же я, распронаисвятейший валаамский монах холощенный, взять не могу эти котелки. — Митя Захожий был тоже мастак материться. Но и он, разинув рот, слушал Гучкова. Не раз напрашивался вместе с Гучковым идти на кухню.

Так в повседневных делах наших, беззлобных перебранках, иногда жарких схватках с противником дожили мы до появления на небе солнца. Первые же погожие дни принесли нам новое испытание. Солнечные лучи низко ходящего над горизонтом светила отражались от снега. А он там чистый, как слезинка, отражает свет, как зеркало. Глаза, еще неокрепшие от куриной слепоты, нестерпимо резало. Как будто тебе в глаза кто-то горсть песку бросил. Смотреть на снег нельзя было. Приходилось завязывать глаза полотенцем и сидеть неподвижно. Кое-кто кричал криком от боли.

Снова медикам пришлось поработать. Привезли очки с темными линзами. Сначала их давали часовым, наблюдателям и другим военнослужащим, которые несли службу. Позже их выдали всем поголовно.

Снег растаял. Тундра приобрела серый цвет. Потеплело. Постепенно меняли шубы на шинели, валенки на ботинки. Переодевались в летнюю форму одежды. Весна набирала силу, вступала в свои права. Появилась перелетная водоплавающая птица. На период распутицы снизилась активность войск. Только артиллеристы и минометчики стреляли. Надо было быть начеку.

[...] Командир нашей роты ст. лейтенант Федор Петрович Самохвалов был требовательный. Сам хорошо был подготовлен, учил нас. У него было какое-то природное чутье на выбор места огневых позиций. И то место на озерном мысе выбрано было им удачно. Оно спасло жизни многим из нас.

На тех позициях мы и победу над Финляндией праздновали. А было это так.

Заступил я дежурить по роте с 4 на 5 сентября 1944 г. Солдаты моего расчета стоят на постах, охраняют сон роты. Я их меняю на постах, проверяю, как они бдительны и внимательны, дежурю у телефонов, по которым рота связана со штабом батальона и нашими наблюдателями. Ночи в сентябре еще не длинные. И вот в 4 часа утра зазвонил телефон. Беру трубку и говорю, кто у телефона. Помощник начальника штаба передал мне, что с 5 сентября 1944 года с 10 часов утра установлено с финнами перемирие. Военные действия прекращены. У меня дыхание перехватило от волнения. Кое-как ответил, что понял. Положил телефонную трубку и выбежал из блиндажа на улицу. Кричу во все горло.

— Рота, подъем! Война кончилась, перемирие.

Командир роты выскочил в нательной рубашке, кричит на меня.

— Ты что, не спятил, часом, с ума.

— Нет, не спятил, — отвечаю ему. — Звонил помощник начальника штаба. — И снова ору — Ураааа!

Меня окружили солдаты, качать начали. Я же им первый радостную весть принес. А командир сам позвонил в штаб и удостоверился лично, что объявили перемирие. Ему дали указания, как и что делать, чем заниматься.

Не один день у нас было праздничное настроение. А на передовой братание с финскими солдатами, которые приходили к нам через проделанные ходы в заграждениях и минных полях.

Дождались мы на тех позициях окончательных результатов замирения. Недели две ничего не знали, куда нас пошлют. Приводили в порядок свое обмундирование, оружие, боеприпасы. Одну землянку приспособили под баню, и мылись сколько хотели. Кругом нас простирались во все стороны черничники. Ягод на них было много в ту осень, и мы отдавали им должное. Отойдешь немного от расположения и быстренько нарвешь целый котелок спелых с синим отливом ягод. Ешь сколько влезет. Сахару, правда, давали мало. [...]

[...] Наступило утро 9 мая 1945 года. Конец войны уже чувствовался, осязался. Вот-вот это долгожданное событие — конец войне, должно произойти. И оно произошло!!!

Сначала одиночные выстрелы слышались то там, то в другом месте. Постепенно стрельба нарастала, сливаясь в непрерывную. [...]

Это был салют Победе. Стреляли все, у кого было хоть какое-то оружие. Солдаты обнимались, целовались, жали друг другу руки. И кричали «ура-а-а». Как будто шли в атаку. Царил неописуемый восторг. Свершилось! Войне конец. Скоро по домам.

Егор, наш старший команды, плакал, его утешали, но напрасно. Видно, горе, скрываемое им, теперь вырвалось наружу. Надо было смеяться и радоваться. А этот, уж не молодой человек плакал. О своем горе молчал.

Пальба из оружия постепенно прекратилась. Мы сидели в тени деревьев, нещадно дымя махоркой. Каждый думал о своем, сокровенном. Война закончилась. Что-то будет после нее. Мы остались живыми. Будем начинать новую жизнь. Я уж однажды 5 сентября

1944 года пережил радость победы над Финляндией. Но та Победа лишь частью этой, общей для всех Победы была.

Егор куда-то ушел, предупредив нас насчет самостоятельности в части спиртного. «Приводите себя в порядок. Всем побриться. У кого есть получше обмундирование — надеть. Почистить обувь, оружие. Принять гвардейский вид», — были его напутственные слова. Что же, приказ начальства — закон для подчиненного. Принялись мы за дело.

Петя Сахарук, с которым я ближе всего сошелся, вытащил на свет божий потрепанный, выдавший виды, объемистый чемодан. Он привлек внимание всех. Сахарук с невозмутимым видом открыл его и стал выкладывать на крылечко содержимое. Какие-то свертки, узелки лежали сверху. В его руках появились габардиновые брюки, гимнастерка, сапоги. Критически осмотрев эту офицерскую форму, посетовал — измятое все, утюжок бы где раздобыть, погладить.

Гриша Качан — солдат из последних призывов, посоветовал Петру обратиться к пани — фрау — хозяйке соседнего домика.

— А то, давай, я тебе это организую. Я сейчас смотаюсь до фрау, чи пани. — Скоро уж слышен был его разговор на украинско-польско-немецком диалекте. — Давай, Петруха, твои штаны да рубаху. У панночки утюг, что паровоз. Она быстро его разогреет.

Взял эту форму и ушел. А Петро продолжал перебирать в чемодане.

— Сержант, уж очень плоха у тебя гимнастерка. Негоже с медалью на груди Победу праздновать в таком рванье. Возьми вот эту. И он подал мне новенькую хлопчатобумажную гимнастерку. — Погоны перевесишь сюда, погладишь и будешь, как гвардеец. Жаль, что усы еще плохо растут.

Брюки на мне были тоже застиранные донельзя. Но еще без дыр и заплат. Мир не без добрых людей. Сходил к панночке, погладил подарок. Она гладила и улыбалась, говорила что-то. Я разобрал слова «солдат, Победа и шнапс». Подшил белый подворотничок, прицепил медаль, начистил ботинки, перемотал портянки, потуже затянул обмотки, побрился. Настроение поднялось.

Вернулся Егор. «Виджу, зря время не тратили. Напросился за стол к артиллеристам. Они вот тут, недалеко в садочке, столы накрыва-

ют. Мы со своим харчем и выпивкой к ним присоединимся. Заканчивайте свои дела, через час мы должны быть там».

Сам стал приводить себя в надлежащий, праздничный вид. Качан снова понес к панночке его брюки и гимнастерку. Он тем временем занялся сапогами. Отдал почистить до блеска орден и медаль. Из узелка вытряхнул нательное белье, новую пилотку и погоны с нашивками старшего сержанта.

Оделись. Стоим курим, до умопомрачения трезвые. Ждем старшего. Вот и он вышел на крыльцо. Бравый, подтянутый широким офицерским ремнем, в начищенных сапогах. С наградами на груди. Велел нам построиться в одну шеренгу. Встал, как Суворов, перед нами. Всех критически осмотрел. Дольше других задержал взгляд на Сахаруке. Его габардиновая форма, хромовые сапоги, орден и две медали на груди, офицерская фуражка смутили. Он хотел, видно, что-то сказать ему о нарушении формы при солдатских погонах. Но ничего не сказал, а скомандовал: «Смирно».

— Товарищи солдаты, сержанты, поздравляю вас с Победой!

— Ура-а-а! — ответили мы ему не очень дружно.

— Пойдем к артиллеристам. Сегодня такой день, грех не выпить. Но выпить умеренно, не до безумия. Личное оружие взять с собой. Вольно. Разойдись. Перекурить и пойдем.

С собой в домик позвал двоих. Пока мы курили, между Качаном и другим хохлом возникла пикировка.

— Гришка, а чевой-то ты сегодня как шестерка бегал до панночки с чужими штанами. Видать, приглянулась она. Человека у ней не бачил?

— Та що ты прицепився. Мабуть, и понравилась, гарнесенька, круглесенька панночка. Звала вечерять. Мабуть, сходить?

— Та вона же стара да клята-переклята своим чиловеком, даже сгорбилась. А ты пийдешь.

— Чиловека в ней давно нима. Его до ниметчины забрали. Та там и сгинул.

— Ну тоды друго дило. Спитай щастья.

Егор со спутниками несли три увесистых мешка. Свой он передал нам.

— Как уж я вам сказал, не ударьте в грязь лицом. Не бузьте, друг за другом следите. Чтоб все было чин чином. В гости идем. Давайте пойдем, время поджидает, не след опаздывать.

Мы гуськом, безо всякого строя, двинулись вслед за командиром по узенькой улочке. Завернули за угол. Еще немного прошли по мощенной булыжником улице и свернули к воротам, за которыми в глубине сада виднелся добротный дом. Прошли мимо часового в воротах. Он нас поприветствовал по-ефрейторски, вытянувшись в струнку и откинув на вытянутую в сторону руку винтовку. Сегодня праздник. Победа!!

От площадки перед домом прямо и налево тянулись в сад аллеи. На них углом расходился большой длинный стол. На площадке и по обеим сторонам стола стояли солдаты, сержанты, офицеры. Все были опрятно одеты. У многих на груди сверкали ордена и медали, нашивки за ранения и контузии.

Когда мы подошли к столам, старшина зычным голосом подал команду садиться за стол.

— А вы, кормильцы-поильцы наши, — обращаясь к нам, — садитесь вот за этот стол, — и протянул руку налево.

Ну, осмелюсь доложить вам, друзья, артиллеристы не ударили в грязь лицом. Стол ломился от еды и выпивки. Этикетки на бутылках и содержимое было всех цветов радуги. В тарелках, котелках, на противнях была всякая еда. Жареное и тушеное мясо, подливки и закуски, банки с консервами, копчености, рыба, фрукты, хлеб, нарезанный мелкими кусочками, зелень и цветы. Глаза разбегались, не могли ни на чем остановиться. Все было вкусное на вид, в изобилии и каждому доступное. Ложки и кружки у каждого были свои. Все это было выложено на стол. Разговоры и смех смолкли. Все повернули головы на угол столов. Там стоял командир полка.

— Дорогие товарищи! Солдаты, сержанты, офицеры. Берлин пал. Германия капитулировала. Подписан акт. К чему мы так долго шли, свершилось. Мы победили. Поздравляю всех с Победой! Ура! Прошу наполнить свою посуду, положить закуску.

Нас упрашивать не надо было. Управились скоро.

— За Победу, за хорошую жизнь после войны, за здоровье прошу встать и выпить.

Выпили, сели и стали сосредоточенно, молча закусывать.

Вторую выпили за погибших, до Победы не доживших.

После второй чарки с каждой минутой оживлялись разговоры. Послышались тосты. И впервые, может быть, появился возглас — «а помнишь?». Он с нами жил до смерти каждого. При любой встрече ветеранов войны он произносился много раз. Если услышал, — «а помнишь?» — можешь быть уверенным — это встретились однополчане.

Снова со своего места поднялся командир полка. Рука его поднялась, и он выстрелил из пистолета несколько раз. И тут началось невообразимое. Все соскочили со скамьи, сняли с веток деревьев карабины, автоматы, вытащили из кобур пистолеты и открыли такой огонь, какого не всегда можно было услышать при атаке. Стреляли до тех пор, пока были патроны. С ближайшего костела поднялись в воздух голуби и метались по небу от испугу. Салютовали в городе не в одном месте. Стрельба доносилась и справа, и слева, и спереди, и сзади. Много израсходовали патронов в этот день.

Музыканты взялись за свои инструменты. Сначала они исполнили несколько отрывков из торжественных пьес. Потом играли вальсы, фокстроты, русское. Недостатка в танцорах не было. Женщины, присутствовавшие на празднике, были нарасхват. Завечерело уже, когда стали расходиться по своим квартирам артиллеристы и мы. Славный получился праздник.

ГКУ ГАК, ф. Р-1404, оп. 1, д. 8, л. 7об.–9, 15–17об., 28–30об., 45об.–50об.; д. 9, лл. 15об.–16об.; д. 10, лл. 1–2, 32–37. Подлинник. Рукопись.

**№ 28. *Из воспоминаний Смирнова Александра
Петровича, младшего лейтенанта, техника-
оружейника 366-й стрелковой дивизии.
28 апреля 1981 г.***

В начале августа 1941 года в Томске началось формирование новой стрелковой дивизии. Она была укомплектована сибиряками, главным образом томичами. Ей было вручено боевое знамя с надписью: 366 Стрелковая Дивизия.

В начале формирования этой дивизии, в 1941 году, я был зачислен в полк 12—18 старшим оружейным мастером. Этот полк находился в поселке Басандайка, а затем был отправлен на фронт.

И вот началась моя воинская служба.

Наш полк доехал до города Вологды и получил приказ произвести полную разгрузку эшелона 8 ноября 1941 года. Закончив разгрузку, полк тронулся вперед, несмотря на трудные климатические условия, и совершил 600-километровый пеший марш.

8 января 1942 года наша дивизия вошла в состав войск 52-й армии Волховского фронта. Начались боевые действия против немецко-фашистских войск под городом Тихвином. Томичи вместе с другими советскими воинами проявили массовый героизм и волю к победе.

Были моменты, когда гитлеровцы окружали дивизию, однако уничтожить ее врагу не удалось. Несмотря на то, что были без продовольствия, сибиряки-томичи не сдавались и стояли насмерть.

17 марта 1942 г. 366-я стрелковая дивизия за проявленную отвагу в боевых действиях, за стойкость и мужество была преобразована в 19-ю гвардейскую. Мясной Бор, где томичи показали свои способности в первых боях, и был началом создания этой дивизии.

Сколько там осталось наших боевых товарищей, которые положили свои головы во имя победы! Этот Мясной Бор не забудется никому, кто участвовал в битве.

Мясной Бор состоял из многих населенных пунктов. Здесь, как я помню, находились деревни Малая Кересть, Глухая Кересть, Клепцы и многие другие, которых я теперь не помню.

Наш штаб находился в Пятилипах, а полк располагался в деревне Восход. В конце этой деревушки стоял небольшой домик, где была мастерская полка.

Немцы держали круговую оборону, а выход был один — Долина Смерти. Это мы так называли узкую дорогу, по которой днем ходить было опасно. По этой дороге нам доставляли оружие.

Моя должность была нелегкая. Я отвечал за то, чтобы все виды оружия и пулеметы работали, как часы, на передовой. Еще был парторгом, так что все время находился на передовой.

17 июня 1942 г. наша дивизия получила приказ выйти из Мясного Бора на отдых и пополнение, а я получил приказ от командира полка найти транспорт для вывозки оружия, собранного на поле боя.

26 июля противник окончательно закрыл промежуток Долины Смерти, и выхода больше не было. Положение сложилось очень опасное. Штаб дивизии находился еще в деревне. Чтобы не попасть в руки врага, нужно было во что бы то ни стало пробираться к своим. Со мной находились два оружейника — т. Лузянин из г. Кирова и т. Пузакин, кажется, из Кемеровской области, теперь точно не скажу, два Николая. Мы решили пробираться ночью к своим. Местность была болотистая и густой лес. Мы выбрали надежные автоматы и гранаты. 27 июля тронулись в путь. Вокруг нас были немцы. Мы подползли к немецким траншеям и, долго не думая, вскочили туда, уложили четырех немцев и побежали в болото, вправо от противника. Немцы открыли по нам огонь и стали за-

*Смирнов Александр Петрович.
Без даты.
ГКУ ГАК, ф. Р-1483, оп. 1, д. 16, л. 2.*

пускать осветительные ракеты. Пробежав метров 50, рядом с нами взорвалась мина, от этого погиб Николай Пузакин. После взрыва мины противник стал реже стрелять. Мы взяли своего товарища и несли его на себе, чтоб захоронить на сухом месте. Похоронили его под сосной. Затем стали пробираться дальше с т. Н. Лузяниным. Стало уже светать, лес кончился. Мы вышли к берегу реки Волхов. Уже совсем рассвело. Вдруг видим, идет командир. Мы спросили у него, где вышла из окружения 19-я гвардейская дивизия. Он нам ответил, что какая-то дивизия находится на другом берегу реки, и показал переправу. Теперь все позади, мы у своих.

Переправа устроена при помощи каната. На берегу, около переправы мы встретили солдата, который дожидался своего командира. «Ну, что же, давайте переправляться», — сказал командир. Мы добрались уже до середины реки, как налетели бомбардировщики и стали бомбить переправу. Мы не растерялись, прыгнули в воду и стали добираться до берега. Тяжело было плыть, все-таки мы были в боевом снаряжении, но мы доплыли. «Не везет нам с тобой, — сказал я Николаю Лузянину, — только высохли, и опять искупаться пришлось, но теперь обсохнем и пойдем добираться до своих».

Шли мы примерно километров пять. Мой начальник Манин Федор (отчество я его забыл, сам он из Новокузнецка, адрес у меня не сохранился) дал распоряжение для выдачи нам нового обмундирования и сказал, чтобы мы отдыхали и набирались сил. В полку нас не ждали, не думали, что мы выйдем из окружения, да еще эта переправа... Такого забыть нельзя.

Наш полк пополнился, и снова наступление, теперь в другом направлении. Линия фронта под Синзавой. Передовая Синзавского фронта находилась в степи, леса нет. Первый батальон занял оборону, а остальные укрылись в кустарнике. А я решил со своими расположиться около сосны. Она была около нас одна. Если будут бомбить, то в первую очередь кустарники.

Мы окопались. И действительно противник бомбил те места, которые я предполагал. Но все эти бомбежки пока обходились без жертв. Меня вызвал командир и приказал проверить все огневые точки, так как немцы собирались идти в наступление.

Нужно было идти в ночь, часа в три. Дорога была под обстрелом, и нам приходилось даже ползти. Добрались до траншеи, где

находился блиндаж комбата. Я стал докладывать комбату, что в его распоряжение прибыли два человека. Комбат сказал, что нужно быстро проверить огневые точки. И как только мы проверили, не успели даже доложить, как началось наступление немцев. На нас шли два танка, завязался бой.

Я подскочил к пулемету, где был ранен пулеметчик. Я взял в руки пулемет, и начал стрелять. Недалеко от меня загорелся танк. Второй танк повернул влево и вскоре тоже загорелся. Противник отступил.

Я нашел своего оружейника, он находился недалеко от меня, и пошли с ним в блиндаж комбата. Сели с Лузяниным, закурили и стали вспоминать родных, дом. В блиндаже никого не было. У нас была краюха хлеба, мы перекусили. И вдруг, в один миг, Лузянин Николай упал. Я бросился к нему. У него из головы кровь течет. Я сделал перевязку. В блиндаж зашла медсестра. Я стал объяснять ей, что в амбразуру попала пуля.

А вскоре в блиндаж заглянул боец и сказал, что комбат тяжело ранен. Сели мы в блиндаже с медсестрой и заплакали. Я рассказал ей, сколько мы с Лузяниным Николаем прошли боевых дорог, какую перенесли с ним муку при выходе из окружения, сколько всего делили пополам, советовались..., и вдруг в один миг не стало моего боевого товарища.

Сколько таких случаев было на фронте. Здесь и закипает ненависть к фашисту, отсюда и рождается этот героизм и подвиг советского солдата.

На Синзавском направлении, в боях за Великие Луки, сколько пришлось увидеть и пережить. Этот город горел на протяжении месяца. Битва шла за каждый дом, за каждый этаж здания, вверху — наши, внизу — немцы. Ни дня без кровопролития. Да еще в городе крепость, где сила немецкая сосредоточена. Трудно было его оттуда взять. И даже тогда, когда город был окружен и наше командование предложило сдаваться, когда сопротивление уже бесполезно, немцы продолжали держаться в крепости. Мы взяли в плен 1700 человек только потому, что немцы были голодны, им неоткуда было ждать продовольствие. И сколько еще немцев каждый день выходило из подвалов, из разрушенных зданий, и так почти две недели. Город был освобожден.

Сколько приходилось пережить и на других направлениях фронта. Как ни пытался противник показать свою силу, сибиряки не сдавались. Отчаянно вели бои, не отступали ни шагу назад. И немцы не выдерживали. Были освобождены города Рудня, Каунас, Духовщина.

Жестокими были сражения за город Витебск. У противника была сосредоточена огромная техника: и танки, и самолеты, и пушки. Но везде противник получал мощный отпор. Недаром немцы боялись сибиряков. Однажды, в одном из населенных пунктов, даже сбросил листовки с текстом, чтобы сибиряки сдавались, или их ждет смерть.

В ответ на эти листовки было подготовлено наступление. И вот рано утром наши пошли в наступление. Противник никак не ожидал этого. Бросив почти всю свою технику, он отступил. Но вскоре подтянул большую силу и пошел в наступление. Мне пришлось быть на передовой и участвовать в контратаках. В одной из них я был контужен, но в этих боях я много положил немцев. Помню, санитары подбирали нас, раненых, на поле боя и прятали в лощину от взрывов. Нам была оказана первая помощь. Находилось в этой лощине человек восемь. Вдруг подбегает к нам немец с автоматом в руках, и дал по нам очередь, а затем убежал. В живых осталось два человека. Нас отправили в госпиталь, меня в полевой, а второго — в другой. Больше я с этим человеком не виделся.

После госпиталя я вернулся в свой полк. Но прошло немного времени, и в одном из наступлений под городом Витебском, недалеко от меня разорвался снаряд, и я был ранен и контужен. Меня отправили в госпиталь. Это было в 1944 г. и больше я уже не вернулся в свою часть. После госпиталя я был не пригоден к строевой службе. А домой ошибочно послали похоронную.

А сколько брали деревень, сел, не пересчитаешь. Разве можно это все забыть. А сколько осталось наших боевых товарищей на поле боя. Какой ценой отвоевывалась каждая пядь нашей земли. Но мы вышли из этой кровопролитной войны победителями. Отстояли нашу прекрасную Родину. Пусть всегда будет чистое небо! Никогда больше не повторятся эти ужасы войны! [...]

ГКУ ГАК, ф. Р-1483, оп. 1, д. 16, л. 8—11. Подлинник. Машинопись.

№ 29. *Воспоминания Сюсюкаловой-Ершовой П., бойца батальона связи 376-й Кузбасско-Псковской Краснознаменной стрелковой дивизии. [1964—1985 гг.].*

Боевые подруги

Когда на нашу Родину вероломно напали фашистские орды, мне было всего 17 лет. Уходили на фронт отцы, братья, друзья и товарищи. Каждое сообщение информбюро о захвате врагом нашей территории и городов тяжелой болью ложилось на наши молодые сердца.

Я постоянно думала, могу же я, как другие девушки и женщины, которые вместе с мужчинами находились на фронте, быть в их рядах, сражаться с врагом, помогать нашим воинам, чем могу. Стала ходить в Прокопьевский райвоенкомат. Просила призвать меня в армию и отправить на фронт.

И только в апреле 1942 года меня, наконец, призвали в армию. Вместе со мной пошли служить многие девушки и женщины. Среди них Ольга Задорина, Татьяна Дятлова, Анна Пикина, Валя Панова, Шура Ситникова, Таня Букина. Мы не знали, куда и в какие части нас направят. Стремление было одно — на фронт. О других военных специальностях, кроме как выносить с поля боя раненых, делать им перевязки, мы не думали.

И каково было наше удивление, когда нас, девушек и женщин, привезли в отдельный запасной полк и стали готовить связистов-телефонистов, телеграфистов и радистов. Жили мы в палаточном лагере. Это был целый женский и девичий городок. Началась настоящая дисциплинированная армейская жизнь: в 6 утра подъем, в 11 часов вечера — отбой. Учили всему, что должен знать боец. Учили воинскому долгу. Основное внимание уделялось освоению военной специальности телеграфиста, связиста, радиста. Со временем не считались. Все понимали, чем быстрее закончим курс, тем быстрее попадем в действующую армию.

Потом отправили на запад вместе с эшелонами сибирских добровольцев. Однако на фронт опять не попали. В Куйбышевской области нас направили в запасной батальон связи. Здесь снова при-

шлось овладевать знаниями, учиться преодолевать трудности, которые могут встретиться на фронте. Учились копать блиндажи для аппаратуры. Выезжали на поля и в леса для установления связи.

В марте 1943 года от нашего батальона сформировали роту связи разных специальностей и отправили на 3-й Украинский фронт в 17-ю воздушную армию, где командующим был генерал-лейтенант т. Судец. Наша рота обслуживала авиационный корпус генерал-майора Толстикова, начав свою боевую жизнь в городе Миллерово.

Первое боевое крещение мы приняли еще до прибытия на место назначения. Наш эшелон бомбили немецкие бомбардировщики. А пока стояли в городе Миллерово, подвергались бомбардировкам с воздуха и утром, и вечером, регулярно и ежедневно. Вскоре мы к ним привыкли.

Надо было точно и вовремя принимать и передавать телеграмму «воздух», когда к нам в тыл летали немецкие бомбардировщики бомбить города, села и воинские подразделения. Стоило замешкаться, как противник неожиданно мог появиться в тылу. И мы, девушки и женщины, часто под огнем, справлялись со своей задачей, заменяя мужчин, которые в это время сражались на переднем крае.

Обслуживала связь при форсировании Северного Донца, Днестра, на Дунае и Новом Буге, в боях за озеро Балатон, при взятии городов Секешфехервар, Будапешт. Эти города Венгрии по два-три раза переходили из рук в руки. В боях за освобождение Венгрии для нас, связистов, были самые напряженные дни. Бои шли упорные и очень тяжелые. Враг не считался ни с чем. Но связисты постоянно были в боевой готовности. Наконец, наши войска прорвали оборону противника. Враг был отброшен.

Наша рота связи прошла путь с Украины до Австрии через Молдавию, Румынию, Болгарию и Венгрию. В Австрии, под Веной, в местечке Эбрейсдорф, мы встретили день Победы над фашистской Германией. Трудно описать первый день мира. Слез от радости не жалели. Ведь этот день положил конец смертям, конец разрушениям городов и сел, конец нечеловеческим страданиям в фашистском рабстве. Мне пришлось побывать во всех столицах перечисленных государств. Я видела, какие разрушения причинила война, развязанная фашистами, которые вновь поднимают голову в Запад-

ной Германии. Я видела красавицу Вену, ее оперный театр, Венский лес. Вот почему всеми силами хочется, чтобы империалисты не повторили подобного вновь. Новых бедствий и страданий допустить нельзя. Этого хотят и мои боевые подруги. Некоторые из них живут в Прокопьевске. Ольга Задорина работает шофером в пожарной охране при ш. «Красный углекоп», Татьяна Дятлова живет на улице Районной, Анна Пикина трудится на заводе «Электромашина», а Валя Панова — связистка 2-й междугородней станции. Многие затерялись. Возможно, кто-нибудь из них и живет в Прокопьевском районе. Пусть откликнутся. Мы всегда будем рады встрече.

ГКУ ГАК, ф. Р-1483, оп. 1, д. 17, л. 1–4. Подлинник. Машинопись.

**№ 30. Из воспоминаний Тереховой-Татауровой А.,
старшины медслужбы 303-й стрелковой дивизии
о действиях 847-го стрелкового полка.
4 июля 1969 г., 19 ноября 1982 г.**

Окончив двухгодичную школу медсестер в 1940 году 19-летней комсомолкой, я, как и многие другие девушки, добровольно была зачислена в ряды Советской Армии 303-й стрелковой дивизии 847-го стрелкового полка, который формировался в городе Гурьевске в 1942 году.

С волнением вспоминается тот день 2 апреля 1942 года, когда я по повестке пришла в военкомат. Нас было много, и каждый из нас знал, что мы поедem на фронт.

Провожали нас из Гурьевска 22 апреля утром. Провожали в тот памятный день жены своих мужей, дети — отцов, матери — сыновей, а девушки — своих возлюбленных.

Много было слез и напутственных слов для тех, которые уезжали на фронт. А ведь многие из нас так и не вернулись.

Прозвенел вокзальный сигнал: «На посадку!». Прозвучала команда: «По вагонам!».

И вот тронулся поезд, застучали вагоны, остались позади родные и близкие. И у нас от спазма перехватило горло, отъезжая от родного дома. Постепенно слезы заменили песни.

Много нами было перепето песен — грустных и веселых. Поехали на фронт не сразу. Сначала проходили военную подготовку в городе Буге Ярославской области.

На фронт выехали в начале июля 1942 года. Наша дивизия высадилась в городе Липецке в середине июля. Под Воронеж шли 120 км, стояла жаркая погода. Солнце пекло, казалось, раскаленным июльским небом.

Маршевый поход продолжается три дня. Не доходя Воронежа несколько километров, был сделан большой привал, где мы находились целый день. Здесь я написала перед боем первое письмо домой.

«Здравствуй, дорогая мамочка!

Немного о себе. Жизнь моя, сама знаешь, какая. Теперь мы почти на фронте. Вот уже теперь я слышу гул немецких самолетов и глу-

хие взрывы снарядов. Сейчас все настроение, чтобы скорее разбить врага.

Я сейчас в санитарной роте. Да! Дорогая мамочка! Проехали много городов, Новосибирск, Москва, скоро будем в Воронеже. Но не пришлось. Уж очень крепко закрепился там фашист».

Вот с такими мыслями подходила я к Воронежу. К Воронежу подходили ночью. Шел сильный дождь, ноги тонули в грязи, устали, кончались продукты из неприкосновенного запаса.

А вот и пришли. Враг нас встретил, конечно, не с музыкой и с цветами, а огнем.

Утром 18 июля 1942 года наша санитарная часть развернула палатки в лесу на Лысой горе. Мимо нас проходили батальоны нашей дивизии, а вместе с ними и уходили наши подруги, усталые и голодные.

В бой пошли сразу, не успели даже поесть. Я не видела самого сражения в первый день, но я слишком хорошо представляла себе характер этого сражения. К нам стали поступать раненые. В расположенных палатках и вокруг них лежали раненые. Им была нужна немедленная помощь, а поступали все новые и новые раненые. Их было так много, что мы не успевали оказывать помощь и отправлять в медсанбат.

Сколько было пролито слез! Вначале оплакивали каждого раненого, а потом и слез не стало, и сердце стало каменным.

Как сейчас вижу, подхожу к палатке, сидит Лена Синкина с забинтованной головой. К палатке подходит Рая Борцова раненая в грудь. Прямо под открытым небом на носилках лежит Петя Смагин из 85-го полка. Рядом с ним лежит боец Шарко, не помню, из какого батальона. А сколько погибло наших сибиряков — боевых друзей — на поле боя в этот день.

Погибли наши подруги Люба Богадюк, Нина Власова, Нина Сидельникова, Клава Говорухина и многие другие.

Я как сейчас помню так ясно раненого бойца, лежащего на передвижном столе. У него было тяжелое состояние. Осколочное ранение под лопатку. Из-под раздробленных ребер виднелась легочная ткань /пневмоторакс/.

Он дышал прямо в рану. Издающийся свист разносился по всей палатке, а он, захлебываясь, хватал ртом воздух. Затуманенный взгляд и землистый цвет лица говорили о смерти.

Мы оказывали ему помощь с врачом Тумановой.

Туманова мне говорит: «Введи ему камфару». «А шприц ведь некипяченый», — сказала я. «Делай некипяченным». Ввела я ему камфару, обработали рану, сделали неотложную помощь. Но бесполезное было наше старание, он умирал у нас на глазах. Обернувшись, стоит Валя Федосеева, слезы текут у нее по щекам. «Ох! Милая Сашенька! Как мне его жаль, он ведь умирает!»

Два дня без отдыха, не покладая рук, оказывали мы помощь раненым. Но мало оставалось наших подруг на передовом крае. Пошла и я на передовую со своими подругами.

Помню, ночью поехали на передовую собирать раненых в сопровождении ф [ельдше] ра Коваленко, по направлению рощи Сердца. Шел дождь, началась гроза, а недалеко рвались снаряды. Страшно стало, не скроешь. Раненых было найти невозможно. Решили ждать до утра в окопах.

Сидели с Валею Федосеевой вдвоем. Тесно, окопчик маленький, а рядом минное поле. Нечаянно Валя поцарапала мне каской лицо. Кровь течет по лицу, падают с бруствера грязные комки глины, а мы сидим, прижавшись друг к другу.

Много нам приходилось выносить раненых с поля боя, а они были разные. Одни были легко ранены, другие тяжело.

Те, которые были легко ранены выходили сами, некоторые с помощью нас и общими усилиями.

А были и такие. Выносила я однажды раненого узбека. У него было пулевое ранение в руку повыше локтя. Перевязав руку, я стала выводить его по траншее. Так он, кажется, так ослаб, что всем телом навалился мне на плечи и идти не может.

А ведь ноги-то у него целые были. Трудно было выносить тяжело раненых.

Волочешь, бывало, на шинели или плащ-палатке тяжело раненого бойца. Пот льет, жара невыносимая, жажда, пить хочется.

Сделаешь небольшую передышку и снова в укрытие тянешь. Выносили мы тяжело раненого бойца с одной девушкой, фамилию сейчас не помню, дотащили его в укрытие, а он умер, не сказав нам

ни слова. Вытащили мы у него документы. А вместе с документами была фотография его жены. Она была тоже в военной форме, сдали документы, а фотографию я взяла себе: «Буду жива, — сказала я, — вернусь домой, расскажу, как погиб».

Он был сибиряк, из города Салаира.

Бой под Воронежем был долгим. Очень тяжелое это было время. Горела земля и небо, нельзя было поднять голову, а нам надо было выносить раненых с поля боя.

После сильных сражений, оставшись в живых, стали писать письма родным.

Вот мое первое письмо, которое я написала после боя:

«Письмо с фронта матери.

*Родная мать!
Твое письмо простое
Мне принесли вчера, но лишь сейчас
На берегу речушки после боя
Его прочесть сумела в первый раз.
И я тобой горжусь, моя родная!
Твой гнев к врагам мене давно знаком.
Вы там, в тылу, а я на фронте знаю,
За что дерусь гранатой и бинтом.
В полях колхозных золотому житцу
Под сапоги немецкие не лечь.
Сожжем зерно, но не дадим бандиту
Из нашей ржи хлебов себе напечь.
Здесь все бойцы одно имеют свойство —
И побеждать, и жертвовать собой.
И нету в том особого героизма,
Что сделала, ведя свой первый бой.
Наш командир, любимец нашей роты,
Наш политрук от них не отделаем,
Во всех делах видна его забота
В огонь и воду мы пойдем за ним.
И обо мне, прошу тебя, мамаша,
Ты не болей, ни сердцем, ни душой.*

*Вернусь домой в семью большую нашу,
На весь наш дом закатим пир большой.
И обо мне, моя родная,
Не плачь, еще тебя я раз прошу.
Идет обстрел, одеть придется каску,
А я на ней письмо тебе пишу».*

Много было таких писем написано домой на родину.

После сильных боев под Воронежем наши дивизии стали укреплять оборону. Стояли в обороне шесть месяцев. Жили в землянках, ходили по траншеям. Я находилась при санроте. Раненые стали поступать реже, были и больные. У нас в палатке был развернут стационар, где мы лечили больных. Много было работы. И санитарная, и лечебная работа — все относилось к нам — медикам. Дежурили и на переднем крае по очереди.

Вспоминаются отдельные тихие вечера на передовой.

Сидишь в землянке, а вечер темный, дует тихий летний ветерок, невольно вспоминаешь мирное время. Мысли прерывает автоматная очередь со стороны немецкой обороны. А на горизонте то тут то там, освещают немецкие ракеты нашу оборону. Да фашист напевает на ломаном русском языке «Катюшу». Такое зло возьмет на проклятого гада. Так и хочется встать во весь рост и закричать на весь мир: «Уходи, проклятый фашист, с нашей родной земли! Не топчи наши поля, не разрушай наши города и села!»

В обороне стояли до января 1943 года. В январе 1943 года наши части пошли в обход Воронежа. Под Воронежем в каждом батальоне оставалось по роте. Наши дивизии продвигались на запад. Прошли Воронежскую область¹. Шли днем и ночью.

Бывало, идешь в строю и спишь на ходу. Было и так: впереди село, а там немец. А мороз какой, и обогреться негде. А как приятно было вздремнуть даже и на снегу.

Много раз приходилось быть в боях, дрались почти за каждый населенный пункт. Помню такой бой в Курской области /село не помню/ в феврале месяце 1943 года. Вошли в село утром, на рассвете. По одну сторону села продвигался наш полк, по другую немецкие части двигались. Завязался бой, наша санчасть расположилась

¹ Далее зачеркнуто: Шли по направлению Курской дуги.

в хатах, куда стали поступать раненные. Во время боя была убита наша боевая подруга Вокуленко Катя /эта девушка была из пополнения под Воронежем/. Начальник санроты Губарев приказал мне ехать с ранеными в село, где не было немцев. Раненых я поместила в трех хатах. В уходе за ранеными, в питании их мне помогали местные жители. К половине дня раненых у меня было примерно около двадцати человек. Мне приходилось ходить из дома в дом, дежурить около раненых, днем и ночью без отдыха и без помощи врача. На второй день у меня кончился перевязочный материал и остальные необходимые медикаменты. Я успокаивала каждого раненого, обещала им, что скоро прибудет медсанбат. Но медсанбата не было. Я и сама знала, чем дело окончится. Раненые все сильнее и сильнее стали беспокоиться, а тяжелораненые стали слабеть. Особенно очень трудно было смотреть на тяжело раненого бойца в живот. Около него мне приходилось просиживать часами. Он был без сознания. Входя в сознание, он просил помощи.

Говорил, как он хочет жить! Он был совсем молод. А как ему хотелось вернуться домой! Вид у него был бледный, потрескавшиеся губы, нос заострился. Я знала, что он умрет. Но чем могла я ему помочь? Ввести камфару, да и только. А ему нужна была врачебная помощь — операция. На второй день он скончался, его похоронили местные жители. На третий день подъехал медсанбат, и я сдала своих раненых. В течение трех суток по селу, где я находилась с ранеными, прошло очень много немецких пленных. Они шли взводами, с поникшей головой, с недовольным лицом. Особенно много сдавалось в плен мадьяр. И так тошно было на них смотреть, на этих фашистов — убийц и грабителей.

Сопровождали их бойцы нашей дивизии. Я присоединилась к бойцам нашего полка и снова нашла свою санроту.

Наша санчасть вместе с дивизией прошли уже много километров и понесли большие потери, попали под бомбежку в чистом поле. Здесь погибла Бобрусева Оля, она погибла так, что нельзя было найти частей тела. Здесь погиб ездовой Першилин, начальник аптеки Коля /фамилию я забыла/ и многие другие. Мы все шли и шли, а наши батальоны все редели. В санроте нас оставалось тоже мало. Пополнения не было. Отступая, фашисты жестоко сопротивлялись.

Помню, войдем в село — нет немцев. Смотришь, нагрянет черной стеной. Вот такое несчастье случилось с нашей санротой, в Курской области, селе Кревцево в феврале месяце 1943 года. Вошли в село вечером без боя. Но по всему было видно, что здесь был бой. В селе было много убитых, замерзших немецких трупов.

Село это Кревцево или железнодорожная станция, я не знаю.

Но хорошо помню, имеется вокзал и проходит железная дорога. Когда мы вошли в село, у нас было двое раненых, тоже сибиряки, фамилии их сейчас не помню. Раненых поместили на вокзале. Дежурить с ранеными оставались Клава Бобрусева и Шура Лысенко.

Наш полк продвигался в соседнее село. А мы остались в этом поселке. У нас оставалось две повозки и две лошади. Расположились по два, по три человека в хате. Дом, в котором мы поместились, был большой, деревянный. Когда мы с Верой Злобиной переступили порог этого дома, то увидели большую русскую печь, пустую кровать и стол. Так бедно жили те люди. Так обеднели они за годы войны.

Нас встретила женщина средних лет. Какая она была добрая! У меня невольно сжалось сердце. В этот вечер она нам заменила родную мать. Она нас раздела, накормила, обогрела.

Семья этого дома состояла из 6 человек: хозяйка дома Кольцева, ее сын Алеша 18 лет и дочь Дуся, взрослая девушка.

Другая женщина жила на квартире. У нее были две девочки — Оля и Вера. Приютила нас добрая женщина и уложила в постель, а в печь поставила чугунок с водой. Утром, говорит, разбужу пораньше, вымоете головы.

Пожалела нас разбудить пораньше. А наутро немцы пришли. Когда разбудили, то по селу уже ходили в маскировочных халатах немецкие разведчики. Не могу выразить, как нам стало страшно, впервые увидев немцев живых. [...]

[...] Наших уже никого не было, все ушли в село Зорино, где сражался полк. Хозяйка не растерялась, быстро передела нас в гражданское. Сыну она велела надеть женское платье. Позже выяснилось, что такая предосторожность не была излишней. Девушек, которые оставались с ранеными в доме у вокзала, немцы захватили врасплох и расстреляли вместе с ранеными. Погибли Шура Лысенко, Клава Бобрусева. Три дня через наше село двигались немецкие обозы. Немцы увидели у нашего дома санитарные повозки.

Медикаменты разбросали по двору, а лошадей увели. В доме, где мы находились, всю ночь кутили немецкие офицеры. Мы боялись, как бы они не обнаружили наши шинели на койке под матрацем. Свои гимнастерки, комсомольские билеты мы зарыли в сугробе. Наша тревога усилилась после того, как немцы на второй день увели сына хозяйки Алешу. К счастью, ему удалось бежать. Только на четвертые сутки вышли мы на улицу. Мы увидели девушек из нашей санроты — Лену Козлову и Лиду Антошечкину, которые тоже укрывались от немцев. Они стояли и разговаривали со старшиной артполка. Этот старшина и привез нас в Зорино, где находилась наша санрота и весь наш полк. [...] Много лет спустя, в 1962 г. я разыскала ту семью, у которой мы спасались от немцев. Матери уже не было в живых, а с детьми я переписываюсь по сей день, нас на всю жизнь породнили несколько дней войны. [...].

*ГКУ ГАК, ф. П-483, оп. 1, д. 315, л. 7—14. Подлинник. Машинопись;
ф. Р-1483, оп. 1, д. 18, л. 2-5об. Подлинник. Рукопись.*

**№ 31. Из воспоминаний Удовиченко Виталия
Сергеевича, ветерана 376-й Кузбасско-Псковской
Краснознаменной стрелковой дивизии.
15 декабря 1985 г.**

Глава I

9-го февраля 1942 года в составе маршевой артиллерийской батареи в должности сержанта-командира орудийного расчета ж/д эшелоном отправляемся из г. Нижне-Удинска на запад, на фронт. В товарных вагонах по 40 человек расположились, кто как мог поудобней и теплей. Отоплением служила чугунная печка, установленная посередине вагона, на которой в котелках все по очереди готовили каждый себе два раза в день пищу из сухих продуктов.

Все были сибиряки в возрасте 20—30 лет, в основном работавшие на производстве, в колхозах или промысловой охоте.

Ехали с большими остановками, пропуская поезда со специальными грузами на фронт или встречные санитарные.

10 марта мы выгрузились на ст. Малая Вишера Октябрьской ж/д, идущей от Москвы на Ленинград, которая в 18 км по другую сторону р. Волхов была занята немцами. Сосредоточились в лесу, 1,5 км южнее станции, где нам выдали на 5 дней сухие продукты — сухари и концентраты. Все одеты были тепло, в шинели, валенки, шапки-ушанки и теплые рукавицы.

В ночь на 11 марта вышли на марш по направлению к фронту, линия которого обрисовывалась вспышками орудийных и минометных выстрелов и разноцветными змейками трассирующих очередей из зенитных пулеметов. Шли ночами, километров по 20—25, по глубоким заснеженным лесным и болотистым дорогам. Все попадающиеся по пути небольшие деревни до отказа были заполнены тыловыми подразделениями и госпиталями воинских частей. Жителям оставались только подвальные помещения и погреба. Мы на дневной отдых располагались где как могли: в холодных сараях, на еловых ветках, разостланных возле костров, или просто на снегу. Пищу готовили на кострах, а иногда ели концентраты всухомятку. На третий день навстречу нам вели конвоируемую группу — чело-

век 16 пленных немцев, с опущенными на уши холодными пилотками, в летних шинелях, без рукавиц и в сапогах.

Мы шли на пополнение частей 2-й ударной армии, выполнившей в январе прорыв фронта противника и углубившейся в тылы на 75—80 км, через горловину прорыва шириной 2—3 км, через болота, по заснеженным дорогам, по лесной местности.

На 5-й день ночных маршей, пройдя примерно 75 км, к утру 15-го марта мы прибыли в расположение 87-й кавалерийской дивизии.

В выстроенном порядке батарея в количестве до 170 человек была представлена начальнику штаба дивизии майору Вержбицкому В. А., который при опросе каждого произвел разбивку по полкам и подразделениям. При опросе меня, когда я сказал, что служил до войны в 32-й танковой бригаде при оперативном отделе штаба бригады по обеспечению бригады топографическими картами, определил в оперативный отдел штаба дивизии. Имея трехлетний штабной опыт службы в мирное время, я вскоре приобрел в лице командования полное доверие. Командиром дивизии был полковник Трантин В. Ф., начальником оперативного отдела ст. лейтенант Поздняков П. Т.

В это время части 87-й кавдивизии после совершенного прорыва находились в обороне на фронте, в самой глубине образовавшегося «мешка». Из-за затруднительного и временами отсутствия бесперебойного снабжения частей 2-й уд [арной] а [рмии], в том числе кавалерийского корпуса генерала Гусева Н. Н. в составе 25-й, 80-й и 87-й кавалерийских дивизий, большинство лошадей пало. На корм для лошадей, по возможности разгребая снег, собирали с болот мох, со всех крыш в деревнях собрали солому. Питание личного состава частей было ограничено, временами выдавали только по 2—3 сухаря, табак выдавали с большими перебоями, мне иногда была добавка от майора Вержбицкого В. А., который не курил. Иногда продукты сбрасывали на парашютах с самолетов, но, если они попадали в лес, то попадали в руки тех, кто их первый находил, без распределения.

С наступлением весны из построенных землянок всем пришлось строить шалаши. Весенние воды образовали сплошные болота.

28-го апреля мне удалось на току рано утром убить из карабина глухаря, которого я передал на торжественный праздничный обед

на кухню командования штаба дивизии. Для приготовления пищи я брал березовый сок, так как в болотной воде было много трупов лошадей. В морозное время измученные лошади шли на пополнение скудного солдатского пайка, а у кавалеристов при себе всегда были клинки.

8-го мая по приказу командования Волховского фронта части кавалерийского корпуса, в том числе 87-я кавдивизия, сдали район обороны другим частям и должны были выходить за линию основного фронта за р. Волхов через горловину прорыва в районе Мясной Бор.

Мне пришлось со штабом дивизии из д. Веретье посильно забрать с собой в мешках оперативные документы и топографические карты и выходить в пешем порядке по дорогам к р. Волхов.

В день выхода из д. Веретье нас пробомбили три «Юнкерса», ранее они пролетали над нашими головами бомбить Мал. Вишеру и далее за линию фронта. Надо полагать, что командованию немецких войск уже стало известно о выводе частей кавалерийского корпуса за основную линию фронта. На меня первая бомбежка произвела неприятное впечатление. Пришлось бросками, в промежутках после падения бомб и захода самолетов на пикирование, выбегать из горевшей деревни к лесу. Выходили по проселочным дорогам, по болотам, по жел. дороге на вагонетках в течение восьми дней.

Через горловину выходили группами, в одиночку в дневное время, по лежневке, представляющей из себя настил по болоту из стволов деревьев сплошной и по ним в три-четыре доски настил по ширине колес автомашины. Кругом ни одного деревца, кустарник весь посечен осколками мин, снарядов и пуль. Все болото вокруг в воронках заполненных болотной рыжей водой. Расстояние примерно 2 км по лежневке я пробежал под редким минометным обстрелом бегом.

За р. Волхов штаб дивизии вышел в лес 17-го мая, когда полки дивизии еще выходили в основном в ночное время. Части дивизии расположились в лесу у д. Салищенск на пополнение и отдых. В конце мая и начале июня месяца бои в районе Мясной Бор ожесточились, появилось больше самолетов противника, завязались над р. Волхов воздушные бои с явным превосходством «Мессершмиттов». Мне пришлось быть свидетелем, когда два «Мессершмитта»

в воздушном бою с четырьмя нашими истребителями сбили наш один самолет и погнались за другими тремя.

В начале июня горловина, через которую выходили части 2-й уд [арной] армии, была окончательно перекрыта, в этом районе наблюдались с восхода до захода солнца несмолкаемые бомбежки немецкой авиации. Из нашей дивизии на расширение прорыва в район Мясного Бора были переброшены два полка, подкрепленные танками, которые в самом начале боевых действий завязли в непроходимых болотах, а личный состав полков понес большие потери, не добившись успехов.

До июля месяца, в течение примерно месяца из 2-й уд [арной] а [рмии] выходили группами, одиночками.

В июне 87-й кавдивизии было присвоено наименование 327-й стрелковой дивизии, из которой из окружения вышло, как мне тогда было известно, всего 102 человека и самый старший из офицеров был в звании капитана.

В командование 327-й с.д. вступили: командиром дивизии — полковник В. Ф. Трантин, комиссар Г. М. Тонконогов, начальник политотдела М. Н. Шинкоренко, нач. штаба майор В. А. Вержбицкий, нач. оперативного отдела капитан П. Т. Поздняков, нач. связи капитан М. Г. Пискунов, нач. особого отдела Скардин.

После пополнения и проведения боевой подготовки, 327-я с.д. по жел. дороге была переброшена в район д. Вороново и д. Карбусель. 27 августа 1942 года организованное наступление Волховским фронтом с задачей прорыва блокады Ленинграда, длившееся до 27 сентября, успеха не имело. 327-я с.д. была отведена на пополнение и подготовку к последующему прорыву блокады Ленинграда. В это время дивизией командовал полковник Н. А. Поляков. 327-я с.д. должна была действовать в направлении рощи Круглая, на самом укрепленном участке немецкой обороны. На левом фланге между рощей Круглая и Гайталово была развернута 376-я стрелковая дивизия генерал-майора Н. А. Аргунова. До начала наступательной операции в дивизии была проделана огромная работа по сколачиванию всех подразделений с задачами, доведенными до каждого бойца. С натуры были зарисованы участки укрепленных позиций и огневых точек противника. В тылу были построены учебные полигоны и позиции немецкой обороны, на которых неоднократно

с боевыми стрельбами были проведены учебные наступательные занятия. В оперативном отделе штаба дивизии была напряженная подготовка всех оперативных и боевых документов.

327-я с.д. была в составе 2-й ударной армии. На участке дивизии против роцци Круглая для наступления было сосредоточено на 1 км по фронту 360 орудий и минометов, примерно с расчетом по 3 снаряда на 1 кв. м обработки позиций противника.

В 9 час. 30 мин. 12 января 1943 года около 2700 орудий и минометов Волховского фронта одновременно с Ленинградским начали артиллерийскую подготовку, длившуюся в течение 1 часа 45 мин. Гул и рев стояли невообразимые. Если одиночных пленных приводили, они все были контуженными. В первый день наступления 327-я с.д. добилась серьезного успеха, она овладела роццей Круглая, где гитлеровцы оставили свыше тысячи трупов.

В полдень 18 января 1943 года в районе рабочих поселков № 5 и № 1 части 2-й ударной армии встретились с частями Ленинградского фронта. Блокада Ленинграда была прорвана, враг был отброшен от Ладожского озера к югу на 8—10 км. После боев под высотами Синявино в начале апреля дивизия была переведена к Ленинграду со штабом в Ново-Саратовскую колонию.

В своих воспоминаниях несколько вернусь к прошедшим временам. Когда 327-я с.д. получила новую задачу действия в районах д. Вороново и д. Карбусель, дивизии потребовались топографические карты, и меня командировали за ними в штаб Волховского фронта в Малую Вишеру. Я из д. Селищенский Поселок, где располагался штаб дивизии, на попутных машинах добрался до Малой Вишеры. Был полдень августа месяца, над станцией появились два разведывательных самолета противника, сбросивших по одной малой бомбе и следом улетевших к себе. Примерно через час над Малой Вишерой появилось до пяти тяжелых бомбардировщиков в сопровождении истребителей. Началась массированная бомбардировка города и самой станции, где было очень много воинских эшелонов. Возникли сплошные пожары и взрывы ж.д. эшелонов с боеприпасами и горючим. От зенитного заградительного огня я видел только один сбитый бомбардировщик противника. Бомбардировка меня застала на окраине города, откуда мне пришлось под разрывами бомб выбегать к лесу, где располагался в землянках

штаб Волховского фронта. Получив топографические карты, я благополучно вернулся в штаб дивизии.

При наступательных боях под Синявинскими высотами штаб дивизии располагался в землянках, оставленных отступавшими немцами, вырытых в крутом берегу одной из небольших речек. Район расположения командного пункта дивизии методически обстреливался дальноточной крупной артиллерией. В 5 часов утра я был вызван командиром дивизии на наблюдательный пункт штаба, а в 6 часов утра сообщили по телефону, что прямым попаданием снаряда была уничтожена землянка, в которой еще спало три офицера. Когда я возвратился, пришлось откапывать убитых, оперативные документы и топографические карты.

Примерно в октябре месяце 1942 года было присвоение офицерскому составу новых званий и ношение новой формы — с погонами. Тогда мне было присвоено, поскольку занимал офицерскую должность, звание техника-интенданта II ранга, с двумя звездочками на погонах. За прорыв блокады Ленинграда в феврале 1942 года 327-й стрелковой дивизии было присвоено звание 64-й гвардейской дивизии с торжественным вручением гвардейского знамени, а командиру дивизии полковнику Н. А. Полякову было присвоено звание генерал-майора.

В феврале 1943 года дивизия продвигалась вдоль Ладожского озера, на пути попадалось много разбитой немецкой техники и немецких трупов, которые никто не убирал, они или лежали, или стояли, вмерзшие в снег. В одном из боевых дней по пути к переднему краю был убит осколком мины наш боевой товарищ пом. нач. оперативного отдела штаба дивизии всеми уважаемый капитан С. П. Суржиков, которому перед наступательной операцией по прорыву блокады пришлось сопровождать на передовые позиции дивизии маршала К. Е. Ворошилова.

В начале апреля 1943 года из Ново-Саратовской колонии я был откомандирован в город Ленинград на Малую Охту на курсы мл. лейтенантов 42-й армии, которые закончил с отличием и получил звание лейтенанта — командира пулеметной роты в январе 1944 года. Оттуда был направлен в резерв 42-й армии, который после отброшенного противника от Ленинграда был расположен в г. Гдов, совершенно разрушенном после отступления немцами.

Далее офицерский резерв армии был переведен в совершенно уцелевшую д. Колоколово. В марте 1944 года я был направлен из резерва в 376-ю стрелковую дивизию командиром пулеметной роты.

Глава II

Из резерва 42-й армии, получив назначение, я из д. Колоколово на попутных машинах 19 марта 1944 года прибыл в расположение 1248-го стр. полка — штаб, личного состава в полку не было. Там я встретился со своими однокурсниками — мл. лейтенантом Н. Казаковым и мл. лейтенантом А. Самойленко. Утром 20-го к моей большой неожиданности мы по вызову были представлены командиру дивизии гв. генерал-майору Н. А. Полякову, переведенному из 64-й гв. с.д. в 376-ю стр. дивизию. Он несколько был удивлен и обрадован случайности встречи в своей новой дивизии бывшего гвардейца 64-й гв. дивизии, по которой он явно сожалел. Зная меня по штабной работе в течение более года, после формального опроса Н. А. Поляков утвердил меня в должности командира пулеметной роты 1-го батальона 1248-го стр. полка, а командирами взводов ко мне в роту назначили мл. л [ейтенан] тов Н. Казакова, А. Самойленко, и Горбушева.

На второй день, 21-го марта, в полк прибыло пополнение, и мне впервые пришлось формировать пулеметную роту. Мне первому предоставили право отбора из всего прибывшего пополнения пулеметчиков станковых пулеметов, так как многие бывшие пулеметчики с неохотой шли в пулеметчики, где приходилось носить тяжелую материальную часть и коробки с пулеметными лентами. Большинство предпочитали быть просто стрелками. С трудом удалось набрать восемь пулеметчиков, а остальных набрал по физическому состоянию. Рота была скомплектована из трех взводов по два пулеметных расчета из пяти человек каждый, всего 35 человек.

Первые 2—3 дня ушли на укомплектование личного состава роты оружием, боеприпасами и всем необходимым для боевых действий. Полк расположился в лесу примерно в 20-ти км севернее г. Пскова. Командиром полка был подполковник Клевцов.

24-го марта 1944 года все командиры рот были вызваны командиром батальона капитаном Барнавским на рекогносцировку участка обороны севернее г. Пскова в восьми км. по ж.д. Гдов — Псков, кото-

рая была совершенно разрушена отступившими немцами, все стыки рельс были подорваны, шпалы поломаны специальным якорем, местами полотно ж.д. было взорвано, телефонные столбы все были также подорваны. Участок обороны по фронту был 2,5 км в трех дотла сожженных деревнях. Через болотистую ложину на возвышенностях в целых деревнях примерно в 600—800 метрах были расположены немецкие оборонительные позиции.

Заметив наше перемещение по передовой, противник обстрелял нас из минометов.

Ночью 25-го прибыл в район обороны личный состав батальона. Взводы Горбушева и Казакова были приданы стрелковым ротам на фланги, а взвод Самойленко расположился в центре, на НП батальона, на высоте, господствующей над передним краем немецких позиций, откуда было хорошо видно часть г. Пскова, занятого немцами. Расположились в плохо оборудованных землянках, не вмещающих всех и пришлось рыть и оборудовать новые с накатом из лесных стволов и рельс с ж.д. полотна.

30-го днем одним стрелковым взводом с поддержкой взвода ст. пулеметов была произведена разведка боем для выявления огневых точек противника. Один из командиров пулеметного расчета выбыл по ранению в руку.

Противник вел пассивную оборону и, видимо, небольшими силами, но на хорошо подготовленных рубежах с железобетонными укрытиями огневых точек.

В ночь с 4-го на 5 апреля 1944 года наш батальон снимают с обороны, и маршем в 18 км выходим сев [еро] -восточнее г. Пскова к ж.д. Псков—Луга. Располагаемся в лесу, с утра строим шалаши, приводим в порядок оружие и остаток дня отдыхаем. 7-го апреля с комбатом Барнавским выходим на рекогносцировку переднего края для наступления. Местность лесистая, заросшая кустарником, передний край противника трудно различим. 8-го и 9-го производжу рекогносцировку с командирами взводов и ставлю задачи на действия в наступлении. 10-го апреля наступление отменили, и в ночь на 11-е батальон выводят на 15 км в тыл для учебной подготовки к наступлению. Прибыли в сожженную деревню Подборотье, личный состав роты расположили в полусторевшем доме, а с командирами взводов мы заняли землянку, предварительно вычерпав

из нее воду, которую приходилось постоянно выливать котелками. Весна стояла дружная, кругом в лесу было много дичи, и я даже в одно утро вышел с автоматом на тетеревиный ток, но безрезультатно.

16-го вновь утром с комбатом вышли на рекогносцировку переднего края, в тот же район обороны, для принятия участка обороны. На другой день прибыли роты и были расположены с четырьмя станковыми пулеметами и двумя стрелковыми взводами в густом живописном сосновом лесу. Противника не было видно, и лишь периодически прочесывали из пулеметов лес. Разлив небольшой речки нас отрезал от сообщения с тылом и от частых посещений проверяющих со штабов полка и дивизии. Через день, изучив передний край, мы с командиром 3-й стрелковой роты продвинули линию обороны ближе к противнику на 200 м на опушку леса до видимости его деревоземляного вала на расстоянии около 400 метров. Ввиду сильно заболоченной местности пришлось вместо траншей создавать деревоземляные валы, выполняя эти работы в основном по ночам, и при малейшем шуме противник обстреливал из минометов и пулеметов разрывными пулями, создающими дополнительный треск.

26-го апреля вечером нас в обороне сменяют, и с батальоном отходим на прежнее место в д. Подборотье и занимаем прежние землянки, почти полностью заполненные весенней водой.

В первую очередь приводим в порядок и чистим оружие, сушимся после ночного дождя и отдыхаем после ночного марша. К вечеру переходим в д. Носково за 8 км. Прибыли по весеннему бездорожью только к ночи. Пулеметной ротой расположились во дворе разрушенной церкви. Ночной холод заставил искать какие-либо укрытия или землянки, но их нам никто не оставил, и пришлось ночь провести на развалинах. Утром нашли одну землянку, из которой вычерпали воду и разместились с ком. взвода, старшиной и ординарцем. Все взводы были приданы стрелковым ротам, которые разместились в 1—2 км с занятием опорных пунктов второго эшелона. На другой день приступили к занятиям и оборонительным окопным работам по созданию глубины обороны 2-го эшелона.

Праздники 1-го мая мы встретили по-фронтовому, приготовили сами обед из риса и мясных консервов, нашли закопанный в ямах

сгоревшей деревни картофель, а спирт по 50 граммов нам стали выдавать с 29-го апреля, который мы для праздника сэкономили.

После праздника дни проводили однообразно в боевой подготовке, наступила дождливая погода, а 9-го мая пошел снег. Только с 12-го мая наступила теплая весна, появились ласточки, бабочки, скворцы в надежде найти на прежних местах скворечники. Из сырых землянок все потянулись к солнцу на зеленую траву.

20—21-го мая я был при штабе дивизии на сборах командиров рот, в мое отсутствие во время занятий был легко ранен при обстреле из дальнобойного орудия л-т Самойленко.

2-го июня в полк поступило дополнительное пополнение подготовленных молодых бойцов, в основном алтайцев, еще не бывших в боях, и в роте стало 9 станковых пулеметов. Наш 1-й батальон усиленными занятиями готовился к штурмовым. Дни наступили знойно-жаркими, стали надоедать комары. 6-го июня мы получили давно ожидаемую новость, что союзные войска высадили десант на французское побережье, открыв второй фронт.

9-го июня получили еще пополнение численностью пять человек, пополнив роту до полного состава. Начались усиленные батальонные занятия с боевыми стрельбами.

12-го июня меня направляют на 10 дней в дивизионный дом отдыха, расположенный в бывшем медсанбате в сосновом бору около живописного озера. 19-го всех отдыхающих офицеров на автомашинах развозят по своим подразделениям и полкам. Свой батальон и роту нахожу в районе д. Скоморохова Гора. Батальон готовился к ночным занятиям с задачей штурма предстоящей высоты противника. Занятия проходили всю ночь до полудня следующего дня. Весь день готовим подразделения к наступательным боям, и в ночь на 20-е выходим на последнее тактическое учение, а командиры рот вместе с комбатом в это время выходим на передний план в район д. Топорищево на рекогносцировку для наступления на высоту в расположении д. Гора. Усталые, почти двое суток не спавшие, возвращаемся в д. Торошино, куда уже подошел батальон. Пополняемся боеприпасами и всем необходимым для штурма. Проверив каждый пулеметный расчет и каждого бойца, остаюсь довольным хорошей подготовкой каждого. В тот же день, 22-го июня в 20.00 скрытно, без малейшего шума выходим в р-н д. Топорищево, куда уже была вы-

ведена 30-я штрафная рота, приданная батальону на правый фланг с одним пулеметным взводом моей роты. Бесшумно располагаемся в заранее подготовленных траншеях во ржи, левее в обхват высоты сосредотачиваются две стрелковых роты с двумя взводами станковых пулеметов. Я остался на НП командира батальона. Ночью на исходный рубеж были доставлены ужин, завтрак и запас сухих продуктов на два дня, но некоторые солдаты больше свои вещевые мешки набили патронами и гранатами, которые выдавались без ограничения. Высота «Гора», занятая немцами, была господствующей на переднем крае, с которой просматривалась кругом вся местность до 15 км. От исходного рубежа до проволочного заграждения противника было 400 метров, которые при атаке нужно было преодолеть бегом. Штрафная рота численностью до 80 человек была вооружена автоматами. Для наступления все шинели должны быть оставлены на исходном рубеже. Ночью саперами под проволочные заграждения были заложены заряды и разминированы проходы в минных полях. Ночи не хватало для окончательной подготовки к размещению, уже начинало светать, а одиночки и небольшие группы перебежали с передних траншей до исходного рубежа, что, по всей вероятности, не осталось незамеченным со стороны противника. 22-го июня весь день все выведенные подразделения просидели без единого движения, в основном спали. Ночью 23-го дополнили выведенных на исходный рубеж боеприпасами и всем необходимым. Все были готовы к штурму высоты. 23-го июня в 4.25 утра был произведен залп «Катюш» — это сигнал для всеобщей артиллерийской полковой и дивизионной артиллерии и орудий прямой наводки. Высота «Гора» покрылась сплошным дымом и пылью. После 30-минутной артминометной подготовки на левом фланге стрелковые роты вскоре достигли проволочных заграждений и ворвались в передние траншеи немцев. При недружной атаке справа штрафная рота, не достигнув проволочного заграждения и проходов в минном поле, под сильным пулеметным и минометным огнем, залегла на нейтральной полосе, и командиры штрафной роты не смогли поднять в повторную атаку, тем более что противником усилился артиллерийский заградительный обстрел всей наступательной полосы. Выползший с нейтральной полосы пулеметчик сообщил, что осколками мины убит лейтенант Н. Казаков,

в расчете осталось два человека. Под усилившимся пулеметным обстрелом и плотным артиллерийским обстрелом на нейтральной полосе головы поднять было невозможно, и все живые и раненые остались лежать до наступления темноты. Я вместе с ординарцем после неудавшейся атаки штрафной роты, покинув наблюдательный пункт батальона, бросками под сильным арт. обстрелом выбежал в передние траншеи и пытался поднять повторно в атаку, но на нейтральной полосе были все недосыгаемы, без движения. Так и просидели на исходном рубеже под сильным арт. минометным обстрелом до наступления темноты. Слева ворвавшиеся подразделения в передние траншеи немцев были контратакованы немцами, усиленными «Фердинандом», и, понеся большие потери, без поддержки справа вынуждены были отходить — выползая к исходному рубежу. С наступлением темноты в дополнение к неудачам начался дождь. С помощью оставшихся пулеметчиков старшина роты с нейтральной полосы вынес убитого командира пулеметного взвода лейтенанта Н. Казакова, которого в эту же ночь захоронили у д. Топорищево. Собрали, сколько смогли, в ночной темноте оружия и вынесли раненных. Всю ночь шел проливной дождь, затрудняя вести розыски и сбор оружия и обмундирования. К вечеру и в ночь прояснилась обстановка результатов неудавшейся операции по захвату высоты и потери в личном составе батальона. Наступающие две роты слева понесли очень большие потери. Два командира рот остались у немцев, не выйдя из боя. От личного состава рот остались только ячейки управления. Командир пулеметного взвода мл. лейтенант Горбушев был ранен в руку, и его отправили в медсанбат, командир взвода мл. л-т Самойленко А., мой лучший командир из всего взвода, вышел, вернее сказать выполз с наступлением темноты один из расположения противника, где они с гранатным боем вышли к третьим траншеям немцев.

Ночью после приказа об отходе с наступательных рубежей, после сбора и подсчета оставшихся в живых из 56-ти человек в роте осталось 33 человека, большинство пропало без вести, т. е. остались на стороне противника вместе с четырьмя станковыми пулеметами.

Возвратившись в ночь в прежний район д. Торошино, весь день сушились и приводили оружие и себя в порядок. Я подал в штаб полка сведения на убитых, раненых и пропавших без вести.

В ночь на 24-е июня мной была послана под руководством старшины еще одна группа пулеметчиков на передний край для сбора недостающего оружия и обмундирования. Но через 3 часа они вернулись безрезультатно, так как их не пустили на передний край обороняющие части. 25-го вернулся один из наводчиков пулеметного расчета взвода Самойленко, пролежавший под проволочным заграждением /фамилию не помню/. Отличившиеся в бою за высоту были представлены к наградам. На следующий день по сведениям о недостатке имущества и оружия, а также обмундирования, которое обязаны были снимать с убитых — шинели, обувь и каски, оставшиеся на нейтральном поле боя, не занятом противником, у меня в роте насчитали недостачу¹ в 10-кратном размере на 8900 рублей, которые я должен был возмещать по 250 рублей в месяц. В течение двух месяцев с меня высчитывали, а после одной бомбежки документы финчасти разбомбили, и удержания прекратились.

29-го июня на разборе, проведенном командиром дивизии генерал-майором Н. А. Поляковым со всем личным составом оставшегося батальона, было отмечено, что батальон задачу выполнил, а захват высоты не был осуществлен из-за штрафной роты.

30-го июня получаем пополнение и оружие, в роте вновь стало 53 человека и восемь пулеметов. На этот раз мне было предоставлено право выбора пулеметчиков из трех рот. Из представленных к наградам, три пулеметчика были награждены медалями «За боевые заслуги» и орденами Красной Звезды командиры взводов Самойленко и Горбушев. А командир взвода л-т Казаков посмертно орденом Отечественной войны II степени.

Вместо выбывших двух командиров взводов в роту поступили мл. лейтенанты Кухоренко и Козлов.

В июле дни наступили знойные. Приступили к занятиям. Рота расположилась у р. Торошинка, построили еще две землянки. Поступившее пополнение было малоподготовленным и менее дисциплинированным. 3-го июля пулеметный взвод мл. л-та Кухоренко

¹ Вписано над строкой.

с первой стрелковой ротой был направлен в распоряжение л-та Ненашева, готовившего группу десанта, вооруженную автоматами.

Вскоре батальон переводят в распоряжение дивизии в резерв, в д. Букаши, где мы нашли для всей роты достаточно приличные землянки, а р-н Торошино стал систематически обстреливаться тяжелой дальнобойной артиллерией. 6-го июля батальон был выведен в лес на заготовку настила на дорогу к переднему краю, до которого было 3 км, но была такая тишина, что иногда забывали про войну. Пищу готовили себе в котелках, с обеспечением табаком было плохо и приходилось сушить и курить листья, травы.

9-го в 4.30 утра, получив приказ, засветло, скрытыми подходами, рассредоточено вывожу роту к д. Торошино. Днем успели помыться в походной бане. Успел похлопотать за возвращение из медсанбата мл. л-та Горбушева. В ночь на 10-е июля, совершив 18-км марш, выходим к Псковскому озеру, где в обороне стоял наш 1248-й стр. полк. Утром 11-го в 10 часов по тревоге поднимают один пулеметный взвод на поддержку действующей штрафной роты по захвату «языка». Однако взвод был возвращен, и в 6 часов утра 12-го выходим ротой на шоссе Гдов—Псков для ремонта дороги. Днем всем командирам рот комбат ставит задачу на частную наступательную операцию штрафной ротой по захвату пленного. С наступлением темноты по мелкому ходу сообщения вводим в расположение боевого охранения двумя пулеметными взводами и размещаем на огневых позициях для поддержки наступления 30-й штрафной роты. Но к утру получаем приказ «отставить», и мы в тесных траншеях, ходах сообщения и «лисьих норах» располагаемся, кто как может, спать. Всякое передвижение на виду противника, который находился в 200 м, было исключено. Ночью выводим взводы из боевого охранения в оборону на самый правый фланг дивизии к самому озеру Псковскому, где стрелковая рота при поддержке пулеметного взвода Самойленко приводит пленного немца, который без рубашки беспечно загорал на берегу озера.

Из допроса пленного и, судя по создавшейся обстановке, при обходе войсками 1-го Прибалтийского фронта, Псковской группировке немцев была угроза окружения, и немцы должны были оставить оборонительные позиции у Псковского озера и г. Пскова, а нам была поставлена задача каждую ночь «прощупывать» противника.

Утром 15-го была поставлена задача подготовить один пулеметный взвод к вечеру на выполнение частной операции по захвату опорного пункта немцев из того же боевого охранения, в которое нас выводили ранее и отменили операцию захвата. В ночь на 16-е вновь сосредоточились в мелких траншеях боевого охранения. До начала времени было достаточно для отдыха, но как томительны и тревожны последние часы и минуты, есть не хочется, жара и духота стоят невыносимые, в траншеях тесно ходить, приходится шагать через сидящих и спящих людей.

В 17.30 по сигналу ракеты ударили первыми орудия прямой наводки, следом «заговорила» полковая и дивизионная артиллерия и минометы. Через две минуты по двум подготовленным выходам из траншеи поднялась пехота в атаку, станковые пулеметы плотным огнем поддерживали ее наступление, но не прошли наступающие 50—100 метров, были накрыты плотным заградительным огнем минометов противника, передние залегли, за ними, заколебавшись, залегли остальные. Назад в траншеи бегом стали возвращаться легкораненые. Атака захлебнулась. Станковые пулеметы были выдвинуты вперед для прикрытия отхода, но отходить пришлось только с наступлением темноты, а вынос раненых и убитых только ночью. Из пулеметчиков было ранено только двое и убит прямым попаданием рядом со мной связной Лысенко. Наступательная частная операция закончилась в 5 минут, зато пришлось отсиживаться в траншеях весь день до вечера. Каждый по-своему переживал массированную артиллерийскую обработку хорошо пристреленных траншей нашего боевого охранения, каждый ожидал, что следующий снаряд попадает в него, было душно от гари и пыли, и так весь день до вечера. К ночи выходим из обороны боевого охранения 2-го батальона нашего полка на прежнее место обороны к берегу Псковского озера. Ночь была лунная, скрытно пройти было трудно, выводя взвод на левый фланг обороны батальона, перед нами в 35 метрах хлестнула из пулемета очередь, залегли, рассредоточились за складки местности, переждав минут 10, по одному зашли в ход сообщений до первых траншей. Линия фронта противника хорошо просматривалась местами в 200—250 метрах. День был жарким и, находившись за ночь согнувшись по длинным ходам сообщения и траншеям, болела спина и нога.

В ночь на 22 июля противник вел сильный артиллерийский обстрел нашей обороны. С рассветом батальонная разведка обнаружила, что немцы ушли. Пройдя проходами через разминированные участки, срочно преследуем, растаскиваем спираль Бруно, наскоро устраиваем переправу через малую речку, где по неосторожности один пулеметчик утопил, а потом достал пулемет. К 8.00 вышли к р. Великая, я шел в голове передовой правой группы из пяти человек 2-й стрелковой роты, зашли в д. Загорицы, деревня пуста, ни одной живой души, но цела. Обнаружив наше передвижение, с другого берега р. Великой немцы обстреляли нас минометным огнем, броском выбегаем на другую окраину деревни и далее в 500 метрах выходим к д. Лисковицы, куда вышел уже 2-й батальон, и также был накрыт минометным огнем, от которого у ограды церкви лежали убитые и раненые человек пять. Укрывшись за 1,5-метровыми каменными стенами церкви, отдохнув, стали наблюдать за противоположным берегом реки Великая шириной до 500 метров. Но обнаружить противника не удалось. Я с группой вернулся в д. Загорицы, куда вышел 1-й батальон с артиллерией. По приказу вяжем плоты, разбирая сараи и полуразрушенные дома. Личного состава после частных наступательных операций в батальоне убавилось вдвое. В пулеметной роте осталось пять пулеметов по четыре человека в расчете. По дороге, в деревне у колодца и на тропе, подорвались на минах три пулеметчика. К вечеру прибыла десантная рота Ненашева с пятью понтонными лодками. Утром 23-го июля, пустив в разведку одну лодку и при этом не встретив сопротивления, весь 1248-й стрелковый полк спокойно форсировал р. Великая. Предыдущую ночь, отходя с левого берега, враг сжигал деревни, угонял скот и жителей, до нас только доносились крики и плач женщин. Всю ночь на горизонте было зарево пожаров.

Переправившись на левый берег р. Великой на второй лодке, я в ожидании переправы всего батальона успел по пояс вымыться и побриться. Дальше с взводом станковых пулеметов и стрелковым взводом преследуем противника с правого фланга полка и дивизии. На нашем маршруте остались две не сожженные отходящими немцами небольшие деревни. Оставшиеся жители этих деревень при нашем приближении вышли встречать с земными поклонами и кто с чем мог, угощая нас молоком и еще чем-то, но были только

женщины, дети и старики. Переходя по развалинам, взорванным мостам и изрытым взорванными дорогам, мы к вечеру подошли к старой эстонской границе. Деревни только что были сожжены, еще дымились, с непотухшими углями. Ночью зашли в догорающую д. Тупы, в темноте на уцелевших яблонях срывали печеные яблоки, которые утолили нашу жажду от дневных переходов, так как из колодцев из предосторожности воду никто не брал.

В ночь на 25-е июля заходим в д. Запутье, ближе к занявшему оборону противнику, который находился на возвышенности у окраины уцелевшей деревни в заранее подготовленных траншеях, впереди которых на 200 метров были выкошены все посадки хлебов и овса. КП батальона расположился в еще тлеющей разрушенной пекарне, откуда с кирпичных стен было хорошо вести наблюдение. В 10.00, после слабой артподготовки, роты батальона поднялись в наступление и через 200 метров залегли в посевах овса под пулеметным огнем немцев. Оставив КП батальона, я вместе со связным по-пластунски по посеву овса поползли вперед к залегшим ротам, над головой дважды щелкнули пули снайпера, пришлось ползти зигзагами. Добравшись до командира 1-й стрелковой роты ст. л-та Ненашева, мы вместе с ним организовали по канаве оборонительный рубеж и наблюдательный пункт роты.

С наступлением темноты разыскал своих командиров взводов, пулеметы выдвинули в боевые порядки стрелков роты. После этого, вернувшись на КП батальона, первый раз за день съел котелок густого супа. К утру вновь вернулся в боевые порядки роты, где до 27-го день отдыхая, а ночью закапываясь в землю, создавали надежное укрытие от снайперов. При неосторожном выглядывании из-за бугорка снайпером был убит санинструктор, находившийся рядом со мной, был щелчок, и голова его с дыркой в глазу упала мне на плечо. Завтракали и ужинали только по ночам, когда из кухни еду в термосах приносили повара.

По поведению противника, засевшего на хорошо подготовленных оборонительных позициях и выгодно расположенных на возвышенности, можно было предполагать, что дальше отходить без боя он не собирается и с хода без подготовки его не выбить. В ночь на 28 июля оборонительный рубеж сдали специальным частям АПАБ, и сразу же маршем км 50 с привалами по 2—4 часа 29-го вы-

ходим в намеченный район южнее 25 км Пскова. После завтрака в 7 часов утра выходим на рекогносцировку для наступления по развитию успехов ведущих бой 1250-й и 1252-й стрелковых полков. По наличию оставшихся пулеметчиков я из взводов укомплектовал два взвода, отправив л-та Самойленко на отдых в хозвзвод батальона.

К утру 30-го июля противник отступил и, преследуя его 8—10 км, готовились вступить в бой за д. Мотовилово, но немцы отступили к следующей деревне. Батальону был предоставлен небольшой отдых, и мы разместились по эстонским домам, где нас приветливо эстонцы угощали и кормили. К утру на следующий день немцы опять отступили, и нашему 1-му батальону была поставлена задача перерезать дорогу на г. Изборск. На подходе к шоссе на дороге в мелколесье и кустарниках мы неожиданно встретились с немцами, которые нас встретили сильным автоматным и пулеметным огнем. Завязался автоматно-пулеметный бой, батальон с хода развернулся в цепь, левее нас разворачивался и второй батальон. В густых зарослях кустарника трудно было управлять боем, бойцы разбежались и залегли, ведя стрельбу из винтовок и автоматов, а станковые пулеметы обозначали себя только при стрельбе по «голосу Максимов».

В рядах немцев были «власовцы», которые с криком «Ура» пошли в контратаку, видимо, были пьяные. Некоторые бойцы обманулись на русскую речь и крики, и были некоторое время в замешательстве, я также принял идущую цепь за наступающих 2-го батальона, а когда они стали строчить из автоматов в нашу сторону, тогда мы поняли, с кем мы встретились в бою. Через некоторое время ко мне подбежал командир пулеметного расчета и очень взволновано сообщил, что немцы укатали станковый пулемет, забросали расчет гранатами, при этом был убит наводчик и заряжающий, выскочили из кустов с криками по-русски и захватили пулемет. Лишь к вечеру ружейно-автоматная стрельба затихла с обеих сторон. Из моей пулеметной роты в результате этого встречного боя два пулеметчика были убиты, трое ранены. Потери были в батальоне незначительные, поскольку обоюдный оружейный огонь велся бесприцельный, минометы и артиллерия с обеих сторон не была развернута, была на марше. Утром немцы отступили, оставив четыре трупа, видимо, расстрелянных ими, в немецкой форме, возможно, «власовцев».

Преследуя отступающего противника, к 6 часам вечера 1-го августа выходим в район леса в 1,5 км от немцев, вступивших в бой с наступающими полками нашей дивизии. От г. Пскова уже прошли 120 км. В ночь на 3-е августа срочно идем на смену 1252-го полка по сильно пересеченной местности, по оврагам, и только вышли на свой заданный участок к 9 часам утра, а в 10.00 с артподготовкой выбили немцев из трех траншей и заняли мызу Троица. Вскоре противник пошел в контратаку, не устояли молодые солдаты батальона, побежали обратно, пришлось нам с командиром минометной роты удержать всех в первой занятой траншее, а артиллеристы прямой наводкой 45-мм орудий отбили контратаку немцев.

В течение дня был двухсторонний артиллерийский бой. На нашем участке появился немецкий «ишак» — 6-ствольный миномет.

К концу дня в роте разбило прямым попаданием три пулемета, остался в роте один расчет из пяти человек.

3-го числа, после сбора оружия и имущества окончательно выясняя потери роты и отправляю еще одного командира взвода л-та Горбушева в хозвзвод батальона. В 19.00 остатками стрелковой роты, а в батальоне осталась одна рота из 17 человек «активных штыков», пошли в наступление¹, но были встречены губительным пулеметным огнем немцев. Поднимать в атаку уже было не желательно, так как нечем будет отбивать контратаки противника, который выставил против нас для удержания выгодного оборонительного рубежа по жел. дорожному полотну курсантский состав. Три дня в траншеях не умывался, короткий сон был в подвале хутора, ночью по нам бегали крысы и прыгали лягушки.

4-го утром в затишье меня поздравляют с наградой — орденом Красной Звезды. Остатки 1-го батальона вливают в состав 2-го батальона, а офицерский состав отправляют в резерв штаба полка. Меня с одним пулеметным расчетом передают во второй батальон, где в пулеметной роте было четыре пулеметных расчета. Ночью снимаемся с обороны, передав рубежи другим частям, и выходим в лес на переформировку. До 11 часов 5-го, пополнившись боезапасами, 2-й батальон в 12 часов вновь выходит на прежний рубеж обороны для развития в третьем эшелоне готовившегося наступления силами двух неполных полков дивизии. Несмотря на 40-минутную

¹ Вписано над строкой.

артподготовку, прорвать передний край противника не удалось. Потери были незначительные, в роте стало шесть пулеметных расчетов, три взвода. Весь день находимся под сильным арт. минометным огнем, и лишь к вечеру наступило относительное затишье. Утром 6-го августа на всем участке обороны ни одного выстрела с обеих сторон, наступило непривычное затишье, чувствовалась большая усталость.

Со связным Нургалиевым вырыли себе на двоих яму, застелили ее соломой, весь остаток дня отдыхали, даже нашли время читать свежие, доставленные нам на передовую, газеты. Комбат 2-го батальона капитан Базанов — противоположность капитану Варнавскому, был спокойным, выдержанным, в любой обстановке был веселым и хорошо знающим свое дело.

В ночь на 8-е батальон был отведен в лес на 1,5 км для подготовки к следующей частной операции батальоном, и в ночь на 8-е выходим и занимаем те же траншеи. Утром в 5.00 после 2-минутного обстрела из орудий прямой наводкой переднего края противника батальон поднялся в атаку и, не достигнув за 40—50 метров до траншей немцев, под пулеметным огнем залег. После повторной атаки, когда в боевые порядки вышли командиры стрелковых рот, а я стал за правофланговый пулемет, под сильным пулеметно-минометным огнем вновь все залегли в картофельном поле, и установить наличие и расположение оставшихся не представлялось никакой возможности. Разведка боем не удалась. Кто виноват? Были разные суждения офицеров, в том числе и мое, что во время атаки было мало пехотного автоматного-оружейного огня, так как было хорошо видно при нашей атаке: немцы вполроста высывались из траншей, из-за бруствера и вели по нашим атакующим прицельный автоматный огонь.

В ходе наступления один пулеметный расчет взвода Самойленко выдвинулся до 50 метров от бруствера немцев, наводчик и пом. наводчика были убиты, а командир расчета потерял в картофельном поле место расположения пулемета. Поиски командиром взвода ночью пулемета обнаружить не удалось. Батальон в ночь был снят с передовых позиций в составе полка, отведен на 20 км на отдых и пополнение к берегу живописного озера, где находился запасной армейский стрелковый полк.

Все предыдущие частные операции были с целью выявления сил противостоящего противника, его огневых точек и глубины обороны. Готовилась крупная наступательная операция в армейском и фронтовом масштабе.

Я возвратился в свой первый батальон 1248-го стр. полка, который, пополнившись личным составом за счет запасного полка, приступил к тактическим занятиям и 14-го августа по тревоге прямо с тактических занятий выступил на преследование отступавшего противника, сбитого с оборонительных позиций на другой день после нашего отвода теперь уже силами всей армии.

За день и ночь проходили по 40—50 км. В первый день прошли те рубежи, на которых батальон вел наступательные бои, и тыловые подразделения нашли наш станковый пулемет.

16-го были в походе, на ногах 22 часа с прочесыванием леса на 10 км, и за это время только два раза пришлось принять пищу из сухого пайка, к концу дня от усталости и дневной жары личный состав батальона валился с ног. Утром 16-го прошли г. Выру, жители все закрылись по домам. 17-го утром, из-за появившейся авиации противника до 60-ти бомбардировщиков, движение было прекращено, и полк расположился на дневной отдых. Линия фронта была впереди на расстоянии 12 км. Расположились у жел. дор. полотна в 30 км от г. Выру. 18-го августа мне был зам. командира полка майором Беляевым вручен¹ орден Красной Звезды.

В этот же день снялись с места отдыха и на марше за г. Антсла, неожиданно получив приказ, с ходу развернули батальон и отбросили немцев, не успевших закрепиться после атаки гвардейцев, лежавших на поле боя убитыми, на 1,5 км. Наше наступление для немцев было неожиданным и стремительным, в результате понесшим большие потери. В ночь сдали достигнутый рубеж другой части, отошли западнее г. Антсла км на 20, и 20-го вышли на исходный рубеж у одного из многочисленных хуторов с задачей наступления. В первый день наступление не состоялось, и я попросил разрешение комбата капитана Варнавского пойти в санроту полка, поскольку кисть правой руки от подкожного карбункула так распухла, что я с трудом мог владеть оружием, не говоря уже о переползании.

¹ Вписано над строкой.

В санроту мне вскрыли опухоль и оставили до 24-го. На другой же день батальону были приданы пять танков, на которые посадили добрую половину личного состава, вместе с комбатом пошли в наступление, продвинулись с тяжелыми боями до 5 км. В небе над батальоном на целый день зависли бомбардировщики. Командир пулеметного взвода л-т Кухоренко был ранен, командиров стрелковых рот большинство контузило. 24-го я прибыл из санроты в батальон, когда он занял оборону, ввиду отсутствия офицеров пулеметную роту хотели расформировать по стрелковым ротам. Пулеметов осталось три и двенадцать пулеметчиков, рота не была расформирована. Командир батальона капитан Варнавский был убит, командир пулеметного взвода Горбушев был тяжело ранен, когда сидел в снопах в тылу немцев вместе с мл. лейтенантом танкистом из подбитого танка. Мы их обнаружили через три дня после того, как немцы отступили со своих позиций. Преследуя отходящего противника, к исходу 26-го августа перед г. Валга он нас встретил у речки арт. минометным обстрелом. Сосредоточились в лесу восточнее 2 км. В полку остался один первый батальон, в котором две неполных роты и четыре пулеметных расчета в пулеметной роте.

Командиром батальона был назначен капитан Лутковский, с которым я встретился только на месте сосредоточения южнее г. Циргулин. Три дня отдыхали и два дня занимались. Вечером 29-го по тревоге все командиры рот и батальонов выезжаем на машине вместе с командиром полка на рекогносцировку для принятия участка обороны. Личный состав батальона должен быть выведен следом за нами к окраине г. Циргулин, занятого нашими частями. Но немцы в этот момент начали продолжительную артиллерийскую обработку города, и нам не удалось провести рекогносцировку засветло. С наступлением темноты с помощью провожатых разводим по участку обороны свои подразделения с задачей удержания плацдарма по реке в полосе 1500 м. Сменившаяся часть ушла. Ночью на КП батальона приходит молодой солдат-украинец, грязный без пилотки и оружия, спрашиваем: «Откуда ты?» «Я, — говорит, — из части, которую вы сменили». Предыдущим утром их рота атаковала немецкие оборонительные позиции, заняли первую траншею немцев, к вечеру немцы контратаковали их и отбили свои траншеи, а этот солдат не успел отступить вместе со своим подразделением

и упал на дно траншеи, притворился убитым. Немцы, отстреливаясь, бегали по траншее, он им мешал, тогда они взяли и выбросили его через бруствер. При минометном обстреле немцы сели в траншее, тогда он соскочил и перебежал, пользуясь темнотой, в свои траншеи и попал уже к нам. До 9-го сентября за восемь дней обороны наш 1-й батальон 1248-го с. п. сменил три района вокруг г. Циргулин, растягивая две неполных роты на 5—6 км.

На последнем участке обороны простояли четыре дня в лесной местности на крутом берегу реки, господствующем над позициями немецкой обороны. Мне было приказано получить еще два ст. пулемета, так как в обороне станковый пулемет незаменим, и каждый командир стрелковой роты старался иметь на своем участке больше пулеметов. У каждого пулемета стало только по два — четыре человека почти бессменно. Погода становилась осенней, дождливой, частые переходы, в основном по ночам, в обороне — тоже бессонные ночи, по болотам, лесам, мокрые под дождем, грязные от траншейной глины и грязи, давно не мывшиеся в бане. Все это сказывалось на усталости каждого. 9-го сентября сдали участок обороны, вышли в тыл на 10 км и сразу приступили к учебе, к тактическим занятиям.

11-го получили для офицеров посылки, укомплектованные из трофеев: по 100 шт. сигар и по 2,5 бутылки вина. Это было как раз ко дню моего рождения 14 сентября, когда мне исполнялось 28 лет. 12-го выходим к переднему краю и сосредотачиваемся в лесу южнее ж.д., идущей к г. Валга. После рекогносцировки в ночь с 13-го на 14-е вместе со ст. лейтенантом командиром 1-й стрелковой роты Морозовым И. П. и с тремя станковыми пулеметами взвода мл. л-та Гладышева под прикрытием ночной темноты с большой осторожностью подошли к немецкой обороне на 60—80 метров, удачно расположив по канаве бойцов и пулеметы. С очень большой предосторожностью, как могли, покормили всех из принесенных термосов ужином и завтраком. Мне пришлось пригласить на ужин имеющих поблизости офицеров и отметить свой день рождения, может быть после предстоящего утром наступления больше не придется, мысленно так думал каждый про себя перед наступлением.

В 7.00 14-го сентября после 60-минутной арт. минометной хорошо пристреленной подготовки одна стрелковая 1-я рота поднялась

в атаку. Правый фланг с лесным массивом был открыт. Успешно заняли вторые траншеи противника и постепенно, уже группами, стали продвигаться вперед. К концу дня в стрелковой роте остался один стрелковый взвод, один станковый пулемет с расчетом выбыл из боя. На другой день командир роты ст. л-т Морозов Иван Петрович был ранен в руку.

[...] Из командиров рот я остался один, и командир батальона ст. л-т Шомысов по телефону через связного приказал мне принять командование оставшейся стрелковой ротой, в которой осталось 16 бойцов, действующих двумя группами по восемь человек. Ползком, перебежками под арт. минометным не смолкающим обстрелом нахожу одну группу, уже оставшуюся в составе трех человек, и командира взвода, вывожу к подножью высоты 91,4, куда вышел и соседний 1252-й стр. полк, в задачу которого входило взятие этой высоты. Расположил в готовых открытых ячейках трех человек с ручным пулеметом и, не успев наладить телефонную связь с батальоном, которую подтащили следом за мной, и отрыть укрытие — наблюдательный пункт роты, как были накрыты по всей площади плотным минометным обстрелом противника, длившемся в течение 10 минут, который по счастливой случайности для нас обошелся без потерь. Следом с высоты бегом скатывались солдаты нашего соседнего слева полка. Задержать никого не удалось, и высота вновь была захвачена немцами. Связавшись с комбатом по телефону и доложив сложившуюся обстановку, я запросил и мне вскоре на подкрепление подослали два ст. пулемета с активным и находчивым командиром взвода мл. л-м Артемьевым. К вечеру перестрелка стихла, и свободные от выставленной охраны разместились в неглубоких ячейках на сон. Утром выдержали еще 3 арт. налета противника, и последовавшие за этим атаки были отбиты.

18-го в ночь, под угрозой окружения его, противник оставил высоту и свои обороняющие рубежи. В полдень нагоняем его у пив. завода, где он нас задерживает с заранее подготовленных позиций хорошо укрытым пулеметным заслоном. Несмотря на это, нам удастся продвинуться еще на один км к опушке леса в двух км от г. Валга, где он нас задерживает «Фердинандом» — самоходным орудием. В батальоне к этому времени в одной роте осталось 10 активных штыков и два расчета станковых пулеметов по четыре человека.

В активный бой не вступаем — нечем. Ночью 19-го противник отошел, как обнаружила разведка, а на рассвете с предосторожностью, чтобы не попасть под засаду, идем на преследование.

В 8 часов утра 19-го сентября беспрепятственно по шоссеиной дороге заходим в г. Валга. Улицы пустые, жители, видимо, попрятались и закрылись по домам. Проходим через весь город одними из первых наступающих частей, в центре горят взорванные и подожженные дома. Выходим на другую окраину города и получаем приказ расквартироваться на отдых.

20-го сентября по приказу весь оставшийся личный состав солдат передаем в 1250-й стр. полк, а офицерский состав остается в резерве своего 1248-го стр. полка.

Глава III

С 22 сентября по дороге через хутора г. Вальмиера переходами по 10—15 км, через два — три дня по мере продвижения наступающего 1250-го стр. полка, остатки офицеров, человек 15, полка 1248-го шли следом на расстоянии примерно пяти км. На вынужденных остановках подыскивали для отдыха хутора с сараями, где можно было переночевать. Из строевых офицеров полка, наступающих из-под г. Пскова, в полку осталось пять человек, остальные приходили с пополнениями на всем боевом пути в основном ближе к г. Валга. На подступах к г. Риге все чаще стали переводить из резерва пешего полка в 1250-й стр. полк на место выбывающих в бою, я же оставался в резерве полка только по настоянию командира 1248-го стр. полка подполковника Омельченко.

Специально радиogramмой из штаба 119-го стр. корпуса, в составе которого была наша дивизия, я был извещен о награждении меня за успешные бои под г. Валга орденом Отечественной войны II ст. от 21.09.44 года.

13-го октября наши части, в том числе 1250-й стр. полк, заняли правобережную часть г. Риги и на другой день полностью овладели городом. Перед отступлением немцы всюду расклеивали и разбрасывали всевозможные листовки с угрозой применения нового вида оружия «Фау-2» — У-2, которое потрясет весь мир, и они возвратятся обратно в Россию.

16-го вошли на окраину г. Риги простояли три дня на квартире одного гостеприимного латыша, рабочего беконной фабрики.

18-го, переправившись через Западную Двину по взорванному жел. дор. мосту, пешком 20-го зашли в г. Темери (Кемери) — курортный городок Латвии в шести км от Финского залива, куда мы с офицерами выходили посмотреть на море. В Темери разместился штаб армии. Наступали Октябрьские праздники, хотелось отметить по русскому обычаю, тем более что мы, офицеры, были без солдат, без забот, на отдыхе, в ожидании пополнения.

8-го ноября утром в полк прибыло пополнение рядового состава, и к вечеру я уже сформировал пулеметную роту в полном составе. Два дня было предоставлено для укомплектования орудием, боеприпасами и распределению по расчетам и взводам.

В ночь с 10-го на 11-е совершаем переход южнее Темери в район лесничества Менгали. Полк был укомплектован полным составом. В лесу построили временные шалаши, но спустя два — три дня наступившие холода заставили зарыться в землю, построить землянки, в которых соорудили из пустых бочек печи, а из консервных банок — трубы. С первых же дней приступили к боевой подготовке. Первые три недели мне пришлось одному готовить роту из трех взводов, так как еще не было ни одного командира взвода, лейтенант Самойленко был взят вновь прибывшим командиром полка подполковником Карлашенко себе в адъютанты. Командир полка подполковник Омельченко выбыл в госпиталь по болезни. В первых числах декабря ко мне в роту перевели из стрелковой роты на должность командира взвода мл. л-та Тябут. Позднее на должность ком-ра взвода прибыл мл. л-т Бурцевский, который проявил себя грамотным, добросовестным и знающим свое дело командиром. Занимались усиленно, вставая в 6.00 утра, и после завтрака в любую погоду выходили на ротные и батальонные тактические занятия с переходами до 20 км, возвращались к 18—19-ти часам. После ужина, вместо того чтобы уделить время своим бойцам, ежедневно до поздней ночи командиры рот были у комбата ст. л-та Шомысова на разборе прошедших занятий. К 12-му декабря полк был готов к наступательным боям, и со дня на день ожидали приказа на это. Но в связи с сильными дождями по размытым дорогам

к переднему краю было очень трудно перебросить технику, и это было отложено на неопределенное время.

22-го декабря после марша к трем часам ночи дивизия вышла к переднему краю, а 1248-й с. п. сосредоточился на четыре км южнее Мыза Джукста. Ночь была лунная морозная, земля успела промерзнуть до 0,5 метра, пришлось с большой осторожностью, не создавая шума, каждому бойцу до наступления за ночь с помощью кирок и лопаток отрыть себе ячейку для укрытия в полный рост. Расположились в несколько эшелонов, наступление готовилось в масштабе армии. Впереди нас была расположена штрафная рота, за ней в 50-ти метрах 1-й батальон. Правый фланг нашего полка и нашего 1-го батальона был открыт, т. е. никаких частей для наступления не было. Необходимо отметить, что в большинстве проводимых наступательных операций наш 1-й батальон всегда оставался незащищенным с правого фланга. Поэтому на правый фланг я расположил взвод Тябута с двумя ст. пулеметами. В течение длинной декабрьской ночи успели весь личный состав два раза покормить и выдать положенные по 50 г спирта. Остаток ночи провели в полуразрушенном, без крыши каменном сарае.

В 10.00 23-го декабря началась арт. минометная пристрелка, длившаяся в течение полутора часов, после этого в течение 50 минут была произведена мощная арт. минометная обработка немецких оборонительных позиций. Все дружной цепью поднялись в атаку и, не встретив сильного сопротивления, с боем за два часа продвинулись до четырех км. Перед хутором Римейкас наступающая рота была несколько задержана слабым огнем из автоматов. Подтянув отставший станковый пулемет, под его прикрытием пехота одного взвода захватила хутор. Справа, у другого хутора, занятого немцами, в 500 метрах я увидел, как немцы подогнали лошадей и стали впрягать их к орудию примерно калибра 150 мм, впереди меня метрах в 20 среди поля стоял станковый пулемет, развернутый в нашу сторону, я быстро перебежал к нему и увидел одного командира расчета сержанта Романенко с простреленными пальцами, остальные из расчета все выбыли. Тогда я развернул пулемет, заправил ленту и полностью выпустил по орудию и немцам, пытавшимся увезти его. Одновременно обстреляло наше подоспевшее 45-мм орудие, и немцы бросили пушку. Оставив сержанта Романенко у пулемета

в ожидании оказания помощи и замены, я перебежал в занятый хутор. Там наших было человек 30. Захват хутора Римейкас был осуществлен с помощью подошедших слева двух наших танков. На хуторе захватили три взорванных и целых тяжелых орудия немцев, восемь человек пленных, несколько лошадей и другие трофеи. После 10-минутной передышки и сбора отставших в наступлении мы с командиром стрелковой роты поставили задачу на дальнейшее наступление. Противник, заметив с правого, не защищенного фланга наше скопление, начал из одного орудия обстрел прямой наводкой. Быстро укрывшись, стоя за кирпичной колонной сарая, при третьем разрыве снаряда примерно в 10 метрах, я почувствовал удар в правое плечо, поняв, что ранен я быстро упал в неглубокую канаву, там же был еще один мл. л-т из стр. роты, после очередного разрыва снаряда недалеко от нас, броском выбегаем из зоны обстрела. Укрывались в немецкой землянке, где было несколько человек и наша санинструктор, которая мне сделала перевязку и направила в санроту. Время было 14.30 23-го декабря. По пути в санроту недалеко от хутора Римейкас неожиданно наши самолеты пробомбили уже пройденные нами рубежи. В санроте меня, как ветерана полка, встретили хорошо, сделав укол, дав 100 граммов водки и горячего чая. Из санроты к вечеру имеющихся раненых на автомашине перевезли в дивизионной медсанбат, где мне сделали операцию с удалением осколка. Утром 24-го я был отправлен в 222-й ППГ, где в тот же день неожиданно был приглашен на беседу командиром дивизии гв. генерал-майором Н. А. Поляковым, который в это время был по болезни в госпитале. Беседа была откровенной, которую он и хотел услышать от меня, пришедшего с поля боя офицера. Я ему рассказал об успехах, об отличившихся в бою солдатах и офицерах и о недостатках в управлении и действиях командира батальона ст. л-та Шомысова, чрезмерно принявшего спиртного. 25-го я был отправлен в г. Ригу в 1369-й ЭГ, где и пришлось встретить новый 1945 год, год предстоящей победы. В это время я уже был в звании ст. лейтенанта, (когда присвоили, не помню). 4-го января меня вместе с ст. л-том — танкистом Николаем Виноградовым перевели в госпиталь легкораненых № 3530, находившийся на другой улице г. Риги. В этом госпитале все были в своем обмундировании, по вечерам ходили в госпитальный клуб на киносеансы и танцы. Рига

в это время жила своей столичной жизнью, на рынке, в магазинах можно было по очень дорогой цене купить почти все, что угодно. 4-го февраля вечером я был выписан из госпиталя и 5-го на попутных машинах, минуя штаб армии, возвращался в свою 376-ю стр. дивизию, штаб которой в это время располагался в лесу под мызой Румба. На повороте дороги случайно встретился с легковой машиной, в которой ехал гв. генерал-майор Н. А. Поляков. Увидев меня, он остановил машину и вышел, улыбаясь, встретить меня. Я, конечно, был удивлен таким вниманием и представился ему как добровольно возвращающийся в его дивизию после госпитального излечения, минуя отдел кадров штаба армии. Командир дивизии был очень доволен, когда кто-нибудь, тем более офицеры, возвращались в свою дивизию. В это время дивизия вела бои.

До 17-го февраля я пробыл при штабе дивизии с привлечением к работе в помощь к работникам строевой части. 18-го, получив назначение в свой 1248-й стр. полк на прежнюю должность командиром пулеметной роты, захватив с собой прибывшего тоже из госпиталя своего бывшего командира расчета ст. сержанта Романенко, мы направились в штаб полка. Полк в это время двумя батальонами с половинным составом, после наступательных боев 15-го, второй день стоял в обороне. Около землянки командира полка подполковника Карлашенко лежало трое убитых, один из них был командир пулеметной роты первого батальона. Командиров пулеметных взводов тоже никого не было, и остатки пулеметной роты к моему приходу были расформированы. Командир полка, извещенный по телефону о моем возвращении, при моем появлении с докладом о прибытии в его распоряжение, встретил очень приветливо. После коротких расспросов о моем здоровье, приказал в ночь получить станковый пулемет и выставить в обороне 1-го батальона, дав мне еще два бойца для формирования роты. В землянке штаба батальона меня с радостными приветствиями встретили старые друзья-однополчане, зам. ком-ра батальона л-т Николаев, который временно замещал заболевшего нового комбата майора Попова, сразу по случаю встречи с помощью ординарцев был организован торжественный ужин. Это была настоящая искренняя фронтовая дружественная встреча ветеранов полка и батальона. Через 15—20 минут полковые разведчики в землянку штаба батальона прита-

щили пленного немецкого «языка», изрядно израненного при захвате, с которого был снят маскхалат и передан мне для переходов по переднему краю, не везде имеющему траншеи. Имея уже трех человек с командиром расчета, ночью был получен в боепитании станковый пулемет и к утру был пристрелян на огневой позиции батальона. В батальоне уже была одна стр. рота из восьми человек, в том числе телефонистов, и взвода 45-мм пушек, которые держали оборону на большом участке. Еще хорошо оборонительные позиции поддерживали «Катюши», стоявшие на прямой наводке. При малейшем оживлении на стороне противника, немедленный залп «Катюш» успокаивал их.

Через четыре дня в пулеметной роте стало уже четыре ст. пулемета и 18 человек личного состава, прибывающих одиночек на пополнение, но обученных пулеметчиков не было и приходилось прямо на огневых позициях обучать материальной части и действиям станкового пулемета. В помощь был дан еще один командир взвода. Случайно, также из госпиталя, мой бывший связной Навритюк, с которым мы по ночам ходили, проверяли службу в обороне пулеметных расчетов. По составу рота была, конечно, не такая, как в декабрьское наступление.

25-го февраля батальон в обороне передвигают вправо км на пять, левее мызы Румбу, более удобный район в обороне, чем предыдущий, с готовыми землянками и лучше оборудованными траншеями. Противник на этом участке был активней и часто обстреливал из артиллерии. Единственного командира взвода отозвали на учебу, и я из офицеров остался один. Полночи вместе со связным Навритюком при лунном свете ходим по отдельным оборонительным гарнизонам, далеко удаленным друг от друга из-за недостатка бойцов, так что была возможность и вероятность проникновения разведгрупп противника. Поэтому всегда ходили с автоматами на боевом взводе и готовыми к бою гранатами. В это время мне удалось на каждый пулеметный расчет подобрать и подготовить опытных командиров-пулеметчиков, которые старались обучить своих подчиненных для самостоятельного ведения боя. Я же разместился в землянке в боевых порядках б-на с Навритюком вдвоем, который поддерживал постоянно огонек в печке и временами вычерпывал котелком или каской постоянно накапливающуюся воду. Остальное время,

чтобы скоротать ночные часы, выходили, стреляли из карабинов или просто читали газеты, лишь только днем могли поспать.

С 4-го на 5-е марта сдали участок обороны и вышли в тыл на восемь км в резерв корпуса всем полком. 6-го приступили к регулярным занятиям по боевой подготовке. Прислали в роту ранее бывшего у меня командиром взвода мл. л-та Гладышева. Командир батальона майор Попов был грамотным, требовательным и авторитетным офицером. Вскоре стали заниматься подготовкой к предстоящему параду по случаю годовщины дивизии. 9-го марта с утра полк был выведен в район медсанбата, где под духовой оркестр промаршировали весь день и по возвращению очень устали. Но долго отдохнуть не пришлось, к 10 часам вечера батальон подняли по тревоге и вывели в ранее занимаемый район обороны, якобы для усиления. Вся ночь ушла на расстановку пулеметов по обороне, а в 6 часов утра неожиданно сняли с рубежа обороны и вызвали в тыл на прежнее место. В 11.00 без отдыха были выведены на парад, потребовав от всего личного состава идеальной заправки и выправки, после бессонной ночи и ночных переходов с тяжелой материальной частью ст. пулеметов и полным боевым комплектом патронов к ним. В районе медсанбата, потренировавшись под духовой оркестр на все процедуры парада, в 16:00 встречаем командующего 1-й ударной армии. Принимаем дивизионное знамя, торжественно проходим мимо трибуны и расходимся по местам своего расположения. Меня и капитана Юрасова — командира минометной роты, как ветеранов полка оставляют на офицерский банкет. Обед продлился часа полтора с поднятием тостов генералами, после этого мы с Юрасовым, где пешком, где на лошадях, присланных за нами, добрались до своих подразделений.

11-го марта днем выходим на рекогносцировку с комбатом на передний край для занятия обороны. Облазив весь участок обороны батальоном, под вечер я уснул на одном из хуторов, занятом штабом обороняющейся части. В 12 часов ночи меня разбудили, сообщив, что выход в оборону отменили, и нам всем пришлось возвращаться на место расположения рот. Ночью мы сбились с дороги и, проплутав лишних км 10, к трем часам ночи добрались до своих землянок. На следующий день с утра учеба. 14-го внезапно батальон возвращают с учебы, как можно скоро собираемся и в ночь

выходим в тот район, где проводили рекогносцировку. Батальон занял оборону по фронту два км пятью отдельными гарнизонами из 10-ти бойцов с одним станковым и одним ручным пулеметами. Местность была лесистая, впереди были расставлены мины натяжного действия и, несмотря на это, в прошлую ночь на этом участке у предыдущей обороняющейся части немцами был уничтожен гарнизон и увезены 45-мм пушка и ст. пулемет, поэтому всю ночь без смены все бдительно стояли на своих постах, периодически прочесывая лес из пулеметов.

19 и 20 марта к нам в оборону приходили «гости» на рекогносцировку для наступления, под большим секретом, но нам было ясно. 21-го нас ночью сменяют гвардейцы, и батальон передвигается на самый правый фланг обороняемого участка с задачей общего наступления в армейском масштабе. Правый фланг у нас вновь остается открытым. На рассвете с небольшой арт. подготовкой в 10.00 из р-на хутора Степеша пошли одной ротой ст. л-та Лядова в атаку, справа наткнулись на минное поле и под пулеметным огнем противника залегли, левее метров 300 группа солдат прорвалась на хутор Степеша и подавила пулеметную точку, тогда соседи слева 1250-го с. п. успешно пошли вперед. Переведя всю стр. роту влево и перейдя через противопехотные мины, расставленные в четыре ряда еще зимой, а теперь вытаявшие из-под снега, с большой осторожностью наступая между минами, перенеся все пять станковых пулеметов на плечах, вышли вперед на 500 м к опушке леса. При переходе через минное поле, несмотря на осторожность, подорвались два солдата, один из них — мой лучший командир расчета, наступивший на хворост, лежащий через канаву. На поляне у леса много лежало трупов наших бойцов в валенках и полушубках, видимо, погибших в зимних наступлениях какой-то части. Дальше, не встречая активного сопротивления, пересекли лесной массив и вышли на опушку к хутору Мутикас, откуда строчил немецкий пулемет. Временно задержались, докладывая по радиации обстановку командиру полка, и принимаем вместе с командиром роты Лядовым решение просочиться группами слева к хутору. В это время левее метров 500 соседний 1250-й полк, успевший подтащить за собой пушки, дружно пошел в атаку. Мы группами, перебежками зашли внезапно на хутор, где захватили врасплох пулеметчиков

с ручным пулеметом немцев. Видимо, при малочисленности немцы оставляли заслоны с ручными пулеметами. Время подходило к вечеру, и мы с командиром роты Лядовым решили переночевать на этом хуторе в добротных немецких землянках, но получили приказ на продвижение дальше. Пройдя еще один км, мы вышли на опушку леса, справа к нам примкнул второй батальон нашего полка, в это время сосед слева — 1250-й стр. полк готовился через 10 минут к наступлению в направлении отдельно стоящего хутора с сараем на поляне в 300 метрах. Под короткую арт. подготовку мы примкнули к соседнему полку и пошли через болотистый участок с заходом через березовую молодую рощу справа. Лядов остался сзади, я вместе с пулеметчиками и пулеметами на плечах побежал вперед. Недалеко справа от меня раздался взрыв. Инстинктивно оглянулся. Я увидел офицера, взмахнувшего руками с окровавленной маской вместо лица, бегу к роще, кругом в разном направлении свистят пули. Забежав на болоте в какую-то дощатую немецкую будку, передохнув вместе со связным Навритюком, стали выходить по направлению к хутору, на опушке леса встретили раненого пулеметчика одного, я велел Навритюку взять с собой тело пулемета без катков. Перебегая через открытую поляну к следующим отдельно стоящим деревьям, по нам справа метров со 100—150-ти хлестнула пулеметная очередь с трассирующими пулями, по которым, оглянувшись, метров в 10-ти за мной я увидел, как они прошивают бегущего Навритюка. Добежав метров 30 до отдельно стоящих деревьев, где был небольшой окопчик, почти полностью заполненный водой, упав в окопчик и укрывшись за бруствером, велю стонущему Навритюку ползти, перекатываться к укрытию, но заплечный вещмешок не давал возможности перекатываться. Спустя некоторое время он замолчал. Достать его на виду у пулеметчика не представлялась возможность. Через некоторое время я броском преодолел метров 150 и забежал в сарай кирпичный, где скопилось наших человек 50 с тремя станковыми пулеметами нашей роты. Послав трех человек за Навритюком и не успев проверить и выставить пулеметы на круговую оборону, как в стену сарая ударил первый снаряд из пушки прямой наводки немцев, за ним последовал второй, тогда все бросились врассыпную в рядом отрытые небольшие окопчики. Места больше не было, и мы вместе с командиром взвода стр. роты

побежали к отдельно стоящим деревьям. Противник, видимо, видя перебегающих офицеров, повернул пушку на нас, пропустив два — три снаряда мимо, мы упали на землю. Когда обстрел был перенесен опять по хутору и сараю, мы перебежали к тому окопчику у трех деревьев. Неподалеку за укрытием стонал вытащенный тяжело-раненый Навритюк. Минут через 30, когда начало темнеть, подполз командир батальона майор Попов. Оценив обстановку, комбат приказал отойти всем на опушку леса, так как сарай и хутор были в задаче по захвату у 1250-го стр. полка. Под прикрытием темноты все в полный рост вышли к лесу. На ночь, найдя одну землянку, я оставшихся три пулеметных расчета расположил на отдых и просушку, выставив при этом боевое охранение. У землянки, в которой расположился к-р батальона, меня встретил старшина роты с ужином и водкой. Дав Навритюку 200 граммов водки, отправили его на носилках и далее на лошадях в санроту. По пути он скончался. Накормив пулеметчиков, я лег спать в хорошо натопленной землянке вместе с комбатом. Наутро появился командир полка, и, в срочном порядке подняв всех, через 15 минут без арт. подготовки пошли в наступление. Почти беспрепятственно преодолев мелкий густой молодой лес метров 150, вышли на опушку напротив жел. дорожного полотна, за которым сидели немцы, сразу же наше появление встретили плотным пулеметным огнем из трех пулеметов. Залегли, сколько могли, окопались. Скоро рядом со мной у телефона был ранен осколком снаряда командир стрелковой роты Лядов. Через 20 минут по телефону принимаю распоряжение командира батальона принять командование оставшимися бойцами, а их всего осталось восемь человек активных штыков и три ст. пулемета с неполными расчетами. По приказу командира батальона совместно с остатками 2-го батальона поднялись еще в атаку, потеряв при этом еще четыре человека. Больше поднимать в атаку было некого и бесполезно. Ночью были отведены назад за лес, где два батальона слили в один первый батальон. Моя рота пополнилась до семи полных пулеметных расчетов.

Утром выходим левее рощи в готовые траншеи для очередного наступления. Минут за пять до начала арт. подготовки высланная вперед разведка доложила, что противник ушел. Преследуя отходящего противника, прошли три км по шоссейной дороге, густо зами-

нированной противником. У развилки дорог, не доходя до школы, мы неожиданно были обстреляны арт. минометным и пулеметным огнем. Перебежками и ползком идем на сближение. В 16.00 идем в атаку, но сильным пулеметным огнем были задержаны, потерь почти не было. Один из командиров стрелкового взвода, прорвавшись в расположение немцев с двумя солдатами, ракетными сигналами вызывает огонь на себя, но артиллерия полка не была подготовленной, и они вынуждены были отойти обратно, забрасываемые гранатами немцами. Ночью занимаем траншеи у самой школы, но к утру были выведены в резерв дивизии. Расположившись недалеко от переднего края в лесу, от неожиданного арт. налета самоходной артиллерии несем потери. Из моей роты выбыло по ранению пять пулеметчиков. Сдаю три пулемета и оставляю четыре полных расчета. Днем под прикрытием складок местности выходим на передний край к хутору, впереди на другом хуторе за 1200 м немцы. На виду группами переходят. Установив пулемет на столе в окно в хуторе, обстреливаю трассирующим пулями группы немцев, которые вынуждены были прекратить передвижение и залечь в траншеях. Ночью обходным маневром в 10—12 км выходим к хутору Пепуляс в направлении деревни Яунпилс. Утром 25-го марта совместно с командиром полка производим рекогносцировку. Днем поодиночке на виду у противника без потерь выводим роты. В роте из офицеров один командир взвода, вторым командиром взвода назначаю старшину Макурина. При выборе слева выгодной позиции для пулеметов для обеспечения атаки, Макурин был тяжело ранен из пулемета противником, заметившим нас на открытом бугре. В 14.00 после арт. подготовки, поддержанной зенитной артиллерией, выдвинутой на прямую наводку, батальон поднялся в атаку. Преодолев открытое место метров 400, овладели лесом, но закрепиться не имели возможности из-за больших потерь убитыми и ранеными. Два пулеметных расчета, выдвинувшихся за наступающей пехотой, вынуждены были окапываться, один из них под крылом сбитого самолета, куда я добрался по канаве ползком вдоль дороги. Навстречу мне стали выползать по воде, кто мог, раненые. Неосторожно поднимающиеся из канавы сразу были убиты снайпером. Приказав пулемет убрать от хорошего ориентира-самолета, я также ползком по канаве возвратился на хутор, где уже разместился НП полка.

Оставшийся один командир стрелковой роты капитан Воронин был тяжело ранен в глаз. Я с предчувствием ожидал приказа принять командование оставшимися стрелками и пулеметчиками полка. К вечеру до выяснения потерь, находясь во дворе хутора, при неожиданном обстреле скорострельной пушкой по хутору я был ранен осколком в икру левой ноги, в 17:30 25-го марта. Сделав перевязку и передав роту командиру взвода, я с пустыми зарядными ящиками на лошадях галопом проскочил простреливаемую поляну и потом добрался до сан. роты. Далее на лошадях был доставлен в медсанбат, где уже ночью мне извлекли осколок и эвакуировали в 118-й эвакогоспиталь. 27-го на машинах перевезли в ГЛР № 2350, который был расположен в ранее знакомом мне районе хутора Мингали. 21-го апреля переводят в ГЛР № 3037, в котором я был на излечении в Риге.

26-го по сообщению о награде я дошел недалеко до мызы Яунпилс, где был штаб армии и получил орден Отечественной войны II степени. Первое мая встретили в госпитале, который располагался в лесу в утепленных палатках.

В 4 часа утра 8-го мая мы были разбужены криками о Победе. Выбегали все, кто мог, и весь медперсонал. Торжество было неопишуемым, все осознали, что остались живыми и смогут возвратиться домой, к своим семьям.

Через несколько дней мимо госпиталя по дороге проследовали конвоируемые капитулированные немцы во главе со своим командованием.

Из госпиталя в распоряжение своего 1248-го стр. полка, который находился в г. Сабиле, я возвратился 2-го июня. По пути в полк зашел в штаб армии, где мне вручили орден Отечественной войны I ст. и присвоили звание «гв. капитан».

Из Латвии в ноябре месяце жел. дор. эшелоном 376-я с. д. передислоцировалась в г. Пензу, а 1248-й с. п. — в Каменку ст. Лермонтово. Был демобилизован в июле 1946 года.

ГКУ ГАК, ф. Р-1483, оп. 1, д. 19, л. 6—22. Подлинник. Машинопись.

**№ 32. *Из воспоминаний Фельдмана Самуила
Исааковича, бывшего командира батальона
1250-го стрелкового полка. [1981—1982 гг.].***

Не все шло гладко

После освобождения г. Пскова 23 июля 1944 г. 2-й батальон в составе 1250-го с. п. преследовал отступающего противника, освобождая на своем пути много населенных пунктов.

После освобождения г. Изборска 28 июля по приказу командира 376-й с. д. генерал-майора Полянова Н. А. и командующего армией генерал-лейтенанта Романовского 2-й стрелковый батальон 1250-го с. п., усиленный саперами, артиллерией и минометами, во взаимодействии с артиллерийским полком дивизии и артиллерийскими частями армии, начал готовиться к преследованию противника на автомашинах. По данным разведки, противник оставил г. Петсери (г. Печоры) и движется на запад.

Усиленному батальону была поставлена задача: обойдя город Печоры справа, захватить его и удержать до подхода остальных подразделений полка.

Прежде чем описать ход неудавшейся операции по захвату г. Печоры, хочется немного остановиться на боевом духе солдат и офицеров, которые готовились к выполнению этой операции.

В конце февраля 1944 г. 376-я с. д. преследовала с боями противника. У линии обороны противника «Пантера», расположенной на Ваулинских высотах на подступах к г. Пскову, дивизия была остановлена противником. После короткого отдыха и пополнения в деревнях, подожженных отступающими немцами и дотла сгоревших, батальоном в начале марта была сделана попытка прорвать оборону противника и захватить деревню Гора, которая господствовала (отм. 70,1) над участком обороны немцев. После этого боя батальон вышел обескровленным. В ротах осталось от пяти до десяти человек. Левее батальона в этом бою действовала 125-я штрафная рота. После боя оставшиеся в живых 33 бойца штрафной роты, как искупивших свою вину, были переданы на пополнение 2-му стрелковому батальону, и к концу марта батальон занял оборону напротив деревни Гора. Из боевых позиций батальона все время велись

бои с целью отвлечения сил противника от других участков фронта, изматывания его и определения слабого места в его обороне.

Хочется вспомнить связного комбата бывшего штрафника Ивана Чистякова, сибиряка, отчаянного и смекалистого бойца, который во время боев обеспечивал постоянную связь комбата со своими подразделениями. В апреле 1944 года шесть бойцов из бывших штрафников дезертировали в тыл на попутных машинах, которые подвозили боеприпасы и другое снаряжение передовым частям. По данным особого отдела, они все были задержаны в Ленинграде. [...]

Начальника штаба и старшего адъютанта в батальоне не было, не хватало офицерского состава, все эти обязанности легли на комбата и его заместителя по политчасти.

Оборона имеет свои особенности и свои неприятности (в обороне под деревней Гора стояли с апреля по 20 июля).

Кроме внимательного и постоянного наблюдения за противником, в обязанности командира входят: смена постов наблюдения, организация досуга бойцов, бесед, политзанятий, совершенствование бойцовских качеств и отражений всех вылазок противника. Имеются много разных ЧП, которые не всегда можно предвидеть. Были отдельные несчастные случаи при небрежном обращении с оружием во время чистки его, несмотря на постоянные напоминания об этом во всех беседах. Помню два случая в июне месяце: во время чистки винтовок в пятой роте были ранены два бойца: один в живот, другой — в руку.

В июне 1944 года в виде поощрения связной Иван Чистяков (бывший водитель автомашины) сел за руль автомашины, на которой доставляли боеприпасы. Место связного занял боец Грибов (имя и отчество не помню), сибиряк пятидесяти лет, достойно заменивший Ивана Чистякова. Хочется отметить постоянную заботу и помощь батальону со стороны командира полка полковника Глушкова А. И., ныне проживающего в городе Россошь, покойного начальника штаба полка Кривенко А. И. и особенно парторга полка капитана Шафировского Е. М., который почти все время находился в боях с батальоном, человека душевного, с которым меня связывает настоящая военная и человеческая дружба. 22 июля, после того как саперы разминировали и взорвали проволочное заграждение в обороне противника, второй батальон начал его преследование.

Отдав приказ замполиту старшему лейтенанту Кидеру И. Ш. (ныне проживающему в г. Новая Каховка) снять тылы батальона и двигаться за батальоном в направлении города Пскова, подвода, в которой был связной, подорвалась на mine, и Грибов погиб. Эта гибель храброго и всеми уважаемого бойца еще больше озлобила бойцов батальона, и они рвались в бой, чтобы отомстить за всех погибших, за злодеяния фашистов и быстрее освободить нашу землю от ненавистных врагов.

[...] Во время подготовки к операции по захвату города Печоры на автомашинах замполит собрал партторгов и комсorghов рот, которые провели потом соответствующие беседы со всеми коммунистами и комсомольцами.

Бойцы и офицеры батальона были уже не те добровольцы, которые начали войну. Они были обстреляны, участвовали во многих боях от Ленинграда до Пскова, участвовали в форсировании такого важного рубежа как река Великая под обстрелом противника.

Я до сих пор не перестаю восхищаться находчивостью бойцов, командиров отделений, командиров взводов и рот, с какой смелостью, смекалкой и быстротой было собрано все, что могло быть использовано как плав. средства, сколочены самодельные средства для переправы и спущены на берег. Форсирование реки Великой было назначено на рассвете 23 июля. Всю ночь готовили плав. средства и доставляли к берегу, крутому, в некоторых местах почти отвесному. Все делалось быстро, как будто это учения, а не переправа под обстрелом противника. При форсировании реки Великой особо отличились минометная рота капитана Файзулина И. Ф., ныне проживающего в Илишевском районе БАССР, 6-я стрелковая рота старшего лейтенанта Булатова. Жаль, что фамилии остальных участников переправы не остались в памяти. [...]

29 июля в 5 утра батальон со всеми приданными ему подразделениями погрузился на 26 автомашин, и колонна двинулась по дороге Изборск — Печоры. В этой колонне со своими саперами двигались Поздеев П. И. и капитан Файзулин И. Ф., командир минометной роты со своими минометчиками. Не доезжая нескольких километров до города Печора, колонна была обстреляна сильным артминпулеметным огнем. Водитель первой машины был убит. Машина с простреленными покрышками развернулась поперек

дороги и закрыла проезд остальным машинам. Операция была сорвана. После команды «в укрытие» и организации круговой обороны (фактически батальон вел бой в глубине обороны противника) занялись эвакуацией батальона по кюветам вдоль дороги. Были также эвакуированы раненые и убитые. При оказании медицинской помощи раненым и эвакуации их санвзвод батальона во главе со старшим лейтенантом медицинской службы Фарфелем Я. М. показал мужество, героизм, отвагу. Осталась на дороге только одна подбитая машина, все остальные вернулись в Изборск. Вот строки из письма Файзулина И. Ф. от 30 января 1981 года: «Пишет Вам командир минометной роты Вашего батальона 1250 с. п., 376 с. д. капитан Файзулин Илья Федорович, быть может, не забыли, как мы с Вами воевали. Помните, как нас Николай Антонович Полянов (комдив) «заставил» прорвать оборону немцев на полуторках и завязать бой в глубине обороны немцев. Ведь чудом спаслись и остались живыми».

После этой неудавшейся операции батальону было приказано занять новые позиции для прорыва обороны противника в другом месте, левее этой дороги.

Первого августа, во время боев за освобождение города Печоры, я был ранен в голову осколком мины. Видимо, потерял сознание на короткое время, когда пришел в себя, первым, кого я увидел, был старший лейтенант Фарфель, который уже оказывал мне медицинскую помощь.

Необходимо отметить, что во время войны чудеса делала наша военная медицина, которая сотни тысяч бойцов и офицеров вернула в строй. Я своим выздоровлением от последнего ранения в голову [...] целиком обязан старшему лейтенанту медицинской службы Фарфелю, врачу медсанчасти полка Михаилу (фамилию не помню), врачам медсанбата и особенно хирургу, капитану медицинской службы Мартыновой и консультанту майору медицинской службы Глинскому 94-го полевого хирургического госпиталя, которые второго августа сделали мне трепанацию черепа. Также хочу поблагодарить врачей, сестер, нянечек специального черепного госпиталя в городе Порхове, куда меня доставили из 94-го ПХГ, врачей, сестер и нянечек Ленинградского № 1171. [...]

ГКУ ГАК, ф. Р-1483, оп. 1, д. 20, л. 1—5. Подлинник. Машинопись.

**№ 33. Из воспоминаний Черевой Раисы Ивановны,
медсестры 309-го медсанбата. [1994—1995 гг.].**

[. . .] Мне было 17 лет, когда началась война. Я пошла в военкомат с заявлением, чтобы меня взяли на фронт.

В военкомате мне сказали, что у меня нет военной специальности и чтобы я подросла (признаться, маленький рост и вес 42 кг доставляли мне много огорчений).

Рост по моему желанию измениться не мог, но военная специальность будет, в этом была уверена.

В июле м-це 1941 г. у нас организовали 6-месячные курсы медсестер без отрыва от производства.

Начали заниматься 150 девушек, но не было помещения. Где мы только ни занимались: в курилке Дома культуры, в коридоре техникума, в подвальном помещении школы № 19¹, даже на квартирах занимались.

В это время арестовали врачей как «врагов» народа: терапевта Байкова и хирурга Кузнецова. Мы остались без врачей и без помещения. С трудом удалось добиться постоянную маленькую-маленькую комнату, и дали нам врача Софью Савельевну Шадхан (эвакуированную из Москвы). После всех мытарств нас осталось из трех групп 20 человек. Работали по 12 часов на заводе, кроме того, каждый день по четыре часа занятий с 8 ч. вечера до 12 ч. ночи; дежурство или практика в госпитале. Так были заполнены сутки, что иногда и часа не оставалось для отдыха.

27 января 1942 г. закончили курсы медсестер 20 человек.

1. Багданова Тася — с завода, была в 845-м с. п., погибла под Воронежем.

2. Миловидова Соня — с завода, была в 845-м с. п.

3. Шувалова Люба — с завода — 309-й МСБ.

4. Черева Рая — с завода — 309-й МСБ.

5. Лапатина Гутя — студен. — 309-й МСБ.

6. Покровская Галя — студен. — 309-й МСБ.

7. Колофидина Аня — учитель, 845-й с. п., погибла под Воронежем.

8. Машканцева Лида — учитель, 845-й с. п., тяжело ранена под Воронежем.

¹ Вписано над строкой.

9. Кузнецова Аня — 845-й с. п., ранена под Воронежем.

10. Намоконова Физа — 845-й с. п., выбыла по болезни из-под Воронежа.

11. Тихтовникова Клава — 309-й МСБ.

12. Рая Лизети — 309-й МСБ, погибла под Харьковом.

13. Лебедева Нина — 309-й МСБ.

14. Говорухина Аня не была на фронте.

15. Исаева Антонина Иван. не была на фронте.

16. Трусова Зина не была на фронте.

17. Кузовлева Лина не была на фронте.

Еще одна девушка была в 845-м с. п., ранило ее под Воронежем в ногу, фамилию не помню, а вторая тоже из 845-го с. п., по болезни демобилизовали перед отправкой на фронт, а одну (она работала в госпитале) не могу припомнить. Из 20 человек, что закончили курсы медсестер, 14 были на фронте. После окончания курсов пошла в военкомат, опять не берут, говорят, не можем брать рабочих вашего завода — бронь.

25 марта 1942 г. я работала с 8 ч. утра до 8 ч. вечера, прямо с работы всей сменой пошли в наш Дом культуры смотреть «Коварство и любовь» — театр.

Только захожу в вестибюль, меня встречает моя сестра и говорит: «Тебе записка, просит зайти сегодня же руководитель кружка медсестер Ардский». Я сразу побежала, прихожу, он говорит: «Если хочешь на фронт, иди в райком комсомола. Только сейчас, а то будет поздно».

Я знала, что много наших девушек пришли в театр. Прежде чем идти в райком, побежала в театр. Первую встретила Машканцеву Лиду и по цепочке оповестили всех девушек из нашей группы, а потом — в райком. В 12 часов ночи на открытой машине нас повезли в город на врачебную комиссию. Домой возвращались поздно ночью, были довольны тем, что нас признали годными к военной службе. Всю дорогу пели песни: «Если ранило друга, перевяжет подруга», «Дан приказ ему на запад».

Рано утром первым поездом поехали в горвоенкомат.

Девушек в военкомате собралось много, кого брали — радовались, кого не брали — плакали, требовали, умоляли, бегали из кабинета в кабинет, добивались, чтобы их взяли на фронт, всем нам казалось,

что без нас не справятся, не победят. В нашей группе была Рая Лизета, Рая — это фамилия, кто была по национальности — не знаю, ее не брали, но к концу дня она добилась того, что ее взяли. Покровская Галя и Лапатина Гутя учились в техникуме. Их тоже не брали, они доказывали, что учиться будут после войны, а сейчас их должны взять на фронт.

Уже вечером нас построили и повели в штаб 303-й с. д. В штабе комиссар дивизии Федоров Ф. К. рассказал нам, что такое фронт и чем все может кончиться, что на фронте девушки тоже погибают и остаются инвалидами, придется спать на снегу, под дождем, быть голодной. «А вы насмотрелись кино, — (в это время шли кинофильмы «Подруги», «Фронтовые подружки»), — а хорошо не подумали, идите домой в вашем распоряжении ночь, хорошо подумайте, кто не передумает, приходите завтра».

С первых дней войны я только думала, как попасть на фронт? Но до этого не задумывалась, что меня ожидает, думала буду перевязывать и выносить раненых, и — всё.

В эту ночь я не спала. Перед глазами всплывали одна за другой картины, то я убита или без рук, без ног. Утром встала с твердым решением, ехать на фронт.

*Черева Раиса Ивановна.
ГКУ ГАК, ф. П-483, оп. 1, д. 415, л. 19.*

В это утро, т. е. 27 марта 1942 г., мы опять собрались в военкомате. Из нашей группы пришли все девушки. В военкомате нас построили и повели в штаб дивизии. Нас встретил майор мед. службы Марков — ком. 309-го МСБ и капитан мед. службы Попова Валентина Ивановна. Стали делить нас на две группы. Назовут по фамилии, посмотрят, говорят в какую сторону отойти. В одну сторону отходили высокие. Я тоже попала к высоким /уже в г. Буй на занятиях майор Марков спрашивает меня, как я попала в МСБ. Говорит: «Я отбирал высоких». Дело в том, что я была в ботах с туфлями на высоком каблуке, в лыжном костюме и в фуфайке, и прошла за высокую и здоровую/.

Нас разделили на две группы и всех повели в химзаводскую баню: помылись, прожарили одежду. После бани нас повели в разные стороны. Нашу группу привели в Рудничный район и опять в баню, опять помылись и прожарили одежду. Здесь, в бане, ст. лейт Фролов выдал обмундирование. Мой «высокий» рост не подходил под это обмундирование: гимнастерка до колен, рукава пришлось заворачивать, брюки, если надеть нормально, как носят, то мотня ниже колен. Мама мне дала веревочку /оторвала от фартука завязку, все наши матери ходили за нами целый день/, завязкой я брюки подвязала подмышками, а брючным ремнем на положенном месте, и еще их хватило завернуть на пальчики ног; свех брюк навернула портянки, обмотки накрутила прямо с пальцев, и все свободно вместились в ботинки /ботинки были на 5 размеров больше/, ногам после туфель так хорошо в ботинках, я еще подумала, хорошо в армии служить, и ноги не давит. Как переоделись, не могли узнать друг друга. Сколько было смеху, но я была смешнее всех.

Из бани нас повели в часть, т. е. в 309-й МСБ. Первая нас встретили дежурная по части лей-т мед. службы Ковалева Анна Степановна и старшина. Сразу ужин, после ужина старшина стал нас учить, как наворачивать портянки и обмотки, предупредил, подъем в 6 часов утра, через 5 мин. быть в срою. Наш 309-й МСБ располагался в одноэтажном бараке. Койки железные в два яруса, никакой постели, даже доски нестроганные, подстилали брюки /если были сухие/, под голову — вещевой мешок, укрывались бушлатом. Не сразу нам удалось хорошо накручивать портянки, часто подводили обмотки, как прокричат «подъем», все соскакивают, каждый старается скорей

одеться, а свет включить некому, в темноте, да тесноте кто-нибудь подтолкнет, обмотка вылетит из рук, покатится, вот и успеешь за 5 минут одеться.

Некоторые умудрились среди ночи надеть брюки и обмотки накрутить, но скоро разоблачили, и дежурный по части стал проверять.

Распределили нас по взводам, начались занятия: подъем по боевой тревоге, ползать по-пластунски, выносить раненых, уставы. Я долго не могла разобраться в уставе гарнизонной службы. Только когда стала ходить в наряд, стоять на посту, вот тогда поняла.

5 апреля 1942 г. приняли присягу. 17 или 18 апреля выехали на фронт. Наша казарма находилась около ворот центральной шахты. На территории шахты грузились в вагоны. Наш состав из Кемерово вышел ночью. Перед отъездом нам выдали юбки и летние брюки. Я получила брюки почти по своему росту.

В пути продолжали заниматься и готовили концерт к 1 мая. В г. Молотово мылись в бане. Однажды наш состав остановился в поле. Недалеко от вагона большая лужа. Мы все к этой луже — стирать кто что. Отправление, мы повскакали в вагоны, Зоя Сивилева только подлезла под вагон, и поезд пошел, Зоя осталась лежать между рельсами. Состав шел медленно, на последнем вагоне были солдаты, они помогли Зое сесть.

Накануне Первого мая комиссар б-на капитан Хазрон сказал, что 1 мая мы можем надеть юбки. Юбки-то в вещевом мешке измялись. Но выход найден: в вагоне стояла печка-буржуйка, о трубу и гладили свои юбки. Нас в вагоне было 36 человек, а труба одна, но юбки погладили. 1 мая в 4 часа утра нас подняли по боевой тревоге, мы думали занятие, вещевые мешки взяли, а юбки остались, развешенными по вагону. Оказалось, что это не занятие. Нам пришлось снова мять в мешке свои юбки.

1 мая 1942 г. выгрузились в г. Буй Ярославской обл.

Первое время медсанбат находился в деревне, командный состав жили по квартирам, мы — в стайках. Погода стояла холодная, дождливая, промокнем за день, а сушить одежду расстилали на ночь под себя. Нам выдали меховые одеяла, на три человека одно одеяло.

Для кухни и стационара в лесу сами заготавливали дрова. Через полмесяца наш МСБ перевели в город Буй. Открыли стационар, были больные в полках.

В г. Буй много занимались. 13 июля вся дивизия вышла за город км 15 на занятия.

Мы прибыли на место занятий, развернули МСБ, ждем раненых. Видим, в штаб проскакал связной. Команда сворачиваться. Чуть не бегом в Буй и сразу погрузка в вагоны. 14 июля выехали на фронт. В Липецк мы прибыли ночью, выгрузились, прошли через город в лес, окопались. Вечером команда «приготовиться к походу». 25 км прошли с полной укладкой. После привала оставили только противогаз, вещи погрузили в машину. Идти было тяжело: жара, по песку брели, как по снегу. Машины буксовали в песке, приходилось вытаскивать. Под Чертовицы прибыли днем, сразу стали развешивать МСБ, ставить палатки, рыть щели, ставить шалаши.

К вечеру стали поступать раненые. Они шли пешком, их везли на машинах, на подводах, на специально оборудованных машинах и на попутных. Лесочек быстро наполнялся ранеными, стоял стон: «Сестра, помоги, сестра, пить». Вся медицинская служба дивизии и нашего МСБ были девушки. Командир госпитального взвода был врач Захаров А. В., главный хирург Вахрамеев Петр, командир сортировочного взвода Азерьер Г. Е. и фельдшер Степной — вот и все наши мужчины. Уже несколько суток длится бой, никакой возможности передохнуть или покушать. Раненых не убывает, сколько отправим, еще больше поступит. У нас в МСБ делали самые сложные операции, причем в палатках, освещение — иногда даже свечи, перевязки, уколы часто приходилось делать под открытым небом, не хватало места в перевязочной палатке. Каждому раненому не только надо¹ было оказать медицинскую помощь, а еще накормить, напоить, укрыть от бомбежки и отправить в тыл. Вся лавина раненых прошла через наши «слабые» девичьи руки.

Все это трудно описать, это надо было видеть, а видели и думали, откуда брались силы у этих 17—20-летних девчонок. К концу недели ночью² пошел дождь. Раненые под открытым небом /правда их уже было мало/, до отказа набили все палатки, укрывались одеялами,

¹ Вписано над строкой.

² Вписано над строкой

брезентом. В первые дни я мало была в МСБ, ездила в полки за ранеными и сопровождала в госпиталь раненых. Иногда попадали очень капризные раненые, то ему повязка туго наложена, то машина трясет, в таком случае я всегда просила шофера свернуть на¹ гороховые поля. Нарву побольше гороху и в машину, смотришь, и капризные успокаиваются — горох едят.

Из-под Чертовиц МСБ переехал в сосновый бор, сразу стали строить блиндажи для себя, для раненых, копали котлованы, рубили лес, носили его на себе, строили все сами девушки. Каждый взвод старался, чтобы их блиндаж получился лучше. Построили целую деревню и все под землей, построили баню даже с парной /хотя армейская баня стояла недалеко от штаба дивизии, но каждый полк построил свою баню с парной, сибиряки любят париться/.

Когда дивизия встала в оборону, у нас в МСБ организовали свою самодеятельность, руководил врач Азерьер Григорий Ефимович, а хором руководил Лехтер. Саперы построили дивизионный клуб тоже под землей в Рыбацком поселке. В нем вручали награды, в нем праздновали 25-ю годовщину Октября, встречали новый 1943 год. Правда, вместо елки была сосенка, но нарядная, игрушки делали сами. Командир дивизии Федоровский Константин Степанович вместе с нами лихо танцевал свою любимую польку-бабочку.

Под Воронежем радист 849-го с. п. написал песню «Сибиряки», начальник клуба капитан Маловинский написал музыку:

*Из далекой Сибири, где сугробы зимой.
Где просторы кругом широки.
Под Воронеж на Дон с песней русской лихой
Подошли боевые полки.
Припев:
Сибиряки — отважные ребята.
Сибиряки в боях не подведут,
И 303 славу боевую
Сибиряки сквозь бури пронесут.
Будут помнить враги, как в боях на Дону
Разлетались и доты, и дзоты.
Как бежали они, проклиная войну,
Побросав свои пулеметы.*

¹ Вписано над строкой.

Припев

*И настанет тот день, тот решительный бой
В наступленье пойдём, как один.
И Сибири сыны с песней русской лихой
Все гвардейцами вступят в Берлин.*

В боях за Украину новая песня. Песня 303-й стрелковой Верхнеднепровской Краснознаменной дивизии.

Боевая походная

Слова Вл. Баталова

Музыка В. Сусульникова

*Эта песня родилась в боях.
В дни победных решающих схваток.
Очищая родные поля,
Гнали мы супостатов на запад.
Больше жизни Отчизну любя,
Мы сражались, не зная устали,
Орден славный дала нам страна
И в приказах отметил нас Сталин.
В этих жарких жестоких боях
Мы отважных героев возрастили
С нами вместе в рядах
Корниенко, Джунусов и Спирин.
От широкого Дона-реки
Через грохот сражений днепровских
Вел сибирские к славе полки
Наш комдив генерал Федоровский.
Славы наших сибирских полков
Мы в грядущих боях не уроним.
И в победных сраженьях с врагом
Мы героическую славу устроим.
Припев:
Вперед, вперед, бойцы-верхнеднепровцы
Нас Родина на подвиги зовет,
Пусть выше знамя наше вьется,
Вперед, Краснознаменная, вперед!*

[...] После сильных боев в районе Першино в само село собрали всех раненых для эвакуации в госпиталь. Их было человек 300, оставили двух врачей — Чеховскую Нину Владимировну, вторую не помню, две медсестры и четыре санитарки, шофер с машиной и Пожидаев Владимир вроде агитатора среди раненых. Село большое и разбросанное, раненые были размещены по квартирам. Помощь приходилось оказывать днем и ночью прямо на квартирах.

[...] Я пробыла на фронте уже полтора года. Сколько раненых прошло через мои руки! Как только не уродовала людей война! На моих глазах умирали тяжелораненые солдаты, лишённые рук, ног и даже внутренностей. А 7 января 1944 года в селе Федоровка Кировоградской обл. мне пришлось перевязывать раненых детей. Я не помню, сколько их было: трое, четверо? Но это были дети, жалкие, беспомощные.

Бомба попала в угол дома. Мать и отец остались невредимы, а детей ранило. Самому маленькому было несколько месяцев. Ему ободрало кожу со лба. У остальных детей было множественное осколочное, но не тяжелое ранение. Но когда я увидела этих малышей в крови, с трудом перевязала их, руки тряслись, меня колотило, как в лихорадке. И нет слов высказать свои чувства негодования и сейчас.

[...] В Венгрии у хозяина дома, где мы остановились, сын хорошо говорил по-русски, когда разговорились, оказалось, часть, в которой он служил, была нашим противником в г. Воронеже. И мы стояли несколько м-цев друг против друга. Мы спросили его: «Когда ты был в Воронеже, не думал, что русские придут к тебе на родину?» Он ответил: «Даже такой мысли не допускал, что русские смогут освободить свою территорию и прийти на мою родину».

ГКУ ГАК, ф. П-483, оп. 1, д. 415, л. 3-15об. Подлинник. Рукопись.

№ 34. *Воспоминания Чечельницкого Александра Константиновича, адъютанта 660-го отдельного саперного батальона, капитана. [1976—1993 гг.].*

Первый фронтовой новый год мы встретили под Ленинградом, пробиваясь со стороны Тихвина к осажденному городу. Враг сосредоточил немало сил, чтобы задушить в блокаде великий город — колыбель Октябрьской революции. Наступающие войска нашей 376-й стрелковой дивизии бомбили самолеты, часто ряды наступающих подвергались артиллерийско-минометным обстрелам. Но новогодняя ночь была тихая.

Мы лежали несколько человек в наших открытых землянках и пытались согреться от лютого мороза. Так мы встретили 1942 год.

А утром пошли снова в наступление и под ожесточенным огнем противника отбили его, не давая развить прорыв с целью усиления блокады Ленинграда.

1945 год мне пришлось встретить в Польше на Сандомирском плацдарме. В декабре 1944 года шла неустанная подготовка к прорыву полосы противника в район Сандомира. Готовилась Висло-Одерская операция по освобождению Польши от фашистской оккупации. Новый год наш инженерно-саперный батальон Львовского 28-го стрелкового корпуса встретил в совершенно иных условиях, чем 1942 год. В комфортабельной квартире собрался офицерский состав, за празднично убранным столом сидели боевые товарищи, с которыми мы делили радость побед по освобождению от гитлеровцев Украины. Под бой часов произнесли тост за окончательный разгром противника. И хотя мы еще только перешли государственную границу, встречая упорное сопротивление отступающих войск, никто не сомневался, что 1945 год будет годом победы.

Наша здравица оправдалась — в этом году фашист был разгромлен.

В эти дни вызвал нас начальник штаба 2-й ударной армии генерал-майор Кокарев. Мы прибыли и встали во фронт всей четверкой командования. Генерал оглядел нас справа налево и начал основательный разнос за состояние части и еще неуверенные действия саперного батальона по выполнению заданий инженерного отдела армии. Мы вылетели от него, как ошпаренные, друг на друга было

Чечельницкий Александр Константинович. На фото слева — на КП 770-го отдельного истребительного батальона 2-й ударной армии Ленинградского фронта. 1943 г. На фото справа — подполковник, инженер, кандидат технических наук. г. Москва, 9 мая 1980 г. ГКУ ГАК, ф. Р-1483, оп. 1, д. 21, л. 62, 167.

жалко смотреть. Вскоре было получено задание: днем снять противотанковые мины на переднем крае одного из полей и ночью сдать обезвреженные проходы командиру танковой бригады. Задача требовала ювелирной точности и громадного опыта. Такого еще не бывало. Противник не должен даже увидеть нас. За невыполнение задания или потери саперов, если их обнаружит, нам пощады ждать было нельзя. Ведь это значит поставить под удар танкистов, которых бы расстреляли подготовившиеся немцы. Я доложил майору Лейзенбергу, что беру капитана Золотарева с наиболее опытными саперами. Большую группу брать нельзя — обнаружим себя. Вскоре автомашины доставили нас в лес, в расположение штаба стрелкового полка, а оттуда без препятствий мы прибыли на передний

край. Все мы были в хорошо подобранных маскхалатах, и даже лицо частично прикрыли, как женщины из турецкого гарема.

Стояла гнетущая тишина. Я первый пополз на минное поле, осторожно обезвредил, снял мину и ползком вытянул в наши траншеи. Немцы не заметили. Попробовал капитан Золотарев — получилось. Так медленно, не спеша мы выполнили это необычное задание, не выявив себя. Вечером, как это было мне приказано, уехал в штаб для доклада и выполнения очередных задач. На смену мне приехал капитан Беркутов — нужно было сдать проходы в минных полях танкистам и проследить за их безопасным движением к немецкому переднему краю. Там тоже возможно было напороться на немецкие мины. Но это было уже проще, так как темнота скрывала нас, и удалять мины ночью дело было уже многократно отработанное. В целом вся задача нашей саперной ротой была успешно выполнена, и танки потерь на минных полях при прорыве обороны противника не имели.

ГКУ ГАК, ф. Р-1483, оп. 1, д. 21, л. 86, 120. Подлинник. Машинопись.

**№ 35. *Из воспоминаний Шаровьева Игнатия
Андреевича, политрука 150-й стрелковой дивизии
добровольцев-сибиряков. 5 января 1967 г.***

[. . .] Мне посчастливилось прибыть в 150-ю стрелковую дивизию добровольцев-сибиряков в первые дни начала ее формирования в Юрге с назначением старшим инструктором политотдела. Мы, политотдельцы, ежедневно с раннего утра и до поздней ночи находились в частях и подразделениях. В политотделе находились только за тем, чтобы получить очередное задание и подготовиться к беседе или докладу. В дальнейшем, в ходе наступательных боев, все мы были в полках и вместе с командирами и политработниками частей участвовали в проведении боевых действий. Все дни были заполнены организаторской и пропагандистской работой. Совместно с командирами частей проводили боевую и политическую подготовку бойцов и офицеров, комплектовали и оформляли партийные и комсомольские организации, выступали с докладами о международном положении, о ходе Отечественной войны, в беседах рассказывали о боевых эпизодах на отдельных участках фронта, о героических подвигах бойцов и офицеров, об умелых действиях частей и подразделений на фронте.

Командный и политический состав дивизии и полков подбирался Западно-Сибирским военным округом. На основные командно-политические должности были назначены офицеры, уже имеющие опыт участия в Отечественной войне или служившие в кадрах Советской Армии. Например, командиром дивизии был назначен полковник Н. А. Гузь, бывший комдив стрелковой дивизии, героически защищавшей Севастополь. Армейский комиссар, бывший член военного совета армии в Крыму Серюков стал заместителем (тогда еще комиссаром дивизии). Окончивший академию Генерального штаба подполковник Г. И. Панишев получил назначение начальником штаба дивизии. Начальником политотдела утвердили опытного политработника армии подполковника Калентьева. Все командиры и комиссары стрелковых полков также подобраны из кадровых офицеров. Командиром 469-го Новосибирского — подполковник Ф. А. Тарасов, комиссаром — майор Ф. А. Седлецкий, командиром 674-го Кузбасского — полковник И. К. Деревянко, а комиссаром — майор Колчин,

командиром 856-го Кемеровского — полковник Е. В. Самойлович, комиссаром — майор К. П. Кочетков. Большинство же политсостава было подобрано из гражданских партийных, советских и комсомольских работников Новосибирской области. Многих из них я знал раньше по совместной работе. Так, майор Скулков из обкома партии стал заместителем начальника политотдела, помощником начальника политотдела по комсомолу — работник обкома комсомола капитан Морозов, старшим инструктором политотдела — майор Зубов. Политработниками частей и подразделений назначили капитана В. М. Прилепского, лейтенанта Н. Н. Турова, капитана И. И. Фороста, старшего лейтенанта Г. В. Федотова, лейтенанта Н. Л. Кирсанова, капитана Г. А. Доронина, старшего лейтенанта Н. А. Димеева, капитана П. Г. Терентьева, капитана Л. А. Константинова, капитанов А. Г. Казака, А. Г. Москвина и многих других партийно-советских работников.

Одновременно с Новосибирской 150-й стрелковой дивизией формировались отдельные бригады добровольцев-сибиряков в Алтайском и Красноярском краях, Омской области.

Закончилось формирование и двухмесячное обучение. Дивизия и бригады были готовы к отправке на фронт. Но главное командование советских войск решило произвести смотр их готовности, так как соединениям добровольцев-сибиряков придавалось особое значение, на них возлагались большие надежды. Пунктом смотра был назначен г. Люберцы под Москвой. Началась отправка частей в означенный район. Здесь главное командование объединило дивизию и бригады в отдельный 6-й стрелковый корпус. За несколько дней все полки и подразделения получили полное вооружение, а личный состав — обмундирование. Состоялся смотр и вручение соединениям и частям красных знамен. Так закончилась полная подготовка корпуса к отправке на фронт. Мне пришлось от политотдела сопровождать первый эшелон дивизии из Юрги до Люберец и дальше до станции Селижарово, встречать и размещать прибывающие эшелоны на их местах сосредоточения. Уже здесь, в Селижарово, немецкая авиация обнаружила прибывающие войска и начала обстреливать и бомбить их. Это было первое боевое крещение, предчувствие близости фронта. Предстоял тяжелый пеший переход к фронту под г. Белый. По трудности этот 170-км марш по лесам и болотам, пожалуй, был самым тяжелым из всех за весь период

войны. Все крайне необходимое: оружие, боеприпасы и продовольствие — пришлось нести на плечах людей и вьюками на лошадях. Только позднее, после сосредоточения под Белым, части дивизии и бригад построили дороги из сплошного накатника и смогли обеспечить себя продовольствием, тяжелым оружием и боепитанием. На фронте весь корпус добровольцев-сибиряков был включен сначала в 3-ю ударную, а несколько позднее — в 41-ю армию Калининского фронта.

Особенности дивизии

Отличительная черта дивизии состояла, прежде всего, в том, что она во многом была необычной. Ее особенностью являлось то, что более половины состава — коммунисты и комсомольцы. Вторая половина состояла из преданных нашей партии беспартийных большевиков, главным образом, из передовых рабочих и инженерно-технических работников Кузбасса: горняков, металлургов, химиков и строителей. Все они пошли на фронт не по мобилизации, а добровольно, по зову сердца защищать Родину от вероломных немецко-фашистских захватчиков. Кроме того, многие из беспартийных солдат и офицеров в ходе формирования дивизии и перед боями на фронте стали коммунистами и комсомольцами. Таким образом, перед наступлением большинство личного состава были членами партии и комсомола.

Высокий уровень сознания и коммунистического воспитания, воинская дисциплинированность и готовность к самым суровым испытаниям, организованность и боевая сплоченность обеспечивали уверенность в победе над врагом.

Все эти качественные особенности дивизии определили ее как дивизию наступательную, ломающую всяческие вражеские преграды и мощные инженерно-технические укрепления врага. Вот почему самые отборные немецко-фашистские соединения, часто превосходящие нашу дивизию по численности и вооружению, были вынуждены отступать, бросая свои долговременные укрепления и оружие.

Наша дивизия никогда не застаивалась в обороне, она имела только короткие перерывы между наступательными боями для того, чтобы сосредоточиться от одного к другому рубежу для нового

наступления, или делала остановки, чтобы подтянулись отставшие тылы, второй эшелон.

В течение почти четырех лет сибирские добровольцы провели десятки наступательных боев, при этом каждый из них начинался прорывом долговременной сложной немецкой обороны, сооруженной на выгодных для них рубежах и явно при невыгодных для нас условиях, в лесах и болотах, при отсутствии дорог, затрудняющих возможность маневра и доставку боепитания и продовольствия. Так было под городами: Белый, Великие Луки, Локня, Спас-Деменск, Ельня, Смоленск, Новоржев, Рига и в других наступательных боях.

Я не помню ни одного случая, чтобы, начав наступление, дивизия попятилась и отступала бы с той линии, с которой начала вести наступательные бои, чтобы оставила хотя бы пядь советской земли, она только наступала и неизменно шла вперед, смертельно громила врага, шаг за шагом освобождала родную землю.

Наши успехи и некоторые неудачи

Однако было бы неправильно и искажало действительность, если бы при описании боевых действий дивизии мы не сказали и о некоторых наших частных, но важных неудачах в проведении наступательных операций, в которых дивизия понесла неоправданные потери в личном составе и территории, ранее занятой нами. Примером тому является недостаточно продуманная наступательная операция на важный опорный пункт немцев — село Шайтровщину.

25 ноября 1942 г.¹ орудийные залпы и минометы начали артиллерийскую подготовку, обработку укреплений и огневых точек немцев под городом Белым. Началось первое наступление добровольцев-сибиряков. Предстояло сломать и прорвать сложную оборону немцев, состоящую из опорных пунктов и узлов сопротивления с дотами и дзотами, с многослойными траншеями и проволочными заграждениями, лесными завалами и минными полями. Огромным преимуществом немцев являлись занятая ими возвышенность и дороги Белый—Вязьма и Белый—Смоленск.

Используя дороги, немцы имели возможность для маневра, быстрой перегруппировки своих сил, переброски резервов и доставки новых частей с других участков фронта. Наши же войска

¹ Вписано над строкой чернилами.

всех этих преимуществ не имели. Мы вынуждены были наступать по лесам и болотистой низменности. Немцы располагали и значительным численным превосходством, как в людском составе, так и огневыми средствами, особенно танками и авиацией. [...] Против корпуса сибиряков немцы имели 246-ю и 197-ю стрелковые дивизии, 2-ю и 10-ю мотопехотные дивизии, 19-ю, 10-ю и 20-ю танковые дивизии, 13-й отдельный егерский батальон, кавалерийский полк СС, а в ходе боев гитлеровское командование вынуждено было перебросить с других участков фронта новые части. Их разведывательная, истребительная и бомбардировочная авиация занимала господствующее положение.

Наша дивизия успешно разгромила немецкую оборону и заняла деревни и населенные пункты: Сверкуны, Симоновка, Большое и Малое Клемятино, Дубровка, Огибалово, Дубинино, Морозово и многие другие.

Кемеровский 856-й полк, успешно развивая наступление, прорвался узкой полосой и углубился на более 20 км, он атаковал и занял село Шайтровщину, перерезав шоссе на дороге Белый — Вязьма, разгромил большой гарнизон в нем и уничтожил до 850 немецких солдат и офицеров. Однако наш полк оказался в очень тяжелом положении. Он далеко оторвался от других частей дивизии. Силы же полка после многодневных непрерывных боев были крайне ограничены. Создалась явная угроза окружения Кемеровского полка немцами.

Командир дивизии решил на помощь полку направить из своего резерва один стрелковый батальон. Мне пришлось сопровождать этот батальон в Шайтровщину. Дорога туда простреливалась немцами не только артиллерийским и минометным, но и пулеметным огнем. Надо было провести батальон скрытно, незамеченным. Глубокой, темной ночью, в полной тишине мы ускоренным маршем прошли деревню Дубровку, но немцы, освещая свой передний край ракетами, заметили движение на дороге и открыли артиллерийский огонь. Правда, огонь велся беспорядочно, и снаряды ложились в стороны от нашего движения.

Таким образом, без всяких потерь, батальон прибыл в Шайтровщину. Это была существенная помощь, но опасность окружения

полка оставалась. В это время немцы подтянули к Дубровке и Шайтровщине резервы и новые части и начали контрнаступление.

В связи с наступлением 856-го полка в глубину обороны немцев наша оборона в Дубровке оказалась ослабленной, и контрнаступлением немцы смогли здесь замкнуть окружение Кемеровского полка. Пришлось с боями оставить не только Шайтровщину, но и ранее занятые дивизией некоторые деревни: Быково, Тараканово, Спас и некоторые другие. Полк с тяжелыми боями и потерями прорвал в Дубровке кольцо окружения и соединился с частями дивизии.

Приведя себя в порядок, полк уже малыми силами снова атаковал Дубровку, но безуспешно. Мне пришлось быть участником этой атаки. Запомнился следующий интересный случай. Мы шли среди наступающих рядом с парторгом полка майором А. Г. Казаком и заместителем комбата по политчасти А. Г. Москвиным. На груди Казака, в отвороте шинели, находился пистолет ТТ. Осколок мины угодил в ручку пистолета, смял ее и рикошетом ушел в сторону. Более тяжелый осколок попал в полевую сумку Москвина, набитую разными бумагами, пробил ее насквозь и застрял в шинели. Так оба они остались живыми и невредимыми. В этом же бою погиб заместитель командира по политчасти минометной роты Г. В. Федотов. Знал я его как замечательного воина на фронте и парторга ЦК партии на шахте «А» в г. Ленинске-Кузнецком в мирное время.

В первых боях под г. Белым дивизия приобрела опыт проведения наступательных боев, многому научилась. Вместе с тем сломала здесь мощную немецко-фашистскую оборону, разгромила сильную группировку отборных войск противника, расчистила и положила начало для новых победных боев Советской Армии в этом районе. Нам же предстояли новые бои.

Освобождение г. Великие Луки

Сложилась тяжелая обстановка наших войск под городом Великие Луки. Немецкие войска рвались на соединение к блокированному в городе фашистскому гарнизону. Дивизия ускоренным маршем прибыла в этот район с задачей отбросить и разгромить наступление на город немецких 205-й и 331-й стрелковых дивизий, ликвидировать засевший в городе гарнизон.

Полки добровольцев-сибиряков 14 января 1943 года сразу с марша вступили в бой. Немцы попятились и засели на укрепленных ими 172 и 165 высотах западнее Великих Лук, близ деревень Марково и Шарипово. Трудность нашего наступления на высоты состояла, прежде всего, в том, что подступы к ним были равнинными, открытыми и далеко простреливались противником. Несколько дней вели тяжелые бои 674-й и 856-й наши полки. Один батальон прорвался к высотам и занял у их подножия немецкие траншеи и блиндажи.

Ночью я был в этом батальоне, а рано утром он должен был начать штурм высоты. Но неожиданно обнаружилось, что с высоты немцы совершенно прекратили стрельбу, наступила полная тишина. Сообщили на наблюдательный пункт комдиву. Отдается распоряжение разведать высоту, направить в разведку меня (я тогда был зам. нач. штаба дивизии по политчасти), инструктора политотдела по работе среди войск противника, одного из политработников полка, офицера связи и нескольких автоматчиков. В таком составе мы и направились на высоту. Идем в полный рост, немцы не стреляют. По пути встречаем убитых, запорошенных снегом, и близко к вершине высоты обнаруживаем тяжелораненого нашего бойца. На вершине высоты тихо. Осторожно заходим в немецкие теплые блиндажи, никого нет, чувствуется, что немцы поспешно бежали, даже не успели захватить с собой многие военные документы, листовки, газеты и среди них несколько номеров газеты «Правда». В небольшой ложбинке обнаруживаем исправную грузовую машину, а около нее лежат приготовленные к погрузке убитые немецкие солдаты и офицеры. Мы дали сигнал, что высота свободна. Инструктор политотдела по работе среди войск противника набрал целый мешок оставленных немцами документов. Минут через двадцать на высоту поднялся заместитель комдива по строевой части полковник Ф. А. Тарасов и связисты с телефоном. Раненого бойца отправили в медсанроту.

Оказалось, что немцы с высот поспешно бежали потому, что активные действия нашей дивизии во взаимодействии с войсками под Новосokolьниками создали прямую угрозу окружения немцев, находящихся на высотах. Так была ликвидирована опасность прорыва нем-

цев в Великие Луки, их гарнизон в городе сдался, и войска противника, далеко отброшенные, никогда больше не возвратились в этот город.

Под г. Локня

Началась весна, тает снег, а дивизии надо спешить под г. Локня. Здесь предстоит форсировать реку Локню, наступать по болотистым лесам, минным полям и лесным завалам, прорвать и разгромить сложную немецкую оборону, возведенную на месте сожженных, разрушенных деревень. Начались изнурительные бои.

В ходе наступления молниеносно распространилось сообщение о героическом подвиге комсомольца Александра Матросова. Наши соседи — отдельная 74-я алтайская бригада встретила в лесах с отдельными дзотами. Под деревней Чернушкой 23 февраля 1943 года наступал батальон. Его путь преградил пулеметный огонь из дзота. Наступающие залегли. Матросов подполз к дзоту, обстрелял его амбразуру из автомата, пулемет прекратил огонь, наступление возобновилось, но пулемет снова ожил. Тогда Александр Матросов прыгнул к амбразуре и закрыл ее своим телом. Стрельба прекратилась. Батальон поднялся, уничтожил немцев в дзоте и захватил деревню. В нашей дивизии срочно были выпущены листовка и газета, посвященные подвигу А. Матросова. В частях, подразделениях в период короткого затишья прошли беседы. Бойцы и офицеры поклялись отомстить фашистам за смерть героя и с еще большей отвагой продолжали громить врага. Позднее во всех частях обсуждался вопрос о создании отдельных подразделений имени Героя Советского Союза Александра Матросова. Так появились роты и батальоны его имени. Все они были укомплектованы, главным образом, комсомольцами и всесоюзной молодежью, они служили примером в бою, на них равнялись все подразделения. Рота, в которой служил А. Матросов, зачислила его в постоянный состав, и при переключках первым называлось его имя. Эта рота так и именовалась — Матросовская.

Еще об одном эпизоде этих боев хочется рассказать. Когда дивизия заняла укрепленный район немцев, штаб ее ночью временно разместился в немецких блиндажах. Наступило раннее утро. Неожиданно налетели немецкие бомбардировщики и начали бомбить расположение штаба. В это время погибли специальный корреспондент московской газеты «Красная Звезда» и его шофер. Других

потерь не было, но произошел один каверзный случай. В одном из блиндажей находились начальник штаба полковник Г. И. Панишев, я — его заместитель по политчасти, и три человека старшин и сержантов. Здесь же находились все штабные документы. Во время бомбежки одна довольно тяжелая бомба упала прямо в двери блиндажа. Мы успели проговорить, что теперь отвоевались. Но бомба ушла глубоко в землю и не разорвалась. Через образовавшуюся воронку благополучно выгрузили из блиндажа все штабные документы, а штаб перебазировали на другое место.

Наши гости — сибиряки

Бои под Локней походили к концу. Тогда-то и было получено сообщение о том, что в дивизию прибывает делегация из Новосибирской и Кемеровской областей, везет с собою подарки и новое пополнение личного состава. Поручают мне и секретарю дивизионной парткомиссии, майору А. Г. Казаку, встретить делегацию. Садимся в машину, с собой берем еще два запасных газика и едем на ж.д. станцию Торопец, куда прибывает делегация. Подходит к станции огромный эшелон, в его составе более трех десятков вагонов. Видим, что часть вагонов заполнена преимущественно молодыми, веселыми ребятами и девушками, а целая половина вагонов занята подарками.

Поезд остановился, и из пассажирского вагона выходит делегация. Первые радостные поцелуи и объятия с нами, часть делегатов — мои старые знакомые, товарищи: Сущикова (руководитель делегации) — секретарь одного из горрайкомов партии г. Новосибирска, знаменитый командир партизанского отряда во время Гражданской войны Игнат Громов, знатная колхозница — картофелевод А. К. Юткина и другие. В вагоне делегация нам сообщила, сколько человек прибыло на пополнение дивизии. И какие подарки она привезла для воинов-сибиряков. [...] Среди них: несколько вагонов сибирских пельменей, сливочное масло, куры, гуси, туши мяса, полушубки, валенки и другие теплые вещи, личные индивидуальные подарки для каждого солдата и офицера. Не забыли послать и водочки к пельменям.

Тут же, в вагоне, надо было решить вопрос — где разгружать эшелон. Командование фронтом предложило произвести разгрузку в Торопце. Мы с Казаком считали, что это слишком далеко от ди-

визии, и переброска подарков в весеннюю распутицу представляется большой трудностью. Прифронтовая станция Великополье, хотя и обстреливается немцами из артиллерийских орудий, но зато она ближе к дивизии, там имеются складские помещения, и доставка грузов больших трудностей не составит. Наше предложение делегация приняла и настояла перед командованием фронта, чтобы эшелон отправить в Великополье. В целях безопасности решили весь железнодорожный состав разделить на две части. Таким образом подарки прибыли благополучно. На станции организовали противовоздушную защиту. Разгрузка и отправка людей и грузов также прошла нормально, хотя и были артиллерийские налеты, но они никакого ущерба не причинили.

Делегация пробыла в дивизии несколько дней и имела возможность побывать и встретиться с солдатами и офицерами во всех частях. Беседы и собрания были волнующими и радостными. Делегаты рассказывали, как живут и трудятся в тылу сибиряки. Солдаты и офицеры, в свою очередь, поделились с гостями, как они воюют, бьют врага и шаг за шагом освобождают нашу советскую Родину. Вспоминали и о наших погибших товарищах. Все встречи заканчивались вручением личных подарков всем солдатам и офицерам, а на прощание угощались сибирскими пельменями.

Много дней пельмени, сваренные солдатами в своих котелках, были основным питанием. Котловое довольствие, хотя и улучшенное подарками, не пользовалось большим успехом.

Мы показали гостям передний край обороны немцев и в честь делегации произвели по немцам артиллерийские залпы. Разрывы снарядов они посмотрели в бинокли.

Прощание с делегацией было торжественным и душевным. Во втором эшелоне дивизии собрались представители всех частей. Гости обратились к нам с добрыми пожеланиями успехов в боях на фронте, мы, в свою очередь, передали приветы, письма своим родным и близким, пожелания всем сибирякам успешно трудиться, больше давать оружия и боеприпасов фронту. Так закончилась наша встреча с делегацией сибиряков.

ГКУ ГАК, ф. П-483, оп. 1, д. 240, л. 6—19. Подлинник. Машинопись. Опубл. частично: Этот день мы приближали, как могли: Сборник документов и материалов. - Кемерово, 2005. - С. 175—177.

**№ 36. Из воспоминаний Щербаковой Александры
Васильевны, разведчицы. 15 мая 1965 г.**

[. . .] В 1941 г. /в июле/ призвана в армию и отправлена на фронт. Была в группе разведки. В начале 1942 года мне присвоили звание сержанта группы разведки. Ходили в тыл к немцам, приносили данные о расположении немецких войск.

Дело было в Керчи. Мы были связаны с отрядом партизан под командованием Пахомова. Там связные партизан давали нам сводки. В Керченских каменоломнях надо было взять спрятанные партизанами патроны. Часть каменоломен была сильно загазована. Я засекала место, где это было, по партизанским знакам-шифровкам. И доложила командованию /дело в том, что для немцев партизаны устраивали ямы-ловушки с водой, и в них надо было не попасть/.

Однажды под Керчью я уже прошла немецкую оборону. Вижу, на голом месте (немцы спали, это было рано утром, я шла с ведром в руке) вроде как блиндаж, и оттуда был дым. Я взяла и бросила туда гранату. Я успела отойти метров 500, как начали взрываться ящики, полетели вверх снопы огня. Оказалось, что это был патронный склад немцев /это было в какой-то казачьей станице/. Меня арестовали вместе с другими¹ немцы, а потом вечером в числе тех, кого они отпустили, была и я. Затем сообщили, что напала группа партизан и взорвали склад с оружием. Я за это была награждена медалью «За отвагу».

Через таманский перешеек нас переправляли в Феодосию на связь с партизанами, когда немец был еще в Феодосии. Мы² вынесли для нашего³ командования сведения от феодосийских партизан о расположении противника⁴.

Под Севастополем /когда наступали через Крымский п-ов — Ялта, Алушта, Балаклава и т. д./ наша часть брала Инкерманские пещеры. Мы шли в воде по горло /Сиваш/, падали, умирали и шли. Надо было узнать, где было установлено дальнобойное оружие в Бахчисарае. Послано было 60 человек разведчиков. Они не вернулись. Нас послали троих. Мы вышли на территорию, занятую немцами.

¹ Далее зачеркнуто: взяли.

² Вписано над строкой.

³ Вписано над строкой.

⁴ Вписано над строкой.

Неожиданный взрыв /не знаю, чего — мины? снаряда?/, и я потеряла сознание. Была ранена, тяжело контужена и до сих пор не помню, что произошло.

*ГКУ ГАК, ф. П-483, оп. 1, д. 183, л. 5—6. Подлинник. Машинопись.
Опубл. частично: Этот день мы приближали, как могли: Сборник документов и материалов. - Кемерово, 2005. --С. 181.*

ТЫЛ

**№ 1. Из воспоминаний Багмута Дмитрия
Андрияновича, главного инженера завода
«Кузбассэлектромотор», г. Кемерово.
15 сентября 1964 г.**

В августе 1941 г. немецко-фашистские войска захватили значительную часть Украины. Немцы подходили к Харькову. В начале сентября началась эвакуация нашего завода, но завод не прекращал выпуска военной продукции. Город горел в огне, приходилось работать в основном ночью, несмотря на бомбежки. Наряду с выполнением заказов для танковых и стрелковых частей рабочие занимались демонтажем оборудования и его эвакуацией. Оборудование и рабочие с семьями эвакуировались в районы Сибири и Урала. В сентябре начали отходить первые эшелоны эвакуированных и оборудования.

10 октября нач [альник] цеха т. Махлин мне как мастеру цеха вручил список десяти семей для эвакуации их в г. Кемерово, к двум часам дня я собрал доверенные мне семьи, погрузил вещи в автобус и с глубокой болью в душе отправились на заводской угольный склад. С большим трудом добрались до места погрузки. На угольном складе, где было место эвакуации, стояли уже вагоны с оборудованием нашего завода, уже были слышны артиллерийские выстрелы.

Погрузив вещи в вагоны и рассадив семьи, мы стали ждать отправки. Женщины не могли удержаться от слез, прощаясь со своим родным городом, который горел.

К концу дня наши вагоны были направлены на станцию Балашовка, станция была разрушена, повреждена во многих местах и железная дорога. Ехали поэтому очень медленно, по 5—6 км в сутки. Эшелон обстреливался несколько раз немецкими самолетами. Таким образом мы ехали до станции Куйбышев. Начальником эшелона был назначен коммунист т. Приймак. На время пути руководство завода обеспечивало нас продовольствием, хотя мы ехали целый м [еся] ц, но хлеба хватило на всю дорогу.

В город Кемерово мы приехали на рассвете 7 ноября 1941 года. В этот праздничный день местные жители города были готовы встречать 23-ю годовщину Великого Октября, но у нас впервые за всю свою жизнь не было праздничного настроения. Встретив-

шие нас коммунисты Раев и Шуб, быстро организовали перевозку людей в назначенное место. Нас поселили в бывшем автогараже горкомхоза — в помещении склада, а в течение недели нас всех разместили по частным квартирам.

Устроив семьи, мы приступили к разгрузке оборудования, которого прибыло два вагона. Оборудование с вокзала в основном пришлось перетаскивать на себе. Расположился в то время завод в неблагоустроенных, мало приспособленных помещениях: в трамвайном депо, универмаге, гараже, клубе «Строитель», в ветхом бараке пошивочной мастерской и в небольших индивидуальных домиках. Бригадиром такелажных работ был коммунист т. Ковальчук. Несмотря на 40° мороза, отсутствие теплой одежды, люди работали с большим напряжением и энтузиазмом. У каждого было такое стремление и желание как можно быстрее пустить в работу станки, чтобы дать военную продукцию для фронта. Ряд инженеров и техников, в том числе и я, первое время занимались проектированием цехов, созданием планировок и расстановкой оборудования.

В январе 1942 года в результате двухмесячной напряженной работы в условиях суровой сибирской зимы было установлено 316 единиц различного оборудования. Закрутился первый токарный станок в ц [ехе] № 2 в помещении трампарка.

Не хватало квалифицированных кадров. С нами приехало очень мало квалифицированных рабочих — это токари тт. Глот и Шер, пять человек обмотчиков — Гринсон, Коган, Полякова, Щебет и Гарницкий, слесарь Герасименко Л. И. Не было ни одного фрезеровщика. Учебой кадров занялись все. Организовали индивидуальное обучение местного населения, курсы, школы. Большую помощь нам оказали учащиеся ремесленного училища, которые пришли к нам на работу. На завод были направлены и учащиеся 10-х классов. И в первом квартале 1942 г. 400 человек получили профессии — слесарей, токарей, фрезеровщиков и обмотчиков, и все это были ребята 14—16 лет от роду.

Большую работу по восстановлению завода, по воспитанию кадров проводила партийная организация завода. Коммунистов на заводе было тогда немного, но их руководство, внимание к рабочим, особенно к подросткам, чувствовалось во всем. Мне было тогда 23 года, мне доверили 80 человек подростков, приехавших

из Калининской и Смоленской областей, и местных ребят, им было всего по 14—15 лет. Я работал тогда старшим мастером сборочного участка № 3, сменными мастерами были тт. Мучник Б. И. и Грабовский И. Г. Жили наши подростки в общежитии в очень тяжелых условиях. Приходилось поддерживать их моральное настроение хорошими беседами и другими мероприятиями. В одной из эвакуированных семей был патефон, с помощью которого мы устраивали развлекательные мероприятия в общежитии. Потом пришлось променять патефон на картошку. Мастера тт. Белогуров Ф. М., Фридлянд А. Б., Ефремов П. С., Сирамаха И. А., нач. цеха т. Раев, комсорг завода Шварц Ева часто приходили в общежитие. Мы хорошо знали нужды наших подростков, старались по возможности помочь им в эти трудные дни. Мы для них были руководителями, воспитателями и подчас заменяли родителей.

[...] В тяжелые для страны дни, во время формирования Сибирской добровольческой дивизии коммунисты и ИТР завода, все, как один, подали заявления в эту дивизию. Мы понимали значение продукции нашего завода на фронте, но хотелось очищать нашу родную землю от немецких захватчиков там, на фронте. Знали, что нам могут отказать из-за отсутствия квалифицированных кадров на заводе, но мы надеялись...

Через несколько дней мы провожали своих товарищей на фронт, а сами с новыми силами брались за расширение и строительство наших цехов.

ГКУ ГАК, ф. П-483, оп. 1, д. 168, л. 1—4. Подлинник. Машинопись.

**№ 2. *Воспоминания партийных работников
Балабанова Семена Тимофеевича и Груздева Олега
Васильевича «О работе Кемеровского рудника
в довоенные, военные и послевоенные годы».
20 декабря 1984 г.***

Рудничный район в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

22 июня 1941 года мирный труд советских людей был нарушен разбойничьим нападением фашистской Германии на Советский Союз.

Началась Великая Отечественная война.

«Коммунисты нашего города, — вспоминает бывший секретарь горкома партии С. Н. Казанский, — встретили эту тяжелую весть с сознанием личной ответственности за судьбу Родины.

Партийные организации предприятий,строек и учреждений возглавили проведение мероприятий по перестройке всей работы в соответствии с требованиями военного времени, оказывали практическую помощь в формировании воинских соединений, которые комплектовались на территории города и прилегающих районов.

Мобилизация, как известно, была связана с привлечением на производство неквалифицированной рабочей силы, развертыванием профессионального обучения женщин-домохозяек, юношей, не достигших призывного возраста, оказанием материальной помощи семьям фронтовиков.

Вместе с этим оперативно предстояло решать вопросы наращивания мощностей предприятий, размещать и восстанавливать эвакуированные заводы».

В первые же дни войны многие горняки, рабочие, служащие и инженерно-технические работники надели солдатские шинели и ушли на фронт защищать Советскую Родину.

Ушли на фронт 746 шахтеров и 956 комсомольцев.

В Сибирскую Сталинскую дивизию добровольцами вступили первый секретарь Рудничного РК ВКП (б) С. О. Веселов, секретарь РК ВЛКСМ Сергей Клешнин, секретарь партбюро шахты «Северная» И. Н. Михайлов, некоторые работники райкома партии и райисполкома. Ушел добровольцем в ополчение забойщик шахты «Централь-

ная», депутат Верховного Совета РСФСР, слушатель Московской промакадемии Михаил Яковлевич Сыргин. При защите нашей столицы, Москвы, Михаил Яковлевич пал на поле боя смертью героя.

В 681-м полку 133-й дивизии сражались с гитлеровцами инженеры К. И. Барсуков — в качестве командира саперного взвода, И. И. Домницкий — начальник инженерной службы полка, А. И. Горбунов — помощник начальника штаба полка, горный техник Ф. А. Копейко — комиссар батальона, награжденный орденом Ленина за боевые заслуги.

Посмертно присвоено звание Героя Советского Союза электрослесарю шахты «Центральная» сержанту Николаю Васильевичу Волкову и работнику Рудкомхоза парторгу стрелковой роты Михаилу Павловичу Абызову.

Внезапное нападение гитлеровских полчищ на нашу Родину резко изменило обычный уклад жизни в районе, и все горели¹ одним желанием — дать фронтовикам все, что надо было для победы: оружие, боеприпасы, снаряжение, хлеб, продовольствие, одежду, обувь.

Работали под девизом: «Все для фронта, все для победы!».

Рабочий день в партийных, советских и общественных органах, на предприятиях, организациях и учреждениях нередко длился по 12—14 часов.

Иногда² руководители шахт, начальники и механики³ участков, горные мастера и десятники оставались на шахтах на казарменном положении⁴ и не уходили домой по несколько дней.

В ответ на боевые успехи частей и воинских соединений Красной Армии горняки рудника отвечали днями повышенной добычи угля — суточное задание выполнялось на 200—300%.

На рабочие места к станкам, агрегатам, на стройки и в забои пришли женщины-домохозяйки, девушки, старики и подростки.

На шахтах «Северной» и «Центральной» открылись курсы по обучению женщин горняцким профессиям.

К концу 1942 года на шахтах Кемеровского рудника работало 1314 человек, из них 321 человек непосредственно в забоях.

¹ Далее зачеркнуто «желанием»

² Написано вместо зачеркнутого «нередко»

³ Вписано над строкой.

⁴ Вписано вместо зачеркнутого «режиме»

В бригаде Маруси Давыдковой работали девушки — комсомолки Аня Донских, Валя Шахтина, Соснина, Жукова, Фролова и другие. Они выполняли план по добыче угля на 140% и более.

На шахте «Бутовская» работала бригада Али Альковой на протяжении всех военных лет.

Главной заботой партийных, общественных и хозяйственных органов был — уголь!

Форсированными темпами строились на руднике новые шахты, и к трем шахтам — «Северная», «Центральная» и «Пионер» — прибавились шахты «Южная», «Бутовская» и «Мазуровская».

Шахтеры боролись за каждую тонну угля. Были созданы комсомольско-молодежные бригады Тагира Салихова, Анатолия Астанина¹, Егора Бурлова и др. Плановое задание выполнялось на 300—400%.²

Прославились своим ударным трудом в годы войны забойщики и проходчики: Д. Вотинцев, Хайбрахманов, Сафиулин, Баталов, Сыстеров, Федоров, Спирин, Гожелев, Бобров, Егоров, Зубов, Гильмутдинов, братья Доронины и др.

Все они были награждены правительственными наградами — орденами и медалями. 93 шахтера получили ордена Ленина и Трудового Красного Знамени. Шахтам «Пионер» и «Южная» присуждались переходящие Красные Знамена Государственного Комитета Оборона — ГКО, Наркомата угольной промышленности СССР и ВЦСПС. Большую помощь Кемеровскому руднику оказывал³ и уделял внимание заместитель наркома Егор Трофимович Абакумов, который много раз приезжал в Кемерово на рудник.

⁴Шахты треста «Кемеровоуголь»⁵ в военные годы довели добычу угля⁶ до 2,5 млн. тонн.

Были созданы Центральные электромеханические мастерские для ремонта горной техники (нач. Астахов В. А.) и Рудничная автобаза с парком в 40 автомашин (нач. Тюков И. А.).

¹ Далее зачеркнуто «Александра Пантеева».

² Далее зачеркнуто «За ударную работу по прохождению подготовительных работ и досрочную нарезку лав бригадиру Егору Афанасьевичу было присвоено звание Героя Социалистического Труда».

³ Далее зачеркнуто «помощь».

⁴ Зачеркнуто «Перед началом войны».

⁵ Далее зачеркнуто «давали до 1,7 млн. тонн угля, а в последующие».

⁶ Вписано над строкой.

В здании школы № 31 разместился завод № 36, эвакуированный из Московской области. Завод выпускал необходимые лечебные препараты для фронтовых госпиталей.

В здании Кемеровского горного техникума разместился военный госпиталь, а техникуму были предоставлены два стандартных 2-этажных барака.

В порядке эвакуации на рудник прибыло много рабочих и их семей из Донбасса и западных районов страны.

Большие трудности были с жильем, общежитиями, питанием и одеждой. Поэтому срочно строились бараки, землянки, развивалось индивидуальное строительство и огородничество, принимались меры по развитию подсобных хозяйств при шахтах «Северная», «Центральная» и «Пионер».

Многие вносили свои сбережения в фонд победы над врагом. Например, пенсионер Ф. Е. Павлов каждый месяц отчислял однодневный размер своей пенсии и за военный период внес 15 тысяч рублей.

Молодой шахтер Кемеровского рудника Алексей Трошкин на личные сбережения приобрел танк и на этой машине участвовал в боях с гитлеровцами. Многие вносили деньги, сдавали облигации, собирали теплые вещи и посылали на фронт подарки.

Население района внесло в фонд победы 1886 тысяч рублей и сдало облигаций на 350850 руб.

Угольной промышленностью на руднике руководили опытные горные инженеры и техники: А. Я. Потапов, А. С. Стугарев, М. И. Ратушков, Н. А. Журавлев, А. Г. Пойда, А. И. Люев, К. И. Харитонов, В. И. Моргачев, И. А. Ангелевич, И. А. Макаев, А. А. Гольцев, В. Г. Станов, П. А. Кадачников, Я. А. Фельдман, В. И. Прейкшас, С. И. Кузьев¹ и др.

На шахтах рудника работали опытные, энергичные, инициативные начальники² и механики участков: Казанин, Щукин, Бабанак, Полтороцкий, Абызов, Киселев, Крещенов, Ушаков, Малаховский, Фотин, Вепренцев, Литвинов и многие другие.

¹ Вписано над строкой.

² Далее одно слово зачеркнуто.

В дни повышенной добычи угля в шахту спускались жены горняков, служащие, инженеры и техники и трудящиеся других организаций рудника¹.²

На шахтах, предприятиях, имеющих оборонное значение, Центральный Комитет ВКП (б) утвердил штат парторгов ЦК ВКП (б).

На шахте «Северная» был утвержден парторгом ЦК ВКП (б) М. П. Бобылев, на шахте «Центральная» С. П. Музыкантов и на шахте «Пионер» С. Т. Балабанов. Они избирались и секретарями парторганизаций.

Много рабочих, горняков, инженерно-технических работников, служащих, врачей, учителей, эвакуированных из Донбасса и других районов страны, работали на шахтах, предприятиях, стройках, в школах, детских учреждениях, магазинах, ремесленных училищах, техникумах Кемеровского рудника. Многие из них были размещены и подселены в дома и квартиры местных жителей.

В районе работали три³ клуба: клубы шахт «Центральная», «Северная» и клуб повцехов; горный и строительный техникумы и педучилище.

В годы⁴ войны население Рудничного района было немногим более 30 тысяч человек.

26 января 1943 года была образована Кемеровская область. Секретарем обкома ВКП (б) был утвержден и избран Семен Борисович Задюченко. Он очень много помогал руднику в развитии шахт и добыче угля.

В марте 1944 года, уже в новой области, прошла вторая районная Рудничная партийная конференция, которая представляла 669 коммунистов, из них кандидатов в члены ВКП (б) 269 человек, в 39 партийных организациях. Секретарями РК ВКП (б) были избраны С. Т. Балабанов, Н. М. Коренев и П. Ф. Павлов.

Секретарями парторганизаций и председателями шахткомов профсоюза были избраны: на шахте «Северная» — М. П. Бобылев и В. Л. Аршинов, на шахте «Центральная» — Н. В. Никифоров

¹ Написано над зачеркнутым «руководители шахт и организаций».

² Далее зачеркнуто «Нередко начальники и механики участков, горные мастера и десятники оставались на шахтах на казарменном положении и не уходили домой по несколько дней».

³ Написано над зачеркнутым «два»

⁴ Написано над зачеркнутым «начале».

и Г. Т. Кукшенев, на шахте «Пионер» — П. Г. Шевченко и М. В. Радионов.

Председателем Рудничного райкома профсоюза горнорабочих был избран А. Д. Стобченко.

В мае 1945 года Великая Отечественная война закончилась победой советского народа над фашистской Германией, а в августе этого же года — над японскими самураями.

Дорогой ценой досталась победа советскому народу. Многие не вернулись с фронтов Великой Отечественной войны. Отдали свои жизни за Родину М. Я. Сырчин — депутат Верховного Совета РСФСР, Сергей Клешнин — секретарь РК ВЛКСМ, И. Н. Михайлов — секретарь партбюро шахты «Северная», горные инженеры, преподаватели горного техникума В. Е. Маслов, И. М. Семин, секретарь комитета ВЛКСМ, историк М. М. Вапурин, зам. главного инженера треста «Кемеровоуголь» А. И. Горбунов и др.

После окончания войны началось восстановление разрушенного фашистами народного хозяйства.

ГКУ ГАК, ф. П-483, оп. 1, д. 411, л. 8—14. Подлинник. Рукопись.

**№ 3. Из воспоминаний Бардига Зинаиды
Марковны, старшего инженера Кемеровского
коксохимического завода. 8 декабря 1966 г.**

[...] В начале Великой Отечественной войны я работала на Кади-евском коксохимическом заводе начальником лаборатории. В октябре 1941 года вместе с коллективом завода была эвакуирована в Кузбасс, в г. Кемерово, где наш коллектив влился в Кемеровский коксохимический завод. На этом заводе я вместе со своими товарищами проработала всю войну. Этот период моей жизни был очень напряженный, трудный, но все было подчинено одному — все для фронта, все для победы.

Я работала инженером-исследователем химической лаборатории. В этот период моей работы в лаборатории завода проводились исследовательские работы по увеличению производства сырья, необходимого военным заводам.

Для получения электродного кокса для военных заводов сырьем для коксования служил пек, полученный после дистилляции смолы в смолоперерабатывающем цехе, но пека было мало, его и приходилось получать с других заводов. После дистилляции смолы получали пек с температурой плавления 65—70°. Для увеличения выхода электродного кокса необходимо было увеличить температуру плавления пека. Начались исследования, я решила довести температуру плавления пека до 150° и больше. В металлическую колбу поместила пек с температурой плавления 60°, нагрела пек и пропускала в колбу холодный воздух, в течение 23 часов пек окислялся воздухом, и мы получили пек с температурой плавления 200°. Тогда по распоряжению директора завода пек стали окислять в пекотушителях, куда пропускали холодный воздух в течение 40—50 минут, и получили пек с температурой плавления 90—100°. Выход электродного кокса от окисленного пека значительно увеличился.

Вторая работа по изысканию сырья для получения электродного кокса была пековая смола, после коксования пека.

До 1943 г. пековую смолу выбрасывали в реку Томь, так как она не содержала химических веществ, как угольная смола. Этим загрязняли реку Томь и убивали в ней рыбу.

Достали из печи чистую пековую смолу и ее в колбе, как и пек, окисляли воздухом, барботаж в колбе продолжался в течение 3—4 часов, после чего получили пек с температурой размягчения 100°. Это была большая радость и наша победа, так как получили необходимое и дешевое сырье для электродного кокса и очистили реку Томь от смолы.

[...] В апреле 1944 г. я была избрана зам. председателя завкома профсоюза по культурно-массовой работе. Была организована художественная самодеятельность. В художественной самодеятельности были организованы хор, музыкальный и танцевальный кружки. Выступали индивидуальные певцы, рассказчики и другие. Кружки выступали с концертами в красных уголках цехов, в клубе после собрания выступали с концертами и часто выезжали в подшефный колхоз «Новостройка» во время посевной и уборочной кампании. Концертами были все очень довольны.

*ГКУ ГАК, ф. П-483, оп. 1, д. 241, л. 1—4. Подлинник. Машинопись.
Опубл. частично: Этот день мы приближали, как могли: Сборник документов и материалов. - Кемерово, 2005. - С. 194.*

**№ 4. *Воспоминания Бер Зои Ивановны, в годы войны
проживавшей в колхозе «Майский». 2014 г.***

Когда началась война наша семья жила в колхозе «Майский» Ленинск-Кузнецкого района. Наша семья состояла из шести человек, отец был председателем колхоза, а мать работала в магазине продавцом.

Когда Германия напала на нашу страну, мы слышали по радио и от жителей колхоза. Мы все очень испугались и плакали.

Мы всей семьёй со слезами на глазах собирали брата на фронт. От брата приходили письма — треугольники с фронта. Он защищал Украину под г. Харьковым. В 1943 г. с фронта пришла похоронка — брат погиб.

В тылу было очень тяжело.

Мы писали на книгах между строчками, чернила замерзали от холода. Работали на колхозных полях, отоваривались по продуктовым карточкам, дежурили в госпиталях, кормили, ухаживали за ранеными, одежду и обувь донашивали от старших сестёр.

Всем колхозом встречали солдат, вернувшихся с войны.

В послевоенные годы жизнь в колхозе была очень тяжелая, но я выучилась на медсестру и работала в больнице. На работе меня отмечали грамотой, благодарностью, медалью.

От брата у мамы остались письма, фотографии, похоронка и воспоминания.

ГКУ ГАК, ф. Р-1334, оп. 1, д. 104, л. 1. Подлинник. Рукопись.

**№ 5. *Воспоминания Березиной Сильвии Васильевны,
в годы войны проживавшей в г. Кемерово.
17 марта 2014 г.***

Вся наша семья жила в Кемерово. Так называемый Соцгород, в 2-этажном бараке, ныне ул. Рукавишникова. Отец, мать, бабушка и я. Отец работал на ГРЭС простым рабочим, мать — учительницей географии в школе. Мне шёл 13 год, училась в школе, бабушка — домохозяйка.

Но наступил 1941 г., лето, которое было теплым и ласковым. Меня определили в пионерский лагерь в Елыкаево («Азот»).

Хорошо отдыхали, было весело, прекрасная погода, хорошее питание. Готовились провести пионерский костер. Песни, танцы и прекрасный хор. Настал вечер, костер зажгли, красиво, тепло от всего кругом. Костер пылал, и вдруг подъезжает легковая машина, выходят три человека — одна женщина и двое молодых мужчин с очень грустными лицами. И что же?

Они подошли к костру и очень грустно посмотрели на костер и на нас.

С глубокой грустью объявили, что началась война. Костер догорал, и всем стало так горестно, хотя мы до конца и не осознавали, что такое война. Скорей бы уехать домой, под защиту своих семей.

В первый же день отец пошел в военкомат, и его взяли на войну. Во время войны он был в спецвойсках и возвратился только в 1947 г. К сожалению, писем мы получали очень мало, писал кратко и емко.

Я училась в школе № 41 всю войну и работала на главпочтамте, в отделе доставки, развозила почту по точкам на бричке, запряженной лошадью. Наша почта находилась в здании школы, не помню какой, но сейчас она № 40 по Кузнецкому пр-ту, в правом крыле, на 1-м этаже. Рядом находилась комната военной цензуры. И чтобы письма про [ш] лись быстрее, мы часто отдавали им в руки. Без цензуры не проходило ни одно письмо.

Все невзгоды приходились на всех, и всё терпели и ждали писем, новостей.

За хлебом были вначале очень длинные очереди, пока не ввели карточки.

- II
В хлебном биче была очень длинная
огорода, пока не были карманы
Мин. и в бараке, где не было ни
опилки, воды, канализации и важно
называлось сестрой. Сейчас это место
не узнать: красивая дача, все удобно,
но это сейчас после моей войны,
мне тяжело и тяжело
III Мне мать разбудила в шесть утра
и сказала, что началась война.
Это была большая радость. Сварили
картошку, хлеб и есть было очень
хорошо. В хлебном на сестру
сейчас он "хлеб". Было много радости
хлеба и счастья
IV. Мн. и в даче. Я окончила школу
в 1945, с "отличным званием" воевала
в Москву. Трагедия успешно экзальти
в МЭИ (Московский энергетический институт
Механика). Окончила в 1951
сейчас инженер-механик
и всю свою жизнь посвятила
служению, более 40 лет. У меня много
работал в Дубаса, Кемаров, Сохманов
17. ~~Май~~ мэрба 2014.
- Е. Г. Г. Г.

Жили мы в бараке, где не было отопления, воды, канализации, и все это называлось Соцгород. Сейчас это место не узнать: красивые дома, все удобства, но это отстроили после войны, жизнь налаживалась и успешно.

Меня мать разбудила в шесть утра и сказала, что кончилась война. Это была большая радость. Сварили картошки с хлебом и чаем, было очень вкусно.

Затем все побежали на стадион, сейчас он «Химик». Было много радости, улыбок и слез.

Жизнь шла дальше, я окончила школу в 1945 г., с аттестатом зрелости поехала в Москву. Прошла успешно экзамены в МЭИ (Московский энергетический институт) им. Ломоносова). Окончила его в 1951 г., стала инженером-теплоэнергетиком и всю свою жизнь посвятила этой специальности, более 40 лет. Имею медали. Работала в Донбассе, Кемерове, на Сахалине.

ГКУ ГАК, ф. Р-1334, оп. 1, д. 105, л. 1—2. Подлинник. Рукопись.

№ 6. *Воспоминания Богатенко Дины Павловны, в годы войны проживавшей в г. Кемерово. 2014 г.*

1 июня 1941 г. Мне было 12 лет, я закончила 5 классов. Жили папа, мама, сестра (22 года) и я. Жили в Кемерово, на улице 3-я Заречная, на берегу реки Томи.

Утром, часов в 10—11, с девочками пошли за цветами в лес, на луга (это было место, где сейчас находится цирк), там же был большой луг с цветами и невысокими березками. Возвращаясь домой, шли мимо магазина, там было очень много людей, все встревоженные, покупали в магазине все, что только было, в основном — соль. «А что случилось?» — спрашивали мы людей. В ответ звучало: «Война началась!!!» Дома я узнала, что война!!! Было выступление товарища Молотова по радио (радио у нас было — большая черная тарелка).

В тот год только закончилось строительство новой школы. То была школа № 41 на улице Арочной (сейчас на этом месте находится корпус университета). Числа 30 июня каждому школьнику сообщили, что мы поедем помогать колхозникам, а школу будут готовить под госпиталь. В июле собрали учеников нашего класса, приблизительно человек 25, и увезли в колхоз, который находился в деревне Топки. Жили в приспособленных помещениях, работали: убирали скошенную траву, которую лошадьми возили на волокушах, делали стога сена, убирали рожь серпами в снопы, а потом убирали овощи, и так до 15—20 сентября.

Учиться начали с 1 октября, но уже в другой школе. Там, где была наша школа, на улице Арочная, был госпиталь. Дорогу с улицы 3-я Заречная до улицы Николая Островского, 13, где располагалась наша новая школа, преодолевали пешком (расстояние в одну сторону 3,5 км.). Так ходили в школу и обратно домой.

В декабре 1941 года умер мой папа, ему тогда было 65 лет. Мама — домохозяйка, сестра работала швеей в артели «Труженик». Соседи, муж моей сестры и другие люди вокруг нас получали повестки в военкомат. Уходили, плакали, прощаясь, им кричали: «Возвращайтесь обязательно! Мы будем ждать!!!»

Жить, конечно, было голодно. Поначалу ели траву-лебеду, другие травы. Весной собирали замерзшую картошку. Хлеба давали мало:

500 граммов — работающим и по 300 — другим. Очень берегли продуктовые карточки. Очередь за хлебом занимали в 5—6 часов утра. Номер записывали на ладонях.

На фронт уходили два родственника — мужа моих сестер. Письма с фронта приходили треугольниками. Все из моих родственников благополучно вернулись с войны домой.

В 1943 году я закончила 7 классов и поступила в кооперативный техникум по специальности — товаровед. В 1946 г. окончила данный техникум с отличием.

В 1945 году закончилась война. Когда об этом узнали и другие девочки, описать это было невозможно, крики: «Ура!», «Победа!», «Мы победили!», — раздавались отовсюду! Мы плакали, смеялись! Война закончилась!

ГКУ ГАК, ф. Р-1334, оп. 1, д. 106, л. 1. Подлинник. Машинопись.

№ 7. *Воспоминания Васильева Якова Ильича, в годы войны проживавшего в Чебулинском районе.*
27 февраля 2014 г.

Я, Васильев Яков Ильич. Наша семья жила в Кемеровской обл., Чебулинский р-он, д. Прележ. Приехал в сельсовет военный и приказал собрать весь народ.

Военный сказал, что напала Германия на нас, и сказал всем мужчинам с 18 до 25 лет собраться и ехать в военкомат. Собрались, уехали. Провожали мужчин шумно, весело и горько. Через год некоторые получили похоронки, пришли раненые, некоторые без руки, другие без ноги — такие раненые. Большинство погибли на фронте.

Жили в тылу в деревне очень плохо: что выращивали — отдавали для фронта, для победы. Для фронта отдавали все: хлеб, молоко, масло, мясо, яйца, брынзу овечью. Себе мало оставалось, сами ели тошнотики, все травы съедобные, вот так перебивались. В Сибири войны не было. Мы активно принимали эвакуированных, селили, где меньше семьи, помогали им всем, чем могли.

День победы 9 мая мы встретили весело, нам сказали часов в 11 дня, день был теплый после дождя. Достали фотографии.

Все фронтовики, члены [семей] фронтовиков, погибших достали письма, фотографии, грамоты. Все радовались, обсуждали.

Как началась война, учился и работал, задача была обеспечить дровами, угля не было. В нашей бригаде было четыре человека: две женщины и два подростка. До обеда учились, а после работали, ездили за дровами — надо топить, греть.

Извините за плохой почерк и ошибки, старость — не младость.

ГКУ ГАК, ф. Р-1334, оп. 1, д. 109, л. 1. Подлинник. Рукопись.

**№ 8. Из воспоминаний Васькиной Марии Ивановны,
в годы войны проживавшей в г. Кемерово. 2014 г.**

Моя семья жила в Кемерово с 1922 г.

Семья до войны была на пять человек: отец работал в строительной организации плотником, мама в конфетной артели, сестра работала учительницей начальных классов, брат был подпаском, я училась в школе, закончила 4 кл. (из-за болезни туберкулезом пошла в школу с 9 лет).

До сих пор помню голос Молотова, когда он объявил о вероломном нападении на нашу страну. Для взрослых это был шок, так как знали они, как это отразится на каждой семье. Мы, дети, верили, что Красная Армия всех сильнее.

Брата призвали в армию в октябре 1941 г.

В 1941 г. отца, инвалида II группы, призвали в стройбат. Он был там¹, его через год² комиссовали.

Помню, как мы провожали с призывного пункта, много было слез. Здесь были и соседи из нашего барака. Каждый говорил, что-бы слушался командиров, зря не бравировал, война — это серьезно, и не был трусом.

Письма приходили нечасто, так как брат закончил только три кл [асса], ему было трудно много писать. Он воевал под Смоленском, который [переходил] из рук в руки несколько раз. В 1943 г. пришла похоронка, что погиб он под Ельней в деревне Федоровка. Из всех близлежащих к г. Ельня были захоронены в братской могиле в г. Ельня. На обелиске перечислены все имена. Брат был дважды ранен, один раз лежал в прифронтовом лазарете, второй раз в Прокопьевске.

До войны в 4 кл [ассе] я училась в новой, только выстроенной школе. В самом начале войны в школе был госпиталь. Мы, ученики 4—5 кл [ассов], выступали с концертами. Ходячие раненые гладили нас, вспоминали своих детей. Постарше ребята писали письма под диктовку, ухаживали за ранеными.

¹ Далее зачеркнуто «недолго».

² Написано над зачеркнутым «полгода».

5. Письма приходили не часто, так брат закончил только 3 кл. Ему было трудно много писать. Он воевал под Смоленском, который из рук в руки несколько раз. В 1943 пришла похоронка, что погиб он под Ельней в деревне Федоровка. Из всех близнецов к 2, Ельня были захоронены в братской могиле в 2. Ельня. На обелиске перечислены все имена. Брат был дважды ранен, один раз попал в прифронтовое лазарет, второй раз в Прокопьевку.
6. До войны в 4 кл. я училась в новой школе всеобщей школы. В самую первую войну в школе был госпиталь. Мы учились 4-5 кл. Выступали с концертами: ходили с ракетом, мадали нас, выполняли своих детей. Постарше ребята писали письма под диктовку, чужием за раненым.
- Во время войны я закончила 5 и 6 класс. Училища мы старой деревянной школе. Хотя было и холодно, мы одевались тепло: в лыжные шаровары, вязаных кофточках. Все были одинаково бедно одеты, только хорошо одета была одна девочка — дочка полковника.
- Учебников не хватало, но одному учебнику учились 4-5 человек. На задания мы не писали, в смысле еще были записаны. 5-6 кл. в колоды не посылал.

Во время войны я закончила 5 и 6 классы. Учились мы в деревянной школе. Хотя было и холодно, мы одевались тепло: были в лыжных шароварах, вязаных кофточках. Все были одинаково бедно одеты, только хорошо одета была одна девочка — дочка полковника.

Учебников не хватало. По одному учебнику учились четыре — пять человек. На газетах мы не писали, в семьях еще были запасы. 5—6 кл [ассы] в колхозы не посылали. Ездили только 7—10 классы. Мы работали на школьных площадках, каждый класс имел свои грядки, которые мы сами копали, садили овощи, пололи, поливали. Из овощей садили картофель, морковь, капусту, лук.

Когда отца призвали в стройбат, сестра жила отдельно от нас с мамой, тогда мы очень голодали, особенно в 1942 г. Мне в школе давали бутылку молока, как ослабленному ребенку (после туберкулеза). Молоко нас спасало, варили лебеду, собирали на полях замерзшую картошку. Но после того, как отец вернулся домой, мы стали жить лучше. У нас были картошка, морковь и капуста, фасоль — всё садили в поле. Одежду носила после сестры. Из отцовского полушубка мне перешили пальто, внутри — мех, верх — плотная материя, на ногах бурки с галошами. Питались мы по карточкам, отец 600 г, мама — 250 и я, школьница, — 250 г. В 1943 г., когда отец был в стройбате, я пошла работать на завод. Нам с мамой стало легче, так как была рабочая карточка и прикреплены к заводскому магазину. И первый — 600 г — кусок хлеба я почти весь съела по дороге домой, опомнилась только тогда, когда остался маленький кусочек.

Уже до войны [было] трудно с продуктами, за хлебом стояли в очередях. Но тогда были люди более отзывчивые: если меня отправляли спать, а ночью делали перекличку, то женщины не оставляли меня без номера.

[...] Я всегда ждала, что Победа будет в мае. Я не знаю более радостного дня, чем 9 мая 1945 г. Это было ликование, хотя у многих были погибшие на фронте, плакали, но радость была, что победили. Через наш вокзал не проезжали поезда с военными. Встречали только родные и соседи. Были митинги, на которых выступали воины.

После войны я пошла в вечернюю школу. Закончила 7 кл [ассов], потом 2 курса техникума, а затем перешла в 10 кл [асс]. Поехали с подругами в Ленинград, в инженерно-технический институт на электромеханическое отделение. Но мне пришлось бросить учебу (отец сломал ногу, а он работал грузчиком), помогать мне не могли.

ГКУ ГАК, ф. Р-1334, оп. 1, д. 110, л. 1-2об. Подлинник. Рукопись.

**№ 9. *Из воспоминаний Гусевой Клавдии Сергеевны,
в годы войны проживавшей на территории
Кемеровской области. 28 января 2010 г.***

Когда началась война, [...] вместе со своей семьей проживала в городе Мариинске. Семья состояла из четырех человек: мама, две старшие сестры и брат. Отец умер в 1940 году.

О том, что началась война, узнали 22.06.1941 года, диктор Левитан объявил по радио, что бомбили Киев, и немецкие войска прорвали оборону и вторглись на нашу территорию. В этот день моя старшая сестра со своими подружками дома решили отметить окончание учебы в педагогическом училище, сели за стол, но вместо радости от получения диплома мы все плакали. До вечера просидели у радиоприемника, каждые два часа слушали сообщения от «Совинформбюро», которые вызывали страх и тревогу...

На следующий день призвали брата на фронт. Письма с фронта получали редко, через полгода тяжелых военных испытаний он был ранен, лечился в госпитале, и по инвалидности был направлен домой. Мама, я и сестры — все очень тяжело переживали за любимого брата, но были рады, что вернулся живой.

Помню, как мама и соседки вязали шерстяные носки и рукавицы для солдат, помогала маме упаковывать посылки и отправлять на фронт, а с фронта, вместе с письмами, стали приходить «похоронки».

Началась война, мне исполнилось 12 лет, [...] в школах занятия начались только в октябре, весь сентябрь все работали в колхозе, копали картошку. У нас была норма — 10 корзин за день, это было очень трудно, дождь, снег, а копать все равно надо. Сразу после объявления о войне в магазинах исчезли все продукты, но нас выручала картошка. Продовольственные карточки не всегда отоваривались, хлеб был каждый день, но очередь занимали с вечера, на ладошках писали карандашом номер очереди.

Каждое утро всей семьей обязательно прослушивали сводки с фронта, все очень переживали, что наши войска отступают, а когда объявили, что немцы подступают к Москве, стало очень страшно. В начале 1942 года умерла моя мама, уехала на операцию в город Томск и не вернулась. Меня взяли к себе родственники, они жили

в Кемерово. В 14 лет я поступила на работу в отдел специальной связи, мне очень повезло, я попала в хороший коллектив. Начинала работать учеником в спецотделе, научилась печатать на пишущей машинке, вести делопроизводство, а главное, мне выдавали картошку — 500 граммов — и спецодежду. Перешла в вечернюю школу, занимались в холодных классах, писали на старых газетах и книгах.

9 мая 1945 года пришли, как всегда, на работу, и вдруг объявляют по радио, что немцы капитулировали, война закончилась. Мы всем коллективом вышли на улицу, весь центр города был заполнен людьми, все обнимались, плакали и радовались, поздравляли друг друга. Это была наша Победа! Война закончилась, я так и продолжала работать в спецсвязи. Мой трудовой стаж составляет 50 лет.

ГКУ ГАК, ф. Р-1334, оп. 1, д. 119, л. 1. Подлинник. Машинопись.

**№ 10. Из воспоминаний Евдоковой Александры
Александровны, в годы войны проживавшей
в г. Кемерово. 2014 г.**

Когда началась война, мы жили в Кемерово всей большой семьей. Отца забрали на фронт и брата. Отец воевал с 1941 по 1945 г., был награжден за оборону Сталинграда и медалью за Ленинград. Воевал на Ладогe, рассказывал, что примерзал ко льду. Лежал в госпитале, приехал домой весь больной и пожил только 10 дней, умер, не дожив до победы 19 дней.

Во время войны нас, учеников, возили в колхозы: мы пололи, копали картошку, все делали, без дела никто не сидел.

Мама садила табак, сушили, резали, шили кисеты, вязали носки, рукавицы, платочки носовые вышивали, отправляли, что могли, на фронт. Табак набивали в кисеты. Собирали бутылки для горючей смеси.

Учились мы в три смены в детской больнице, писали на старых книжках. Все школы были госпиталями. Мы, ученики, ходили в госпиталь, выступали. Ходили на швейную фабрику, починяли брюки и фуфайки, все окровавленные.

Собирали мерзлую картошку и пекли тошнотики, они были такие черные, но ели. Мама варила суп с лебедой, а хлеб, что нам давали, мама крошила в суп.

Ходили в чем попало. Но выжили, как могли.

Брат пропал без вести.

Когда кончилась война, с самолета бросали листовки, что кончилась война. Мы все бросили школы и бежали на стадион, и какая была радость, и слезы. Люди обнимались, плакали и радовались. Даже сейчас без слез не вспомнишь. [...]

Все хорошо, но чтоб не было войны. Я очень чту память и ценю фронтовиков, которые еще живы. [...]

ГКУ ГАК, ф. Р-1334, оп. 1, д. 123, л. 1—2. Подлинник. Рукопись.

**№ 11. *Из воспоминаний Елисеева Юрия Ивановича,
в годы войны проживавшего в г. Кемерово. 2014 г.***

Моя семья во время войны жила в г. Кемерово, [...] недалеко от швейно-обувной фабрики № 7, которая в настоящее время называется швейфабрика «Томь» и находится на проспекте Ленина.

Семья наша состояла из семи человек: бабушка, отец, мать, сестра Татьяна, Юрий — автор этого письма, брат Василий и сестра Тамара.

Сестра Татьяна, 1924 г. рождения, окончила школу медсестер, и в июне 1942 г. была направлена в Ленинград, в госпиталь, для обслуживания раненых солдат. После снятия блокады Ленинграда Татьяна окончила учебу в Томском медицинском институте и работала до пенсии фармацевтом в аптеках. [...]

Во время войны моя мать работала на швейно-обувной фабрике № 7 разнорабочей, затем работала кочегаром в школе № 18 г. Кемерово. Отец мой работал на автобазе военного завода № 392 в Кировском районе г. Кемерово. Название завода менялось два раза, второе название было «Завод п/я 120» и третье название — завод «Прогресс». На работу отец ездил в пассажирском вагоне от Предкомбината до Правотомска на правый берег Томи. Отца за его работу наградили медалью «За трудовое отличие».

В начале войны мне исполнилось 14 лет, и я пошел на работу к отцу учеником слесаря, и в конце 1943 г. я устроился на работу на «Кузбассэлектромотор» токарем. После работы я ходил в школу рабочей молодежи и окончил школу шоферов 20 мая 1946 г. И работал на заводе азотно-туковом, затем работал на заводе п/я 120 на 8-м производстве слесарем. [...]

На фронт люди уходили по призыву и добровольно. Дядя Андрей, брат моей матери, ушел на фронт добровольно и с фронта вернулся больной, а дядя Петя и дядя Коля, братья моего отца, ушли на фронт по призыву, и оба не вернулись с войны. Провожали на войну очень просто: собирали котомку, в которой лежали необходимые дорожные вещи и небольшой запас еды. Письма с фронта писали на одном листе тетрадного формата, на одной стороне и складывали треугольником, чистой стороной листа наружу. На одной стороне писался адрес родных. Письмо не заклеивалось, и его военная цен-

зура легко раскрывала, проверяла и ставила штамп: «Проверено военной цензурой».

Раненые и больные размещались не только в больницах и санаториях, но и в школах.

Ученики в школах занимались иногда в верхней одежде, так как не всегда школы обеспечивались углем для отопления. Даже в столовых, бывали случаи, не было топлива.

Ученики писали на газетах и старых квитанциях.

В начале войны хлеб и продукты продавались по очереди, стояли только сильные и молодые люди, потому что фактически очереди не было, а была давка толпы, в которой дети, старики и больные люди могли быть задавлены. Такая торговля длилась недолго, и жителям стали выдавать продовольственные карточки, но и по карточкам были очереди, и порядок очереди соблюдался. Очередь занимали с вечера, записывали номер очередной и ждали открытия магазина. В ночное время люди ненадолго уходили домой и снова возвращались. Перед открытием магазина очередь пересчитывали, и, кто не пришел в это время, тот терял свою очередь и становился последним. Питания по карточкам не хватало, поэтому люди готовили еду из крапивы и лебеды. Крапиву варили, процеживали через решето, а лебеду варили и отжимали зелень. Крапиву и лебеду размешивали, добавляли горсть муки или крупы, или картошки, варили и ели. Весной, когда снег на полях растает и земля подсохнет, тогда люди ходили по картофельному полю в надежде найти недокопанное гнездо картошки или обрезанную картошку при сборе урожая. Эту прошлогоднюю картошку приносят домой, очищают от грязи и зелени (зелень — это подгнившая часть картошки), толкут, добавляют воды и жарят на воде или на чистой натуральной олифе, или на конопляном семени (конопляное семя надо истолочь в ступе). Такие блины назывались тошнотиками.

ГКУ ГАК, ф. Р-1334, оп. 1, д. 124, л. 1—3. Подлинник. Рукопись.

**№ 12. Из воспоминаний Ильченко Веры Николаевны
о работе на заводе «Прогресс». [1985 г.]**

[...] 23/VI-41 г. началась мобилизация. Наши труженики уходили на защиту страны и по мобилизации, и добровольно, чтобы изгнать со своей священной земли незваных «гостей». Уходили деды, отцы, мужья, братья, сыновья, сестры и даже матери. Не оставали от них и мальчики в 16—17 лет.

3/VII-41 года по московскому радио выступил Секретарь ЦК ВКП (б), Председатель [Совета] народных комиссаров СССР, Председатель Государственного Комитета Обороны Иосиф Виссарионович Сталин. В своей речи он сказал о большом несчастье, постигшем весь советский народ. С большой ненавистью осудил преступность немецкого фашизма. А свой народ поднял на героическую схватку с сильным и коварным врагом. В заключение товарищ Сталин сказал: «Враг будет разбит! Победа будет за нами!

Смерть немецким оккупантам!»

В первые дни войны добровольно ушли начальник цеха Григорьев Григорий Семенович, не отстал от него и сынишка-восьмиклассник 19 школы Григорьев Борис. Ушел и секретарь комсомольской организации Осипов Евгений Петрович, который в 1939 году сменил Жинжилову Анастасию Григорьевну, ушедшую в другой цех. И она тоже добровольно ушла на защиту страны от гитлеровской нечисти.

На первой же неделе военного времени цех перешел на 12—16-часовую сменную работу. Когда началась война, цех был разделен на два цеха — 5 и 5а. Вот поэтому мы, отработав 12 ч. на своем рабочем месте, ходили на помощь в 5а, где трудились еще 4 часа. После ухода Григорьева Г. С. на фронт недолгое время руководил Вострухин Александр Иванович, а после него назначили Шикова Сергея Яковлевича.

Выходных не имели, а были только пересменки, но приходилось работать без пересменки целый месяц. В эти периоды приходилось очень трудно, но на это были уважительные причины. Многие очень тяжело переносили такие смены и даже падали от большого переутомления. Да, так бывало. Люди месяцами не выходили из цеха. Многие не имели теплой одежды и обуви. На ноги нама-

Ильченко Вера Николаевна.
ГКУ ГАК, ф. П-483, оп. 1, д. 412, л. 55–56

тывали разное тряпье да носили парусиновые ботинки на деревянной подошве. После трудоемкого изнурительного труда, а он был с большой нагрузкой, так как нормы были завышены, спали в определенном помещении цеха, где стояли деревянные топчаны, железные койки, но не везде имелись какие-либо тюфяки. Мыла выдавали в цехе 200 граммов в месяц, а поэтому была большая завшивленность.

После 12—16 часов работы приходилось стоять в очереди за хлебом и продуктами в магазинах. Заняв очередь, уходили домой и часто просыпали ее, оставляя голодными детей. Поэтому решили спать в очередях, сидя в магазинах, а летом — на улице. При подходе очереди друг друга будили. Несмотря на все трудности военных лет, все трудящиеся завода отдавали все силы, чтобы помогать фронту быстрее покончить с фашизмом.

С первых дней войны с перевыполнением трудились сдельщики. Бригада комсомольца Молявкина выполняла норму на 150%, а звено Спицыной этой же бригады — на 200%. Грузчик Суслов —

на 262 %, сварщик Соловьев — на 200 %, слесарь Душаков — на 200 %, автогенщик Валенков — на 200 %.

В конце 1941 г. выдвинулись в стахановцы опять бригады сдельщиков: Абраменко, выполнивший нормы на 155 %, Довженко Л. — на 155 %, Кругликовой Г. И. — на 141 %, Дарвиной Л. Ф. — на 111,8 %. Весь коллектив цеха добросовестно, самоотверженно работал, чтобы помочь героическому фронту приблизить Победу.

Всеобщий лозунг того грозного времени войны был таким: «Все для фронта! Все для Победы!». И все труженики тыла на устах с этим лозунгом совершали большие трудовые подвиги.

В 1942 г. в цехе сложилась большая трудность — не хватало людей для пуска дополнительных агрегатов. Администрация цеха во главе с Шиковым С. Я. принимала все силы и возможности, чтобы задание было выполнено. Коллектив производства с помощью партийной организации справился успешно.

1943 год. Весь завод перешел на казарменное положение. Всему руководящему составу, начиная с директора завода (им был Гречищев Николай Иванович) до начальников смен выдавалась военная форма. Присваивались звания соответственно занимаемой должности. Была введена гауптвахта. На завод было еще мобилизовано сельское население, а это, понятно, кто же работал в колхозах. Из среднеазиатских республик на завод прибыли казахи, узбеки, таджики, туркмены, из которых большинство были пожилые, а молодые были на фронтах ратного труда.

Руководил цехом до половины 1943 г. Аронов. Начальником 1 участка с 1941 года был выдвиженец Степцов В. Е., на второй очереди Макуха, на третьей — Тимошук Марк Леонтьевич, на 4-м участке — Васильченко Андрей Григорьевич, а у нас, на 5-м уч-ке, руководила Тюменцева Нина Павловна. Это была молодая, энергичная женщина, стройная и высокого роста. А говорила она четко, громко, как хороший оратор. Бывало, встанет перед сменой, выстроенной в линейку, в военной форме и начинает речь, поднимающую дух и настроение.

«Представьте себе, товарищи, что сейчас в болоте или снегу лежат наши бойцы взводом или ротой, им нечем защищаться, кончились патроны, а враг наступает на них. Многие из бойцов раненные лежат, истекая кровью, или уже убитые. Так заступая на смену трудовой вахты, постарайтесь, родные, помочь нашей мужественной

и героической армии, нашим отцам, мужьям, братьям и сестрам, проливающим кровь и отдающим жизни в смертельной схватке с фашистской нечистью».

Со второй половины 1943 года начальником нашего трудового коллектива стоял Бушуев Павел Григорьевич. Мужчина среднего роста, полный и круглолицый, с большими черными глазами и с лысиной, начинающейся с большого крутого лба. Рабочие его называли Батей. А был он внимателен, строг и хороший организатор.

В этом же 1943 году был призыв в сталинскую дивизию. Несмотря на то, что на заводе была бронь, многие писали заявления об уходе на фронт, но ушли не все желающие.

Мне пришлось работать на 5-м участке с пуска завода. Была все время комсоргом. И вот мы, комсомольцы участка, решили написать заявления в облвоенкомат, чтобы нас взяли в сталинскую дивизию. Нас было шесть человек — Безносова Маша, Смалеха Даша, Попрядухина Тася, Семенова Н., Галин Н., Науменко Толя и комсорг участка Ильиченко В. Ответ пришел на завод. Руководил нашим участком уже Еременко Михаил Демьянович. Всех нас он выстроил на линейку, а нас поставил вперед, глянул укоряющим взглядом и сказал: «Вот, товарищи, эти комсомольцы решили пойти на фронт. А ведь у нас тоже фронт, но только трудовой. Мы здесь работаем по 12—16 часов, а то и сутками для фронта. Помогаем нашим воинам, которые в неописуемо тяжелом ратном труде проливают кровь и умирают в жестокой небывалой схватке с сильным и многочисленным врагом. Сейчас наша Родина превратилась в сплошной единый фронт. Вся наша великая страна трудится только для фронта».

Мне, как комсоргу, досталось больше всех. Наши труженики тыла находились далеко от фронта. Над нами не летали вражеские истребители, не рвались бомбы и снаряды, но все труженики глубокого сибирского тыла мысленно всегда находились рядом с героической Советской Армией. Те товарищи, которые работали в дневные смены, ходили в госпитали нашего района и помогали ухаживать за ранеными. Писали письма раненым, читали письма и газеты, фронтовые сводки, которые больные очень ожидали, а также читали книги.

Дома все наши труженики для бойцов вязали носки, варежки, шили и вышивали кисеты и носовые платки. Все это посылали

на фронт, а в носки и варежки вкладывали теплые письма. Иногда находили время сходить в кино.

А когда в ДК приезжали артисты — в этот момент те, кто не был на смене, особенно молодежь, обязательно старались попасть, не обращая внимания на свой наряд и усталость.

В ДК трудящиеся завода встречались с матерью Зои Космодемьянской и матерью Веры Волошиной, а также с диктором московского радио Юрием Левитаном.

В 1944 году сдельно работающие комсомольцы развернули соревнование за звание комсомольских фронтовых бригад. В этом движении были победителями бригады Нестеренко, Булгаковой, Цейко, а сама Цейко была награждена орденом Ленина, но получила его уже после окончания войны.

В борьбе за звание «Лучший мастер» победителем оказалась Кощеева Ольга Евдокимовна.

В этом же 1944 году началось общее движение за высокое звание «Гвардеец трудового фронта». Многие добились этого почетного звания. Получили определенные удостоверения — зеленые книжечки с наименованием «Гвардеец трудового фронта». На каждой странице указывался год и месяцы, где проставлялись проценты выполнения.

Изнурительным был труд военных лет, но люди не сдавались. Работали и подростки, но когда их посылали домой после восьми часов работы, они ведь не шли, а слезно умоляли, что они тоже будут работать, ссылаясь на то, что у них кто-то есть на фронте. Это говорит о том, что советские люди, от подростков до стариков, горели желанием скорее покончить с ненавистным фашизмом. Если же по какой-то уважительной причине прерывалась работа на 3—5 минут, то сразу же зачитывались фронтовые сводки, и вдруг слышались чей-то плач и рыдания, которые разрывали души людей. А рыдали те, кто получал похоронную на мужа, отца, брата. А голос Юрия Левитана, передававшего по радио положение на фронтах, всегда слушали затаив дыхание и с жадностью, останавливаясь у радиопродуктора ДК. Дома еще не каждая семья имела радио. А последние известия с фронтов, где умирали наши воины и совершали беспримерные подвиги на воде, земле и воздухе, прибавляли силы труженикам тыла.

Как руководители цеха, так и парторги были достойны своего назначения. Своим отношением к трудящимся, скромностью и вниманием они завоевывали авторитет среди очень большого и разнонационального коллектива. Обладали индивидуальным подходом к людям. К любому вопросу подходили деловито. Вовремя могли, если это надо, заступиться или наложить взыскание, несмотря на ранг и партийность. Любую жалобу разбирали с подходом настоящего руководителя.

В 1943 г. парторгом был избран Тизяев Александр Иванович. Он был тоже чутким, замечательным руководителем и организатором. Даже в те беспокойные, тяжелые годы Александр Иванович старался встретиться с любым членом партии или беспартийным и побеседовать. Спросить человека о здоровье, настроении, подбодрить его, поддержать, а в чем-то и помочь. С кем-то встречался на участках, а кого-то вызывал в кабинет парткома цеха.

Секретарем комсомольской организации долгое время был в цехе Коротких Федор Ефимович, который работал еще с секретарем партийной организации цеха Куликовым А. С. Все эти люди в организаторской и идеологической работе были руководителями ленинской закалки. Где-то во второй половине 1944 г. Тизяева А. И. назначили директором Кемеровской ТЭЦ¹. Временно его замещал начальник личного стола цеха Гордон Иосиф Соломонович — незаменимый в районе лектор-пропагандист. Вскоре он ушел на свое прежнее место, а парторгом избрали коммуниста Коротких Федора Ефимовича. Секретарем же комсомольской организации стала Волошина Мар., председателем цехового комитета — Белявский П. Д.

[...] Тот знаменательный день Победы — 9 мая 1945 года — был теплым и солнечным, лес оделся в зеленый наряд. В это счастливое, доброе утро работа везде была остановлена, и прямо с работы все вместе с начальником цеха Бушуевым П. Г. пошли на площадь ДК, где состоялся митинг. Многие безутешно рыдали, т. к. их мужья, отцы и сыновья не дождались счастливого дня Победы, за которую они пали смертью храбрых.

*ГКУ ГАК, ф. П-483, оп. 1, д. 412, л. 14-26об., 28-28об. Подлинник.
Рукопись.*

¹ Написано карандашом.

**№ 13. *Воспоминания Конева Николая Даниловича
о работе в отделе рабочего снабжения
Тайдонского леспромхоза Крапивинского района.
п. Металлплощадка. 25 декабря 1984 г.***

Летом 1943 года после тяжелого ранения я был демобилизован из рядов Сов [етской] Армии и вернулся в родные края, в с. Салтымаково Крапивинского района. Отдыхать и долечиваться было некогда. Через 45 дней меня пригласили в дирекцию леспромхоза и порекомендовали идти работать начальником торгового отдела ОРСа Тайдонского леспромхоза. В начале 1944 года после освобождения от занимаемой должности начальника ОРСа тов. Семенчикова И. П. меня назначили начальником ОРСа, где я и проработал до марта 1945 года.

Работа снабженца была очень трудной, потому что очень скудные были продовольственные фонды, не доставало кадров, транспорта. Не было у меня профессиональных знаний торговца, да и жизненный опыт невелик. В ту пору мне было 24 года. По профессии я — учитель.

Наш ОРС обслуживал Тайдонский леспромхоз треста «Северокучбасслес», то есть рабочих, служащих и их иждивенцев лесозаготовительной промышленности. Лес был нужен стране, шахтам Кузбасса. Уголь — это стратегическое сырье. Поэтому шахтеры и к ним приравненные лесозаготовители в годы войны были несколько на особом положении, снабжались продуктами питания и хлебом по повышенным нормам. Разнорабочий получал 800 г хлеба в день, служащий 400 г, иждивенцы 250 г, а лесорубы — килограмм, а при перевыполнении норм — даже 1,2 кг. У нас даже до 1945 года не было карточной системы, хотя вся страна питалась по карточкам. Отпуск хлеба и продуктов производился, хотя также нормировано, но по спискам, которые подписывал руководитель предприятия, цеха и заверяли в сельском совете. Для рабочих упор был сделан на общественное питание. Главная контора и склады, подсобное хозяйство находились в с. Салтымаково, а обслуживали лесозаготовительные участки такие, как Медвежка, Осиновка, Боровушка, Большой и Малый Тайдон, Шаманиха, Бунгароп, Богданово, Улумонда.

Конечно, тех коров, которые отпускались государством не хватало, поэтому приходилось вести заготовку в большой компании колбы, ягн, овец. Больше всего внимания уделялось развитию хозяйства хозяйства. Так в Салтинском и на лесозаготовительных участках Богданово, Осиповка, Мухомов мы садили картошку по 400-500 га семян для передработки на крупную просо, овес. Несколько гектар овец (капусты, свеклы и пр.) Вончанин и отработку посылки вели на лопатах, картошку садили на лопату, а убоину вели силами школьников, начинали со 2 км и дохозяйствовали (их было очень мало). В Осе была свиноферма и птица, своя пасека. Были и скотодворы на Ульяновские рога, овцы. Пошли на всех участках держали по 3-4 коровы и по несколько свиней. Это было большое хозяйство в условиях работы. Картошку отпущали в столовых от 500 г до кг на рабочего в день. В хлебопечении к муке добавляли мелкий картофель, овсяную или просеянную муку. Формы селезовали соевыми. Работали свои механизмы.

Во всех этих поселках были магазины, столовые и хлебопекарни. Рабочих насчитывалось 800—1000 чел. Из них процентов 30 были мужчины, а 70% женщины. Мужчины были те, которые по состоянию здоровья были непригодны к службе в армии. Все, кто мог держать оружие, были мобилизованы на фронт. Правда, не все

сразу. Лесорубов в начале войны «бронировали», т. е. освобождали от службы в армии. Но постепенно брони снимали и призывали в ряды Сов [етской] Армии.

Так, в 1942 году основной состав лесорубов уже был разбронирован и мобилизован. Ушли в армию добровольцами в Сибирскую дивизию начальник ОРСа Мелехин, гл. бухгалтер ЛПХ Воробьев и директор ЛПХ Тюльпанов. На их место пришли новые люди.

В 1944 году прибыло некоторое пополнение мужчин-болгар, мобилизованных из Бессарабии.

Трудности состояли в снабжении в том, что ЛПХ был удален от железной дороги, от города на расстояние 70 км и отрезан рекой Томью, весной и осенью во время ледохода особенно.

Фонды мяса, круп и других продуктов, одежду, промтовары — все это нужно было доставлять самовывозом из Ленинска-Кузнецкого (70 км) и Кемерова (150 км). В ОРСе не было ни одной машины, ни трактора. В ЛПХ было несколько автомашин, но они использовались строго на вывозке леса. Поэтому основной транспорт был гужевой: лошади и быки. Работали на этом транспорте подростки по 12—15 лет, юноши¹ и девушки, да кое-кто из стариков. Продукты и товары, привезенные из города, нужно было развезти по лесозаготовительным участкам еще на расстояние до 50 км в любую погоду — снегопады, морозы или в весеннюю распутицу. Основные продукты старались завезти зимой, так как летом в тайгу можно было проехать только верхом на лошади, а продукты завозили по горным речкам Тайдон, Томь на карбузах, которые тянули вверх по течению лошадьё. Это трудно и опасно. Были случаи гибели лошадей, а иногда и людей. Однако срыва в снабжении хлебом, мукой, продуктами питания ни одного дня не было.

Конечно, тех норм, которые отпускались государством, не хватало, поэтому приходилось вести заготовку в большом количестве колбы, ягод, овощей. Большое внимание уделялось развитию подсобного хозяйства. Так, в Салтымаково и на лесозаготовительных участках Богданово, Осиновка, Медвежка мы сажали картофель по 400—500 га, сеяли для переработки на крупу просо, овес. Несколько гектар овощей (капусты, свеклы и пр.). Вспашку и обработку почвы вели на лошадях, картофель сажали под лопату, а уборку вели

¹ Вписано над строкой.

силами школьников, начиная со 2 кл [асса], и домохозяек (их было очень мало). В ОРСе была свиноферма и птица, своя пасека. Была и скотоферма на Ильменке — рогатый скот, овцы. Почти на всех участках держали по 3—4 коровы и по несколько свиней. Это было большое подспорье в питании рабочих. Картофеля отпускали в столовых от 500 г до 1 кг на рабочего в день. В хлебопечении к муке добавляли тертый картофель, овсяную или просяную муку. Формы смазывали солидолом. Работала своя мельница. В ОРСе также был гончарный цех по изготовлению посуды. Сами изготавливали ложки, чашки, горшки. Изготавливали сани, телеги, плели лапти, выделяли кожи, из которых шили сбрую. Был и цех по пошиву одежды: фуфаяк, брюк, постельных принадлежностей.

Промтоварами, как и продуктами питания, отоваривали в зависимости от выработки, от выполнения месячных норм, а на сезонной работе — и от дневной выработки каждого.

Заработки рабочих были неплохие, до 5000 руб. в м-ц, а цены на продукты и товары были низкие, например, диагональ х/б стоила 3 руб. метр.

За помощью в ОРС обращались соседние колхозы: «Пролетарий», «Родина», «Светлый луч» и другие, которые остро нуждались в хлебе, хотя сами его выращивали и снабжали армию и государство.

Бесперебойность в снабжении населения продуктами первой необходимости зависела от слаженной работы всего механизма снабженцев. Исключительно ответственно, с полной отдачей сил работали такие люди, как продавцы муж и жена Городиловы, продавец Собянин С., завскладом Голубев И. М., возчики Воиткевич И. С., Черданцев Л. А., Собянин Павел, отличным наставником молодежи был старейший работник П. И. Губкин, а также Харитонов А. В., Чумаков И. И.

Овощеводческую бригаду возглавляла Соколова А. и ряд др. тов.

Вся страна в те суровые дни была охвачена небывалым патристическим подъемом. Люди понимали, что от каждого из нас зависит успех в победе над заклятым врагом — фашизмом. В 1943 и 1944 годах стало немало прибывать с фронта раненых, искалеченных солдат, которые из первых уст рассказывали о героизме воинов на фронтах Великой Отечественной войны. Все они вливались

в нашу трудовую семью и в тылу показывали образцы самоотверженного труда.

Возвратились после ранения два брата Ведерниковы — Иван и Михаил. Это бывший экипаж из трех братьев-танкистов, героически сражавшихся за Родину, один из них погиб, а двое, вернувшись, взялись за топоры лесоруба.

Коммунисты и комсомольцы были в первых рядах социалистического соревнования, они выполняли дневные нормы выработки на 500—600 %. Такими были лесорубы Слюглюк С., Шпорло, Чумепова и др. С первых дней войны вместо ушедших на фронт Великой Отечественной войны взялись за топоры лесоруба, встали за штурвалы комбайна и за руль трактора женщины и подростки. Все, кто мог своим трудом принести пользу Родине, честно и самоотверженно трудились на лесозаготовках, на полях совхозов и колхозов, стойко переносили все тяготы военного времени.

Все мы в трудные дни были хорошо осведомлены об успехах тружеников нашего района, а особенно интересовались трудовыми успехами своих соседей. Многих из них я знал лично. Так, Григорий Городилов из нашего села ушел на фронт вместе со своими четырьмя сыновьями, которые храбро сражались. 62-летний И. И. Кадошников проводил на фронт четырех сыновей и шесть внуков. Проводив на фронт молодежь, Иван Иванович стал сам во главе полеводческой бригады и зарабатывал по 500 трудодней в год. Из соседнего к-за «Восток» 67-летний колхозник Христофор Колумб ежегодно вырабатывал по 500—600 трудодней. Колхозник к-за «Коминтерн» П. С. Ткаченко имел 12 детей, из которых шесть защищали Родину, сам тов. Ткаченко работал в колхозе.

Примеры самоотверженного труда показывали колхозники на уборке урожая. Например, осенью 1943 года комбайнеры МТС в сжатые сроки убрали: Кунгуров 515 га, Кириченко — 501 га зерновых культур.

Уборку вели не только комбайнами, но и конными косилками, за которыми шли вязальщицы снопов. Они также работали с полной отдачей сил. Так, колхозница с/х артели «Искра» О. Лапаева связывала по 1000—1200 снопов ежедневно. Тов. Синицина А., колхозница этого же колхоза, ручной косой скашивала по гектару в день

ржаного¹ поля, своему методу она обучала других колхозниц. По методу т. Синициной колхозница с. Междугорное Фолина за четыре дня скосила ручной косой с граблями 4,44 га.

Самоотверженным трудом отвечали на успехи Красной Армии на фронтах Великой Отечественной войны колхозники колхоза им. Буденного Борисовского сельсовета. Так, П. Ф. Зуева, с помощью четырех подручных, связывала по шесть тысяч снопов в день.

Примеру своих отцов и матерей следовали подростки. Ученик 8 класса Салтымаковской средней школы из к-за «Светлый луч» Виктор Бурашников, работая на сменных лошадях, убирал по 9 гектаров зерновых в день конной сенокосилкой. За 18 дней он скошил 165 га вместо 68 га по плану.

Четырнадцатилетний машинист сенокосилки из к-за «Красная звезда» Попереченского сельсовета Геннадий Гуцин за короткий срок скошил на конной косилке 60 гектаров хлеба. В таком же возрасте Вася Гребнев из к-за им. Дзержинского, того же сельсовета убрал за 11 дней 55 гектаров. Это в два раза больше плана. 14-летний Саша Анисимов из к-за «Кузбасс» ухаживал за 120 овцами и не имел случаев падежа. Помещение овчарни он содержал в образцовом порядке. Таких примеров самоотверженного труда в Крапивинском районе, как и во всей нашей необъятной стране, были тысячи.

В борьбе с немецко-фашистскими захватчиками советский тыл с каждым днем усиливал свою помощь фронту. Тысячи теплых вещей только трудящимися Крапивинского р-на были собраны и направлены на фронт бойцам Красной Армии.

Трудящиеся района любовно готовили посылки с подарками, которые направляли фронтовикам. В них были: мед, мясо, масло, яйца, сибирские пельмени и т. п. 4 698 000 рублей собрано трудящимися района средств на постройку танкового корпуса «Кузбасс» и авиаэскадрильи. Следуя патриотическому почину тамбовских колхозников, члены с/х артели «Большевик» решили купить для Красной Армии боевой самолет, на покупку которого они собрали 151 тысячу рублей, а председатель этого колхоза Александр Варфоломеевич Дианов, бывший красный партизан, из своих личных сбережений внес на приобретение самолета 27500 рублей, за что получил благодарность Красной Армии.

¹ Написано над зачеркнутым пшеничного.

Воодушевленные успехами продвижения Красной Армии и стремясь всеми силами быстрее разгромить немецко-фашистских захватчиков, рабочие и служащие Крапивинской конторы связи собрали из своих сбережений шесть тысяч рублей на строительство танкового корпуса «Кузбасс». Рабочие и служащие Тарадановской МТС внесли на постройку танкового корпуса «Кузбасс» 12 тысяч рублей, колхозники артели «Искра» внесли 12600 рублей, рабочие и служащие заготзерна — 9376 рублей, а рабочие, служащие и инженерно-технические работники Тайдонского леспромхоза собрали наличными и сдали в фонд Красной Армии на постройку танкового корпуса «Кузбасс» 83 тыс. рублей.

Все коллективы получили телеграммы с благодарностью от главного командования Красной Армии.

Благодарность Красной Армии была получена в адрес Крапивинского райкома партии, райисполкома и Героя Советского Союза тов. Васильева И. Р. В тексте телеграммы говорилось: «Передайте трудящимся Крапивинского района, собравшим средства на строительство танкового корпуса «Кузбасс», мой братский привет и благодарность Красной Армии. И. Сталин».

Колхозы нашего района сдали в фонд обороны десятки тысяч пудов хлеба, меда, картофеля, масла, мяса и других продуктов.

Дружно проходила подписка на заем. Только в 1943 году трудящиеся Крапивинского района подписались на сотни тысяч рублей, не жалея своих средств на разгром врага. 78-летний колхозник с/х артели «Путь к коммунизму» Коношенко подписался на 7500 рублей, а А. В. Голыбин на 8 тыс. руб., тракторист Крапивинской МТС Яныкин — на 6 тыс. руб., а семья Колчановых — на 9 тыс. Фронтовик М. А. Редькин из п. Крапивинского подписался на трехмесячный заработок с удержанием суммы подписки в четыре месяца, а фронтовик, инвалид Отечественной войны из к-за «Чуваш труд» Егоров подписался на всю получаемую пенсию до конца войны.

ГКУ ГАК, ф. П-483, оп. 1, д. 414, л. 4—13. Подлинник. Рукопись.

**№ 14. *Воспоминания Коптевой Марии Тимофеевны,
в годы войны проживавшей в г. Кемерово. 2014 г.***

Когда началась война, моя семья проживала в г. Кемерово, в Кировском р-оне, он назывался Химплощадка.

Жили мы всемером: отец, мать и пятеро детей.

В день, когда началась война, мы ходили в кино, пришли на свою улицу, а на улице много народа, и все кричат: «война, война».

На фронт мне не пришлось никого отправлять, т. к. мы жили вдалеке от своих родственников, а отцу дали бронь, и он работал на заводе «Прогресс», в то время он назывался комбинат № 392.

Мне в то время было 15 лет, и я пошла работать на телефонную станцию, было очень голодно, всегда хотелось есть.

Затем меня отец забрал на завод. Там я работала с отцом и братом, которому было 12 лет.

Работали мы по 2 недели и на один день нас отпускали домой.

Таким образом, мы дома были 2 дня в месяц. Спали мы прямо в цехах, на пустых мешках. Приходилось очень трудно, мы очень уставали. Помню, приходил бригадир и уговаривал: «Деточки, милые, если не вы, то кто же, мы без вас не обойдемся, давайте поможем фронту». И эти добрые слова развивали в нас патриотизм. Начальник у нас был Ковригин, а как звали, уже не помню.

В 44-м году произошел большой взрыв, я попала в больницу.

Так и работали до 45-го года, в таком режиме, а уже с 45-го года стали работать по восемь часов.

Никогда мне не забыть окончание войны.

Мы были на картофельном поле (пололи или окуч [ивали] картошку), и вдруг едет мальчишка на велосипеде и кричит: «Война кончилась!» Тут мы всё побросали стали обниматься и плакать.

ГКУ ГАК, ф. Р-1334, оп. 1, д. 132, л. 1—2. Подлинник. Рукопись.

**№ 15. Из воспоминаний Корзуновой Валентины
Ивановны, в годы войны проживавшей
в г. Прокопьевске. 7 марта 2014 г.**

Я — Корзунова Валентина Ивановна, родилась в г. Прокопьевске Кемеровской области, там и жила в военное и послевоенное время до 1950 года — до окончания средней школы.

Семья моя состояла из шести человек: папа — начальник участка шахты им. Ворошилова, мама — домохозяйка и нас четверо детей.

К началу войны старший брат закончил три класса, я — первый, младшим братьям было четыре года и грудничок. Я не сразу поняла о начале войны, но в школе нам постоянно рассказывали, у многих соклассников отцы воевали — они делились тем, о чем писали их отцы. Первое потрясение было, когда у моих подруг-близняшек пришла похоронная — погиб их отец, первый секретарь горкома партии. Затем — когда мобилизовали папу. Но в связи с тем, что в шахте некому было работать, по постановлению правительства, их возвратили из Новосибирска. Папу видели очень редко — работал сутками, без выходных, иногда видели его спящим.

Чем запомнилась война: вечным голодом, холодом, полной неустроенностью. Особенно в первые зимы, Сибирь — температура -40° , а у нас не было валенок, мама сшила бурочки из сатина, простегала ватой и в резиновые калоши стелила бумагу, чтобы не примерзали ноги. Школа была близко, но ноги мерзли ужасно. В школе давали тонюсенький кусочек хлеба, посыпанный сахаром. Ни одно лакомство не было вкусней этого кусочка!!!

Я часто болела — голодные обмороки.

Летом в конце нашей улицы начинались обвалы, вот там мы копали землю, сажали картошку, овощи. Весной рвали крапиву и лебеду в супы, летом ходили собирать ягоды, грибы, а так ели и пучку, и саранки, чтобы заглушить голод.

Со школы нас посылали копать картошку, почему-то уже когда начинал валить снег.

Мамина сестра, тетя Надя, закончила медицинский техникум. У нас был размещен госпиталь в здании горного техникума, мы часто школой приходили туда помогать санитаркам и давали концерты. Раненые так хлопали нам, наверное, ни один артист не получал

таких оваций! Затем госпиталь перевели в прифронтовую полосу. Мы получали письма от тети Нади, рыдали над этими письмами: много раненых, без сна падал на ходу весь медперсонал.

Вторая тетя, Полина, закончила семь классов. Из Харькова эвакуировали завод КЭМЗ, у нас он назывался ПЭМЗ, а в Кемерово — КЭМЗ. Тоже работали по 12 часов, руки примерзали к станку. Там она проработала до пенсии, более сорока лет.

В школе писали, кто на газетах, кто на брошюрках. Только в первом классе я писала в тетрадях, но, несмотря на это училась очень хорошо.

День Победы — это непередаваемый праздник всех людей! Весь день толпы людей ходили сияющие, все обнимались, целовались, пароль — «Победа!» И нас, детей, все обнимали, целовали, носили на руках. Было такое единение людей, переполненных чувством счастья!!!

Первые два года после войны были очень тяжелыми, а потом зажили нормальной жизнью. [...]

ГКУ ГАК, ф. Р-1334, оп. 1, д. 133, л. 1—2. Подлинник. Рукопись.

№ 16. Из воспоминаний Лапиной М. М. о работе эвакуированных в Кемерово предприятий в годы войны. Июль 1966 г.

[...] Работала начальником смены цеха красителей, затем — [...] заместителем начальника цеха производств бэта-оксинафтойной кислоты и азотолов на Рубежанском химкомбинате Донецкой области.

[...] В 1941 году вместе с заводом эвакуировалась в Кемерово. [...]

Когда приехали в Кемерово, стали работать над восстановлением завода, в годы войны он назывался № 630, теперь — анилино-красочным. Вначале /один год/ работала грузчиком: разгружали заводское оборудование, свинцовые слитки, кирпич. Затем была переведена химиком в центральную заводскую лабораторию, где готовила медикаменты, химикаты.

Затем стала работать заместителем начальника цеха № 5, одного из ведущих цехов завода.

Производство этого цеха ДМА /диметиланилин/ относится к числу вредных. До войны женщинам там, кроме лаборатории, работать не разрешалось. У нас же почти весь коллектив цеха был женский /процентов на 80—85/.

Порой в цех прибывали девушки, не достигшие 18-ти лет, так что их хлебные и продовольственные карточки, а также зарплату приходилось держать у себя в сейфе и выдавать им на два-три дня /дабы не потеряли/.

[...] Мужчин было мало: нач. цеха, дежурные слесари, два нач. смены — вот, пожалуй, и все.

В основном большом автоклавном отделении корпуса, включавшем в себя еще смесительное отделение и кочегарки, где приходилось иметь дело с очень вредными химическими продуктами и где аппараты работали под высоким давлением, самоотверженно, до самозабвения работали самые серьезные и расторопные девчата.

Вот Шура Шадрина и Таня Старченко. Обе высокие, стройные и красивые. У той и другой поразительно быстрые и уверенные движения, односложные ответа: «да», «знаю», «хорошо», «сделаю» и т. д. Ничего лишнего. Не до разговоров. Нужно приготовить смесь,

загрузить в автоклав, разжечь топку и вести сложный автоклавный процесс.

А вот Клава Калмыкова. [...] Небольшого роста, наработавшись, стоит, обняв от усталости трубу автоклава, лицо в угле, блестят только глаза, и очень заметны торчащие в разные стороны две светлые косички с бантиками.

Она очень хорошо и четко работала. Но как уставала! Но разве она признается в этом?!

И если подойдешь и спросишь: «Ты устала, Клава?», — она моментально встряхнется и, виновато улыбаясь, продолжает свою тяжелую работу.

Да, уставала она, уставали и другие девчата.

Ну а как же и не уставать!

От цеха до станции Правотомск нужно пройти 3 км, а проехав в переполненных вагонах 20 минут, снова добираться до дома. В цехе работали по 12 часов. Вот и уходило у них на работу, баню и дорогу 15—16 часов.

И так каждый день. Отпусков в войну не было.

[...] На производстве в то время встречалось, естественно, немало трудностей. Не хватало труб, прокладок, сальников, почти отсутствовал медный слесарный инструмент, так необходимый в таких (взрывоопасных) цехах. Из-за отсутствия медного инструмента работники пожарной охраны не раз предписывали остановку цеха. Но разве можно останавливать? Ведь наш продукт так нужен. И тут находилось (ведь пожарные тоже хорошо понимали, что значит план) компромиссное решение.

Нам разрешалось производить слесарные работы железным инструментом, густо смазанным мазью... и под личную ответственность руководства цеха.

Нач. цеха направлял меня в автоклавное отделение, и я, бросив все другие дела, сидела там, а если шел ремонт, то и часами смотрела за выполнением слесарями всех необходимых предосторожностей. Тут же выставлялся и пожарный пост.

Сколько волнений было, а вдруг?..

А однажды в цехе случилась большая беда.

В 11 часов вечера я пошла домой, и когда уже подходила к проходной, увидела столовую в зареве пожара. Я обернулась — горело автоклавное отделение нашего цеха...

А в автоклавах спирт, и под высоким давлением.

На дежурстве в то время находился молодой мастер Молчанов — ему не более 18 лет. Вместе с пожарным, тоже молодым парнем, они стояли недалеко от аппаратов, направив пожарные рукава с водой в огонь. Перед этим, не растерявшись, Володя успел спустить давление со всех аппаратов через воздушные ...¹

Быстро освободив аппаратуру цеха от спирта (по инструкции), вывели всех людей из цеха во двор завода, и тогда направилась в автоклавное отделение.

А там Володя с пожарным (как жаль, не помню его имя и фамилию) воевали с огнем.

Через 1—2 часа на паровозе приехал директор завода и гл. инженер, прибыло еще несколько пожарных команд.

До утра тушили огонь. А случилось вот что. Днище автоклава лопнуло, и спирт полился в топку.

Как установила комиссия, толщина днища немецкого автоклава оказалась на самом деле тоньше, нежели указывалось в чертежах.

Встал вопрос, как можно скорее отремонтировать автоклав, ведь мы должны были давать продукцию, и был дорог каждый час.

Главный энергетик завода Александр Сергеевич Самохин и механик правобережной группы цехов нашего завода Карп Кириллович Кацеев предложили заварить днище на месте без демонтажа автоклава.

На это долго не соглашался инженер по технике безопасности завода, и у него, конечно, для этого были серьезные основания. После долгих, горячих разговоров согласие было получено.

Всю ответственность за производство работ приняли на себя А. С. Самохин и я.

И вот, промыв тщательно аппаратуру во всех отделениях цеха, проветрив их, заземлив автоклав, подготовились к сварке. В автоклавном отделении находились гл. энергетик Александр Сергеевич Самохин, два сварщика и я. Все люди из цеха были выведены.

¹ Одно слово неразборчиво.

Подожли к автоклаву, мысленно представила себе 7-[летнюю]ю дочурку дома, а если?..

Но думам предаваться некогда, и я подтянулась, увидев ободряющий взгляд нашего гл. энергетика. Обернулся сварщик, Александр Сергеевич кивнул. Работа началась.

И так до 4-х часов утра, в большом напряжении и волнении.

И разве можно было передать наше чувство радости, когда все было закончено.

Пожав друг другу руки, мы вышли из цеха.

Занималась заря.

День обещал быть хорошим. Вместе с Александром Сергеевичем мы поехали домой.

[...] Помню и такое. Однажды не пришлось идти домой, нужно было остаться в цехе. А на другой день соседка говорит: «Зашла к вам домой, дочка лежит закрытая всяким тряпьем, вода в бочке замерзла...» [...].

*ГКУ ГАК, ф. П-483, оп. 1, д. 208, л. 1—9. Подлинник.
Машинопись и рукопись.*

№ 17. Из воспоминаний Никитина К. о массово-политической работе Прокопьевского горкома партии в годы войны. 3 апреля 1970 г.

[...] Много ответственных и сложных задач пришлось решать [...] городской партийной организации в период Великой Отечественной войны в 1941—1945 годах. Обстановка на фронтах, особенно в начальный период войны, была тяжелая и напряженная. Значительная территория западных районов страны была оккупирована немецко-фашистскими захватчиками, в том числе Донбасс — крупнейший поставщик угля. В связи с этим шахтеры Кузбасса должны были обеспечить углем, прежде всего коксующимся, предприятия металлургической промышленности.

Работая в эти годы заместителем секретаря партбюро шахты 5-Б, а затем зав. оргинструкторским отделом, секретарем горкома партии по кадрам, помню, как горком и партийные организации организовывали и проводили партийно-политическую работу среди шахтеров, чтобы обеспечить выполнение заданий партии и правительства по увеличению добычи коксующихся углей.

В целях укрепления партийных организаций шахт, добывающих коксующиеся угли, главным образом «Коксовой-1», «Коксовой-2», туда было переведено большое количество коммунистов и лучших горняков с таких шахт, как «3—3 бис», «Черная Гора», «Манеиха» и некоторых других, где добывались в основном рядовые угли. При этом серьезное внимание обращалось на состав начальников участков, бригадиров, партгруппов.

Основные вопросы, связанные с выполнением указаний ЦК ВКП(б) по увеличению добычи коксующихся углей, как правило, обсуждались на бюро горкома партии, на партийных собраниях шахт, а затем вся партийно-политическая работа переносилась на участки. Здесь разворачивалось соревнование под лозунгом: «Все для фронта, все для победы!» Систематически подводили итоги работы каждой смены, широко популяризировали лучших горняков, особенно тех, кто нормы выполнял на 200%, или, как тогда называли, двухсотников. Один раз в неделю выпускались боевые листки. Как на общих нарядах шахт, так и на участках обязательно информировали трудящихся о положении на фронтах по всем трем сме-

нам. В соответствии с обстановкой на шахте определялись задачи горняков, спускавшихся в шахту.

Для проведения партийно-политической работы среди горняков на участки, добывающие коксующиеся угли, направлялись члены партбюро шахт, ответственные работники горкома партии и городской партийный актив. А там, где надо было быстрее подготовить и ввести в работу новый забой, партийный актив направлялся непосредственно в бригады.

Актив разъяснял членам бригады, почему этот забой нужно быстрее ввести, в какой срок, что в связи с этим требуется от горняков. Не раз приходилось мне самому проводить такую работу на шахтах № 5—6, «Коксовая-1», «Зиминка-Капитальная». Абсолютное большинство горняков проявляли организованность, всемерно поддерживали намеченные мероприятия и прилагали максимум усилий, чтобы выполнить поставленную задачу.

Горком партии предъявлял высокую требовательность к секретарям партийных организаций и постоянно контролировал, чтобы массово-политическая работа среди горняков проводилась не только в дневных сменах, но и обязательно в ночных сменах. Такие же требования предъявлялись к руководителям отделов рабочего снабжения за обеспечение горячего питания для тех, кто находится в ночных сменах.

В горкоме партии каждую ночь дежурили два ответственных работника: один из них проверял, как идет добыча, принимал сводки, другой интересовался, какая работа проведена с горняками, как накормили и проводили их в шахту.

Работать с горняками приходилось много еще и потому, что на шахты пришло большое количество людей, ранее не работавших под землей, при этом разных по своей подготовке и сознательности. Среди них представители различных национальностей нашей страны. Все это надо было учитывать. На мой взгляд, делали правильно, когда политическую и воспитательную работу проводили дифференцированно, в том числе учитывали и национальные особенности.

Из числа наиболее грамотных, опытных коммунистов — татар, мордвин, украинцев, молдаван, узбеков, белорусов и других национальностей — подбирались агитаторы и направлялись на предпри-

ятия, стройки и в общежития. Проводились такие вечера, на которых делались доклады, а затем выступали с концертами участники художественной самодеятельности на их родном языке.

Нельзя забыть той большой помощи, которую оказывали шахтам работники учреждений города. В субботние, воскресные дни, частенько после работы они во главе с коммунистами работали в шахте или на различных участках на поверхности. Не помню, чтобы кто-либо из них отказывался или жаловался на усталость, в том числе и женщины. Руководители шахт и участков всегда были довольны их работой.

Наряду с выполнением заданий по добыче угля, у горкома партии было много и других забот. Среди них такие, как размещение и пуск в действие эвакуированных предприятий, учебных заведений, организаций культуры и искусства, госпиталей для раненых бойцов, расселение людей, прибывших по эвакуации, изыскание дополнительных возможностей для улучшения общественного питания и т. д.

Невозможно забыть, как наши коммунисты, инженерно-технические работники, особенно на заводах № 651, «Электроаппарат», механическом заводе, в депо станции Прокопьевск и на некоторых других в короткое время перестроили технологию и освоили производство боеприпасов для фронта. Со стороны горкома партии был установлен ежедневный контроль за выполнением заданий по производству боеприпасов. С людьми, которые были заняты на производстве боеприпасов, проводилась постоянная политическая и разъяснительная работа силами членов партбюро, горкома партии, наиболее подготовленного партактива города.

Лекции, доклады, беседы, вечера, концерты на шахтах, заводах, стройках, в общежитиях, в госпиталях, клубах, красных уголках строго планировались. [...]

ГКУ ГАК, ф. П-483, оп. 1, д. 347, л. 2—6. Подлинник. Машинопись.

№ 18. Из воспоминаний Новоселова Петра Васильевича, секретаря Орджоникидзевого и Куйбышевского райкомов ВКП (б) г. Новокузнецка. 1970 г.

[. . .] С первых дней войны много людей ушло на фронт, в том числе металлурги, шахтеры, строители и др.

За короткое время предприятия, все организации перестроились на военный лад, правильно расставили кадры. Мужские профессии¹ на многих предприятиях были переданы женщинам и молодежи.

Предприятия местной пр [омышленнос] ти были переключены на изготовление военного снаряжения и боеприпасов.

Надо было за короткое время разместить предприятия, прибывшие по эвакуации.

Так, на территории КМК (огнеупорный цех) в течение трех суток было размещено и смонтировано оборудование, прибывшее по эвакуации из Великих Лук (завод «Красный дизель», директор т. Блинов). С заводом прибыла незначительная часть специалистов и квалифицированных рабочих, а основная часть людей была подобрана на месте, обучена и обеспечивала выпуск продукции для обороны.

Запорожский завод «Спецсталь» (директор т. Трегубенко) также был размещен на заводской площадке. Потребовалось очень мало времени, чтобы освоить выпуск высококачественных сталей для оборонной пр [омышленнос] ти страны.

В начале войны, когда фашистская Германия² продвигалась вглубь нашей страны, на восток отправлялись из Донбасса и других районов Родины эшелоны с оборудованием и людьми.

Прибывали они и в г. Сталинск.

Мы были готовы принимать прибывших по эвакуации.

Мне, как секретарю Орджоникидзевого РК ВКП (б) и председателю районной³ комиссии по приему эвакуированных людей, пришлось непосредственно заниматься этими вопросами.

На учете был каждый метр жилой площади, установлена потребность в людях на предприятиях, подготовлен необходимый актив, предусмотрен транспорт. При подходе эшелона с людьми, немедленно

¹ Далее зачеркнуто «во многом».

² Далее зачеркнуто «окупи».

³ Вписано над строкой.

*Новоселов Петр Васильевич.
ГКУ ГАК, ф. П-483, оп. 1, д. 366, л. 47.*

приводилось все в движение: работали санпункты по приему людей, открывались двери столовых, готовилось жилье.

В квартире, где проживала моя семья и семья Сидорова — зам. председателя горисполкома, количество жильцов доходило до 10—12 человек. Вместе с нами жили семья украинцев Самородских, Якубовская Анна Михайловна (из Киева), работала инструктором Центрального РК ВКП (б). Из Ленинграда прибыла семья брата. Из госпиталя, после тяжелого¹ ранения — другой брат.

Партийные органы провели² не одну кампанию по сбору теплых вещей и средств на оборону страны.

Необходимо было оказывать большую помощь сельскому хозяйству, которое нуждалось в людях, оборудовании, материалах, в проведении агитмассовой, политической работы.

Каждое мероприятие проводилось организованно и с большим подъемом.

Например, в городе Сталинске³ тяжелое положение было с водой. Имеющаяся цепь водопровода от водонасосной станции не обеспечивала подачу воды в город. Необходимо было провести вторую водопроводную цепь от⁴ водонасосной станции до городского во-

¹ Вписано над строкой.

² Вписано над зачеркнутым «проводили».

³ Вписано над строкой.

⁴ Далее зачеркнуто «района».

допровода. Линия шла через Орджоникидзевский район на протяжении более трех километров.

Все работы по строительству водопровода проведены силами общественности путем проведения субботников и воскресников¹. Весь объем работы был разбит на пикеты и определены исполнители — предприятия и организации.

Таким образом, без специальных ассигнований был введен в эксплуатацию необходимый для населения города объект — вторая цепь водопровода.

Надо было только видеть, с каким упорством, настойчивостью и патриотизмом была осуществлена эта работа.

Так проводились и другие мероприятия военного времени.

[...] Великая Отечественная война требовала все больше и больше угля и более четкой работы железнодорожного транспорта.

Шахты Куйбышевского рудника, как и многие в Кузбассе в то время, требовали реконструкции, что в условиях войны не было никакой возможности осуществить. Эти обстоятельства осложняли работу шахт.

Кроме того, трудности были и другого порядка — с уходом мужчин на фронт почти на 70—80 % в шахтах работали женщины. Они работали и навалщиками угля, и люкогрузчиками, и мотористами, и взрывниками, и осланцовщиками, и транспортными рабочими.

Угольному РК ВКП(б) приходилось проводить большую работу, осуществлять меры, обеспечивающие повседневную помощь партийным организациям шахт в мобилизации коллективов по выполнению задач, стоящих перед шахтерами.

Работники РК ВКП(б) в сложных условиях работы шахт сутками находились в коллективах шахт, организовывали работу на обеспечение планов и заданий по добыче угля.

В отдельные периоды для оказания практической помощи шахтам в добыче угля привлекались коммунисты и трудящиеся других предприятий и учреждений.

Вся эта работа проводилась под руководством партийных органов.

Привлекаемые к работе в шахту по несколько смен трудились люкогрузчиками, навалщиками угля, в бригадах шахтового

¹ Вписано над строкой.

транспорта. Для постоянной работы на шахтах по решению партийных органов часто направлялись коммунисты и комсомольцы.

Однако для шахты им. Димитрова треста «Куйбышевуголь» этих мер оказалось недостаточно. Шахта систематически не выполняла плановых заданий.

Первый секретарь Кемеровского обкома ВКП(б) т. Задиянченко С. Б. в 1943 г. при рассмотрении положения дел на месте поручил мне, как первому секретарю РК ВКП(б), обеспечить личным контролем безусловное выполнение плановых заданий этой шахтой.

Товарищем Задиянченко С. Б. было предложено не возвращаться с шахты в райком ВКП(б) до тех пор, пока коллектив шахты не станет твердо на уровень выполнения плана. Он еще сказал: «На тебе веревку, подушку и кусок сала».

Положение на шахте было крайне тяжелым: отсутствовал очистной фронт, и взять его было негде, так как верхнего горизонта пласты были в нарушении, а в строительстве¹ нижнего горизонта помешала война.

Вместе с партийным комитетом шахты (т. Каляев П. С.) нам удалось через геологов быстро установить, что недалеко от шахты пролегают пласты «Немеликенской» свиты, но в таком месте, что требуется проработка руководством кирзавода № 8 (директор т. Ершов) и упр [авления] Запсибжелдороди.

Когда согласие было получено, приступили к осуществлению задуманного. Поручили эту работу лучшим шахтерам тов. Куплинскому и Леханову, пообещав им талоны на сапоги и на водку.

Пласт был вскрыт в карьере кирзавода через 50 метров и шурф четыре метра. Из штольни пошел уголь на временную эстакаду. Этот участок шахты несколько позднее давал уже больше, чем вся шахта Димитрова.

ГКУ ГАК, ф. П-483, оп. 1, д. 366, л. 27—31. Подлинник. Рукопись.

¹ Написано над зачеркнутым «проходке».

**№ 19. *Воспоминания Сапего, в годы войны проживавшей
в г. Кемерово. 2014 г.***

В 1933 г. семья моей мамы переезжает с Украины, где в то время был сильный голод, в г. Кемерово.

В 1937 г. у меня умирает мать, Колесникова Мария Викторовна, мне в это время было 1 год 9 мес.

В 1939 г. на финскую войну был призван мой отец, где и погиб.

В 1942 г. погибает муж моей тётки, у которой я воспитывалась. В том же году умирает мой дедушка (отец мамы). В семье остались одни женщины. Трое из них работали на азотно-туковом заводе (ныне «Химпром»).

Тетя, Колесникова Ал [ександ] ра Викторовна работала в медсанчасти при заводе.

Днем я училась в школе № 42 (1—2 классы), а ночью тетя брала на работу с собой свою дочь и меня, где мы стирали окровавленные бинты, сушили, скатывали в рулоны. За проделанную работу мы с сестрой получали утром по порции каши.

В школе зимой было постоянно холодно. Тетрадей не было, мы находили на станции «Предкомбинат» б/у мешки из-под селитры, очищали их и делали тетради, а когда мешков не было, писали на газетных листах.

Продукты, хлеб получали по карточкам. Однажды я простояла в очереди за хлебом с утра до вечера, а когда привезли хлеб, оказалось, что в руке у меня зажата вместо карточки простая бумажка. Семья из четырех человек целых 10 дней (декада) были без хлеба, а я почти всю ночь пряталась, боялась вернуться домой.

Во время войны эвакуированных людей я обучала сажать картошку. Они брали меня на поле, и мы вместе сажали картошку, сеяли просо.

В 1943—1944 гг. я и бабушка чудом выжили, бабушка была вся опухшая и со свищем на спине от ведра. Каждый день она ходила на поля Металлплощадки — собирала мерзлую картошку. Из нее мы делали оладушки — тошнотики, иногда даже продавали, чтобы потом купить кусочек хлеба и раст [ительного] масла. Я до сих пор помню: один тошнотик стоил 1 руб. (это были большие деньги),

- 3 -

До войны у нас много было крапивы
прустачинной пощуды - всё это было про-
сеяно на хлеб, еду.

Во время войны мы жили на 2-й улице
Озота, совсем недалеко дома проходившего
дорога в с/х "Зерняк", по этой дороге
периодически в совхоз с сельскохозяйствен-
ными для скота жмыхи сои. Так
нам иногда перепадало по таске
соевого таска. Очень хорошее это,
жмыхи употребляли в пищу. Старшие
ребята делились с младшими.
Я до сих пор не могу, не могу
есть продукты, где имеется соевый
белок, а даже свинины не могу -
начинается аллергия.

Всегда практически совсем не было.
В районе нынешнего м/о Озот находилась
огромная городская свалка, мы с ней
и одевались, и обувались, и ремонтиро-
вали одежду.

Из моего кука как-то
успокоил, бабушка сама мне платье,
м.к в шкафу висит было не в чем, прав-
да это платье на ногах расползлось.
и учительница Никитина Борисовна
прокачала между партами, расшивала
свою фуражку, доставала иголку с
ниткой и во время урока зашивала
на моё платье дырку.

Я, даже, уже в 1958 году поступила
в техникум в память, сменила из
старой одежды, которую вывела
с бабушкой на отвал.

и их надо было продать 100 шт., чтобы купить кусочек хлеба. Эти тошнотики спасали нас от верной гибели.

Моя бабушка, Евдокия Алексеевна, была очень добрым человеком, в такое трудное время она не отдала меня в дет [ский] дом. Чтобы как-то меня спасти от голода, она потихоньку и свой хлеб скармливала мне, в то время я этого не понимала. Одним словом, весной тошнотики, всякая зелень — лебеда, крапива, а летом — щавель, черемша, ягода.

Ездили просить милостыню на ст. Барзас, там же уходили в тайгу за черемшой.

До войны у нас было много красивой хрустальной посуды — всё это было променяно на хлеб, муку.

Во время войны мы жили на 2-м уч [аст] ке Азота, мимо нашего дома проходила дорога в с-з «Горняк», по этой дороге периодически в совхоз с мелькомбината возили для скота жмых сои. Так нам иногда перепало по пласту соевого жмыха. Очень хорошо этим жмыхом утоляли голод. Старшие ребята делились с малышами.

Я до сих пор не могу не только есть продукт, где имеется соевый белок, а даже слышать не могу — начинается аллергия.

Одежды практически совсем не было. В районе нынешнего п/о «Азот» находилась огромная городская свалка, мы с нее и одевались, и топились, и ремонтировали жилье.

Из найденного куса какой-то упаковки бабушка сшила мне платье, т. к. в школу ходить было не в чем, правда, это платье на глазах расползлось, и учительница, Агриппина Ефимовна, проходя между партами, расстегивала свою фуфайку, доставала иголку с ниткой и во время урока зашивала на моем плече дыры.

ГКУ ГАК, ф. Р-1334, оп. 1, д. 149, л. 1—3. Подлинник. Рукопись.

**№ 20. Из воспоминаний Семичастного В., бывшего
первого секретаря Центрального райкома ВЛКСМ
г. Кемерово. 9 марта 1960 г.**

[. . .] Это был 1942 год, тяжелый год для нашей отчизны, враг отчаянно пытался сломить волю советского народа, любой ценой продвинуться вперед к жизненно важным центрам нашей страны.

Фронт каждый день требовал оружия, боеприпасов, обмундирования, питания, а главное, свежих людских сил. И все это в достатке вместе с другими районами страны давала Сибирь.

Помню, как формировались сибирские дивизии. Требовалось послать лучших, смелых, здоровых людей. И таких были тысячи.

Они приходили в комитет комсомола, в райком комсомола и требовали послать их на фронт. Сколько было неприятностей на почве того, что не всех могли отпустить, нужно было обеспечить бесперебойную работу завода.

На заводе очень много было молодежи, пришедшей на смену уходившим на фронт. Молодежь трудилась замечательно, героически, не считаясь ни со временем, ни с тяжелыми материально-бытовыми условиями. Хорошо все это описано в книге Ирины Ирошниковой «Где-то в Сибири». Она в то время была комсоргом ЦК ВЛКСМ на соседнем азотно-туковом заводе. Настоящая ее фамилия Герман.

Очень хорошо работали тогда комсомольские организации города. Позднее, когда уже работал в Центральном городском райкоме комсомола, я был свидетелем многочисленных примеров четкости, организованности, боевитости, проявляемых комсомольцами в выполнении поручений партийных организаций. Актив комсомольский действовал слаженно, так, как требовала обстановка того времени. Иногда приходилось собирать секретарей комсомольских организаций ночью, и делалось это быстро, в течение одного-двух часов, так как существовала так называемая цепочка, благодаря которой все активисты быстро узнавали о заданиях райкома.

В мае 1943 года мы получили задание обкома партии за два дня подобрать для азотно-тукового и коксохимического заводов 100 человек аппаратчиков. Сами понимаете, что в то время это было нелегкое дело, всюду не хватало рабочих рук. Откуда взять 100 человек? Решили обратиться к учащимся средних школ. У них

уже начались экзамены. Из числа выпускников средних школ отбирали нужное число аппаратчиков, и все они пошли на эту работу, не считаясь с тем, что буквально через несколько дней должны были заканчивать среднюю школу, получать, как теперь говорят, аттестаты зрелости.

Или вот еще один пример, характеризующий работу комсомольцев и активистов того времени. Кемеровская ГРЭС была единственным крупным источником электроснабжения всей промышленности города. Ее нужно было срочно расширить, увеличить производство электроэнергии. На строительство пришло много молодежи. Одно из общежитий для этой молодежи вынуждены были разместить в подвальном помещении гастронома на Притомском участке. Условия были тяжелыми: ни окон, ни вентиляции, здесь же все коммуникации канализации, водопровода, отопления. Нары устроили в два-три яруса. Да ко всему этому еще и бесхозяйственность руководителей ГРЭС. И вот райком комсомола принимает решение поселить в этом общежитии комсорга ЦК ВЛКСМ ГРЭС до того времени, пока там не будет наведен надлежащий порядок. И он выполнил это решение, поселился в общежитии и вскоре навел порядок в нем. В месяц районная организация принимала в комсомол по 500—600, а в отдельные месяцы и по 800 человек. В райком шли на заседание бюро строем и с песнями.

[...] Молодежь, несмотря на трудности военного времени, всегда оставалась жизнерадостной, бодрой, веселой. Летом в парке, расположенном на берегу Томи, проводились интересные вечера, организовывались хорошие танцы, без «стиляг» и заунывной музыки. Зимой вечера проводились в кинотеатре «Москва». Он тогда заменял все: и драматический театр, помещение которого было приспособлено под завод «Карболит», и кинотеатр, и конференц-зал. Вечера, как правило, проводились после 23 часов, так как в другое время театр был занят. Несмотря на усталость после напряженного трудового дня, молодежь весело, задорно проводила свободное время, а утром снова шла на работу и давала по 2—3 нормы.

ГКУ ГАК, ф. П-483, оп. 1, д. 128, л. 1—5. Подлинник. Машинопись. Опубл. частично: *Этот день мы приближали, как могли: Сборник документов и материалов. - Кемерово, 2005. - С. 191—192.*

**№ 21. *Воспоминания Созинова Геннадия Алексеевича,
в годы войны проживавшего в г. Кемерово. 2014 г.***

Когда началась война, мне было 7 лет, так что я до сей поры вспоминаю те годы. Это забыть невозможно.

Мы с мамой и младшим братом, 1939 г. рождения, скитались по квартирам. Отец нас бросил, о нем не хочу вспоминать.

В 1942 г. брат умер, а мы с мамой продолжали скитаться. Мама была малограмотная — «церковно-приходская школа», деревенская женщина. Царство ей небесное. Как я помню, она устроилась на коксохимзавод грузчиком на машину, и ей дали клетку (комнатку), где помещалась односпальная кровать, тумбочка и табуретка. Мы были очень рады. Мама работала по 20 часов в сутки, без выходных, так что я был хозяин. Сварить картошки в мундире и нарубить соленой капусты, мерзлой. Топить печь, она привезет уголь для топки или дрова, выброшенные смоляные с завода, а мне это все на расстоянии метров 30 надо было прибрать, перебрать в стайку.

Ее работа грузчиком на машине нам облегчала жизнь в некоторой степени.

Учиться я пошел в восемь лет, на девятом году.

Учился посредственно, но у меня были некоторые превосходства в снабжении бумагой. Многие писали на тетрадах из газет, а я — на толстой желтой бумаге из бумажных мешков. Мне завидовали.

Школа была деревянная, одноэтажная, с печным отоплением, на 4 класса. Учились в две смены. Учебники прикрепляли к 2—3, а то и к 4 ученикам. Вместо портфеля была холщовая сумка с деревянной застежкой.

Питались в основном картошкой, капустой — это у нас было, пользовались каким-то клочком брошенной земли.

Конечно, тошнотики, драники и даже воробьи «очень было вкусно».

Вот сейчас икра — деликатес, а люди, такие как мы, ругались, что на карточку вместо мяса давали икру на отоварку.

Картошку на драники терли неочищенную, а которая подпорченная, терли на крахмал.

ГКУ ГАК, ф. Р-1334, оп. 1, д. 150, л. 1—2. Подлинник. Рукопись.

**№ 22. *Воспоминания Тюренковой Раисы Васильевны,
в годы войны проживавшей в Кемеровском районе.
2014 г.***

Когда началась война, наша семья жила в деревне Куро-Искитим Кемеровского района.

Семья состояла из 6 человек: папа, мама и четверо маленьких детей. Все члены семьи помогали маме заниматься огородом.

О начале войны узнали от соседей и оттого, что папу призвали на фронт.

На фронт провожали папу и троих маминих братьев.

Наш папа участвовал в форсировании Днепра и был тяжело ранен, лежал в госпитале.

Начальную школу я закончила в деревне, а потом в 5, 6, и 7 классах ходила в 17 школу за 5 км от дома. Работали на полях колхозных. Убирали картошку, турнепс. Дома делала уроки при керосиновой лампе. Отоваривались по карточкам, очередь занимали с вечера. Пекли драники из мороженого картофеля с добавлением лебеды, щавеля, которые назывались тошнотиками.

Про День Победы мы услышали от мужчины, который мчался на лошади, и кричал: «Победа, война закончилась, мы победили».

ГКУ ГАК, ф. Р-1334, оп. 1, д. 154, л. 1. Подлинник. Рукопись.

**№ 23. Из воспоминаний Филатовой Анны Николаевны,
в годы войны проживавшей в г. Мариинске. 2014 г.**

Война началась, когда мне было 7 лет. Жили семьей: папа, мама и 5 детей в г. Мариинске Кемеровской области.

Папа работал на деревообрабатывающем заводе, мама была домохозяйкой, управлялась с детьми. Старший брат и две сестры учились в школе, а я и младший брат были либо в дет. саду, либо с мамой дома.

Я хорошо помню, как строем после работы мужчины ходили по улице и на окраине города, где был пустырь, маршировали. Готовили их к военным действиям, а мы, дети, всё это наблюдали. Через какое-то время поздно вечером принесли в дом повестку для папы на фронт, почему-то не было электричества, папа осветил свечой повестку и сказал нам: «Тихо», потому что стоял вой от нашего рева. Он нам сказал, что повестка не ему, а дяде. Фамилия, инициалы стояли одинаковые с папиными, но год рождения был другой. Дядю забрали на следующий день, а папа был оставлен на «броню» на заводе, где готовили какие-то заказы для фронта. Там он проработал всю войну, его потом наградили орденом. Приходил домой редко. Я много болела, не знали чем подлечить, и вот папа сказал маме, чтобы я ходила в ужин к проходной завода, он выходил на проходную, просил меня пропустить в столовую, где их кормили. Я бежала в столовую, съедала его ужин, бежала назад к маме домой, а папа уходил снова в завод. Было тяжело. Я все это вспоминаю со слезами.

Потом отправляли брата на фронт, он был в развед [ывательном] отряде, прошел всю войну, даже не был ранен. Мы дома с мамой все молились за него, и он 10 мая вошел в дом утром. 9 мая он был в Новосибирске, эшелон шел на восток, его перебрасывали на войну с японцами, их с другом отпустили на два дня, когда они проезжали Мариинск. Для нас была такая неожиданность.

Я помню, что учительница меня отпустила с уроков, сказала: «Беги, твой брат пришел с фронта». Отвоевав на востоке, он вернулся домой здоровым, сильным, но часто ночью воевал, кричал: «За Родину!». У него было много наград, все где-то у его детей.

Погибли в войну муж тети, последняя дочь бабушки — Юлия. Ушла добровольно после окончания 10 кл [асса] на фронт, но так

Война началась, когда мне было 7 лет. Жили семьей: папа, мама и 5 детей, в г. Мариинске Кемеровской обл. Папа работал на дерево-обрабатывающем заводе, мама была домохозяйкой, управлялась с детьми. Старший брат и две сестры учились в школе, а я и младший брат были либо в дет. саду, либо с мамой дома.

Я хорошо помню как стужем после работы мужики ходили ~~оттуда~~ по улице и на окраине города, где был пустырь, маршировали, готовили их к военным действиям, а мы дети все это наблюдали. Через какое-то время, поздно вечером, принесли в дом повестку для папы на фронт, почему-то мы боялись электричества, мама осветила свечной повестку и сказала маме тихо, потому что стоял вой от нашей рева. Он нам сказал, что повестка не ему, а дяди. Бабушка, изначально стояла одинаково с папиными, но год прошедший был другой. Дядю забрали на следующий день, а папа был оставлен на работе, готовили какие-то заказы для фронта. Там он проработал войну, его потом наградили орденом. Приходя домой редко, я много болела, не знала чем заняться и вот папа сказал маме, что я ходила в детский и проходной заводе, в этом он выходил в проходную, просил меня пропустить в проходную, где их кормили, я бегала в столовую, съедая со ужином, бегала назад к маме домой, а папа уходил спать в завод. Было тяжело, я все это вспоминаю со слезами.

Потом отправились братья на фронт, он был с развед. отрядом, прошел всю войну, даже не был ранен, мы дома с мамой все молились за него и он 10 мая вошел в дом утром. Устал он был и навали-

и не вернулась. Пришла похоронка, в которой сообщали, что она захоронена где-то на западе, около Литвы, она была подготовлена радисткой. В книге героев Кузбасса, ушедших на фронт, есть ее фамилия.

Военное время я вспоминаю часто, было очень тяжело, есть было нечего, мама с сестрами за лето ходили в тайгу, собирали ягоды, грибы, сушили на зиму. Хлеб видели очень редко, когда мама уходила в деревню поменять какие-то вещи на хлеб, вот тогда мы съедали его по кусочку, а у мамы никогда не было кусочка. Только повзрослев, мы поняли, как родители хотели сохранить нас.

После войны долго было тяжело материально, мама с сестр [ой] осенью уходили в совхоз, копали 10 ведер картошки для совх [оза], а 11-е себе. До 100 ведер зарабатывали. [...] Братья и сестры работали все в Мариинске. Постепенно жизнь наладилась, я после 10 кл [асса] уехала в Новосибирск, поступила в мединститут, было и тогда голодно, много хотелось, но не было денег или в магазинах мало что было. [...]

ГКУ ГАК, ф. Р-1334, оп. 1, д. 156, л. 1. Подлинник. Рукопись.

С. С.

С. Р.

В. № 3338
4 VII 1946г.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПЛАНОВАЯ КОМИССИЯ
при Совете Министров СССР
КУЗБАСС — ФРОНТУ
УПОЛНОМОЧЕННЫЙ

ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ
в секретную часть обкома ВКП

по Кемеровской области

г. Кемерово, Октябрьская 56

Телефоны: 10—15, 12—94.

Телеграммы: Кемерово
УПОЛСОЮЗГОСПЛАН

21. Июня 1946г.

м УГ-162

СЕКРЕТАРЮ КЕМЕРОВСКОГО ОБКОМА ВКП (б)

тов. КОЛЫШЕВУ Е.Ф.

Направляю Вам краткий ~~сараф~~ "Основные показатели развития народного хозяйства и культурного строительства Кемеровской области", составленный в новых административно-территориальных границах. В паспорт включены показатели на основании пересчетов, произведенных по краткой программе.

Данные, включенные в ~~паспорт~~, кроме 1945 года, приняты Центральным Статистическим Управлением Госплана и увязаны с итогами по СССР и Союзным Республикам.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Основные показатели развития народного хозяйства и культурного строительства Кемеровской области на 19 листах.

Уполномоченный Госплана
Союза ССР

(С.Абрамевич)

Абрамевич

**Основные показатели развития народного хозяйства
и культурного строительства Кемеровской области**

**ВАЛОВАЯ ПРОДУКЦИЯ КРУПНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ЦЕНАХ
1926–1927 гг. (тыс. руб.)**

	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
ВСЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ	1025944	1262795	2102959	2604196	3157540	2666781
В т.ч. основные отрасли:						
Электростанции, включая сети и подстанции	47949	50838	58560	74416	89968	106689
Угольная	233731	268865	228578	272434	303866	323475
Железорудная	10450	13437	12400	12197	14203	13875
Топливоперерабатывающая	93469	93781	113308	122197	119871	117770
В т.ч. коксохимическая	87527	93327	97558	111078	118377	116016
Черная металлургия	239960	309222	460629	591604	710714	616829
Цветная металлургия	34319	34140	29905	33706	53584	53569
Химическая	77267	165583	413790	545588	795634	562636
Металлообрабатывающая	69756	85919	527608	656529	700189	563865
Строительные материалы	22489	25293	23034	30545	32370	32357
Лесоразработка и лесосплав	25503	26611	18609	23320	27884	29268
Деревообрабатывающая	31559	39662	49824	43139	43905	31552
В т.ч. лесопильная	21986	28803	33633	31583	32409	22820
Швейная	19448	26255	48292	63648	88036	76209
Кожевенно-меховая и обувная	2565	3705	5360	14834	23801	16117
Пищевкусовая	111329	111157	104500	107880	123089	107973
В т.ч. маслодельная и сыроваренная	5220	3912	4778	3889	4143	3787
Мукомольно- крупяная	19473	18489	16209	15981	12866	15417

**СРЕДНЕГОДОВОЕ ЧИСЛО РАБОЧИХ
ВСЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
(чел.)**

	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
ВСЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ	124911	136264	154385	195724	205301	219240
В т.ч. основные отрасли:						
Электростанции, включа- ющая сети и подстанции	1915	1724	1998	1924	2112	2633
Угольная	43233	46339	47282	63133	63836	73538
Железородная	1764	2088	2577	2465	2399	2750
Топливноперерабатыва- ющая	2922	2819	3542	4383	3942	4291
В т.ч. коксохимическая	2714	2598	3171	3754	3683	3758
Черная металлургия	11977	12977	13898	20682	21562	22642
Цветная металлургия	7554	6288	6006	5049	5339	5515
Химическая	5191	6844	10200	12198	13825	13374
Металло- обрабатывающая	13413	15530	25558	33766	35019	37412
Строительные материалы	4962	5004	4990	6992	7370	7210
Лесоразработка и лесосплав	12613	14052	10875	11744	14204	14440
Деревообрабатывающая	4968	6748	7812	8348	6886	6600
В т.ч. лесопильная	2228	2685	2688	3308	2326	2570
Швейная	3187	3957	6778	7465	8064	7995
Кожевенно-меховая и обувная	2513	2673	2823	5004	5446	6387
Пищевкусовая	6727	6515	7113	7744	8463	8463
В т.ч. маслодельная и сыроваренная	848	795	727	763	866	816
Мукомольно- крупяная	666	663	698	705	783	815

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

**Валовая продукция всей промышленности в ценах 1926–1927 гг.
(тыс. руб.)**

	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
ВСЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ	1093492	1339212	2188480	2683939	3252125	2768123
В т.ч. основные отрасли:						
Электростанции, включа- ющая сети и подстанции	47949	50879	58576	74425	89981	106706
Угольная	234723	269646	229503	273237	303989	323827
Железорудная	10450	13437	12400	12197	14203	13875
Топливоперерабатыва- ющая	93469	93782	113312	122197	119871	117770
В т.ч. коксохимическая	87527	93328	97562	111078	118377	116016
Черная металлургия	239960	309222	460629	591604	710714	616829
Цветная металлургия	34319	34140	29905	33706	53584	53569
Химическая	78185	167322	415414	546368	797202	564683
Металло- обрабатывающая	80001	97293	541116	671996	718357	582751
Строительные материалы	24257	26250	24120	31290	33169	33407
Лесоразработка и лесосплав	31155	32403	22444	24625	31917	32763
Деревообрабатывающая	38666	49502	58130	54151	55500	43703
В т.ч. лесопильная	23668	30286	34889	32109	33706	23786
Швейная	26320	35240	52690	66207	97756	85010
Кожевенно-меховая и обувная	6869	7770	13738	26097	38787	33710
Пищевкусовая	138503	136439	141674	130607	140513	129869
В т.ч. маслодельная и сыроваренная	7580	6979	5637	4204	4378	4021
Мукомольно- крупяная	25578	24497	24894	22089	18179	21059

**СРЕДНЕГОДОВОЕ ЧИСЛО РАБОЧИХ
КРУПНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
(чел.)**

	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
ВСЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ	110344	119347	138302	181412	186968	197888
В т.ч. основные отрасли:						
Электростанции, включа- ющая сети и подстанции	1915	1699	1983	1520	2085	2613
Угольная	42915	46052	46883	62800	63783	73385
Железорудная	1764	2088	2577	2465	2399	2750
Топливноперерабатыва- ющая	2922	2818	3538	4383	3942	4291
В т.ч. коксохимическая	2714	2597	3167	3754	3683	3758
Черная металлургия	11977	12977	13898	20682	21562	22642
Цветная металлургия	7554	6288	6006	5049	5339	5515
Химическая	4880	6129	9543	11838	13473	13013
Металло- обрабатывающая	10452	11859	21742	30854	31747	34031
Строительные материалы	4266	4604	4481	6569	6902	6672
Лесоразработка и лесосплав	9809	11094	9113	11151	11963	12235
Деревообрабатывающая	3226	4165	5594	6283	4996	4471
В т.ч. лесопильная	1948	2355	2487	3222	2134	2351
Швейная	2430	3064	5984	6750	6714	5821
Кожевенно-меховая и обувная	585	1053	1129	2402	2723	2470
Пищевкусовая	4738	4417	4621	5637	5741	5115
В т.ч. маслодельная и сыроваренная	750	612	559	665	796	757
Мукомольно- крупяная	361	298	360	403	372	366

**ВАЛОВАЯ ПРОДУКЦИЯ МЕЛКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ЦЕНАХ 1926–1927 гг.
(тыс. руб.)**

	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
ВСЯ МЕЛКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ	67548	76417	85521	79743	94585	101342
В т.ч. основные отрасли:						
Металло-обрабатывающая	10245	11374	13508	15467	18168	18886
Лесоразработки и лесосплав	5652	5792	3835	1305	4033	3495
Деревообрабатывающая	7107	9840	8306	11012	11595	12151
Швейная	6872	8985	4398	2559	9720	8801
Кожевенно-меховая и обувная	4304	4065	8378	11263	14986	17597
В т.ч. обувная	2904	2665	5148	6045	7253	9703
Пищевкусовая	27174	25382	37174	22727	17424	21896
В т.ч. мукомольно-крупяная	6105	6008	8685	6108	5313	5642

**СРЕДНЕГОДОВОЕ ЧИСЛО РАБОЧИХ МЕЛКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
(чел.)**

	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
ВСЯ МЕЛКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ	14567	16917	16083	14312	18333	21352
В т.ч. основные отрасли:						
Металло-обрабатывающая	2961	3671	3816	2912	3272	3381
Лесоразработки и лесосплав	2804	2958	1762	593	2241	2205
Деревообрабатывающая	1742	2583	2218	2065	1890	2129
Швейная	757	893	794	715	1350	2174
Кожевенно-меховая и обувная	1928	1620	1694	2602	2723	3917
В т.ч. обувная	1778	1444	1387	1951	1792	2887
Пищевкусовая	1989	2098	2492	2107	2722	3348
В т.ч. мукомольно-крупяная	305	365	338	302	411	449

**ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ПРОДУКЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
В НАТУРАЛЬНОМ ВЫРАЖЕНИИ**

	Ед. из- мерен.	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Уголь	тыс. тонн	22414.4	26132.1	21628.2	25731.1	27999.2	29849
Кокс	--/--	2950.5	3037.1	3334.2	3790.5	3900.3	3697
Железная руда	--/--	493.2	841.0	733.9	678.6	680.5	815
Чугун	--/--	1535.9	1588.4	1529.5	1609.9	1639.7	1567
Сталь	--/--	1866.5	2119.6	2066.4	2139.6	2278.9	2334
Прокат	--/--	1357.1	1430.8	1395.0	1477.0	1645.2	1693
Алюминий первичный	тонн	-	-	-	4374	10361	13000
Цинк	--/--	20439	23099	21150	20246	21461	19500
Сталеплавильное оборудование	--/--	-	351	832	1929	526	
Прокатное оборудование	--/--	-	446	210	714	442	
Азотная кислота крепкая	--/--	14808	31315	91937	109521	132197	87900
Серная кислота (в моногидрате)	тыс. тонн	18.3	21.1	38.6	43.7	48.5	
Олеум	тонн	18326	21134	38605	43698	48544	
Аммиак	--/--	56356	73563	71692	91737	104103	117000
Аммиачная селитра	--/--	111505	126915	79395	116590	125788	162800
Толуол	--/--	1629	-	2741	4288	5273	
Цемент	тыс. тонн	124.7	126.1	41.0	47.1	72.9	76
Кирпич строительный	млн. штук	134.5	180.0	114.3	115.3	109.4	131
Известь	тыс. тонн	72.5	51.3	56.3	52.9	57.3	
Заготовка древе- сины (включая колхозы)	тыс. пл.м³	1887	1499	1458	1906	2078	2183
Заготовка дров (включая колхозы)	--/--	401	442	568	640	827	864

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ПРОДУКЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В НАТУРАЛЬНОМ ВЫРАЖЕНИИ [продолжение]

	Ед. из- мерен.	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Вывозка древе- сины (включая колхозы)	тыс. пл.м ³	1735	1359	1518	1671	1855	2687
Вывозка дров (включая колхозы)		371	402	506	564	787	754
Пиломатериалы	тыс. м ³	419	420	564	559.8	378.0	405
Льняные ткани	тыс. м	39.5	37.0	8.8	10.0		
Чулочно-носоч- ные изделия	тыс. пар	134	142	228	70	176	155.1
Верхний трикотаж	тыс. шт	153.9	164.4	24.9	1.7	14.7	23.4
Сыромять	тонн	8	20	141	87	133	91
Мостовые и юфть	тыс.дцм ²	612	539	3069	4777	1674	2315
Обувь кожаная	тыс.пар	250.4	180	209.0	327.8	748.1	574
Обувь вялая		104.9	106.7	183.6	235.2	252.1	260
Масло животное	тонн	2862	3005	829	2058	1706	1608
Мясо		13006	9755	9239	9384	7898	7585
Мука	тыс.тонн	202	205	180	167	137	174
Крупа		-	-	36.8	20.8	17.2	21
Колбаса с копченостями	тонн	2843	2297	4108	4035	3061	2315
Макаронные изделия		1640		2198	1820	522	598
Спирт	тыс.дкл	1035	1728	1484	837	700	440

МОЩНОСТЬ ЭЛЕКТРОГЕНЕРАТОРОВ И ПРОИЗВОДСТВО ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ

	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Мощность электро- генераторов (тыс.квт.)						
Все электростанции	278.3	275.3	286.9	383.4	406.8	441.2
В т.ч. гидростанции	0.5	-	-	0.05	0.2	0.1
Производство электро- энергии (млн.квт/ч)						
Все электростанции	1318.2	1413.0	1601.7	2120.4	2541.3	2767.9
В т.ч. гидростанции	0.3	-	-	0.1	0.1	0.1

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

	1937 г.	1938 г.	1939 г.	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Число совхозов (на конец года)	38	37	42	42	42	22	19	18	18
Число колхозов (на конец года)	1569	1571	1649	1634	1618	1603	1578	1566	1563
В них дров (тыс.)	83.5	82.3	82.5	86.4	85.5	95.5	87.8	84.5	82.3
Число машино-тракторных станций (на конец года)				48	55	55	55	56	57
ВСЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО:									
Число тракторов				4167	3737	3761	3906	3626	3384
Их мощность (тыс.л.с.)				82.6	68.1	69.3	71.9	63.1	62.5
Число комбайнов				2015	2258	2274	2258	2346	2233
Число автомашин (грузов.)				1012	318	276	256	229	392
МАШИНО-ТРАКТОРНЫЕ СТАНЦИИ:									
Число тракторов				3313	2911	2908	2908	2908	2659
Их мощность (тыс.л.с.)				68.4	54.6	54.5	54.0	53.9	48.8
Число комбайнов				1836	2080	2086	2084	2088	2088
Число автомашин (грузовых)				357	139	130	132	76	204

ЧИСЛЕННОСТЬ СКОТА ПО ВСЕМ КАТЕГОРИЯМ ХОЗЯЙСТВ (тыс. голов)

	Летняя дата			На 1 января									
	1916 г.	1928 г.	1933 г.	1935	1937 г.	1938 г.	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.	1946 г.
Лошади	474.6	469.6	189.1	187.6	170.9	172.9	188.4	190.5	163.8	143.2	117.0	102.5	100.5
Крупный рог.скот	568.0	670.7	337.3	397.7	453.9	472.6	456.2	446.6	415.9	442.6	427.2	459.9	459.2
В т.ч. коровы	282.8	321.0	172.4	189.6	207.0	220.2	238.1	235.7	227.4	235.8	230.4	238.4	243.8
Свиньи	138.8	199.6	84.1	203.6	164.7	261.4	241.5	189.5	171.0	168.6	173.1	174.6	172.7
Овцы и козы	421.8	914.7	261.9	273.4	290.2	416.8	474.2	517.0	431.9	479.4	455.2	489.9	472.5

ЧИСЛЕННОСТЬ СКОТА В КОЛХОЗАХ: (тыс. голов)

	На 1 января									
	1935	1937 г.	1938 г.	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.	1946 г.
Лошади	111.3	111.4	128.1	125.5	128.9	108.3	92.4	72.1	59.3	57.0
Крупный рог.скот	136.2	117.6	128.7	137.9	152.1	146.1	156.0	125.5	119.2	107.0
В т.ч. коровы	54.3	38.6	65.9	47.7	51.0	51.9	48.9	40.0	37.6	36.0
Свиньи	44.4	42.0	63.8	68.4	68.3	69.0	67.4	49.8	48.4	47.8
Овцы и козы	93.4	96.1	146.0	166.8	210.0	210.4	235.6	205.0	196.0	179.4

ПОСЕВНАЯ ПЛОЩАДЬ ПО ВСЕМ КАТЕГОРИЯМ ХОЗЯЙСТВ (тыс.га)

	1932 г.	1937 г.	1938 г.	1939 г.	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Вся посевная площадь	693.8	854.0	900.3	911.8	966.7	1008.1	1099.7	944.4	959.4	930.2
Зерновые культуры	559.7	751.7	787.2	797.5	840.2	863.2	922.8	751.8	762.3	719.0
В т.ч. пшеница	246.2	323.3	341.8	354.7	361.2	348.4	328.4	165.3	149.5	176.0
Технические культуры	36.8	11.8	11.9	9.1	9.8	9.8	19.5	20.2	15.9	13.6
Подсолнечник	9.6	0.4	0.4	0.5	0.7	0.8	0.8	0.6	0.7	0.6
Хлопок	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Лен	16.8	5.7	5.8	4.0	4.2	4.2	4.2	2.2	2.5	1.9
Сахарная свекла	-	-	-	-	-	-	2.1	2.8	2.2	-
Табаки	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Овощебахчевые культуры и картофель	47.1	58.2	61.9	58.3	63.9	73.9	96.7	118.6	137.3	151.1
В т.ч. картофель	36.5	49.6	52.4	48.5	54.1	61.6	79.7	96.7	112.5	125.5
Кормовые культуры	50.2	32.3	39.3	46.9	52.8	61.2	60.7	53.8	43.9	46.5
В т.ч. укосная площадь многолетних трав посева прошлых лет	9.3	6.6	13.8	23.9	29.7	34.2	38.7	37.1	19.7	15.2

ВАЛОВЫЙ УРОЖАЙ И УРОЖАЙНОСТЬ ПО ВСЕМ КАТЕГОРИЯМ ХОЗЯЙСТВ

	1932 г.	1937 г.	1938 г.	1939 г.	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
ВАЛОВЫЙ УРОЖАЙ (тыс. центнеров)										
Зерновых культур	5007	10825	9655	11015	9449	9845	10121	6458	5783	4940
Хлопка	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Льна	43.7	21.7	17.1	15.0	14.2	14.4	15.0	7.6	7.5	5.2
Подсолнечника	3000	1.2	1.5	3.0	3.1	3.7	3.5	3.9	3.7	4.0
Сахарной свеклы	-	-	-	-	-	-	237	281	110.	-
Картофеля	3438	4654	4095	5887	6240	5841	8711	10520	13329	9983
УРОЖАЙНОСТЬ (центнеров с га)										
Зерновых культур	8.9	14.4	12.3	13.8	11.2	11.4	11.0	8.6	7.6	6.9
Хлопка	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Льна	2.6	3.8	3.0	3.7	3.4	3.4	3.5	3.5	3.1	2.6
Подсолнечника	3.1	3.0	3.9	6.6	4.4	4.5	4.6	5.8	5.3	6.2
Сахарной свеклы	-	-	-	-	-	-	113	102	61	-
Картофеля	94	94	78	121	115	95	109	109	118	80

ВАЛОВЫЙ УРОЖАЙ И УРОЖАЙНОСТЬ В КОЛХОЗАХ

	1937 г.	1938 г.	1939 г.	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
ВАЛОВЫЙ УРОЖАЙ (тыс. центнеров)									
Зерновых культур	9608	8676	9896	8682	8710	8907	5117	4677	3931
Хлопка	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Льна	20.7	15.6	13.7	13.4	13.1	13.8	6.6	5.5	3.9
Подсолнечника	0.3	-	0.5	1.1	1.4	1.3	1.7	1.0	0.9
Сахарной свеклы	-	-	-	-	-	224	245	110	-
Картофеля	1541	1065	1358	1619	1489	2332	2442	2250	2637
УРОЖАЙНОСТЬ (центнеров с га)									
Зерновых культур	14.1	12.1	13.6	11.4	11.2	10.9	8.2	7.6	6.7
Хлопка	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Льна	3.8	3.0	3.8	3.4	3.4	3.5	3.5	3.1	2.7
Подсолнечника	3.0	-	6.3	3.7	4.5	4.3	5.7	4.5	4.5
Сахарной свеклы	-	-	-	-	-	-	112	98	61
Картофеля	90	61	115	112	94	104	112	100	74

ТРАНСПОРТ

	1938 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Эксплуатационная длина железных дорог (на 1 января: км)	1030	1130	1130	1130	1182	1182
Протяженность дорог с твердым покрытием (тыс.км.) на 1-е января		0.4	0.5	0.5	0.6	0.6
Автомобильный парк (число машин) в тыс. на 1 января		5.8	3.2*	2.9	2.8	2.8
В том числе грузовых машин		4.8	2.9*	2.7	2.3	2.3

*на 1/V-1942 г.

ГРУЗОБОРОТ ВНУТРЕННИХ ВОДНЫХ ПУТЕЙ (тыс. т)

	1933 г.	1937 г.	1940 г.	1943 г.
ОТПРАВЛЕНО ГРУЗОВ ВСЕГО:	0.4	0.6	13.7	8.4
В т.ч. основные виды грузов				
Каменный уголь			12.1	7.0
Нефть			-	-
Лес			-	-
Хлеб			1.5	1.3
ПРИБЫЛО ГРУЗОВ ВСЕГО	2.7	3.8	22.6	6.8
В т.ч. основные виды грузов				
Каменный уголь	-	-	-	-
Нефть	-	-	-	0.2
Лес	2.5	3.6	21.4	5.2
Хлеб	-	-	1.1	0.8

ТОВАРООБОРОТ

	1937 г.	1938 г.	1939 г.	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Розничная торговая сеть (на конец года)	3121	3471	3567	3349	3124	2631	2721	2739	2901
Сеть предприятий общественного питания (на конец года)	559	638	732	907	948	1138	1247	1295	1252
Весь розничный товарооборот (включая общественное питание) (млн.руб)	1141.2	1279.0	1525.8	1377.2	1433.9	1098.2	1248.1	1602.4	2000.3
Оборот розничной сети (млн.руб.)	1061.3	1178.5	1398.0	1183.8	1200.4	754.7	784.4	1041.9	1394.1
Оборот общественного питания (млн.руб.)	79.7	100.5	127.8	193.4	233.5	343.5	463.7	560.5	606.2

ТРУД

	Март 1937 г.	Сентябрь 1940 г.	Сентябрь 1943 г.	Сентябрь 1944 г.	На 1/X 1945 г.	На 1/IV 1946 г.
Численность рабочих и служащих (тыс.чел.)	302.2	388.0	458.5	486.6	529.8	552.2
Фонд заработной платы рабочих и служащих (млн.руб)	66.1	105.1	198.8	242.6	259.3	274.8

КУЛЬТУРНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО Начальные, неполные средние и средние школы

	1932/33	1937/38	1938/39	1939/40	1940/41	1941/42	1942/43	1943/44	1944/45	1945/46	46/47	
ЧИСЛО ШКОЛ	1405	1796	1866	1892	1876	1788	1824	1820	1895	1923	1880	
Начальных	1200	1392	1415	1393	1363	1314	1349	1349	1413	1466	1464	109435
неполн. средних	179	302	332	352	358	340	336	330	335	337	326	95030
средних	13	90	110	137	146	126	130	131	139	113	90	603070
ВСЕГО УЧАЩИХСЯ	204925	346772	355429	360834	349488	293335	261718	239331	265636	271738	267535	
в том числе												
число уч-ся по группам классов	204717	345892	354792	359905	348870	292768	261213	238893	265173	271369		
в I-IV классах	180057	250772	251403	241764	221665	189770	170111	159047	190082	205624		
в V-VII классах	23655	84322	91400	102953	108743	90472	78504	67563	63211	55574		
в VIII-X классах	1005	10798	11989	15188	18462	12526	12598	12283	11880	10171		
ЧИСЛО УЧИТЕЛЕЙ	5686	5581	9712	10682	11038	9725	9117	9044	9868	9928		

ВУЗЫ, ТЕХНИКУМЫ И ДРУГИЕ СРЕДНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ

	На 1-е января										На 1/XI	На 15/XI	На 15/II	На 15/X	На 15/X	На 10/X	На 10/X
	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	1939 г.											
Число ВУЗов	1	1	1	1	1	1	2	2	4	4	4	3	3				
	576	635	694	495	450	544	891	1062	1252	1925	2572	1494	1616				
Число техникумов и др. средних специальных учебных заведений	12	12	16	18	18	21	26	21	23	25	25	27	28				
	1799	2757	3252	4083	4311	5623	6369	5526	4473	5806	7756	9040	9997				

КЛУБЫ И БИБЛИОТЕКИ (на конец года)

	1932 г.	1937 г.	1938 г.	1939 г.	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Число клубных учреждений	321	735	800	873	735	672	519	479	537	563
В т.ч. изб.-читален	191	227	305	251	370	439	364	324	361	397
Число массовых библиотек	69	302	393	457	494	429	365	309	149	179
В них книг (тысяч)	223.2	758.6	840.4	1152.0	1189.4	976.2	972.3	1825.7	866.0	1001.5

ДЕТСКИЕ САДЫ

	1927 г	1932 г.	1937 г.	1938 г.	1939 г.	1/X 1940	1/X 1941	1/I 1943	1/I 1944	1/I 1945	1/I 1946
Число детских садов	6	198	129	146	140	231	242	298	324	333	311
В них детей	291	11317	5081	5783	5625	10539	12193	21387	22295	22900	17652
воспитателей	14	565	386	427	427	701	779	1478	1079	1135	1198

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

	1932 г.	1937 г.	1938 г.	1939 г.	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Число больничных учреждений	49	89	97	122	124	121	129	135	153	153
Число больничных коек	2482	6033	6062	7594	7820	6751	8320	9941	10225	10622
Число врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений	100	178	194	200	182	178	254	254	286	286
Число учреждений фельдшерской амбулаторной помощи	24	215	223	342	378	371	401	405	406	454
Число врач. родильных коек (в больницах и родильных домах)	409	1076	1051	1230	1318	995	863	789	838	967
Число акушерских родильных коек		175	197	233	191	148	131	91	87	129
в т. ч. в колхозных родильных домах		93	77	118	95	97	90	78	54	77
Число женских и детских консультаций (самостоятельных и несамостоятельных)	37	47	43	58	58	55	66	70	79	83
Число постоянных яслей	245	204	1217	189	201	216	236	232	231	226
Число мест в них	9350	7791	9120	8399	9078	11557	13038	13139	13108	12702
Число врачей физических лиц (без зубных)	426	795	740	846	1009	898	1130	1164	1113	1115

ПРАВДА

САЛЮТ ТРУДОВОГО КУЗБАССА

Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б).

№ 178 (9949)

Пятница, 27 июля 1945 г.

ЦЕНА 20 КОП.

Салют трудового Кузбасса

Сегодня «Правда» публикует полугодовой отчет трудящихся Кузбасса великому творцу Победы Генералиссимусу Советского Союза товарищу Сталину. Люди Кузбасса — край угля и металла, алюминия и химии, машин и хлеба — докладывают всему советскому народу о своих новых успехах в борьбе за процветание нашей Родины. Авторы письма вождю сами называют свой отчет салютом трудовому Кузбассу. Да, прекрасные достижения героических тружеников Кузбасса, огромные результаты их самоотверженного труда звучат подобно победному салюту нашей армии, нашему народу. Кузбасс сыграл громадную роль в Отечественной войне, и его заслуги перед социалистическим Отечеством не забудет история.

На пороге прошлого года трудящиеся Кузбасса, как верные воины тыла, поклонялись любимому вождю и учителю товарищу Сталину «еще выше поднять напряженность наших сил, а если понадобится — отдать свою жизнь, чтобы выполнить свой долг перед Родиной». Это была священная клятва. «Пусть весь мир слушает нашу присягу, пусть знают наши враги, что она так же надежна и нерушима, как присяга героической Красной Армии», — писали товарищу Сталину сотни тысяч трудящихся Кузбасса.

Сквозь все труднейшие испытания военных лет кузбассовцы пронесли верность клятве великому Сталину. Они превратили свой край в изданный арсенал Красной Армии. Они неустанно ковали оружие для фронта. Они снабжали топливом и металлом важнейшие отрасли военной экономики. В настоящее время добыча угля в Кузбассе на 35 процентов выше, чем в довоенном 1940 году. Добыча коксующихся углей поднялась вдвое. За время войны химическая промышленность Кузбасса увеличилась в 5 раз. Кузнецкий металлургический комбинат имени Сталина дал столько стали, сколько нужно для изготовления 100 миллионов снарядов и 50 тысяч танковых. Это настоящий колосс социалистической индустрии!

Идея создания второй угольно-металлургической базы на востоке нашей страны принадлежит товарищу Сталину. Там были построены крупнейшие в Европе доменные печи. Были созданы самые большие в СССР механизированные каменноугольные шахты. Непроходимая тайга Кузнецкого Алатау, дикая Горная Шория раскрыли свои неслетные богатства нашему народу. Железные дороги соединили кузнецкий уголь с уральской рулою. Новую угольно-металлургическую базу на Востоке товарищ Сталин назвал гордостью нашей страны.

условиях промышленность Урала и Кузбасса имеет возможность попрежнему развиваться высокими темпами. Мы строим и будем строить новые заводы и шахты на Урале и в Сибири. Созданные там во время войны предприятия расширятся и будут расширяться. Промышленность, эвакуированная на Восток, прочно осела там. Кузбасс был во время войны и остается теперь одним из основных индустриальных очагов Советского Союза.

Как и прежде, металлургия, угольщики, химики, машиностроители и железнодорожники Кузбасса должны будут снабжать Красную Армию продукцией в количествах, какие ей потребуются. Одновременно промышленность Кузбасса должна заняться за решение новых задач мирного периода. Десятки цехов должны быть в короткий срок приспособлены к выпуску гражданской продукции. Кузнецкий завод обязан дать рельсы для железнодорожного транспорта и металл для новостроек и восстанавливаемых предприятий. Кузбасс должен дать удобрения для сельского хозяйства, краски, электрическую арматуру, детали для тракторов и автомобилей и товары широкого потребления.

Природа щедро одарила земли Кузнецкого бассейна. Они не только таят огромные запасы угля, руды, цветных и редких металлов. Земли Кузбасса отличаются высоким плодородием. Стране нужен не только кузнецкий уголь, но нужен и кузнецкий хлеб. Поэтому задача большевиков и всех трудящихся Кузбасса состоит в том, чтобы, наряду с дальнейшим подъемом промышленности и транспорта, неустанно развивать сельское хозяйство и тем самым увеличивать производительные ресурсы нашей страны.

Трудящиеся Кузбасса понимают все величие стоящих перед ними задач. Они пишут в отчете товарищу Сталину: «Радостно сознавать нам, что перед Кузбассом большое будущее, необятные горизонты нового развития производительных сил. Все мы, — и тот, кто варит сталь, и тот, кто добывает уголь, и тот, кто бережно выращивает победный урожай, — каждый трудящийся Кузбасса связан своей преданностью большевистской партии, беспримерной верностью Вам, великий вождь, учитель и друг».

Трудящиеся Кузбасса, работники металлургического комбината имени Сталина, были в числе инициаторов развертывания Всесоюзного социалистического соревнования в честь нашей Победы. Кузнецкие металлурги вместе с магнитогорцами первыми дали свои новые обязательства стране. Их благородный почин, их патристическая инициатива нашли широчайший отклик в стране. Они за другим во Всесоюзное соревнование.

Полугодовой отчет трудящихся Кузбасса Великому вождю народов Генералиссимусу Советского Союза товарищу Сталину (2 стр.).

Обращение коллектива Балахнинского целлюлозно-бумажного комбината им. Дзержинского к рабочим, инженерно-техническим работникам целлюлозной и бумажной промышленности (1 стр.).

Обращение работников цементного завода «Гигант», комбината асбестовых изделий «Красный строитель» и толеруберондного предприятия «Москватоль» ко всем работникам предприятий промышленности строительных материалов Советского Союза (1 стр.).

О Б Р А

коллектива работников бумажного комбината

Ко всем рабочим, инженерно-техническим работникам целлюлозной и бумажной промышленности

Дорогие товарищи!

Многомиллионный советский народ, великий великий Сталиным, напряженным трудом в тылу обеспечил Красную Армию всем необходимым для разгрома гитлеровской Германии. Вместе со всем народом советского бумажники внесли свой вклад в дело Победы над врагом.

Работники целлюлозной и бумажной промышленности в трудных условиях военного времени перестроили свое производство на выработку продукции для фронта и оборонных заводов. В период Великой Отечественной войны фронт и тыл бесперебойно снабжались бумагой для издания газет, а оборонные заводы бесперебойно снабжались специальной целлюлозой для производства боеприпасов.

Теперь, когда победа завершена и страна вступила в период мирного развития, перед работниками целлюлозной и бумажной промышленности встали новые задачи по обеспечению бумаги и целлюлозой высокого качества потребностей народного хозяйства.

заяств и в запросов сов

Мы, работники бумажного комбината, обязались в 1945 году произвести 15 процентов больше продукции, чем в 1944 году.

1. Досрочно закончить выработку тон бумаги.

2. Увеличить заготовку бумаги на 5 процентов.

3. Улучшить продукцию, повысить ее сорт.

4. Сократить расход электроэнергии.

О Б Р А

рабочих, инженерно-технических работников завода «Гигант», комбината асбестовых изделий и толеруберондного предприятия

Ко всем рабочим, инженерно-техническим работникам предприятий промышленности строительных материалов

Дорогие товарищи!

Советский народ, руководимый гениальным вождем и полководцем товарищем Сталиным, победоносно завершил смертельную борьбу с злейшим врагом нашей Родины — гитлеровской Германией. Советские героические трудящиеся тыла помогли нашей доблестной Красной Армии одержать победу над немецко-фашистскими захватчиками.

Работники промышленности строительных материалов в годы Отечественной войны обеспечивали пехоту строительством оборонительных сооружений и удовлетворяли потребности в строительном материале предприятий промышленности строительных материалов Советского Союза.

2. До конца года выполнить 75 тыс. тонн плана.

3. Во втором полугодии 1945 года выполнить 15 процентов плана.

4. До 15 августа 1945 года подготовить 15 процентов плана.

Мы знаем, что сейчас перед нашей страной стоят грандиозные задачи индустриального строительства. Восстановление заводов Юга, возмещение разрушенных врагом городов — это, конечно, укрепление боевого и экономического мощи советского государства требует от Кузбасса новых трудовых усилий, новых потоков угля и металла. Опять, как некогда в суровые годы войны, от своих сил и мужества, закаленных в жаренном труде, мы отагани Родине.

**Полугодовой отчет трудящихся Кузбасса
Великому вождю народов
Генералиссимусу Советского Союза
товарищу Сталину**

[...]

Стойкий характер, ясный ум, терпение русского народа с особой силой сказались в эпоху величайших событий современной войны.

Эти замечательные свойства великого народа сказались в делах кузбасского шахтера Измествьева, выполнившего за 4 года войны 9 годовых норм, и в труде сталевара Чалкова, давшего фронту в военные годы 13 тысяч тонн сверхплановой стали, и в творчестве русского ученого инженера Чинакала, щиты которого сделали революцию в забоях Кузбасса.

[...] В трудные времена, когда Донбасс был в руках врага, героический труд кузбасских шахтеров спас от голода домны и мартены страны. Сейчас среднесуточная добыча угля в Кузнецком бассейне на 35 процентов выше, чем была в 1940 году. Кузбасс добывает теперь коксующихся углей вдвое больше, чем в довоенном 1940 году. Горняки Киселевского рудника за военные годы увеличили добычу коксующихся углей в 9 раз. Эта трудная задача решена усилиями десятков тысяч горняков, творческой мыслью инженеров и ученых нашего бассейна. Щит, изобретенный лауреатом Сталинской премии профессором Николаем Андреевичем Чинакалом, дал возможность увеличить добычу угля из забоя в 4—5 раз. В годы войны щитовая система разработки стала основной на Прокопьевском и Киселевском рудниках. Начальник шахты имени Ворошилова Илья Павлович Ходыкин внес в конструкцию щитов Чинакала такие усовершенствования, которые повысили его производительность в полтора раза. Месячная добыча щита в 13—14 тысяч тонн стала обычным явлением на шахте имени Ворошилова. Новейший щит Ходыкина шахтеры прозвали танком, 18 тысяч тонн угля в месяц — такова производительность бригады забойщиков, работавшей там этим щитом.

[...] За два года молодые шахтеры добыли сверх плана 1.200 эшелонов угля. За первое полугодие 1945 года шахты бассейна выдали на-гора угля на 910 тысяч тонн больше, чем в те же месяцы прошлого года.

[...] Велик вклад металлургов Кузбасса в дело победы. В годы войны Кузнецкий ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени металлургический комбинат имени Сталина выплавил такое количество снарядной стали, которое вполне достаточно для изготовления 100 миллионов снарядов. Он дал фронту танковую сталь для 50 тысяч тяжелых танков.

[...] За время войны доменщики выдали 270 тысяч тонн сверхплавленного чугуна, сэкономив 600 тысяч тонн железной и марганцевой руды и 120 тысяч тонн кокса.

Коллектив блюминга только за последний год войны сэкономил 86 тысяч тонн металла, из которого можно сделать 10 тысяч орудий.

Кузнецкие металлурги любят говорить: «Время — это сталь». Десять минут, сэкономленных на каждой плавке, дают возможность за год сварить дополнительно не менее 10 тысяч тонн стали.

[...] В первом полугодии 1945 года Кузнецкий металлургический комбинат выдал сверх плана 12 тысяч тонн чугуна, 20 тысяч тонн стали и 20 тысяч тонн проката.

[...] Большую помощь фронту оказали наши новые заводы, построенные в годы войны. Завод ферросплавов дал оборонной промышленности многие десятки тысяч тонн ферросплавов. Нарастивает свою мощность и увеличивает выпуск алюминия Сталинский алюминиевый завод. Сотни предприятий страны получали в годы войны кокс и другую продукцию Кемеровского ордена Ленина коксохимического завода. Завод увеличил выработку кокса против довоенной в полтора раза, а по электродному коксу — в пять раз.

[...] Строители Кузбасса за годы войны выполнили капитальных работ для промышленности более чем на 800 миллионов рублей, построили жилых и культурно-бытовых зданий на 140 миллионов рублей. За это время сдано в эксплуатацию 450 тысяч квадратных метров жилой площади.

Знатный каменщик Петр Федорович Кузьмин за 6 месяцев 1945 года выполнил 15 месячных норм.

[...] Высокие патриотические подвиги совершали колхозники и колхозницы Кузбасса, помогая фронту. Сотни передовых колхозов перевыполняли свои обязательства, внесли сверх плана в фонд Красной Армии более миллиона пудов хлеба. Колхозники Ленинск-Кузнецкого района за годы войны сдали государству хлеба

на полмиллиона пудов больше, чем за четыре предвоенных года. Выполняя постановления ЦК ВКП (б) о расширении продовольственной базы промышленных центров Кузбасса, наши колхозы увеличили посевы картофеля в 2,5 раза, а овощей — почти втрое по сравнению с 1940 годом. Посевные площади подсобных хозяйств предприятий за годы войны выросли более чем в три раза и достигли в 1945 году 86 тысяч гектаров. Площадь посевов картофеля в подсобных хозяйствах выросла за это время в 6 раз, поголовье скота удвоилось и достигло в 1945 году 80 тысяч голов. [...] Площадь посевов пшеницы увеличилась по сравнению с прошлым годом на 27 тысяч гектаров, а картофеля и овощей — на 17 тысяч гектаров. Машинно-тракторные станции области выполнили план весенних тракторных работ на 115 процентов. Лучшая в области Кузнецкая МТС выполнила план весенних тракторных работ на 283 процента. [...] Замечательных результатов достигли бригады тракторных бригад Алексей Ермакович и Сергей Шелковников. Каждый из них этой весной выполнил два годовых плана тракторных работ. Обе бригады сэкономили до 12 тонн горючего.

В авангарде тружеников социалистических полей идут, как и раньше, мастера высоких урожаев картофеля Анна Кондратьевна Юткина и Анна Ефимовна Картавая, примеру которых следуют теперь сотни звеньев высокого урожая.

Значительную помощь сельскому хозяйству области оказали промышленные предприятия Кузбасса, изготовив за последние два года на 6,5 миллиона рублей запасных частей к тракторам и сельскохозяйственным машинам.

КУЗБАСС ПРАЗДНУЕТ ПОБЕДУ!

Речь секретаря обкома ВКП(б) тов. Задионченко С. Б. на митинге трудящихся города Кемерово

Дорогие товарищи!

Указом Президиума Верховного Совета СССР в ознаменование победоносного завершения Великой Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков, в ознаменование исторических побед Красной Армии, увенчавшихся полным разгромом гитлеровской Германии, заявившей о безоговорочной капитуляции, — день 9 мая 1945 года объявлен днем всенародного торжества — праздником Победы.

От имени областного и городского комитетов Всесоюзной Коммунистической партии большевиков, исполкомов областного и городского советов депутатов трудящихся поздравляю вас, дорогие товарищи, с праздником великой победы над нашим злейшим врагом — немецко-фашистскими захватчиками.

Нашими великими победами мы обязаны вождю большевистской партии и могучего советского народа, гениальному полководцу, Верховному Главнокомандующему Маршалу Советского Союза товарищу Сталину.

Товарищи! На всем протяжении Отечественной войны все наши мысли, все взоры, все наши чувства постоянно были обращены к нашему любимому и родному отцу и учителю товарищу Сталину.

Все прогрессивное человечество, вместе с советским народом питало надежду, что наша героическая Красная Армия под верховным главнокомандованием товарища Сталина приведет нас к победе и даст свободу народам, находящимся под гнетом немецко-фашистских захватчиков.

Сегодня, вместе с могучим советским народом, празднует великую победу все прогрессивное человечество.

3 июля 1941 года в своем историческом выступлении товарищ Сталин призвал советский народ:

«Мы должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, всё подчинить интересам фронта и задачам организации разгрома врага».

Нелегко досталась победа нашей героической Красной Армии, нашему великому советскому народу, который в этой Отечественной войне, в жесточайших, кровопролитных боях, отстоял честь, свободу и независимость любимой отчизны.

Не покладая рук днем и ночью советские люди в тылу всемерно помогали Красной Армии ковать победу на фронте.

Дорогие товарищи! Трудящиеся города Кемерово и всего Кузнецкого бассейна — могучего арсенала Красной Армии, вместе со всем советским народом могут с гордостью отметить, что их самоотверженный труд является большим вкладом в дело нашей общей победы над врагом.

Сегодня, в день великого торжества победы, мы шлем нашим героическим воинам — защитникам советской отчизны пламенный привет!

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей любимой Родины!

Окружим еще большей любовью, заботой и вниманием семьи воинов Красной Армии и инвалидов Отечественной войны!

Сбылись пророческие слова нашего великого вождя — родного Сталина:

«Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами».

Наши героические воины водрузили знамя победы над Берлином.

Трудящиеся Кузнецкого бассейна будут и впредь работать не покладая рук, приложат все силы и энергию, чтобы быстрее залечить раны войны, будут работать для дальнейшего процветания и могущества нашей Родины.

Да здравствует наша могучая советская Родина!

Да здравствуют победоносные Красная Армия и Военно-Морской флот!

Да здравствует великая партия большевиков — партия Ленина — Сталина!

Да здравствует наш любимый вождь и учитель, гениальный полководец товарищ Сталин!

Торжество металлургов

СТАЛИНСК, 9 мая. (По телефону). Славный город кузнецких металлургов встретил всенародным ликованием весть об окончательной победе над врагом.

Уже к 6 часам утра на площади Побед собрались толпы трудящихся Сталинска. Люди обнимались, целовались, поздравляли друг друга с долгожданной победой, добытой в упорном, самоотверженном труде.

8 часов. Закончена смена на Кузнецком металлургическом комбинате. Из цехов новые радостные толпы вливаются на площадь. Теперь здесь не менее 70 тысяч человек.

Открывается общегородской митинг. Секретарь городского комитета партии тов. Москвин поздравляет трудящихся Сталинска с величайшей в истории победой, одержанной героической Красной Армией над ненавистным врагом. Победа Красной Армии обеспечена самоотверженным трудом доблестной гвардии тыла, в передовых рядах которой — Кузнецкий металлургический комбинат, дважды во время войны удостоившийся высокой правительственной награды.

На трибуне — депутат Верховного Совета СССР, директор Кузнецкого комбината тов. Белан. «Металлурги Сталинска, — говорит он, — с честью выполняют свою клятву вождю, но теперь перед нами стоит огромная задача — помощь восстановлению нашего народного хозяйства, в быстрой ликвидации последствий вражеского нашествия».

Митинг окончен. Но люди не уходят с площади и прилегающих улиц, расцветших алыми стягами и приветственными лозунгами.

Раздаются песни, затеваются танцы и пляски. Танцуют все: все сегодня молоды и счастливы!

Самолеты над Кузбассом

Крылатые вестники победы пролетели вчера над районами нашей области.

Над глухой тайгой, над седыми отрогами Ала-Тау внезапно раздается рокот моторов, и тысячи листовок белыми чайками падают с высоты на колхозные села, рудничные поселки, золотые прииски и лесоучастки.

Трудящиеся района подхватывали экстренный выпуск газеты «Кузбасс» и жадно читали помещенное в нем сообщение об окончательном разгроме врага, о безоговорочной капитуляции Германии перед доблестной Красной Армией и войсками союзников.

Вспыхивали стихийные митинги, торжество победы охватывало деревни и поселки. Кузбассовцы славили Красную Армию и ее гениального вождя — родного товарища Сталина.

Незабываемый день

Кажется, солнце взошло раньше обычного. Предрассветную тишину разорвало величественное слово «Победа!».

Радости не видно конца.

Кемеровцы ликуют с рассвета.

Это в наши дома и в сердца

Вливается победа!

Её крылья с шумом распростерлись над взрослыми и малышами. Торжественный голос радио поднимал всех на ноги. Взмолнованные матери берут прямо из кроваток полусонных крошек и вместе с мужьями и сестрами выбегают на улицу.

Солнце, свети ясней

Нашей победной весне!

Улицы и площади столицы Кузбасса еще никогда не были так многолюдны. У каждого радиорупора толпы людей. Затаив дыхание, все ловят голос далекой и близкой Москвы.

У здания цирка скрещиваются две дороги. Со всех концов плывут к площади людские потоки. Мелькают маки шапчонок и беретов. Волнуется море флагов...

Моросит дождь. Вышедшие в новых, лучших платьях не замечают его. Это — не дождь — слезы радости! Вырвавшийся внезапно ветер разрывает тучи, и майское солнце отражается в знаменах, бежит по медным трубам оркестров.

Трамвай, как щепка в морской пучине. Ему не пробиться сквозь kloкочущую людскую массу. Кондукторша не горюет. Вместе с вожатой она бросается в пляс.

Над колоннами во всю улицу плывут, утопая в знаменах, портреты Ленина, Сталина, Кутузова, Суворова...

А. Косарь.

«Четыре долгих года мы ждали этой минуты. Мы знали твердо, что она настанет — писала газета «Кузбасс» 9 мая 1945 г. — В этот день торжество Победы охватило все населенные пункты».

ПОБЕДА

Буравлев Е. С.

*Друзья, нет слов, чтоб радость передать.
Победа! Долгожданная победа!
Ее руками можно щупать, брать.
Она, как тень, идет за нами следом.
В дыханьи ветра, в зелени листвы,
В песке скрипучем, в рокоте прибоя,
В весеннем небе — чувствуете вы? —
Она, как песнь и как вино хмельное.
И хочется забыть про кровь и про войну.
Друзья, поднимем кружки мы вначале
За славу Родины, победу, за весну,
Которую в боях не замечали.
Теперь за тех, кто здесь навек остался
И никогда не возвратится в дом —
Пусть слезы горечи смешаются с вином.
Родные, вот она, победа, за окном!
Давайте гимн, отчизны гимн споем,
Чтоб до нее он эхом расплескался!*

12.00. 8.05.1945 г.

Коса Фриш-Нерунг (Восточная Пруссия)

ГКО ГАК. Ф. Р-1161. Оп. 1. Д. 1. Л. 47. Подлинник. Рукопись. Чернила.

* * *

Небогатов М. А.

*Как жаль: из строя вывело раненье
До дня Победы... С чем его сравню?
Живя в тылу, едва ль найдешь сравненье
Тому всемирно праздничному дню...*

*Он был такой огромный, точно море,
Лучами озаренное насквозь,
В котором наше счастье, наше горе
Слезами, словно волнами, слилось...*

ГКО ГАК. Ф. Р-1250. Оп. 1. Д. 108. Л. 33. Подлинник. Машинопись.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

а. п. — артиллерийский полк
АПАБ — артиллерийский антибронетанковый полк
артполк — артиллерийский полк
артучилище — артиллерийское училище
б-н — батальон
б/у — бывшие в употреблении
в/врач — военный врач
ВКП (б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ — Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
ВЦСПС — Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов
г — грамм
г. — город
га — гектар
гв. — гвардейский
ГКО — Государственный Комитет Обороны
ГКУ ГАК — Государственное казенное учреждение «Государственный архив Кузбасса»
гл. — главный
ГЛР — госпиталь для легкораненых
горком — городской комитет
горкомхоз — городское коммунальное хозяйство
ГРЭС — государственная районная электростанция
д. — дело
д. — деревня
детсад — детский сад
дзот — долговременная замаскированная огневая точка
ДК — Дворец культуры
ДМА — диметиланилин

дот — долговременная огневая точка
ж/д — железная дорога
жел.-дор. — железнодорожная
зав. — заведующий
заградотряд — заградительный отряд
зам. — заместитель
замполит — заместитель командира по политической части
ЗиС — противотанковая пушка, название получила по заводу-изготовителю (Завод имени Сталина)
им. — имени
ИТР — инженерно-технические работники
к-з — колхоз
Кавдивизия — кавалерийская дивизия
кг — килограмм
кирзавод — кирпичный завод
км — километр
КМК — Кузнецкий металлургический комбинат
ком. — командир
КП — командный пункт
КП — Коммунистическая партия
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
КЭМЗ — Кемеровский электромеханический завод
л. — лист
л-т — лейтенант
ЛПХ — Лесопромышленное хозяйство (леспромхоз)
м-ц — месяц
МВО — Московский военный округ
мед. — медицинская
медсанбат — медико-санитарный батальон

мин. — минут
 мл. — младший
 млн. — миллион
 мм — миллиметр
 МСБ — медико-санитарный батальон
 нач. — начальник
 НЗ — неприкосновенный запас
 НП — наблюдательный пункт
 обком — областной комитет
 обл. — область
 оп. — опись
 ОП — огневая позиция
 ОРС — отдел рабочего снабжения
 отд. — отдельный
 п/о — производственное объединение
 п-ов — полуостров
 ПВО — противовоздушная оборона
 пом. — помощник
 ППГ — полевой подвижный госпиталь
 ППШ — пистолет-пулемет Шпагина
 промакадемия — Всесоюзная промышленная академия
 профсоюз — профессиональный союз
 ПТР — противотанковое ружье
 ПХГ — полевой хирургический госпиталь
 ПЭМЗ — Прокопьевский электро-механический завод
 р. — река
 р-н — район
 райисполком — районный исполнительный комитет
 райком — районный комитет
 РК — районный комитет
 РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

руб. — рубль
 с. — село
 с-з — совхоз
 с/х — сельскохозяйственный
 санинструктор — санитарный инструктор
 санпункт — санитарный пункт
 санрота — санитарная рота
 с. д. — стрелковая дивизия
 серж. — сержант
 СибВО — Сибирский военный округ
 см — сантиметр
 Совинфобюро — Советское информационное бюро
 с. п. — стрелковый полк
 сл. — служба
 СС — «охранные отряды», военизированные формирования Национал-социалистической немецкой рабочей партии
 СССР — Союз Советских Социалистических Республик
 ст. — старший
 ст. — станция
 ст. — степень
 стр. — стрелковый
 т — тонна
 т. — товарищ
 техн. — техник
 трампарк — трамвайный парк
 ТТ — пистолет Тульский Токарева
 ф. — фонд
 х/б — хлопчатобумажная ткань
 химвзвод — химический взвод
 хозвзвод — хозяйственный взвод
 ЦК — центральный комитет
 чел. — человек
 ЧП — чрезвычайное происшествие
 шахтком — шахтовый комитет
 эвак. — эвакуационный
 ЭГ — эвакуационный госпиталь

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Акулов М. Р., Анисков В. Т., Васильев В. А., Кузнецов И. И. Подвиг земли богатырской (Сибирь в годы ВОВ 1941–1945 гг.). - М., 1970. - 364 с.
- Баринов Д. Н., Бобров В. М., Денискин Б. А. Гвардейский Нежинский Кузбасский. - Кемерово, 1985. - 256 с.
- Верховцева З. П. Вместе сражались за Родину. Освобождение Белоруссии. - Кемерово, 2004. - 148 с.
- Верховцева З. П. Рубежи бессмертия. (Кузбассовцы в боях за Родину). - Кемерово, 1967. - 152 с.
- Верховцева З. П. Стояли насмерть. - Кемерово, 1984. - 352 с.
- Верховцева З. П. Стояли насмерть во имя жизни. - Кемерово, 2006. - 464 с.
- Верховцева З. П. Солдаты Сибири. - Кемерово, 1978. - 336 с. или Кемерово, 1985. - 384 с.
- Вспомним мы походы и былые годы... - Новокузнецк, 2000. - 381 с.
- Герои тыла. Сборник воспоминаний и фотодокументов. - Кемерово, 2012. - 415 с.
- Доблестный труд рабочих, крестьян, интеллигенции Новосибирской области в годы ВОВ (1941–1945 гг.). Сборник документов. - Новосибирск, 1964. - 396 с.
- Докучаев Г. А. Сибирский тыл в Великой Отечественной войне. - Новосибирск, 1968. - 322 с.
- Зазвучавшие вновь голоса. Воспоминания бывших малолетних узников фашизма. - Кемерово, 2010. - 336 с.
- Зайцев П. П. От Сибири до Прибалтики. - Кемерово, 1974. - 144 с.
- Зелкин И. И. Кузнецкий угольный бассейн в годы Великой Отечественной войны. - М., 1969. - 187 с.
- Из истории комсомольских организаций Кузбасса. Материалы научной конференции, посвященной 50-летию ВЛКСМ. - Кемерово, 1969. - 180 с.
- Из истории комсомольских организаций Кузбасса. - Вып. 2. Материалы II научной конференции. - Кемерово, 1971. - 268 с.
- Из истории комсомольских организаций Кузбасса. - Вып. 3. Кемерово, 1973. - 132 с.
- Из истории комсомольских организаций Кузбасса. - Вып. 4. - Кемерово, 1974. - 136 с.

- Картавенко М. В. Костер полковника Корчагина. - Кемерово, 1984. - 144 с.
- Кемеровская комсомольская. Из истории Кемеровской городской комсомольской организации. - Кемерово, 1980. - 88 с.
- Кемеровчане в годы войны 1941–1945 гг. - Кемерово, 1996. - 276 с.
- Комсомольская юность Кузбасса, 1943–2013. - Кемерово: Красный квадрат, 2013. - 23 с.
- Кузбасс в годы Великой Отечественной войны. - Кемерово, 1986. - 138 с.
- Кузнецов И. И. Герои Советского Союза - Кузбассовцы. - Иркутск, 1989. - 168 с.
- Место назначения - фронт. Сборник воспоминаний. - Кемерово, 1970. - 356 с.
- Микельсон Т. П. Ветераны Кузбасса. Помним, верим, живем. - Кемерово, 2005. - 271 с.
- Непридуманные рассказы о войне. Сборник документальных материалов. - Кемерово, 2012. - 269 с.
- Николай Спиридонович Ермаков. Штрихи к портрету. - Новокузнецк, 1999. - 150 с.
- «Они писали о войне». Сборник документальных материалов. - Кемерово, 2015. - 94 с.
- Память вечно жива. Сборник воспоминаний. - Кемерово, 1995. - 69 с.
- Партийные организации Кузбасса в годы в Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). - Т.1 (июнь 1941–декабрь 1942 гг.). - Кемерово, 1962. - 227 с.
- Паюсов П. Верность долгу. Воспоминания. - Кемерово, 1998. - 152 с.
- Письма отцовского наказа. - Кемерово, 1987. - 248 с.
- Победа остается молодой. Сборник документальных материалов. - Кемерово, 2006. - 272 с.
- Прокопьевск: вклад в Победу. - Новокузнецк, 1995. - 302 с.
- Прокопьевский район. Жить, чтобы помнить. 1945–2005. Сборник воспоминаний. - Кемерово, 2005. - 311 с.
- Рязанов П. Е. Фронтовики вспоминают... Ленинск-Кузнецкий, 1995. - 87 с.
- Священная война. Сборник научных трудов. - Кемерово, 2010. - 348 с.
- Сибирская добровольческая. - Новосибирск, 1967. - 359 с.
- Сибирский характер. Сборник статей. - Кемерово, 1963. - 331 с.
- Судьбы солдатские. - Кемерово, 1993. - 190 с.
- Такой нам выпал жребий. Сборник воспоминаний. - Кемерово, 1989. - 173 с.
- Трудящиеся Сибири - фронту. - Новосибирск, 1975. - 260 с.
- Этот день мы приближали, как могли. - Кемерово, 2005. - 261 с.
- 65 лет победы. Судьбы, опаленные войной. Участники Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. - Кемерово, 2010. - 95 с.
- Шуранов Н. П. Кузбасс - фронту. - Кемерово, 1995. - 120 с.

В ПАМЯТИ СЕРДЦА ЭХО ВОЙНЫ

Сборник
документальных материалов

Редактор — Г. Т. Шалакин
Тех. редактор — С. А. Скобликов

Сдано в набор 27.01.2020. Подписано в печать 23.03.2020.
Бумага мелованная. Печать офсетная. Формат 100×70/16.
Усл. печ. л. 28,6. Тираж 500 экз. Заказ № 807.

Подготовлено к печати ООО «Примула»
650021, г. Кемерово, ул. Дружбы, 31.
primulaprint@mail.ru

Отпечатано
ООО «Технопринт».
650070, г. Кемерово, ул. Тухачевского, 31, стр. 3, оф. 6.

дания бюро Кемеровского городского

От 22-го июня 1941 г. о

с 23-х часов до 24-х час

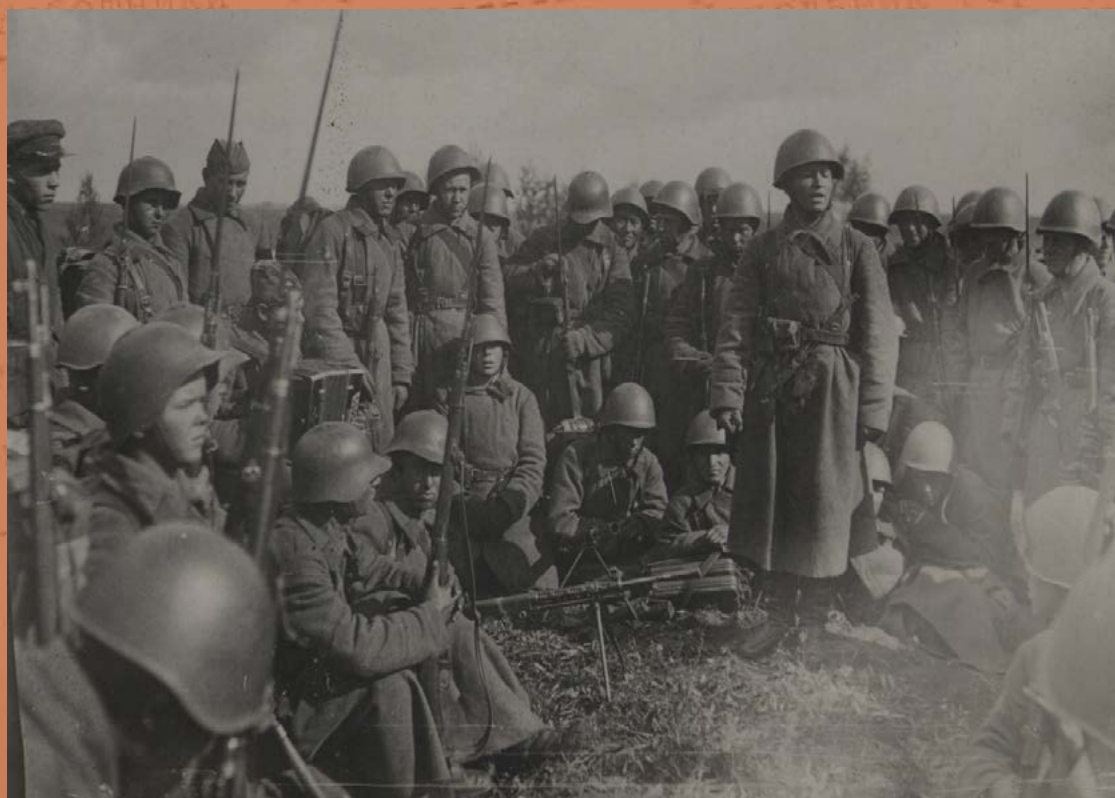
Члены бюро горкома ВКП(б): т.т. Казанский, Абро

Гяповалов, Кучерова, Козырев.

горкома ВКП(б): т.т. Тарасов, Иваниц

Родов, Казанская.

горотдела

Мой боевой путь

В Кузбассе живут небольшие на

которые до Советской

всей, дейной в та

их лесов

ВАУ

АРПИ

ДОНОМАР

ЛЕ

ЕНЕ

ИМ

ЛА 3